

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры
Бюджетное учреждение ХМАО – Югры
«Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ

VESTNIK UGROVEDENIA

Научно-теоретический и методический журнал

№ 4 (19) 2014

Ханты-Мансийск
2014

Научно-теоретический и методический журнал «Вестник угроведения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, свидетельство ПИ № ФС 77-45532 от 16 июня 2011 года.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ (НЭБ) – главном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Сподина Виктория Ивановна, кандидат исторических наук, директор БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск) – **главный редактор**; *Косинцева Елена Викторовна*, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора по науке БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск) – **заместитель главного редактора**; *Попова Светлана Алексеевна*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск) – **ответственный редактор**; *Айтин Еремей Данилович*, кандидат политических наук, заместитель Председателя Думы ХМАО – Югры (Ханты-Мансийск); *Андреева Людмила Анатольевна*, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет» – **редактор английского текста** (Ханты-Мансийск); *Бурыкин Алексей Алексеевич*, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); *Визель Татьяна Григорьевна*, доктор психологических наук, профессор, действительный член (академик) РАМТН, главный научный сотрудник НИИ психиатрии (Москва); *Динисламова Светлана Силиверстовна*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск); *Киселев Александр Георгиевич*, доктор исторических наук, доцент, профессор Гжельского государственного художественно-промышленного института (Московская область); *Козырева Татьяна Викторовна*, кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск); *Корчин Владимир Иванович*, доктор медицинских наук, действительный член (академик) РАЕН, профессор БУ ВО ХМАО – Югры «Ханты-Мансийская государственная медицинская академия» (Ханты-Мансийск); *Кошкарева Наталья Борисовна*, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск); *Куриков Владимир Михайлович*, доктор экономических наук, действительный член (академик) РАЕН, советник Председателя Думы ХМАО – Югры (Ханты-Мансийск); *Лобова Вера Александровна*, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, действительный член (академик) РАМТН, действительный член (академик) ЕАЕ, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск); *Молданова Татьяна Александровна*, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск); *Савин Алексей Эдуардович*, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва); *Семенов Александр Николаевич*, доктор педагогических наук, профессор АУ ХМАО – Югры «Институт развития образования» (Ханты-Мансийск); *Скрибник Елена Константиновна*, доктор филологических наук, профессор Института Уралолистики Мюнхенского университета (г. Мюнхен, Германия); *Соловар Валентина Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск); *Харамзин Терентий Герасимович*, доктор социологических наук, действительный член (академик) РАЕН (Ханты-Мансийск); *Чепреги Марта*, доктор философии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Л. Этвеша (Будапешт, Венгрия); *Шиянова Анастасия Антоновна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник БУ ХМАО – Югры ОУИПИИР (Ханты-Мансийск) – **технический редактор**.

Вестник угроведения = Vestnik Ugrovedenia. № 4 (19): Научно-теоретический и методический журнал. – Ханты-Мансийск, 2014. – 200 с.

© Авторы статей, 2014

© Вестник угроведения, 2014

Scientific-theoretical and methodological journal «Bulletin of Ugric studies» is registered in the Federal Service for Supervision of Telecommunications, Information Technology and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) of the Ministry of Telecommunications and Mass Communications of Russian Federation, certificate of PI № FS 77-45532 on June 16, 2011.

The journal is presented in the leading libraries of the country, in the SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY (SEL) – the main executor of the project on creation of the Russian index of scientific citation (RISC).

THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Spodina Victoria Ivanovna, candidate of historical sciences, Director of the Budgetary Institution (BI) KMAO-Yugra “Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development” (OUIPIIR) (Khanty-Mansiysk) – **editor-in-chief**; *Kosintseva Elena Victorovna*, doctor of philological sciences, associate professor, Deputy Director for science of the BI KMAO-Yugra OUIPIIR (Khanty-Mansiysk) – **deputy editor-in-chief**; *Popova Svetlana Alekseyevna*, candidate of historical sciences, Leading researcher of the BI KMAO-Yugra OUIPIIR (Khanty-Mansiysk) – **executive editor**; *Aipin Eremey Danilovich*, candidate of political sciences, Deputy Chairman of the Duma of KMAO-Yugra (Khanty-Mansiysk); *Andreyeva Lyudmila Anatolyevna*, candidate of philological sciences; assistant professor of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education (FGBOU VPO) “Yugra State University” (Khanty-Mansiysk) – **English text editor**; *Burykin Aleksey Alekseyevich*, doctor of philological sciences, doctor of historical sciences, Leading researcher of the Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences (RAS) (St.-Petersburg); *Vizel Tatyana Grigoryevna*, doctor of psychological sciences, professor, full member (academician) of Russian Academy of Medical and Technical Sciences (RAMTS), chief researcher of the Scientific-Research Institute of Psychiatry (Moscow); *Dinislamova Svetlana Siliverstovna*, candidate of philological sciences, Leading researcher of the BI KMAO-Yugra “Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Developments” (Khanty-Mansiysk); *Kiselev Aleksandr Georgiyevich*, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the Gzhel State Art and Industry Institute (Moscow region); *Kozyreva Tatyana Victorovna*, candidate of sociological sciences, assistant professor of FGBOU VPO “Yugra State University” (Khanty-Mansiysk); *Korchin Vladimir Ivanovich*, doctor of medicine, professor, full member (academician) of Russian Academy of Natural Sciences (RANS), professor of the BI VO KMAO-Yugra “Khanty-Mansiysk State Medical Academy” (Khanty-Mansiysk); *Koshkareva Natalya Borisovna*, doctor of philological sciences, associate professor, Leading Researcher of the Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk); *Kurikov Vladimir Mikhailovich*, doctor of economic sciences, professor, full member (academician) of RANS, adviser of chairman of the Duma of KMAO-Yugra (Khanty-Mansiysk); *Lobova Vera Aleksandrovna*, candidate of psychological sciences, professor of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), full member (academician) of RAMTS, full member (academician) of the European Academy of Natural Sciences (EANS), Leading Researcher of the BI KMAO-Yugra OUIPIIR (Khanty-Mansiysk); *Moldanova Tatyana Aleksandrovna*, candidate of historical sciences, assistant professor of the FGBOU VPO “Yugra State University” (Khanty-Mansiysk); *Savin Aleksey Eduardovich*, doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Institute of Philosophy RAS (Moscow); *Semenov Aleksandr Nikolayevich*, doctor of pedagogical sciences, professor of the AI KMAO-Yugra “Institute for Educational Development” (Khanty-Mansiysk); *Skribnik Elena Konstantinovna*, doctor of philological sciences, professor of the Uralic studies Institute of Munich University (Munich, Germany); *Solovar Valentina Nikolayevna*, doctor of philological sciences, associate professor, head of the Department of the BI KMAO-Yugra OUIPIIR (Khanty-Mansiysk); *Kharamzin Terentiy Gerasimovich*, doctor of sociological sciences, full member (academician) of RANS (Khanty-Mansiysk); *Csepregi Marta*, doctor of philosophy, assistant professor of the Department of Finno-Ugric Studies of the Eotvos Lorand University (Budapest, Hungary); *Shiyanova Anastasiya Antonovna*, candidate of philological sciences, researcher of the BI KMAO-Yugra OUIPIIR (Khanty-Mansiysk) – **technical editor**.

Bulletin of Ugric studies = Vestnik Ugrovedenia. № 4 (19): Scientific-theoretical and methodological journal. – Khanty-Mansiysk, 2014. – 200 p.

© The authors of the articles, 2014

© Bulletin of Ugric studies, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Андреева Л.А.</i> Функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке	8
<i>Бакшеева М.Г.</i> Гендерные особенности вербального восприятия ойконима Ханты-Мансийск	16
<i>Бурькин А.А.</i> О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки	21
<i>Гришин Д.А.</i> Речевые акты как одно из средств реализации концепта в мордовских языках	34
<i>Динисламова С.С.</i> Творчество Ю. Шесталова в оценках отечественных и зарубежных исследователей	38
<i>Исламова Ю.В.</i> Монография А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» как источник топонимической информации	53
<i>Моськина С.И.</i> Глаголообразующие модели в мокшанском языке	57
<i>Рябов И.Н.</i> Словообразовательные ступени производности в эрзянском языке	62

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

<i>Еремеева Л.И.</i> Сотрудничество и сотворчество как основа эффективной деятельности высшей школы в Югре	68
<i>Лобова В.А., Логинов С.И., Ковешников А.А.</i> Психофункциональное состояние и работоспособность у работников вахтовых бригад	74

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Козырева Т.В.</i> Роль веры в научном познании	89
---	----

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

<i>Волдина Т.В.</i> Отражение реинкарнации в фольклоре обских угров	98
<i>Ершов М.Ф.</i> Контрфактическое моделирование в историко-литературных источниках: к постановке проблемы	105
<i>Молданова Т.А.</i> Этническая культура в детских этнических стойбищах Югры	116
<i>Сподина В.И.</i> Соматический код традиционной культуры: пищеварительная и выделительная системы	124

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Ковешников А.А.</i> Распространенность алкоголизма среди молодежи разных этнических групп на территории северного региона (обзор литературы)	132
<i>Корчина Т.Я., Кузьменко А.П., Гребенюк В.Н.</i> Физиологические особенности питания медицинских работников скорой помощи г. Ханты-Мансийска	145
<i>Кыласов А.В., Тедорадзе А.С.</i> Проблемы сохранения и развития традиционной борьбы нюл-тахли	156

Мызников С.А. Вселенская неутолимость познания. А.А. Бурькину 60 лет 175

ЭКСПЕДИЦИИ, МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шиянова А.А. Корпус парных слов хантыйского языка шурышкарского диалекта
(материалы экспедиции при грантовой поддержке Фонда Михаила Прохорова
«Академическая мобильность» (договор № АМ-6/11) 179

Сведения об авторах 186

Правила оформления материалов 190

Конференции 198

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Andreyeva L.A.</i> Functions of possessive suffixes used with the verb in Mari.....	8
<i>Baksheyeva M.G.</i> Gender differences in verbal perception of the oikonym Khanty-Mansiysk.....	16
<i>Burykin A.A.</i> About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: “ancient”, “new” and “latest” Altaic languages	21
<i>Grishin D.A.</i> Speech acts as one of methods of the concept’s realization in the Mordovian languages	34
<i>Dinislamova S.S.</i> Yuvan Shestalov’s creativity in the evaluation of Russian and foreign researchers.....	38
<i>Islamova Y.V. A.A.</i> Dunin-Gorkavich’s monograph «Tobolsk North» as a source of toponymic information.....	53
<i>Moskina S.I.</i> Verb formation models in Moksha	57
<i>Ryabov I.N.</i> Word-formation grades of the derivation in Erzya	62

PEDAGOGY, PSYCHOLOGY

<i>Eremeyeva L.I.</i> Collaboration and co-creation as the basis of effective activity of the higher education in Yugra	68
<i>Lobova V.A., Loginov S.I., Koveshnikov A.A.</i> Psychofunctional condition and shift team workers’ performance capability	74

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITOLOGY

<i>Kozyreva T.V.</i> The role of belief in scientific knowledge	89
---	----

HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<i>Voldina T.V.</i> The reflection of the idea of reincarnation in Khanty folklore.....	98
<i>Ershov M.F.</i> Counterfactual modeling in historical and literary sources: the problem statement.....	
<i>Moldanova T.A.</i> Ethnic culture in children’s ethnic camps of Yugra	116
<i>Spodina V.I.</i> Somatic code of the traditional culture: the digestive and excretory systems	124

HISTORY OF SCIENCE

<i>Koveshnikov A.A.</i> The prevalence of alcoholism among young people of different ethnic groups in the Northern region (literature review).....	132
<i>Korchina T.Y., Kuzmenko A.P., Grebenuk V.N.</i> Physiological peculiarities of the diet of ambulance workers of Khanty-Mansiysk.....	145
<i>Kylasov A.V., Tedoradze A.S.</i> Problems of preservation and development of nul-tahli traditional wrestling	156
<i>Myznikov S.A.</i> The Universal thirst for knowledge A.A. Burykin’s 60th birthday	175

EXPEDITIONS, RESEARCHES MATERIALS

<i>Shiyanova A.A.</i> The corpus of paired words in the Shuryshkarsky dialect of the Khanty language (materials of the expedition with the grant support of Mikhail Prokhorov Foundation “Academic mobility” (contract No. AM 6/11)	179
---	-----

Our authors	186
--------------------------	-----

Information for the authors	194
--	-----

Conferences	198
--------------------------	-----

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

Функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке

Аннотация. В марийском языке притяжательные суффиксы могут употребляться в сфере многих частей речи. В данной статье рассматриваются функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке. Употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах глагола характерно и для некоторых родственных финно-угорских языков. Отличительной чертой марийского языка следует считать употребление притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. при финитной форме глагола. В марийском языке посессивные суффиксы употребляются при глагольных формах главным образом для обозначения субъекта действия и в указательной или усилительно-выделительной функции. Чаще всего их использование зависит от желания говорящего выделить, заострить внимание слушателя на субъекте действия или действии, выраженном глагольной формой. Таким образом, в использовании посессивных суффиксов при глагольных формах большую роль играет нарративный фактор.

Ключевые слова: посессивный суффикс, глагол, инфинитная форма глагола, субъект действия, функция, указательная.

L.A. Andreyeva

Functions of possessive suffixes used with the verb in Mari

In the Mari language possessive suffixes can be used in the sphere of many parts of speech. This article deals with the functions of possessive suffixes used with the verb. The usage of possessive suffixes with non-finite verb forms is a specific feature of some other Finno-Ugric languages. A distinctive feature of the Mari language is the usage of the 3rd person singular possessive suffix with finite verb form. In the Mari language possessive suffixes are used with verb forms mainly for designation of the subject of action and in demonstrative or emphatic functions. More often their usage depends on the speaker's desire to emphasize, focus listener's attention on the subject of action or the action expressed by the verb form. Thus, a narrative factor plays a major role in the usage of possessive suffixes.

Keywords: possessive suffix, verb, non-finite verb form, subject of action, function, demonstrative, emphatic.

Употребление притяжательных суффиксов тесно связано с категорией посессивности, которая является одной из универсальных понятийных категорий языка. Её основное значение – это определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. А.А. Ким считает, что «эта категория принадлежит к числу таких лингвистических понятий, исследование которых позволяет вплотную подойти к характеристике языкового сознания – менталитета данного социума» [1, 168]. «В последнее время посессивность рассматривается как универсальное явление», – отмечает К. Писаркова [2, 171]. М.А. Журиная объясняет универсальность этой

категории тем, что «притяжательные отношения выражаются в любом языке, но при этом она (категория притяжательности – А.Л.) может занимать в категориальной системе языка более центральную или более периферийную позицию» [3, 246]. «Смысловое содержание этой категории не является единым, – подчеркивает автор, – т.к. система притяжательных местоимений может быть развитой, но может ограничиваться лишь одной косвенной формой личного местоимения и т.д.» [3, 246]. Например, среди финно-угорских языков некоторые прибалтийско-финские языки (эстонский, ливский, водский) не сохранили притяжательную суффиксацию. Л. Сабо пишет, что

в водском языке притяжательные суффиксы заменены: 1) нулевой формой притяжательности, 2) местоимением ота 'свой', 3) родительным падежом личных местоимений, 4) внешними падежами личных местоимений [4, 90].

В ЛЭС указывается: «В содержательном и формальном аспектах посессивность связана с такими категориями, как детерминация, предикативность, атрибутивность, локативность, семантическая релятивность» [5, 388]. «Особая отмеченность категории посессивности по сравнению с другими категориями языка определяется, – отмечает В.Н. Топоров, – наличием и у языка в целом и у категории посессивности некоего общего ядра» [6, 146]. Этим общим ядром является идея притяжательности. Автор доказывает это так: «Одна из основных функций языка – освоение им мира и усвоение его себе, т.е. тот процесс, который в самом языке передается разными средствами, в совокупности составляющими категорию посессивности» [6, 146]. В продолжение этой мысли в работе В.В. Иванова указывается: «Одной из наиболее поразительных черт категории посессивности является то, что внутри нее «сферы влияния» распределяются по участникам акта речи, т.е. в мире есть то, что определяется как принадлежащее говорящему (или говорящим), слушающему (или слушающим) и всем остальным» [7, 6]. А.В. Головачева представляет категорию посессивности как «пространственную концентрическую (антропоцентрическую) структуру, центром которой является человек, его духовное средоточие (ядро), тело, и далее внешнее пространство, также частично присвоенное ядром, а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира» [8, 45]. Иначе говоря, структуру категории посессивности исследователи объясняют генезисом языкового и человеческого менталитета.

В финно-угорских языках для выражения отношений посессивности существует специальная морфологическая категория притяжательности. Она представлена лично-притяжательными суффиксами: имя-облаемое, снабженное специальным суффиксом, указывает на грамматическое лицо обладателя. Тем не менее, наиболее древним прафинно-угорским (и даже прауральским) способом выражения притяжательных отношений считают употребление немаркированной притяжатель-

ной конструкции, в которой в качестве связывающего средства выступал порядок слов: слово, обозначающее обладателя, предшествовало слову, обозначающему обладаемое [9, 267].

Ученые сходятся во мнении, что посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям [9, 267; 10, 31; 11, 560; 12, 189]. М.Р. Федотов полагает, что «истоки возникновения категории принадлежности нужно было бы искать в урало-алтайской общности языков» [13, 336]. Особый интерес вызывает высказывание Б.А. Серебренникова: «Появление притяжательных суффиксов в агглютинативных языках находится в прямой зависимости от их двух особенностей – первоначального отсутствия родительного падежа и так называемого суффиксального тонуса: в агглютинативных языках есть суффиксы, но нет префиксов» [14, 277]. Автор делает следующее замечание: «Непосредственно притяжательные суффиксы из личных местоимений развиваться не могли. Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений» [14, 279]. Б.А. Серебренников доказывает это тем, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы. В итоге автор заключает: «На базе этих указательных местоимений и развились притяжательные суффиксы. На базе этих же указательных местоимений уже по особой линии развития позднее оформились личные местоимения» [14, 279].

Анализируя факты урало-алтайских языков с точки зрения теории определенности, Д.Г. Кийкбаев приходит к следующему выводу: «аффиксы принадлежности имеют два значения: первое – они указывают на принадлежность предмета тому или иному лицу, т.е. на лицо обладателя, второе – они придают предмету значение определенности, поскольку все аффиксы принадлежности <...> исторически восходят к древнейшим показателям определенности, от которых впоследствии образовались все словоизменительные и словообразовательные аффиксы имен и глаголов, личные, указательные, вопросительные местоимения и частицы» [15, 259]. Вышеизложенное перекликается с мнением некоторых тюрколо-

гов, которые считают, что «личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу, т.е. они аналогичны» [16, 63]. Н.А. Баскаков предположил, что «если личные местоимения не являются прямыми деривативами указательных и субстантивированных местоимений, то они должны быть генетически непосредственно связаны с общим процессом развития указательных (определятельных), притяжательных и субстантивно-личных, а также лично-притяжательных местоимений»¹.

Известно, что посессивные суффиксы в уральских языках означают не только принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функцию. А.И. Кузнецова полагает: «Собственно посессивное значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частотности встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения указательное, определенное, усилительно-выделительное и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммы» [17, 250].

Отмечается, что в некоторых финно-угорских (также самодийских) языках посессивные суффиксы 3-го и 2-го лица, кроме выражения притяжательности, обозначают определенность действия. Ученые полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху [9, 270; 18, 465 и др.]. И. Николаева считает, что понятие определенности не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями. Вместо этого она предлагает следующую классификацию их значений: а) идентификация; б) ассоциативная связь с другим элементом; в) эмпфаза, контраст. Автор указывает, что «ни в одной из этих функций посессивные аффиксы не грамматикализовались полностью; скорее их присутствие обусловлено пресуппозицией, которую несет соответствующее высказывание» [19, 130]. И. Николаева приходит к выводу, что первые две функции типичны для большинства уральских языков, за возможным исключением венгерского и прибалтийско-финских языков [19, 142]. Третья функция посессивных функций (эмпфаза, контраст) характерна

только для марийского, коми, удмуртского языков. И. Николаева, вслед за Б.А. Серебряниковым, считает, что эта функция развилась под влиянием тюркских языков: татарского и чувашского [19, 143]. Факт, что эта функция не встречается в других уральских языках, подтверждает эту гипотезу.

Рассматривая в качестве примера прибалтийско-финские языки (эстонский, вепсский, водский), А.А. Ким утверждает, что «процесс распада системы уральских посессивов ведет к абсолютному сокращению сферы их употребления» [1, 170], с чем нельзя, на наш взгляд, согласиться. Например, в марийском языке притяжательные суффиксы, являясь показателем имен существительных, могут употребляться в сфере многих частей речи. В данной статье рассматриваются функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке.

Употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах глагола характерно и для некоторых родственных финно-угорских языков: мордовским, коми, венгерскому, финскому [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30]. Ученые сходятся во мнении, что употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах связано с происхождением этих категорий слов от имен действия [31, 32, 9, 33]. Эти формы, подобно обычным именам, могли склоняться по падежам и лично-притяжательности; это свойство в отдельных финно-угорских языках, в частности и в марийском, они в разной степени сохранили и после превращения в глагольную форму.

Отличительной чертой марийского языка следует считать употребление притяжательных суффиксов при финитной форме глагола, напр.: *Кузе тыгай сўретым сўретленатие?* [34, 86] 'Как такую картину нарисовал-то?'; *Мо тугай йōратымаи, таче марте паленжат омыл* [35, 58] 'Что такое любовь, до сегодняшнего дня даже и не знал?'; *А мом воитылатие? Тыгай мотор рвезе мыйым ондален ок керт* [36, 99] 'А что смеешься-то? Такой красивый парень не может меня обмануть'.

В марийском языке посессивные суффиксы (далее Рх) употребляются при глагольных формах главным образом в трех функциях: для обозначения субъекта действия, в указательной и усилительно-выделительной.

¹ По материалу Велиева С.А. К истории образования аффикса принадлежности третьего лица // Советская тюркология. – 1985. – № 6. – С. 63

1. Посессивные суффиксы всех лиц и чисел употребляются при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке* в функции обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо состоянии, отношении к действию, названном в глагольной основе. При деепричастии на *-шыла* в луговом варианте марийского языка не используются Rх 1 и 2 л. мн. ч. Посессивный суффикс при деепричастиях на *-н*, *-де* и личной форме глагола в функции обозначения лица не употребляется.

Употребление посессивных суффиксов при глагольных формах в функции обозначения лица может быть обязательным и факультативным. Оно обязательно в следующих случаях: 1) Rх обозначает лицо и число субъекта, который определяется только из контекста, напр.: *Шужар, язутым луд айда, а мый шке пашам дене коштын толам. Ала эше пырляк пёртылашна (InfPx1Pl) перна* [37, 74] 'Сестренка, читай пока свое письмо, а я по своим делам пройду. Может, вместе же возвращаться придется'; 2) лицо, совершающее действие, обозначенное инфинитивом на *-аш*, выражается Rх при инфинитиве и личным местоимением в номинативе в значении дати-ва, напр.: *Тый, Осип Кондратьевич, мыланем полшашет (InfPx2Sg) возеш* [38, 257] 'Тебе (досл. ты), Осип Кондратьевич, придется мне помочь'. Употребление субъекта действия в форме номинатива обуславливает обязательное оформление инфинитива посессивным суффиксом.

Употребление посессивных суффиксов факультативно в следующих случаях: 1) Rх указывает на лицо и число субъекта, который формально выражен в том же предложении, напр.: *Олю, орва гыч вольшыжла, (GšəlaPx3Sg) кычкырал колтыш* [39, 351] 'Оля, спускаясь с телеги, крикнула'; 2) субъект выражается существительным / местоимением в генитиве, существительным / местоимением в дативе и Rх при глагольной форме, напр.: *Пошкудыштын кочкашынит (InfPx3Pl) уке ыле гын, Эвай нунын начар ылыш нерген кумылзак лийын шонен огыл* [40, 10] 'Если у их соседей не было ничего кушать, Эвай не очень охотно думал об их плохой жизни'; *Тыланет курык марий коклаш каяшет (InfPx2Sg) перна* [41, 136] 'Тебе придется пойти к горным марийцам'.

2. Суффикс Rх3Sg при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-н*, *-де*, лич-

ной форме глагола употребляется в указательно-выделительной функции для выражения:

1) анафоры, т.е. вторичного употребления слов, напр.: *Венцов дене вашийын кутыраш амалым кычалыт. Шонет гын, тудым кычалашыжмат (InfPx3Sg) нимолан* [39, 452] 'Ищут причину для того, чтобы поговорить с Венцовым при встрече. Если подумать, ее искать-то не надо'; *Туге гынат тошто эксплуататор класс гыч лекше-влакым шкенан пашашке пеш шекланен пурташ кўлеш, пуртымекшат (GmekePx3Sg), кечын эскераш кўлеш* [38, 47] 'Если и так, выходцев из бывшего класса эксплуататоров в нашу работу надо впускать очень осторожно, даже и впустив, надо наблюдать каждый день'; *Настя кутыраш тўнале. Кузе вет кутыраже (VPx3Sg) эше* [42, 140] 'Настя начала говорить. Как ведь говорит-то еще';

2) ассоциативной маркированности, когда связь интерпретируется через конкретную ситуацию говорения, через контекст, напр.: *Теве тиде жапыште шўшпык муро поснак сылне. [...]. О, кузе тыгай кайык шочынжо (VPx3Sg) кертын!* [39, 447] 'Вот в это время песня соловья особенно красива. О, как только такая птица смогла родиться-то!'; *Эше тельмак Чарла гыч налын конден, манеш. А полкленже (VPx3Sg) теггече гына* [39, 430] 'Еще зимой купил и привез из Казани, говорят. А подарил-то только вчера'.

Использование посессивного суффикса в функции указательно-выделительной частицы является факультативным;

3. Суффикс Rх3Sg при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-н*, *-де*, личной форме глагола, а также суффикс Rх2Sg при инфинитиве на *-аш* и деепричастии на *-мешке* употребляются в усилительно-выделительной функции при:

1) эмфазе, Г. *Лицажсы моло якшаргал шыцшы, шыма шыргымынывлăжым ужмыкетшы (GmekePx2Sg) гынбы, пырыл колтымметок шон колта* [43, 51] 'Лицо ее раскраснелось, а когда увидишь-то ее нежные щеки, укусить даже хочется';

2) контрасте, напр.: *Шергакан вўдым ида веле. Нумалашыже (InfPx3Sg) уке улыда, велен киеда* [44, 153] 'Не разливайте драгоценную воду. Носить-то вас нет, а разливаете'; *Ачан-аван кидыштыже / Каван ўмбал озым улына, / Ег кидышке каймекыже (GmekePx3Sg), / Каван йымал куштыра лийына* [38, 159] 'В руках

родителей / Мы всходы на стоге сена, / А когда попадаем в чужие руки, / Мы будем мусором под стогом сена?

Суффикс Rх2Sg употребляется в народных песнях при инфинитиве на *-аш* и деепричастии на *-мешке* с целью субъективизировать действие, приблизить содержание сообщения к слушателю, напр.: *Йылдырым-йылдырым вүдет йогале, / Пуя пүялашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым колет каяле, / Мурда шындашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым комбет каяле, / Шүльө пуашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым танна каяле, / Шогал мутланашет ышна шу* [38, 265] 'Йылдырым-йылдырым водичка текла, / Не успели пруд запрудить. / Йылдырым-йылдырым рыба ушла, / Не успели мурду поставить. / Йылдырым-йылдырым гуси ушли / Не успели овса дать. / Йылдырым-йылдырым друзья ушли, / Не успели, встав поговорить'; а: *Der-DäK-Don jarlamešket / mužer-Deškäškä pären läkšäš ә'ә / mäloetsäK Don jarlamešket, / pisändeškäškä pären läkšäš ә'ә* [45, 7] 'Вместо того, чтобы расстаться с девушкой, лучше бы побывать (букв. зайти и выйти) в крапивнике / вместо того, чтобы расстаться с парнем, лучше бы побывать в зарослях осота'. С этой же целью суффикс Rх2Sg употребляется в сказках, бай-

ках, устных рассказах, напр.: *Вес ирготлан кейен имн'и нәләшет (InfPх2Sg) и местәшюк йәрен: имн'и тупеш тләдо ырэзы-шәмыц түпелә пижын шынцыныт* [46, 209] 'Пришел на следующее утро за конем и застыл на месте: сидят мальчики верхом на коне задом наперед и прилипли'. Использование посессивного суффикса в данной функции является факультативным и зависит от желания говорящего подчеркнуть слово.

Основной ролью показателя Rх3Sg при глаголе является выделение действия, которое воспринимается как более отдаленное, отчужденное от повествователя, тогда как суффикс Rх2Sg приближает, субъективизирует действие.

Употребление посессивных суффиксов при глагольных формах является довольно распространенным явлением в марийском языке. Чаще всего их использование зависит от желания говорящего выделить, заострить внимание слушателя на субъекте действия (функция обозначения лица) или действию, выраженном глагольной формой (указательная или усиительно-выделительная функция). Таким образом, в использовании посессивных суффиксов при глагольных формах большую роль играет нарративный фактор.

Литература

1. Ким А.А. Общие тенденции развития категории посессивности в уральских языках // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3A. Sessions Sectionum. Debrecen, 1990. P. 168 – 173.*
2. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // *Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974. С. 171 – 176.*
3. Журинская М.А. К исследованию притяжательных отношений // *Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М., 1974. С. 246 – 254.*
4. Сабо Л. Употребление притяжательных суффиксов и способы их замещения в современном водском языке // *Финно-угорская филология. Л., 1962. С. 85 – 100.*
5. *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002.*
6. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // *Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1986. С. 142 – 167.*
7. Иванов В.В. Синхронная и диахроническая типология посессивности // *Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989. С. 5 – 43.*
8. Головачева А.В. Категория посессивности в плане содержания // *Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989. С. 44 – 111.*
9. Майтинская К.Е. Категория лично-притяжательности // *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 267 – 278.*
10. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // *FUF. – 1982. – Band. XLIV. – Heft. 1-3. P. 23 – 42.*
11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // *The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kopenhagen. Köln, 1988. P. 556 – 571.*
12. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // *Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. – Jyväskylä, 1996. S. 189 – 192.*
13. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990.

14. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. М. : Наука, 1971. С. 277 – 282.
15. Киекбаев Д.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа : Китап, 1996.
16. Велиев С.А. К истории образования аффикса принадлежности третьего лица // Советская тюркология. – 1985. – №6. – С. 57 – 64.
17. Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сб. ст. Ижевск, 2003. С. 249 – 259.
18. Comrie B. General features of the Uralic languages // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kölnhaven. Köln, 1988. P. 450 – 477.
19. Николаева И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2003. С. 130 – 145.
20. Керг Г.М. М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (т.н. III инфинитив): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 258 с.
21. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
22. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955.
23. Кокла П. О притяжательных суффиксах в инфинитиве марийского языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964. С. 106 – 111.
24. Учкина В.И. Инфинитив в мордовских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1975. 21 с.
25. Bartens R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979.
26. Прокушева Т.И. Инфинитив в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1981. 167 с.
27. Alhoniemi A. Marin kielioppi. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1985.
28. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. Jyväskylä, 1996. S. 189 – 192.
29. Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaklata. – Debrecen, 2002.
30. Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
31. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964.
32. Кокла П. Притяжательные суффиксы в марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1963. 47 с.
33. Прокушева Т.И. Определенно-притяжательные суффиксы инфинитива и их образование в коми языке // Вопросы лексикологии коми языка: Труды ин-та языка, литературы и истории. – 1979. – № 22. – С. 64 – 78.
34. Кудряшов М. Серыш поран // Ончыко. – 2000. – №2. – С. 72 – 129.
35. Яндак Л. Чоткар // Ончыко. – 2000. – №1. – С. 23 – 84.
36. Иванова А.П. Шинчаваш ончен: Почеламут-влак. Йошкар-Ола, 1988.
37. Мурзашев А. Тӱлдӱ // Ончыко. – 2001. – №9. – С. 25 – 77.
38. Чавайн С.Г. Акпатыр: Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1977.
39. Юксерн В. Кас у́жара: Легенда, ойлымаш, повесть, роман. Йошкар-Ола, 1983.
40. Шкетан, М. Эренер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986.
41. Васин К. Ушнымаш: роман. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1984.
42. Артамонов Ю.М. Кайык у́жын ужата: Повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1980.
43. Ильяков Н.Ф. Айырен нӱлмы произведенийвлӓ, Т. 3. Йошкар-Ола, 1994.
44. Чавайн С.Г. Элнет. Йошкар-Ола, 1967.
45. Wichmann Y. Tšeremissische texte mit Wörterverzeichnis und Grammatikalischem abriß. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953.
46. Иванов И.Г. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.

References

1. Kim A.A. Obshchie tendentsii razvitiya kategorii posessivnosti v ural'skikh yazykakh // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3A. Sessions Sectionum. Debrecen, 1990. P. 168 – 173.
2. Pisarkova K. Posessivnost' kak grammaticheskaya problema (na primere pol'skogo yazyka) // Grammaticheskoe opisanie slavyanskikh yazykov. Kontseptsii i metody. M., 1974. S. 171 – 176.
3. Zhurinskaya M.A. K issledovaniyu prityazhatel'nykh otnosheniy // Aspekty lingvisticheskogo analiza (na materiale yazykov raznykh sistem). M., 1974. S. 246 – 254.
4. Sabo L. Upotreblenie prityazhatel'nykh suffiksov i sposoby ikh zameshcheniya v sovremennom vodskom

yazyke // Finno-ugorskaya filologiya. L., 1962. S. 85 – 100.

5. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. M., 2002.

6. Toporov V.N. O nekotorykh predposylkakh formirovaniya kategorii posessivnosti // Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. M.: Nauka, 1986. S. 142 – 167.

7. Ivanov V.V. Sinkhronnaya i diakhronicheskaya tipologiya posessivnosti // Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. M.: Nauka, 1989. S. 5 – 43.

8. Golovacheva A.V. Kategoriya posessivnosti v plane sodержaniya // Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. M., 1989. S. 44 – 111.

9. Maytinskaya K.E. Kategoriya lichno-prityazhatel'nosti // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov). M.: Nauka, 1974. S. 267 – 278.

10. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. – 1982. – Band. XLIV. – Hebf. 1-3. P. 23 – 42.

11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kbnhvm. Köln, 1988. P. 556 – 571.

12. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. – Jyväskylä, 1996. S. 189 – 192.

13. Fedotov M.R. Chuvashsko-mariyskie yazykovye vzaimosvyazi. Saransk: Izd-vo Saran. un-ta, 1990.

14. Serebrennikov B.A. K probleme proiskhozhdeniya prityazhatel'nykh suffiksov v tyurkskikh i ural'skikh yazykakh // Fonetika. Fonologiya. Grammatika. M.: Nauka, 1971. S. 277 – 282.

15. Kiekbayev D.G. Osnovy istoricheskoy grammatiki uralo-altayskikh yazykov. Ufa : Kitap, 1996.

16. Veliev S.A. K istorii obrazovaniya affiksa prinadlezhnosti tret'ego litsa // Sovetskaya tyurkologiya. – 1985. – №6. – S. 57 – 64.

17. Kuznetsova A.I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglyutinativnykh pokazatelyakh: deykticheskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh // Mezhdunarodnyy simpozium po deykticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii: sb. st. Izhevsk, 2003. S. 249 – 259.

18. Comrie B. General features of the Uralic languages // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kölnhaven. Köln, 1988. P. 450 – 477.

19. Nikolaeva I. Posessivnye affiksy v pragmaticheskoy strukture vyskazyvaniya: dannye ural'skikh yazykov // Mezhdunarodnyy simpozium po deykticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii. Izhevsk, 2003. S. 130 – 145.

20. Kert G.M. M-ovye infinitivnye formy v finskom literaturnom yazyke (t.n. III infinitiv): dis. ... kand. filol. nauk. L., 1953. 258 s.

21. Khakulinen L. Razvitie i struktura finskogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya. M., 1953.

22. Maytinskaya K.E. Vengerskiy yazyk. Ch. 1. Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. M., 1955.

23. Kokla P. O prityazhatel'nykh suffiksakh v infinitive mariyskogo yazyka // Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija: Grammatika i leksikologiya. M.-L., 1964. S. 106 – 111.

24. Uchkina V.I. Infinitiv v mordovskikh yazykakh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1975. 21 s.

25. Bartens R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979.

26. Prokusheva T.I. Infinitiv v komi yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Syktyvkar, 1981. 167 s.

27. Alhoniemi A. Marin kielioppi. Helsinki: Soumalais-ugrilainen seura, 1985.

28. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. Jyväskylä, 1996. S. 189 – 192.

29. Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaktana. – Debrecen, 2002.

30. Tsypanov E.A. Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke. Syktyvkar, 2005.

31. Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Ch. 1. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 1964.

32. Kokla P. Prityazhatel'nye suffiksy v mariyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tallin, 1963. 47 s.

33. Prokusheva T.I. Opredelenno-prityazhatel'nye suffiksy infinitiva i ikh obrazovanie v komi yazyke // Voprosy leksikologii komi yazyka: Trudy in-ta yazyka, literatury i istorii. – 1979. – № 22. – S. 64 – 78.

34. Kudryashov M. Serysh poran // Onchyko. – 2000. – №2. – S. 72 – 129.

35. Yandak L. Chotkar // Onchyko. – 2000. – №1. – S. 23 – 84.

36. Ivanova A.P. Shinchavash onchen: Pochelamut-vlak. Yoshkar-Ola, 1988.

37. Murzashev A. Töldö // Onchyko. – 2001. – №9. – S. 25 – 77.

38. Chavayn S.G. Akpatyr: P'esa-vlak. Yoshkar-Ola, 1977.

39. Yuksern V. Kas ýzhara: Legenda, oylmash, povest', roman. Yoshkar-Ola, 1983.

40. Shketan, M. Erener. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1986.

41. Vasin K. Ushnymash: roman. Yoshkar-Ola: Mariy kniga izd-vo, 1984.

42. Artamonov Yu.M. Kayyk ýzhyn uzhat: Povest' den oylmash-vlak. Yoshkar-Ola: Knigam luksho mariy izd-vo, 1980.

43. Il'yakov N.F. Ayyren nälmy proizvedeniyvä, T. 3. Yoshkar-Ola, 1994.
44. Chavayn S.G. Elnet. Yoshkar-Ola, 1967.
45. Wichmann Y. Tscheremissische texte mit Wörterverzeichnis und Grammatikalischem abriß. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953.
46. Ivanov I.G. Severo-zapadnoe narechie mariyskogo yazyka. Yoshkar-Ola, 1970.

УДК 811.373

М.Г. Бакшеева

Гендерные особенности вербального восприятия ойконима Ханты-Мансийск

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить гендерные особенности вербальных ассоциаций на ойконим Ханты-Мансийск. Несмотря на то, что в настоящее время изучение когнитивной топонимики привлекает внимание исследователей, предпринято совсем немного попыток описания микросистем индивидуальных топонимиконов. Наблюдения над гендерными особенностями восприятия онимов Ханты-Мансийского автономного округа-Югры – шаг на пути изучения не только проблемы раскрытия стереотипов женственности и мужественности, содержащихся в когнитивной сфере носителей языка, но и исследования пересечений индивидуальных представлений людей об окружающей местности.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, ойконим, вербальная ассоциация.

M.G. Baksheeva

Gender differences in verbal perception of the oikonym *Khanty-Mansiysk*

Summary. The article attempts to identify gender differences of verbal associations to the oikonym *Khanty-Mansiysk*. Although currently studying of cognitive toponymy attracts the attention of researchers there are a few attempts to describe microsystems of individual toponymicons. That's why researches on gender differences in perception of proper names of *Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra* is the step on the studying not only the problems of disclosure of stereotypes of femininity and masculinity contained in the cognitive sphere of the native language, but also the studying of the intersections of individual people's conceptions about the surrounding area.

Keywords: gender, gender stereotypes, oikonym, verbal association.

Благодаря широкому обращению к когнитивным аспектам языка, в последнее время перед топонимикой открываются дополнительные перспективы, хотя в изучении когнитивной топонимики предпринято совсем немного попыток. В числе наиболее известных работы Н.Д. Голева, Е.Л. Березович, М.В. Голомидовой, М.Э. Рут, Л.М. Дмитриевой, И.С. Карабулатовой, С.П. Васильевой.

Изучение микросистем индивидуальных топонимиконов приводит к исследованию пересечения индивидуальных представлений людей об окружающей местности. Чем же могут различаться системы миропредставления? Традиционно в числе таких факторов ученые называют национальность, возраст, пол, профессиональную направленность и степень общеязыковой интуиции и компетенции языковой личности.

В статье предпринята попытка выявить гендерные особенности вербальных ассоциаций

на ойконим Ханты-Мансийск.

Современной науке о языке присущ антропоцентризм, предполагающий учет всех особенностей человеческой личности, зафиксированных в языке, в том числе и гендерного параметра. Гендер – это сложное явление, которое активно изучается в социологии, психологии, истории, антропологии, философии, культурологи, лингвистике.

Гендер (или социокультурный пол) – это совокупность социальных и культурных норм, которые приписываются индивиду на основе его биологического пола, соответствующих психологических качеств мужчин и женщин, а также моделей их поведения [2, 116].

В лингвистических исследованиях под гендером понимают социокультурный (а не биологический) пол человека. Это значит, что от природы человек обладает полом, однако его окончательный выбор – мужская или женская модель поведения, в том числе и языковая,

– формируется в обществе. Одно из актуальных направлений исследования – изучение проблемы соотношения гендерного фактора и языка. Лингвистическая гендерология позволяет рассматривать язык как инструмент, воспроизводящий гендерные стереотипы в социальной практике. Гендерные исследования сосредоточены на стереотипных представлениях о женских и мужских ролях и качествах.

В лингвистике проблема гендера изучается в двух направлениях:

1) исследуется проявление гендера в языке, что составляет предмет феминистской лингвистики, цель которой – изучить закрепленное в языке мужское доминирование;

2) анализируется реализация гендера в речи, т.е. проявление пола в речевом поведении и различия в речи мужчин и женщин.

Различия в речевом поведении человека, обусловленные его полом, имеют место во всех уровнях языка, охватывают все элементы языковой системы. На степень проявления различий влияет целая система факторов (от этнических и социокультурных до индивидуально-психологических). Ключевые концепты любой культуры, определяющие сферу межличностного взаимодействия и формирующие языковую личность, являются концепты «женственности» и «мужественности». Язык не просто отражает существующую в обществе гендерную дифференциацию, но и непосредственно конструирует гендерные различия [3, 119].

Гендерность означает половую принадлежность, самосознание себя как представителя определенного пола. Гендерность языковой личности осознается нами как прагматически ценностный признак, свой взгляд на вещи, свое мироощущение, органическая часть целого. Женский и мужской подходы к восприятию имени собственного различны, разительно отличаются по следующим параметрам: мягкий – жесткий, гармоничный – более практичный и др.

Самая простая модель гендерных стереотипов: мужская – ассоциация с силой, энергичностью, грубостью, агрессивностью, расщепленностью, а женское начало – с мягкостью, пассивностью, эмоциональностью, иррациональностью [6, 25-26].

Лингвистические исследования гендера в «Гендерной стилистике» [2009] О.В. Пермяковой, М.В. Гаранович показали, и мы учтем эти

данные, выдвигая гипотезу нашей работы, что речь женщин, по сравнению с речью мужчин, эмоциональнее, женщины реже используют вульгарную лексику, но более склонны употреблять эвфемизмы, междометия, прилагательные, наречия, выражающие положительную оценку. Для мужчин характерно использование стилистически сниженных оценочных средств, профессионализмов, терминов. При описании и метафоризации женщины прибегают к семантическим полям, связанным с бытом, природой, животными, мужчины – со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами. В то же время выявленные отличия нельзя считать универсальными, т.к. речевое поведение конкретных женщин и мужчин часто зависит от окружения, в котором происходит общение, от социального и культурного уровня коммуникантов. Нередко в речи женщин проявляются черты, присущие мужскому типу поведения, и наоборот. Следовательно, не существует собственно «мужского языка» и собственно «женского языка». Гендер является «плавающим» параметром, влияющим на коммуникативное поведение человека.

Итак, изучение гендерного фактора в языке позволяет лингвистам утверждать, что в гендерную систему входят: гендерные стереотипы – принятые в обществе представления и мускулинности и феминности, гендерные роли – набор образцов поведения, ожидаемых от мужчин и женщин, а также гендерная идентичность – характеристика человека по его принадлежности к мужчинам или женщинам (они зависят во многом от истории и культуры конкретного народа, в большинстве культур сформировалось стереотипное представление о женщине как существе слабом, подчиненном и нерациональном).

Наши наблюдения над гендерными особенностями восприятия онимов ХМАО – шаг на пути изучения проблемы раскрытия стереотипов женственности и мужественности, содержащихся в когнитивной сфере носителей языка.

Гипотеза исследования – гендер является «плавающим» параметром, влияющим на выбор вербальных ассоциаций на предложенный в эксперименте топоним.

Цель работы – выявить гендерные особенности вербальных ассоциаций на ойконим Ханты-Мансийск. Она обуславливает решение следующих задач:

1) провести ассоциативный эксперимент, взяв в качестве стимула ойконим Ханты-Мансийск;

2) проанализировать словесные ассоциации студентов Югорского государственного университета;

3) выявить наиболее стандартные (стереотипные) для данного социума слова-реакции;

4) высказать предположения о гендерных особенностях восприятия регионального онома.

Для решения поставленных задач был проведен ассоциативный эксперимент. В ассоциативном эксперименте приняло участие 48 студентов 1 курса Югорского государственного университета. 15 человек – представители мужского пола; 32 человека – женского пола.

Состав участников ассоциативного эксперимента обусловлен целью и поставленными задачами: ответить на вопрос, проявляются ли половые различия в ассоциациях на ойконим Ханты-Мансийск (на уровне тематики, языка и психолингвистики). Оказывают ли гендерные стереотипы влияние на выбор реакции? При этом гипотеза исследования в том, что различия может и не быть – женщины все чаще стали мыслить по-мужски.

В задании испытуемым было предложено записать первые пришедшие в голову слова на географическое название – стимул – Ханты-Мансийск. Время – 1 минута, количество реакций не ограничивалось.

При выборе онома-стимула мы руководствовались тем, что оном знаком всем участникам эксперимента, что позволит выяснить, будут ли реакции на топоним собственно языковыми, или связанными с восприятием места (самого города).

В энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа «Югория» [7, 275] сообщается:

«Ханты-Мансийск – город, центр округа и района. Расположен на правом берегу р. Иртыш в 16 километрах от его впадения в Обь.

1637 г. – Самаровский Ям (впоследствии с. Самарово).

В 5 км. От Самарово в 1931 г. начинается строительство центра Остяко-Вогульского национального округа.

Остяко-Вогульск (с 1932 по 1940 г.г.).

Статус города с 1950 г. Объединившись с Самарово, становится центром Ханты-Мансийского района.

Развивается как административный, культурный и финансовый центр округа, центр нефтедобывающей промышленности, научный центр».

В результате ассоциативного эксперимента был получен набор реакций, который упорядочен по частотности: вначале реакция, названная первой большинством испытуемых. Этот упорядоченный набор реакций будем считать вербальным ассоциативным полем топонима-стимула.

Структурно в вербальном ассоциативном поле выделяется центр (ядро) – наиболее частотные реакции и периферия – единичные реакции, личностно значимые фрагменты картины мира индивида. Данная скользящая шкала условно принимается за ассоциативную норму топонима, именно она определяет стандарт, в котором отражены актуальные для сознания носителей языка особенности семантики исходного слова-стимула.

Пытаясь выявить гендерные особенности вербальных реакций студентов, целесообразным показалось выстраивать вербальное ассоциативное поле, акцентируя внимание на сходствах и различиях восприятия лиц мужского и женского пола.

Наблюдения над полученными в ходе ассоциативного эксперимента вербальными реакциями на топоним Ханты-Мансийск представителей мужского и женского пола, проживающих на территории ХМАО – Югра, позволяют сделать предварительные выводы:

1. Поскольку студенты вне зависимости от половой принадлежности знакомы с топонимом, то ассоциируют географическое наименование с самим объектом и предлагают в качестве ассоциаций лексемы, условно объединенные нами в тематическую группу «географическая привязка» – город, столица, Югра, региональный центр, округ, родной край, родина, Западная Сибирь, Самарово, Северный край, Иртыш (64%). Кроме указанной тематической группы, в центре ассоциативного поля в основном «женские» вербальные реакции, входящие в тематические группы: «коренной этнос» – ханты и манси (12%), «учебное заведение» – ЮГУ (10%), «климатические условия» – снег, мороз, холод, ветер, лед, север, зима (7%), «спорт» – лыжи, биатлон, шахматы (5%), «животный и растительный мир» – олени, раба, тайга. На периферии вербального ассоциативного поля

ойконима Ханты-Мансийск реакции, входящие в тематические объединения – «полезные ископаемые» – нефть и газ, «тем или иным способом выраженные положительные и отрицательные эмоции» – красивый, маленький, большой, очумевший, клевый, культурный, Мухосранск, развивающийся, строящийся, дружелюбие, красота, круто, нищета, уют, озеленение, хорошие (дороги, люди), контраст, незабота о людях (по 1%). Заметим, что, несмотря на отсутствие в задании ограничений на количество словесных реакций, юноши в 90% случаев ограничивались одной лексемой. Девушки же предлагали не менее 2-3 словесных реакций.

2. С точки зрения формально-грамматических особенностей ответы респондентов представлены в наших материалах в основном реакциями – словосочетаниями, в том числе многокомпонентными (своя личная жизнь, северный холодный климат, одиннадцатое отделение связи), и словоформами. Реакции предложения (Ханты-Мансийск – город очумевших и офонаревших, город спорта и будущего, Мало услуг для необеспеченных слоев) и словосочетания по типу согласования (в основном) и управления – родной край, гостинный двор, внешнее богатство, высокие цены, красивая архитектура, хорошие люди, суровые зимы; 3-4 часа езды, Парк Победы, Центр искусств, незабота о людях – встречаются только у представительниц женского пола. Вербальные реакции прекрасной половины человечества изобилуют прилагательными, встречаются и причастия (развивающийся, строящийся).

3. По Мартинович [4, 29-30], все виды вербальных ассоциаций представляют собой частные случаи двух наиболее общих типов – ассоциаций по смежности (во времени и пространстве) и ассоциаций по сходству. Помимо ассоциативных пар, в которых ответ-реакция связаны непосредственно, в наших материалах встречаются опосредованные ассоциации (посредством некоего третьего члена).

К непосредственным ассоциациям по смежности относятся все реакции – наименования частей города Ханты-Мансийска, достопримечательностей – Югу, Территория первых, храм, ТРК «Югра», Гостиный двор, Дума, фонтан, музей, парк Победы, Мединститут, Самарово, общага. Они встречаются незави-

симо от пола, хотя языковое разнообразие характерно для ответов девушек.

Опосредованные реакции по сходству отражают внутренний мир человека, в этом случае ответы-реакции являются обозначениями признака, выраженного прилагательным, причастием, оценочным существительным или наречием – быдло и гопы, чудо, красота, уют, весело, красиво, нищета, любовь. Подобные реакции также чаще предлагают девушки.

Итак, в процессе анализа выяснилось, что вербальные топонимические ассоциации отражают гендерные стереотипы, существующие в обществе. Полученные экспериментальные данные позволяют говорить о том, что с лингвистической точки зрения реакции студентов мужского и женского пола во многом отличаются друг от друга:

- словарный запас девушек значительно богаче, чем у юношей, и по количеству реакций на предложенный ойконим, и по тематике;

- тематика словесных реакций девушек гораздо шире, чем у юношей – от личных переживаний до политической жизни страны;

- на 90% ассоциации юношей представлены смежными реакциями, в то время как до 40% женских реакций по сходству являются опосредованными;

- по структуре юноши в качестве ответов предлагали ассоциации – словоформы, девушки – словоформы, словосочетания, предложные конструкции.

Необходимо отметить и сходства:

- в центре вербального ассоциативного поля представителей обоих полов – географическая привязка;

- периферия – общие ассоциации с полезными ископаемыми и эмоциями, в последнем случае у девушек чаще, чем у юношей, встречаются оценки как положительные, так и отрицательные, выраженные нелитературными средствами: круто, клёво, офонаревший, очумевший, Мухосранск.

Таким образом, наши материалы показали, что на уровне языка различия мужских и женских ассоциаций на топоним очевидны. Однако самая простая модель стереотипов не подтверждается: в числе женских вербальных ассоциаций языковые единицы, не свойственные женскому речевому стереотипу, это позволяет сделать вывод о том, что гендерные языковые различия носят вероятностный и вариативный характер в рамках определенного

коммуникативного намерения субъекта речи.

Выводы неслучайно названы предварительными, т.к. наблюдений над одним именем собственным явно не достаточно, мы толь-

ко в начале пути. Кроме того, в перспективе исследования могут быть проанализированы профессиональные особенности восприятия топонимов.

Литература:

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М., 1993.
2. Каражаева Э.И. Гендерная асимметрия в русской, английской и осетинской паремии в семантическом поле «семья / супружество» // Вопросы филологии. – 2011. – №1. – С. 116 – 117.
3. Касумова А.Ю. Лингвокультурологический аспект гендерных репрезентаций // Русский язык: исторические судьбы и современность // Международный конгресс исследователей русского языка. М.: МГУ, 2004. - С. 118-119.
4. Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб., 1997. 78 с.
5. Пермякова О.В., Гаранович М.В. Гендерная стилистика. Пермь, 2009. 158 с.
6. Сафонова О.Н. Влияние гендерного фактора на семантику и употребление прилагательных // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006г.). Казань, 2006. С. 25-26.
7. Югория / Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. Ханты-Мансийск, 2000. 385 с.

References

1. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi // Russkiy yazyk v ego funktsionirovani. M., 1993.
2. Karazhaeva E.I. Gendernaya asimetriya v russkoy, angliyskoy i osetinskoy paremii v semanticheskom pole «sem'ya / supruzhestvo» // Voprosy filologii. – 2011. – №1. – S. 116 – 117.
3. Kasumova A.Yu. Lingvokul'turologicheskiy aspekt gendernykh reprezentatsiy // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' // Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka. M.: MGU, 2004. - S. 118-119.
4. Martinovich G.A. Verbal'nye assotsiatsii v assotsiativnom eksperimente. SPb., 1997. 78 s.
5. Permyakova O.V., Garanovich M.V. Gendernaya stilistika. Perm', 2009. 158 s.
6. Safonova O.N. Vliyanie gendernogo faktora na semantiku i upotreblenie prilagatel'nykh // III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I.A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniya (Kazan', 23-25 maya 2006g.). Kazan', 2006. S. 25-26.
7. Yugoriya / Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. T. 3. Khanty-Mansiysk, 2000. 385 s.

УДК 811.512

А.А. Бурыкин

О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки.

Аннотация. Статья представляет опыт классификации языков алтайской семьи по объему сохранения архаических черт и инноваций, представленному в отдельных группах алтайских языков. Согласно построениям автора, монгольские языки являются наиболее архаичными, сохранившими наибольшее количество древних черт, а тюркские языки – наиболее подверженными преобразованиям в предшествующие периоды истории. Диаметрально противоположность монгольских и тюркских языков в этой классификации позволяет понять, почему в алтаистике долгое время не наблюдался прогресс: исследователи основывались в своих построениях на равную ценность разных групп алтайских языков для реконструкции или же даже полагали тюркские языки наиболее архаичными среди алтайских языков, что не позволяло выявить систему регулярных фонетических соответствий между монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и тюркскими языками.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, алтайские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки, алтайская гипотеза, алтайская теория, алтайская семья языков.

A.A. Burykin

About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: “ancient”, “new” and “latest” Altaic languages

Summary. The article represents an experience of classification of languages of the Altaic family according to the volume of preservation of archaic features and innovations, presented in various groups of the Altaic languages. According to the ideas of the author, the Mongolic languages are the most archaic ones, keeping a large quantity of ancient features, and Turkic languages show a lot of transformations in relation to the previous periods of history. The diametrical contrast of the Mongolic and Turkic languages in this classification allows to understand the reason, why in the Altaic studies there was no progress observed for a long time: the comparative researchers were based in the constructions on equal value of different groups of the Altaic languages for reconstruction or even believed Turkic languages the most archaic among the Altaic languages that did not allow to establish any system of regular phonetic conformity between Mongolic, Manchu-Tungus and Turkic languages.

Keywords: comparative-historical linguistics, Altaic languages, Mongolic languages, Manchu-Tungus languages, Turkic languages, Altaic hypothesis, Altaic theory, Altaic language family

Алтаистика как область сравнительно-исторического языкознания остается мало известной широким кругам лингвистов разных поколений от студентов до профессоров и в том числе исследователям языков, включаемых в алтайскую семью – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, японского. Это положение не меняется даже теми обстоятель-

ствами, что в ней после долгого периода ожиданий, длившегося несколько десятилетий, были достигнуты явные успехи – к некоторой досаде представителей петербургской востоковедной школы, они были достигнуты в первую очередь московской алтаистической школой в 1990-е – 2000-е годы и выразились в монографии С.А. Старостина «Алтайская проблема и проис-

хождение японского языка» [1], книге А.В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» [2] и издании этимологического словаря алтайских языков [3]. Что характерно и не слишком радостно – с появлением этих работ оборвалась серия коллективных работ, подготовленных в отделе алтайских языков Ленинградского отделения института языкознания АН СССР [4, 5, 6, 7, 8], создающих прецедент сравнительно-исторического исследования лексики алтайских языков по тематическим группам и продолжающих сравнительно-фонетические разыскания и исследования по сравнительно-исторической морфологии.

Проблемы, связанные с трудной историей сравнительно-исторического изучения алтайских языков, заключены не столько в специфике материала, который представляют алтайские языки для сравнительно-исторических и даже не в длительности дискуссии об алтайской проблеме в отечественном и мировом языкознании [9, 10, 11, 12, 13] – эта проблема кроется в какой-то особой и непонятной логике эволюции идей и методов сравнительно-исторического языкознания в приложении к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, а также, похоже, за пределами индоевропейских языков в целом.

Изучая разделы по компаративистике в курсах введения в языкознание и общего языкознания с 1960-х годов вплоть до настоящего времени, мы в ряду перечислений семей языков практически не находим упоминаний об алтайской семье языков. И дело тут явно не в нерешенности проблемы, поскольку изучение многих языковых семей и языковых провинций с неклассифицированными массивами языков в какой-то момент успешно начиналось и доводилось до завершения теми, кто имел подготовку в области индоевропеистики: яркий пример – научная биография Э. Сепира (1884-

1939), индоевропеиста и германиста по образованию, решившего множество проблем в генеалогической классификации североамериканских языков. Индоевропеисты стояли и у истоков мирового и отечественного ностратического языкознания, и то, что московская алтаистика с 1960-х годов по своему происхождению составляет ветвь ностратики, во многом определяет успехи ее представителей. Логическим завершением определенного этапа в компаративистической лингводидактике в рамках московской лингвистической школы стало появление учебников по компаративистике С.А. Бурлак и С.А. Старостина [14, 15]. Эти авторы справедливо замечают: «Существование алтайской семьи вызывает – в том числе у тех, кто не знаком с алтайским языковым материалом, – сомнения, поскольку не все специалисты по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам согласны с тем, что алтайские языки родственны друг другу. В то же время, например, гораздо слабее разработанная гипотеза о единстве афразийских языков является фактически общепризнанной» [14, 10]. Странно, что как раз алтаистика оказалась основным поводом для критики у рецензента этой книги, представляющего иные области гуманитарной науки, усмотревшего в алтаистических пассажах саморекламу авторов [16, 212-213], а в библиографии присутствует ряд критических в отношении алтаистики работ, содержание которых не раскрыто в тексте рецензии [16, 216].¹

Странно, что, как уже отмечено выше, в представлениях генеалогической классификации языков мира, которая некогда была обязательным элементом содержания курсов по введению в языкознание и общему языкознанию, систематика алтайских языков остается без должного внимания. В этом плане на безрадостном фоне основной массы учебных пособий весьма пози-

¹ Критический пафос работ А. Вовина в отношении алтаистики – а речь в данном случае идет именно об этом авторе – понятен: если он сам начинал как перспективный алтаист со специальной подготовкой в области компаративистики, но успехи в данной области, достигнутые в 1990-е-2000-е годы, оставили его не у дел, ему ничего не остается, кроме как попытаться развалить теорию при помощи мелких булавочных уколов. Показательно, что в своей весьма содержательной работе, предшествующей появлению «Этимологического словаря алтайских языков» С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака [3] А. Вовин вполне здраво оценивает как современное состояние, так и перспективы алтаистики, отмечая ее актуальные задачи [17], в то время как после появления этого словаря в его публикациях присутствует даже не скепсис в отношении теории, а не слишком убедительно мотивированная критика представленной конкретики, призванная бросать тень на самое теорию.

тивным оказывается тот факт, что строго научная и вполне современная классификация алтайских языков, в том числе достаточно непротиворечивая классификация тюркских и тунгусо-маньчжурских языков по подгруппам, присутствует в книге А.А. Реформатского «Введение в языковедение» [18, 224-226]. Впрочем, в последнем издании этого весьма популярного издания имеется примечание, принадлежащее В.А. Виноградову: «Ряд ученых придерживается мнения о возможном далеком родстве трех языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, образующих алтайскую макросемью. Однако в принятом употреблении термин «алтайские языки» означает скорее условное объединение, нежели генетическую группировку» [18, 224]. Приятными исключениями оказываются также учебники Р.А. Будагова [19, 516-517] и Т.И. Вендиной [20, 277], где классификация языков алтайской семьи не содержит скептических оговорок.

Общее положение в алтаистике до сих пор во многом определяется наследием предыдущих десятилетий – состоянием сравнительно-исторической и описательной тюркологии, монголоведения и тунгусо-маньчжурского языкознания 1950-х-1990-х годов.

В пяти книгах серии, посвященной сравнительно-историческому изучению языков разных семей, которая увидела свет на рубеже 1980-х-1990-х годов, отдельные специальные главы, которые были бы посвящены алтаистике, отсутствуют. В статье о тюркских языках отмечается полезность данных алтайских языков для верификации реконструкции [21, 209] – этот тезис имеет исключительное значение как для тюркологии, так и для алтаистики, поскольку «контралтаистические» тюркские реконструкции не верифицируются вообще никак и их авторы требовали принимать их как догму. В то же время в статье о монгольских языках в этой же книге алтаистика как научное направление, связанное с изучением их истории, не упоминается

вообще. И.В. Кормушин в своей статье о тунгусо-маньчжурских языках, помещенной в другом томе этого издания, упоминает проблемы родства алтайских языков в основном в плане истории науки [22, 155-156]. Тем не менее в многотомном издании «Языки мира» в томе, посвященном тюркским языкам, присутствует содержательная статья Э.Р. Тенишева, освещающая не только теоретические вопросы, но и содержащая большое количество фактического материала [23, 7-16].

Если иметь в виду частные дисциплины алтаистики, то сравнительное тунгусо-маньчжуроведение благодаря работам В.И. Цинциус и прежде всего ее книге «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» [24], (которая успела попасть под критику с марровских позиций), намного опережало исследование других групп алтайских языков. Для этого есть одна причина – различия между отдельными группами тунгусо-маньчжурских языков и прежде всего между северотунгусскими языками, южнотунгусскими языками и маньчжурским языком, а также и между отдельными языками внутри групп, как например, между эвенкийским и эвенским языками – гораздо более значительны, нежели различия между отдельными тюркскими языками и отдельными монгольскими языками. Книга В.И. Цинциус «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» [24] (издана в 1949 г., написана до 1940 г.) устарела лишь в мелких частностях и требует минимальных корректировок и дополнений [25].² Монголоведение в СССР в трудах Г.Д. Санжеева [26, 27], за рубежом – представлявшего ту же школу Н. Поппе (Poppe 1955) [28] продолжало то, что было сделано Б.Я. Владимирцовым (Владимирцов 1929): [29] большая близость монгольских языков, превосходящая степень близости тюркских языков (где все же имеются далеко отошедшие от других языков чувашский и якутский языки) не способствовала прогрессу в общемонгольской лингвистической реконструкции.

² Монголо-тюркские сравнения, которыми пользовался В. Котвич, восходят преимущественно к ранней работе Б.Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке» [54], материал которой воспроизводится в алтаистических трудах разных направлений и до сих пор. Здесь существенно то, что взаимные заимствования сильно искажают общие представления о сходно звучащих словах и осложняют отбор примеров для сравнительно-исторической реконструкции: идеи Б.Я. Владимирцова о вторичности распространения корня гласными второго слова в монгольских языках в конце концов не нашли подтверждения.

Любопытна логика эволюции сравнительной тюркологии. Прежде всего, если монголисты, исследовавшие соотношение письменного монгольского языка, живого в роли литературного языка монголов и сохраняющего множество архаичных черт, с современными разговорными языками территориальных групп монголов, бурят, калмыков, то тюркологи увидели большое сходство языка тюркских рунических памятников VIII века, дешифрованных в конце XIX века В. Томсеном и В.В. Радловым, и современных тюркских языков [30, 332-359]. Различия в материале привели к тому, что если для монголоведов лингвистическое время обрело объемную перспективу в эволюции монгольских языков, то для тюркологов оно как бы остановилось, поскольку изменения строя тюркских языков за последние 1500-1700 лет оказались незначительными. После выхода в свет «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» [31, 32, 33, 34], которые по своему содержанию в сущности создали фундамент для реконструкции общетюркского состояния и интеграции его в алтаистику (по содержанию эти труды практически не устарели). Феномен тюркологии в ряду историко-лингвистических дисциплин заключается в том, что в ней сравнительно-исторические и теоретико-грамматические исследования либо не стареют вообще, либо оказываются изначально никуда не годными (*nomina sunt odiosa!*), в оборот вошла серия монографий А.М. Щербака, освещающих историю тюркских языков без какого бы то ни было исследования генеалогических связей тюркских языков. История появления первого тома этой серии «Сравнительная фонетика тюркских языков» [35] до сих пор загадочна. Так, фраза М.И. Стеблин-Каменского «Сказать, например, что переход /р > б/ объясняется «тенденцией к ослаблению артикуляции» и т. п., значит ничего не объяснить» ([36, 60]: позже статья неоднократно перепечатывалась) по сути уничтожала антропофонические (дофонологические)

³ Ср. соотношение слов финск *silmä* и мансийск. сам «глаз», показывающее те же закономерности: похоже, что в обско-угорских языках изменение фонетической структуры слова имело те же ареальные причины, что и в тюркских языках. Важно, что внутри монгольских и тунгусо-маньчурских языков прослеживаются те же самые тенденции к изменению и упрощению сочетаний согласных внутри слова – это видно при сравнении южнотунгусских языков с более архаичными севернотунгусскими языками и языками Внутренней Монголии в сравнении с монгольским и бурятским языками. Те же тенденции заметны в якутском языке и других тюркских языках Сибири по отношению к огузским и кыпчакским языкам.

построения А.М. Щербака, согласно которым слово «голова» восстанавливается как *паш, и это в течение многих лет заставляет тюркологов пребывать в задумчивости до сих пор: каковы для этого основания [37, 87]? Тем не менее ни конкретика, ни подходы к реконструкции в тюркологии не обратили на себя внимание ни компаративистов, ни специалистов по диахронической фонологии: нам сейчас остается обсуждать эти проблемы как предмет истории науки. Не случайно в 1980-е годы началась работа над новыми разноформатными сравнительными грамматиками тюркских языков [38, 39], не выражающие негативных отношений к самой алтайской теории, хотя и отмечающие ее недостатки, в частности, недоработанность [38, 3].

Рассмотрение общеалтайской реконструкции в ее вариантах Г. Рамстедта и Н. Поппе [40], или В.М. Иллич-Свитыча [41, 42] – в том числе в рецепции В.И. Цинциус [8] – позволяет заметить следующее:

1) в плане отношений между группами языков результаты этой реконструкции слишком просты, соответствия фонем между отдельными группами языков по большей части являются тривиальными и тем самым отвечают представлениям о довольно близком родстве языков, что находится в противоречии с относительно небольшим объемом морфологических и лексических параллелей;³

2) система соответствий гласных и согласных между отдельными группами алтайских языков явно неполна хотя бы в плане позиционного распределения рефлексов фонем в разных фонетических и морфологических положениях – вообще не были описаны рефлексы согласных в пре-консонантной, постконсонантной, ауслутойной позициях, множество проблем в реконструкции и системе соответствий в вокализме;

3) не были должным образом исследованы и собраны примеры нетривиальных соответствий между отдельными группами алтайских языков – корреспонденции со-

гласных и особенно гласных разного качества, различные случаи отпадения или выпадения согласных и т.п.;

4) имеющиеся факты не только не свидетельствуют против генетического родства алтайских языков, но, что намного важнее, не оставляют шансов для поисков сепаратного родства отдельных групп языков за пределами алтайской общности.

В целом, и сторонники, и противники алтайской теории в 1960-е – 1980-е годы были по своему неправы: даже фонетическая реконструкция была не завершена и для ортодоксальных алтаистов было не ясно, где именно лежат перспективы ее совершенствования – хотя пополнить ее недостающими позиционными соответствиями и примерами, показывающими разнообразие и самую нетривиальность соответствий гласных и согласных не составило бы особо сложной задачи, тем более что как раз эта самая задача и требовала решения. Антиалтаисты, отрицающие существование алтайской семьи, но не возражавшие против родства групп алтайских языков на ностратическом или близком к нему уровне (С.Е. Яхонтов, Вяч. Вс. Иванов) не предложили доводов, которые усиливали бы их позиции. Контралтаисты, отрицавшие всякие позитивные построения в сфере родственных связей тюркских языков и стремящиеся увести сравнительно-историческое изучение монгольских и тунгусо-маньчжурских языков на ложные пути (Г. Дерфер, А.М. Щербак) устранились от изучения родственных связей тюркских языков, предлагая фантастические решения для их истории, оперируя данными досиверсовской антропофоники в обоснование своих построений, формулируя негодные критерии для обоснования родства и пользуясь неприемлемыми аргументами в критике родства. В частности, из работ этих авторов на свет являются такие идеи, как обязательное присутствие общеалтайской лексики во всех группах языков, тривиальность и однозначность соответствий, обязательность значительного внешнего сходства сравниваемых морфологических элементов и т.п. В этой ситуации оказались вполне логичными в равной мере как разработки в области семантической реконструкции [3, 8], продолжающие исследо-

вания С.С. Майзеля [43] и В.П. Старинина [44, 45] выполненные на материале семитских языков – хотя многие из результатов в этой сфере оказываются избыточными при отыскании новых этимологических решений, строящихся на новых нетривиальных соответствиях, так и продолжения в области фонетической реконструкции и выявления нетривиальных соответствий, умножающих число лексических сближений между отдельными группами алтайских языков [1, 46].

5) Результаты альтернативных сравнений тюркских языков с другими языками (шумерский, майя, этрусский), о которых, как писал А.М. Щербак «нельзя сказать ничего определенного» [47, 160], предполагающие по умолчанию намного более древнее родство, нежели родство алтайских языков, показывают гораздо большую степень внешнего сходства сравниваемых единиц, чем та, которая наблюдается для алтайских языков, при минимальном количестве самих сравниваемых единиц. Эти свойства предлагавшихся сближений – небольшое количество сравниваемых слов и значительная степень сходства слов при значительном возрасте предполагаемого родства или даже древних контактных связей – уже теоретически делают перспективы поисков родства в этом материале иллюзорной. Альтернативы алтайской теории эти построения не составляют, что, очевидно, было ясно и А.М. Щербак. Следовательно, высказываемые гипотезы неверны по умолчанию и могут иметь положительную оценку только в «контралтаистике», ставящей целью любой ценой дискредитировать родство алтайских языков, или в «любительской лингвистике», игнорирующей и сложившиеся мнения ученых, и соответствующую научную литературу.

Статьи по ортодоксальной, догматической, недискуссионной алтаистике на страницах ведущих отечественных журналов, в основном, публиковавшиеся в «Вопросах языкознания» [48, 49] по каким-то причинам очень немногочисленны, и они требуют специального разбора. Не очень понятны и причины того, что авторы этимологических словарей отдельных тюркских языков [51] позволяют себе негативно высказываться в адрес алтаистов, которые уже осуществи-

ли обобщение лексем из разных групп алтайских языков с тождественной семантикой, сами при этом занимаясь выведением тюркской лексики из производных от каких-то корней минимального размера при допущении недоказуемых семантических переносов и расщеплении корней на непонятные морфологические единицы. Этимологические решения, как известно, сводятся к трем типам: 1) обобщение параллелей; 2) раскрытие морфологической структуры; 3) указания на заимствованный характер слова и его источник [50]. Сводить этимологию слов к морфологической интерпретации – это означает возвращаться к тем далеким временам, когда «этимологией» называли описание морфологического строя языка.

Что было делать представителям нового научного поколения в области алтаистики, когда им, получившим специальную подготовку в области сравнительно-исторического языкознания под руководством Л.Г. Герценберга [52], и пришедшим в науку более трех десятков лет назад, было ясно, что теория генетического родства алтайских языков, скорее всего, корректна, хотя реконструкция фонетики, морфологии и лексики этих языков явно далека не только от содержательного, но и от структурного завершения, а контралтаистические аргументы не выдерживают критики и неприменимы даже к отдельным группам индоевропейских языков. Стало ясно – необходимо заполнять лакуны в реконструкции, описывать распределение рефлексов гласных и согласных по позициям, выверять регулярность фонетических соответствий в наиболее интересных и наиболее важных лексических сближениях.

Ключевую роль в этой области сыграл один хорошо знакомый факт – если в алтаистике принято сравнивать монгольское *ayta morin* и тюркское *at* «конь, лошадь», это означает, что в тюркских языках уже на уровне общетюркского праязыка подвергались

утрате преконсонантные согласные – хотя бы некоторые из них. Наличие в тюркских языках большого количества корней-омонимов или квазиомонимов, различающихся долготой и краткостью гласного первого слога, существенно упрощает стоящую перед исследователем задачу.

Поиск параллелей такого же типа для тюркского *a:t* «имя, слава» указал на монгольское *aldar* «слава, имя»: для многозначных слов с разной иерархией значений семантические комментарии не требуются. Для глагола *at-* «бросать, стрелять» соответствием того же типа оказывается монг. *alda-* «отпускать, упускать, ронять»: разница между «бросать» и «ронять» – разница в типе каузации, не лексическая, а грамматическая. В дальнейшем примеры тюрко-монгольских соответствий такого типа стали исчисляться сотнями [46] (Бурыкин 1999).

Одновременно все стало понятным в логике поисков и структурно-исторической классификации алтайских языков. По умолчанию полагалось, что тюркские языки с их наиболее простой структурой корня являются самыми древними из алтайских языков – невозможно было допустить, что эта простота структуры корня, заставившая В. Котвича взять тюркские языки за точку отсчета в эволюции фонетики и морфологии алтайских языков [53],⁴ окажется конечным результатом эволюции общеалтайских корней, реконструкции которых парадоксальным образом совпадают с их формами в монгольских языках, засвидетельствованных письменными формами этих языков.

Соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

1) Монг. *mösun* ~ тюрк. *buz* «лед»;

2) Монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ тюрк. *jü:z* ‘лицо’

⁴ Мы здесь не беремся обсуждать вопросы, связанные с историей системы вокализма алтайских языков, где пока ясны два положения: 1) соответствия гласных внутри алтайских языков делятся на тривиальные (полностью совпадающие в сравниваемых языках) и нетривиальные, уклоняющиеся, сопологающие гласные разного качества [59]; 2) долгие гласные тунгусо-маньчжурских языков часто имеют качественно иные соответствия в других алтайских языках [60]. Оппозиция по количеству гласных в тюркских языках, похоже, имеет просодические истоки, соответствия долгим и кратким тюркским гласным на уровне фонем, как кажется, отсутствуют. Нельзя исключать того, что примером самой архаичной просодической системы в алтайских языках является японский язык с его словесной политонией, чем и объясняются сложнейшие проблемы в изучении акцентных систем в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Опыт решения проблем, связанных с вокализмом и просодической системой алтайских языков, дан в этимологическом словаре алтайских языков [3].

3) Монг. *deresiin* ‘камыш’ ~ тюрк. *jiz* ‘тростник’.

В первом типе соответствий в тюркских языках наблюдаются изменения в ауслауте, инициированные причинами морфологического или морфонологического характера и приводящие к десемантизации и дефонологизации финального комплекса ГС.

Во втором типе соответствий наблюдается тотальная утрата первого согласного в консонантных комплексах внутри слова (исключение составляет лишь согласный *ng*, теряющий назальность).

В третьем типе соответствий, очевидно, вследствие ранней синкопы гласного второго слога образуются вторичные сочетания согласных, которые впоследствии также теряют первый компонент.

В связи со сказанным обратим внимание на одну старую контроверзу в алтаистике – проблему числительных, где лишь числительное «четыре» демонстрировало внешнее сходство. Сейчас вполне ясно, что монг. *dörben* ‘4’ соответствует не эвенкийскому дыгин или нанайскому *дуин* ‘4’, а эвенкийскому *дыги-нмэн*, эвенскому *дыгэ-рмэн* «состоящий из четырех частей, компонентов»), в то время как тюрк. *tört* ‘4’ точно соответствует эвенкийскому *дыги-рэгдэ*, эвенскому *дыгэ-рдэ* «четверка» с тем же самым упрощением групп согласных и изменением слоговой структуры, причем именно эвенская форма, наиболее модифицированная среди форм тунгусо-маньчжурских языков (причиной модификации эвенского языка может быть как раз тюркское влияние) предельно приближается к общетюркской. Надо добавить, что и ценность сходств числительных перестала абсолютизироваться в компаративистике и сходство индоевропейских числительных первого десятка получает объяснение как частный случай, обусловленный культурными факторами [55, 22] – мы сейчас можем наблюдать, что у народов, занимающихся охотой и скотоводством, даже числительные первого десятка неустойчивы и часто имеют весьма прозрачную мотивировку; устойчивость числительных как константа сравнительно-исторического языкознания появляется при активизации обменно-торговых операций.

Сказанное означает, что А. Вовин в своих словах «*While Turkic and Japanese*

reconstructions are quite reliable (although a number of problems remain), this is not the case with the other three branches» [17, 192] был не вполне прав: с монгольской и с тунгусо-маньчжурской реконструкцией в целом все ясно и понятно, в то же время как общетюркская реконструкция, которая удовлетворяла бы задачам внешнего сравнения, по существу была далека от совершенства.

А. Вовин в чем-то прав, говоря: «*Turkic in all probability represents an independent offshoot, that separated from the rest of the family at a comparatively early stage»* [17, 193] – однако дело здесь скорее не в раннем отделении тюркских языков от алтайской семьи, но в специфическом их развитии под влиянием каких-то внешних факторов, возможно, в ранних контактах с самодийскими и енисейскими народами.

Деление языков какой-либо семьи и группы на более полезные и менее полезные для сравнительно-исторической реконструкции, на «объясняющие» – содержащие основания для реконструкции и «объясняемые» – те, которые предпринимаемая реконструкция демонстрирует как позднейший продукт эволюции – в компаративистике имеет обычно операционный характер и специально не эксплицируется. В индоевропеистике почти для каждой группы языков их древнейшие формы представлены в письменных языках, которые оказываются намного архаичнее живых современных языков. Тем не менее есть как минимум два удачных опыта исторической классификации языковых групп по признакам архаичности и инновационности, и, следовательно, по относительной полезности для сравнительно-исторических исследований – это некоторые работы по сравнительно-историческому изучению африканских языков [56] и исследования И.М. Дьяконова по семитохамитским языкам [57]. С.Е. Малов представил классификацию тюркских языков на «древние» и «новые» тюркские языки [58], однако далеко не все особенности тюркских языков, которые этот ученый считал древними, в действительности являются таковыми.

Подразделение алтайских языков на «древние» и «новые» в соответствии с тем, что предлагал С.Е. Малов для тюркских

языков, согласно количеству архаизмов и инноваций в отдельных языках и группах языков, позволяет установить пять градаций алтайских языков по «древности» и «новизне»:

1) монгольские языки «древние», или даже «древнейшие», наиболее архаичные по большинству признаков и проявлений фонетических соответствий: по существу монгольские слова соответствуют алтайским праформам, то есть реконструкция «монголо-тюркских» праформ, которые значительно отличались бы по форме от архаических форм в монгольских языках, невозможна в принципе;

2) тунгусо-маньчжурские языки – «древние», сочетающие архаику и инновации в разных пропорциях по группам и подгруппам. Так, начальные согласные лучше сохранены в южно-тунгусских языках, интервокальные согласные и сочетания согласных сохранены в северно-тунгусских языках, прежде всего в эвенкийском, но преобразованы в других языках. Вместе с тем в тунгусо-маньчжурских языках отмечается ряд инноваций, в частности изменение комплексов «широкий гласный + заднеязычный согласный» > долгий гласный <и>, выпадение согласных перед <м>, наблюдаемое только при внешнем сравнении, и ряд других изменений;

3) корейский язык очень близок по характеру изменений тунгусо-маньчжурским языкам, особенно их южно-тунгусской ветви и маньчжурскому языку; корейский и тунгусо-маньчжурские языки могут быть названы «относительно древние». Характерно, что в корейском языке, как и в южно-тунгусских языках, сохраняются начальные согласные, в то время как внутри слова здесь отмечаются существенные изменения;

4) японский язык – в совокупности классифицирующих черт – примыкает к корейскому, но по объему инноваций отстает от тюркских языков, что видно даже из книги С.А. Старостина [1]. По-видимому, японский язык и его диалекты (или родственные ему языки) – это пример «новых» алтайских языков;

5) тюркские языки – «новейшие», обладающие максимальным количеством инноваций, из которых надо назвать сведение

трех рядов шумных согласных (звонкие, глухие, придыхательные) к одному ряду, изменение финальных структур (отпадение комплексов VC, имеющие морфонологические причины), синкопы гласных второго слога, устранение первичных групп согласных внутри слова и образование вторичных групп согласных, часть которых также была преобразована, образование вторичных сочетаний согласных в финали и т.п. Понятно и внутри этой группы есть свои «древние» и «новые» языки, впрочем, как смотреть – трактовка чувашского (на основе ротацизма и ламбдаизма) и якутского языков (на основе соответствия огузского начального *j*- якутскому *с*- и близким к нему рефлексам в сибирских тюркских языках), как наиболее древних среди тюркских языков, в настоящее время является дискуссионной.

Такое деление алтайских языков, и само место тюркских языков среди алтайских языков выглядит достаточно неожиданным и в литературе по истории алтаистики оно как бы и не предполагалось вовсе. Однако эта классификация алтайских языков как определенный итог исследований наглядно объясняет особые трудности сравнения тюркского материала с данными других алтайских языков – как раз такой ситуации никто не мог предположить, и никто подобных соответствий не искал, хотя они лежат на поверхности. Любопытно, что для корней и слов, демонстрирующих значительные формальные расхождения, практически не требуется семантической реконструкции (ср. монг. *хорхинцог* «стручок» и татар. *кузак*, узб. *қўзоқ* «стручок» – с результатами упрощения сразу двух сочетаний согласных и вторичной суффиксацией, сохраняющей иллюзию тождества ауслатных элементов – в то время как для корней и слов со сходным звучанием весьма часто прослеживаются семантические дивергенции.

Высказанные здесь идеи имеют свою историю. Впервые они были изложены в 1990 году в виде докладов и позже сформулированы в ряде небольших публикаций начала 1990-х годов [61, 62, 63], затем в объемной программной статье [46]. Одновременно с этим была представлена классификация алтайских языков по степени со-

храняемости архаизмов с указанием места в ней корейского языка [64]. Установленные системы фонетических соответствий между монгольскими и тюркскими языками, отвечающие генетическому родству, позволили с большей точностью определять характер и направление взаимных заимствований в монгольских и тюркских языках [65, 66, 67]. Открываются перспективы выявления общеалтайских лексических реликтов в отдельных языках, в частности, в тюркских языках [68], где отсутствие сводного словаря лексики тюркских языков создает трудности для тотального обследования лексики этих языков, а этимологический словарь [37] приводит в основном хорошо известные лексические единицы. Есть и опыт осмысления проблем истории алтаистики в последней трети XX века в Петербургской и Московской алтаистических школах [69].

За 150 лет своего существования отечественная алтаистика накопила не только множество материала (фонетические соответствия, лексические сравнения, идентифицированные заимствования, изучение которых основывается уже на реконструкции, отвечающей генетическому родству), но и дала множество фактов для осмысления в истории науки и в общей теории сравнительно-исторического языкознания.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в узусе специалистов, как отметила однажды А.В. Дыбо в одном из своих докладов, слова «алтайская гипотеза» сменились номинацией «алтайская теория». В наши дни алтаистика на современном уровне оказывается много проще и доступнее для восприятия, чем индоевропейское языкознание. Кажется, можно сказать, что «алтайской теории» как одной из идей родственных связей тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков, более нет – на смену этому понятию приходят представления об алтайской семье языков, отношения между которыми, видимо, лишь несколько более отдаленные, чем отношения между отдельными германскими языками, в частности отношения между монгольскими и тюркскими языками в плане исторической фонетики вполне сравнимы с соотношением немецкого и английского языков, а тунгусо-маньчжурские языки относятся к

тюркским и монгольским языкам так же, как голландский – к немецкому и английскому.

Польский лингвист Марек Стаховский в своей недавней проблемной статье представил периодизацию соотношения алтаистических и «контралтаистических» идей в следующем виде: до 1960-х годов – прогресс в алтаистике, 1960-е годы – 2003 год – преобладание «контралтаистов» (автор называет их «антиалтаистами», хотя у антиалтаистов и у контралтаистов разные убеждения и разные цели), с 2003 года – «алтаистический вакуум» [70, 263].

Результаты, часть которых представлена в данной статье, позволяют с оптимизмом смотреть на дальнейшее развитие теории родства алтайских и уральских языков. Это отдельная и сложная тема – пока мы ограничимся тем, что укажем на одно из продолжений исследований в этой области: сходство монгольских языков с уральскими языками, отмеченное В.В. Понарядовым, ни в коем случае не указывает на сепаратные родственные связи монгольских языков, но выступает как проявление архаического характера монгольских языков при том, что привлечение параллелей из других алтайских языков в разработке урало-алтайской проблематики осложнено именно нетривиальными межалтайскими фонетическими соответствиями.

Некоторый скепсис в отношении генетических связей корейского и японского языков выглядит всецело производным от уровня развития исторического языкознания в отдельных сферах сравнительно-исторического языкознания, различающихся по предмету (все остальные языковые семьи в этом плане в основном догоняют индоевропеистику), от недостаточного присутствия идей и материалов по родству алтайских языков в вузовских курсах по общему и сравнительно-историческому языкознанию, от отсутствия специальных учебных курсов по сравнительно-историческому изучению алтайских языков, а также от отношения к сравнительно-историческому языкознанию в национальных традициях и обратной зависимости последнего от представлений об истории государств и этносов, характерных для Турции, Кореи и Японии.

Литература

1. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 298 с.
2. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М.: Наука, 1995. 392 с.
3. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, Brill, 2003. 2106 p.
4. Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. 404 с.
5. Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. 362 с.
6. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: Наука, 1978. 271 с.
7. Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979. 262 с.
8. Алтайские этимологии. Л.: Наука, 1984. 225 с.
9. Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 90-108.
10. Насилов Д.М. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 150-155.
11. Насилов Д.М. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. – 1977. – № 3. – С. 77-93.
12. Насилов Д.М. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. – 1978. – № 1. – С. 96-102.
13. Насилов Д.М. Из истории алтаистики // Советская тюркология. – 1979. – № 4. – С. 94-100.
14. Бурлак С. А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
15. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.
16. Котляров И.Д. Рецензия на учебник: С.А. Бурлак, С.А. Старостин. «Сравнительно-историческое языкознание» (М.: Академия, 2005. 432 С.) // Вестник ТОГУ. – 2007. – № 3(6). – С. 209-216.
17. Vovin A. ALTAIC, SO FAR // Migracijske teme 15 (1999), 1-2. P. 155-213.
18. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 1996. 536 с.
19. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет-2000, 2003. 544 с.
20. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2001.
21. Сравнительно-историческое изучение языков разных систем. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981. 357 с.
22. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М.: Наука, 1982. 343 с.
23. Тенишев Э.Р. Алтайские языки // Языки мира. Тюркские языки. М.: Наука, 1996. С. 7-16.
24. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, 1949. 342 с.
25. Бурыйкин А.А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. М., 2000. С. 12-16.
26. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. I. М-Л., Изд. АН СССР, 1953. – 240 с.
27. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1964. 286 с.
28. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 pp.
29. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., изд. АН СССР, 1929. XII, 436 с.
30. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М.: Наука, ГРВЛ, 1963. 387 с.
31. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955. 336 с.
32. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956. 335 с.
33. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. М., 1961. 232 с.
34. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 4. Лексика. М., 1962. 128 с.
35. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 204 с.
36. Стеблин-Каменский М.И. Исландско-норвежские изменения согласных (К вопросу о сущности звуковых изменений) // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 58-66.
37. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
38. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 301 с.
39. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. 488 с.
40. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 s.
41. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: *t, *d, *ð. // Вопросы языкознания. – 1963. – № 6. – С. 37-57.
42. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные *k', *k, *g. // Этимология 1964. М.: Наука, 1965. С. 338-343.
43. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. 308 с.
44. Старинин В.П. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантиче-

- ские ряды С.С. Майзеля) // Советское востоковедение. – 1955. – № 4. – С. 99-111.
45. Старинин В.П. Изосемантические ряды // Проблемы семантики. М., 1974. С. 349-354.
46. Бурыкин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С. 19-42.
47. Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 150-161.
48. Суник О.П. К актуальным проблемам алтаистики // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 16-30.
49. Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства алтайских языков и методах её решения // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 26-29.
50. Бурыкин А.А. Некоторые принципиальные вопросы этимологического анализа // Проблемы референции в языке и литературе. Тбилиси: изд. ТГУ, 1987. С. 235-237.
51. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1-4. Новосибирск, 2000-2008.
52. Гирфанова А.Х. Л.Г. Герценберг и алтайское языкознание // Acta linguistica Petropolitana, 2014. Т. X. Вып. 1. С. 559-564.
53. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд. иностр. лит., 1962. 372 с.
54. Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. вост. отделения Рус. археологич. об-ва, 1911. Т. 20. В. 2 – 3. С. 153-184.
55. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 168 с.
56. Вестфаль Е. О языковом родстве // Африканское языкознание. М., 1963. С. 365-377.
57. Дьяконов И.М. Семитохамитские языки. Опыт классификации. М.: КомКнига, 2006. 120 с.
58. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135-143.
59. Старостин С.А. Вокализм алтайских языков // 90 лет Н.А. Баскакову, М., 1996. С. 197-209.
60. Бурыкин А.А. Оппозиция долгих и кратких гласных в тунгусо-маньчжурских языках в перспективе внешнего сравнения // Тюркская фонетика-90. I Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1990. С. 27-28.
61. Бурыкин А.А. Общеалтайская реконструкция и общетюркское состояние: соотношение инлаутных консонантных групп // Тезисы I конференции по теоретической лингвистике. М.: изд. РГГУ, 1993. С. 32-34.
62. Бурыкин А.А. Соотношение общеалтайской реконструкции и общетюркского состояния в свете соответствий инлаутных консонантных групп // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 14-18.
63. Бурыкин А.А. Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб.: изд. СПбГУ, 2000. С. 25-30.
64. Бурыкин А.А. Позиция корейского языка в классификации отдельных групп алтайских языков и новые перспективы алтаистики // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы международной конференции, посвященной столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14-16 октября 1997 года. СПб, 1997. С. 19-26.
65. Бурыкин А.А. Роль тюркских языков Алтая и Южной Сибири в исследовании родственных связей алтайских языков // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Материалы Межд. научн. конф. (5-7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск, 1999. С. 13-17.
66. Бурыкин А.А. Тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках и их значение для сравнительно-исторической тюркологии // Становление и развитие науки в Туве (Материалы Международной конференции, посвященной к 70-летию тувинской письменности 12-14 сентября 2000 г.). Ч. 1. Кызыл, 2000. С. 29-30.
67. Бурыкин А.А. Айсин эйхэн – altin eshäk, или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб.: изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.
68. Бурыкин А.А. Тофаларская лексика на общеалтайском фоне. Проблемы этимологических исследований лексики одного тюркского языка на фоне генетических и ареальных связей алтайских языков // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Международная научная конференция. Элиста, 11-13 ноября 2009 г. (к юбилею профессора В.И. Рассадина). Элиста, 2009. С. 42-47.
69. Бурыкин А.А. Идеи С.А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики // Аспекты компаративистики. 4 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXVIII). М., 2009. С. 9-24.
70. Stachowski Marek. Teoria Altaiska // LingVaria. – 2012. – VII. – № 2(14). – S. 239-263.
71. Понарядов В.В. Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Сыктывкар, 2011. 44 с. (Научные доклады Коми научный центр УрО Российской академии наук, Вып. 510).

References

1. Starostin S.A. Altayskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka. M.: Nauka, GRVL, 1991. 298 s.
2. Dybo A.V. Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. M.: Nauka, 1995. 392 s.
3. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, Brill, 2003. 2106 p.
4. Problema obshchnosti altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1971. 404 s.
5. Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1972. 362 s.
6. Ocherki sravnitel'noy morfologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1978. 271 s.
7. Issledovaniya v oblasti etimologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1979. 262 s.
8. Altayskie etimologii. L.: Nauka, 1984. 225 s.
9. Nasilov D.M. Ob altayskoy yazykovoy obshchnosti (K istorii problemy) // Tyurkologicheskiy sbornik. 1974. M., 1978. S. 90-108.
10. Nasilov D.M. Altaistika XIX v. // Tyurkologicheskiy sbornik. 1977. M., 1981. S. 150-155.
11. Nasilov D.M. Iz istorii altaistiki (stat'ya pervaya) // Sovetskaya tyurkologiya. – 1977. – № 3. – S. 77-93.
12. Nasilov D.M. V.V. Radlov i problemy altaistiki // Sovetskaya tyurkologiya. – 1978. – № 1. – S. 96-102.
13. Nasilov D.M. Iz istorii altaistiki // Sovetskaya tyurkologiya. – 1979. – № 4. – S. 94-100.
14. Burlak S. A., Starostin S.A. Vvedenie v lingvisticheskuyu komparativistiku. M.: Editorial URSS, 2001. 272 s.
15. Burlak S.A., Starostin S.A. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2005. 432 s.
16. Kotlyarov I.D. Retsenziya na uchebnik: S.A. Burlak, S.A. Starostin. «Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie» (M.: Akademiya, 2005. 432 S.) // Vestnik TOGU. – 2007. – № 3(6). – S. 209-216.
17. Vovin A. ALTAIC, SO FAR // Migratsionnye teme 15 (1999), 1-2. P. 155-213.
18. Reformatskiy A.A. Vvedenie v yazykovedenie. 1996. 536 s.
19. Budagov R.A. Vvedenie v nauku o yazyke. M.: Dobrosvet-2000, 2003. 544 s.
20. Vendina T.I. Vvedenie v yazykoznanie. M., 2001.
21. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh sistem. Sovremennoe sostoyanie i problemy. M.: Nauka, 1981. 357 s.
22. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey. Zadachi i perspektivy. M.: Nauka, 1982. 343 s.
23. Tenishev E.R. Altayskie yazyki // Yazyki mira. Tyurkskie yazyki. M.: Nauka, 1996. S. 7-16.
24. Tsintsius V.I. Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov. L.: Uchpedgiz, 1949. 342 s.
25. Burykin A.A. O meste tunguso-man'chzhurskikh yazykov v altaisticheskikh issledovaniyakh // Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Doklady i tezisyy mezhdunarodnoy konferentsii. M., 2000. S. 12-16.
26. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Ch. I. M-L., Izd. AN SSSR, 1953. – 240 s.
27. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol. M.: Nauka, 1964. 286 s.
28. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 pp.
29. Vladimirtsov B. Ya. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. L., izd. AN SSSR, 1929. XII, 436 s.
30. Dobl'khofer E. Znaki i chudesa. M.: Nauka, GRVL, 1963. 387 s.
31. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 1. Fonetika. M., 1955. 336 s.
32. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya. M., 1956. 335 s.
33. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 3. Sintaksis. M., 1961. 232 s.
34. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 4. Leksika. M., 1962. 128 s.
35. Shcherbak A.M. Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov. L., 1970. 204 s.
36. Steblin-Kamenskiy M.I. Islandsko-norvezhskie izmeneniya soglasnykh (K voprosu o sushchnosti zvukovykh izmeneniy) // Voprosy yazykoznanija. – 1963. – № 5. – S. 58-66.
37. Sevortyan E.V. Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B». M.: Nauka, 1978. 349 s.
38. Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. M.: Nauka, 1986. 301 s.
39. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika. M.: Nauka, 1984. 488 s.
40. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 s.
41. Illich-Svitych V.M. Altayskie dental'nye: *t, *d, *ð. // Voprosy yazykoznanija. – 1963. – № 6. – S. 37-57.
42. Illich-Svitych V.M. Altayskie guttural'nye *k', *k, *g. // Etimologiya 1964. M.: Nauka, 1965. S. 338-343.
43. Mayzel' S.S. Puti razvitiya kornevogo fonda semitskikh yazykov. M.: Nauka, 1983. 308 s.
44. Starinin V.P. K voprosu o semanticheskom aspekte sravnitel'no-istoricheskogo metoda (izosemanticheskie ryady S.S. Mayzelya) // Sovetskoe vostokovedenie. – 1955. – № 4. – S. 99-111.

45. Starinin V.P. Izosemanticheskie ryady // *Problemy semantiki*. M., 1974. S. 349-354.
46. Burykin A.A. Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy // *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov*. Ulan-Ude, 1999. S. 19-42.
47. Shcherbak A.M. K voprosu ob otdalennykh svyazyakh tyurkskikh yazykov // *Aktual'nye voprosy sravnitel'nogo yazykoznanija*. L., 1989. S. 150-161.
48. Sunik O.P. K aktual'nym problemam altaistiki // *Voprosy yazykoznanija*. – 1976. – № 1. – S. 16-30.
49. Andreev N.D., Sunik O.P. O probleme rodstva altaiskikh yazykov i metodakh ee resheniya // *Voprosy yazykoznanija*. – 1982. – № 2. – S. 26-29.
50. Burykin A.A. Nekotorye printsipial'nye voprosy etimologicheskogo analiza // *Problemy referentsii v yazyke i literature*. Tbilisi: izd. TGU, 1987. S. 235-237.
51. Tatarintsev B.I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka*. T. 1-4. Novosibirsk, 2000-2008.
52. Girfanova A.Kh. L.G. Gertsenberg i altaiskoe yazykoznanie // *Acta linguistica Petropolitana*, 2014. T. X. Vyp. 1. S. 559-564.
53. Kotvich V. *Issledovanie po altaiskim yazykam*. M.: Izd. inostr. lit., 1962. 372 s.
54. Vladimirtsov B.Ya. Turetskie elementy v mongol'skom yazyke // *Zap. vost. otdeleniya Rus. arkhologich. ob-va*, 1911. T. 20. V. 2 – 3. S. 153-184.
55. Klimov G.A. *Osnovy lingvisticheskoy komparativistiki*. M.: Nauka, 1990. 168 s.
56. Vestfal' E. O yazykovom rodstve // *Afrikanskoe yazykoznanie*. M., 1963. S. 365-377.
57. D'yakonov I.M. *Semitokhamitskie yazyki. Opyt klassifikatsii*. M.: KomKniga, 2006. 120 s.
58. Malov S.E. *Drevnie i novye tyurkskie yazyki* // *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. T. XI. Vyp. 2. M., 1952. S. 135-143.
59. Starostin S.A. Vokalizm altaiskikh yazykov // 90 let N.A. Baskakovu, M., 1996. S. 197-209.
60. Burykin A.A. Oppozitsiya dolgikh i kratkikh glasnnykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v perspektive vneshnego sravneniya // *Tyurkskaya fonetika-90. I Vsesoyuznaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Alma-Ata, 1990. S. 27-28.
61. Burykin A.A. Obshchealtaiskaya rekonstruktsiya i obshchetyurkskoe sostoyanie: sootnoshenie inlautnykh konsonantnykh grupp // *Tezisy I konferentsii po teoreticheskoy lingvistike*. M.: izd. RGGU, 1993. S. 32-34.
62. Burykin A.A. Sootnoshenie obshchealtaiskoy rekonstruktsii i obshchetyurkskogo sostoyaniya v svete sootvetstviya inlautnykh konsonantnykh grupp // *Chuvashskiy yazyk i altaistika*. Cheboksary, 1995. S. 14-18.
63. Burykin A.A. Sootnoshenie lineynoy fonologicheskoy struktury slova v altaiskikh yazykakh // *Voprosy vostokovedeniya. Kononovskie chteniya XII*. SPb.: izd. SPbGU, 2000. S. 25-30.
64. Burykin A.A. Pozitsiya koreyskogo yazyka v klassifikatsii otdel'nykh grupp altaiskikh yazykov i novye perspektivy altaistiki // 100 let peterburgskomu koreevedeniyyu. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy stoletiyu koreevedeniya v Sankt-Peterburgskom universitete*. 14-16 oktyabrya 1997 goda. SPb, 1997. S. 19-26.
65. Burykin A.A. Rol' tyurkskikh yazykov Altaya i Yuzhnoy Sibiri v issledovanii rodstvennykh svyazey altaiskikh yazykov // *Altay i Tsentral'naya Aziya: kul'turno-istoricheskaya preemstvennost' (k 350-letiyu oyrotskoy pis'mennosti)*. *Materialy Mezhd. nauchn. konf. (5-7 oktyabrya 1998 g., g. Gorno-Altaysk)*. Gorno-Altaysk, 1999. S. 13-17.
66. Burykin A.A. Tyurkskie zaimstvovaniya v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh i ikh znachenie dlya sravnitel'no-istoricheskoy tyurkologii // *Stanovlenie i razvitie nauki v Tuve (Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy k 70-letiyu tuvinskoy pis'mennosti 12-14 sentyabrya 2000 g.)*. Ch. 1. Kyzyl, 2000. S. 29-30.
67. Burykin A.A. Aysin eykhen – altin eshäk, ili k probleme tyurkskogo istochnika neskol'kikh man'chzhurskikh slov // *Voprosy vostokovedeniya. Kononovskie chteniya XII*. SPb.: izd. SPbGU, 2000. S. 18-25.
68. Burykin A.A. Tofalarskaya leksika na obshchealtaiskom fone. *Problemy etimologicheskikh issledovaniy leksiki odnogo tyurkskogo yazyka na fone geneticheskikh i areal'nykh svyazey altaiskikh yazykov* // *Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Elista, 11-13 noyabrya 2009 g. (k yubileyu professora V.I. Rassadina). Elista, 2009. S. 42-47.
69. Burykin A.A. Idei S.A. Starostina i dal'neyshie perspektivy altaistiki // *Aspekty komparativistiki*. 4 (Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vyp. XXVIII). M., 2009. C. 9-24.
70. Stachowski Marek. *Teoria Altaiska* // *LingVaria*. – 2012. – VII. – № 2(14). – S. 239-263.
71. Ponaryadov V.B. *Opyt rekonstruktsii uralo-mongol'skogo prayazyka*. Syktyvkar, 2011. 44 s. (Nauchnye doklady Komi nauchnyy tsentr UrO Rossiyskoy akademii nauk, Vyp. 510).

УДК 811.511.152

Д.А. Гришин

**Речевые акты как одно из средств реализации концепта
в мордовских языках**

Аннотация. В статье представлены фрагменты работы по выявлению ключевых дефиниций термина «концепт» в науке. Автором отмечается, что вербализация концептов осуществляется с помощью различных языковых средств, формирующихся под воздействием исторической эпохи, уровня культурного развития народа, объясняется его обычаями и традициями, спецификой мышления, принципами кодирования информации и т.п. В качестве примера был исследован концепт вежливость, одним из способов представления которого выступает речевой этикет, являющийся микросистемой национально-устойчивых специфических формул общения, принятых обществом для установления контакта собеседников.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, речевой акт, речевой этикет.

D.A. Grishin

**Speech acts as one of methods of the concept's realization
in the Mordovian languages**

Summary. The fragments of the work by exposure of key definitions on the notion of “concept” in the science are presented in the article. The author notes that the verbalization of concepts is realized with different language methods, which are formed under influence of historic epoch, level of cultural development of the nations, which is due of their customs and traditions, specific of thinking, principles of information's coding and so on. The concept “politeness” was studied as an example. One of this concept's ways of representation is the speech etiquette that is the microsystem of national stable specific formulas of intercourse, which are accepted by the society for establishment of contact of the interlocutors.

Keywords: concept, conceptsphere, speech act, speech etiquette.

Наряду со стремительным развитием информационных технологий развивается и современная лингвистика. Ее центральным понятием становится концепт, под которым, вслед за А.П. Бабушкиным, нами понимается «дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [1, 13].

Концепт – единица мышления, следовательно, неотъемлемая часть каждого из нас.

Большой вклад в осмысление концепта внес академик Ю.С. Степанов, опубликовав обширный труд «Константы: Словарь русской культуры» [2]. В терминах Ю.С. Степанова «концепт – микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «сгустком культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической,

внеязыковой информацией» [3, 40].

Объектом широкого изучения концепт стал относительно недавно. В финно-угорских языках это наименее исследованная область лингвистики. Рассмотрению проблем концептосферы, концептов, средств их репрезентации посвящено не очень много работ, по существу, не разработана даже методология их исследования. В числе наиболее значимых трудов выделяем, прежде всего, докторскую диссертацию А.В. Байдак [4], научные статьи Л.В. Водясовой [5, 6, 7, 8], Л.В. Водясовой и Т.В. Уткиной [9], Т.Р. Душеновой [10], Е.А. Цыпанова [11] и некоторые другие.

Вербализация концептов происходит с помощью различных языковых средств, формирующихся под воздействием исторической эпохи, уровня культурного развития социума, объясняется традициями того или

иною народа, спецификой его мышления, принципами кодирования информации и т. п.

Целью настоящей статьи является рассмотрение способов репрезентации концепта вежливость в мордовских языках.

Концепт вежливость является абстрактным ментальным образованием и может материализоваться при помощи вербальных и невербальных средств. Главным средством вербализации данного концепта является речевой этикет.

Как известно, речевой этикет – это принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний. В целом, это междисциплинарное понятие, которое находится на стыке целого ряда наук: лингвистики, культурологии, этнографии, психологии, педагогики и ряда других дисциплин. Если же упростить его определение до одного предложения, то его можно обозначить как общепринятую систему языковых средств, являющихся реализацией этикетных отношений. С точки зрения Н.И. Формановской, под речевым этикетом понимается «...микросистема национально-устойчивых специфических формул общения, принятых и предписанных обществом, для установления контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности» [12]. Т.П. Арискина, исследуя формулы этикета в эрзянском и венгерском языках, также указывает, что речевой этикет отличается «национально-культурной спецификой, связанной с обычаями, нравами, эстетическими вкусами народов» [13].

Речевая ситуация, в которой бытует речевой этикет, – это ситуация непосредственного общения коммуникантов, для которой характерно наличие адресанта и адресата, формы поведения, положения участников общения, установки на достижение желаемой тональности общения. Своеобразие этикетных речевых действий в мордовских языках тесно связано с понятием полифункциональности (множественность иллюкутивных сил) как способности выражать помимо основного иллюкутивного значения ряд других коммуникативных значений.

Речевой этикет не ограничен использова-

нием некоторого числа устойчивых выражений. Напротив, он включает в себя несколько языковых уровней, от лексики до коммуникативных норм.

1. На уровне лексики и фразеологии речевой этикет представляет собой специальные слова и устойчивые выражения: мокш. *Оцю спасибо*, эрз. *Сюкпря*, *Поки пасиба* «Большое спасибо» и т.п., а также специализированные формы обращения: мокш. *Кельгома ялгат*, эрз. *Вечкевикс ялгат* «Уважаемые (букв.: любимые) друзья» и т.п.. Большую долю этикетных слов составляют формы повелительного наклонения. Некоторые лингвисты называют их этикетными глаголами: мокш. *Простямасть*, эрз. *Простямизь!* «Простите», эрз. *Нолдынк чумом* «Простите (букв.: Отпустите мне вину)», мокш. *Шумбратата!*, эрз. *Шумбратата!* «Здравствуйте», мокш. *Няемозонк / Вастымазонк*, эрз. *Неемазонк / Вастомазонк* «До свидания», «До встречи». В качестве этикетных междометий также выступают наречия (мокш. *Шумбраса*, эрз. *Шумбраса* «Счастливо», эрз. *Вадрясто* «Хорошо»), субстантивные словосочетания (эрз. *Паро ки* «Счастливого пути»), а также русские наречия, вошедшие в состав разговорной речи мордвы (Пока! Счастливо!). С сожалением мы должны констатировать, что в последнее время группа этикетных слов в мокшанском и эрзянском языках наиболее активно пополняется за счет заимствований из русского языка.

3. На стилистическом уровне речевой этикет предписывает соблюдение ряда коммуникативных правил: использование грамотной, культурной речи (правильные ударения, верное произношение слов, логичное построение предложений и т.д.); отказ от употребления жаргонных и даже литературных слов, прямо называющих непристойные объекты и явления, замена их эвфемизмами.

4. На интонационном уровне речевой этикет проявляется в использовании вежливой интонации. Например, фраза мокш. *Селгость вальметь*, эрз. *Селгинк вальманть* «Закройте окно» будет звучать по-разному, в зависимости от того, с какой интонацией она произнесена. В одной ситуации это может быть вежливая просьба, в другой – требование.

5. На организационно-коммуникативном уровне речевой этикет представляет собой такие нормы, как запрет перебивать собеседника, вмешиваться в чужой разговор, выкрикивать реплики из зала, громко разговаривать по телефону в присутствии других людей и т.д.

Таким образом, концепт вежливость, являясь абстрактным ментальным образованием, в мордовских языках вербализуется с помощью лексических средств, находит воплощение на уровне грамматики и интонации и т.д.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 450 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь концептов русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 824 с.
3. Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
4. Байдак А.В. Лингвокультурная репрезентация селькупской диалектной пары «жизнь-смерть»: автореф. дис. д-ра филол. наук. Томск, 2011. 46 с.
5. Водясова Л.П. Метафорическое представление концептов «жизнь» и «смерть» в мордовских, русском и английском языках // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 61-64.
6. Водясова Л.П. Метафорическая репрезентация концептуальной пары «жизнь – смерть» в прецедентных и художественных текстах мордовских, русского и английского языков // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. Вып. 5 / сост., отв. ред. Т.В. Симашко. М.: Архангельск, 2011. С. 151-154.
7. Водясова Л.П. Экспликация концепта «религия» в романе А.М. Дорониной «Баягань сулейть» («Тени колоколов») // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – 2013. – № 3 (15). – С. 119-124.
8. Водясова Л.П. Языковая картина мира как подсистема концептуальной картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. Вып. 6 / сост., отв. ред. Т.В. Симашко. М.: Архангельск, 2013. С. 148-155.
9. Водясова Л.П., Уткина Т.В. Концепты традиционности образа народа в творчестве мордовских писателей конца XIX – начала XX веков // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – 2012. – № 2 (10). – С. 89-91.
10. Душенкова Т.Р. Концепт *дйсьтон* и удмуртский характер // Вестник угроведения. – 2013. – № 1 (12). – С. 26-33.
11. Цыпанов Е. А. «Счастье и удача» в финно-угорских языках // *Linguistica Uralica*. – 2012. – Iss. 4. – Pp. 265-275.
12. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспект. М.: Рус. яз., 1982. 126 с.
13. Арискина Т.П. Выражение речевого этикета в эрзянском и венгерском языках дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2007. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://dissers.info/abstract_34853.html.

References

1. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. Voronezh: VGU, 1996. 450 s.
2. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' kontseptov russkoy kul'tury. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 824 s.
3. Vdovina E.V. Pozdravlenie i pozhelanie v rechevom etikete: kontseptual'nyy i kommunikativnyy analiz: avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 2007. 24 s.
4. Baydak A.V. Lingvokul'turnaya reprezentatsiya sel'kupskey diady «zhizn'-smert'»: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. Tomsk, 2011. 46 s.
5. Vodyasova L.P. Metaforicheskoe predstavlenie kontseptov «zhizn'» i «smert'» v mordovskikh, russkom i angliyskom yazykakh // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2011. – № 1 (5). – S. 61-64.
6. Vodyasova L.P. Metaforicheskaya reprezentatsiya kontseptual'noy diady «zhizn' – smert'» v pretsedentnykh i khudozhestvennykh tekstakh mordovskikh, russkogo i angliyskogo yazykov // Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira: sb. nauch. tr. Vyp. 5 / sost., отв. ред. Т.В. Симашко.

М.: Arkhangel'sk, 2011. S. 151-154.

7. Vodyasova L.P. Eksplikatsiya kontsepta «religiya» v romane A.M. Doronina «Bayagan' suleyt'» («Teni kolokolov») // Gumanitarnye nauki i obrazovanie: nauch.-metod. zhurn. – 2013. – № 3 (15). – S. 119-124.

8. Vodyasova L.P. Yazykovaya kartina mira kak podsistema kontseptual'noy kartiny mira // Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira: sb. nauch. tr. Vyp. 6 / sost., otv. red. T.V. Simashko. M.: Arkhangel'sk, 2013. S. 148-155.

9. Vodyasova L.P., Utkina T.V. Kontsepty traditsionnosti obraza naroda v tvorchestve mordovskikh pisateley kontsa XIX – nachala XX vekov // Gumanitarnye nauki i obrazovanie: nauch.-metod. zhurn. – 2012. – № 2 (10). – S. 89-91.

10. Dushenkova T.R. Kontsept däs'ton i udmurtskiy kharakter // Vestnik ugrovedeniya. – 2013. – № 1 (12). – S. 26-33.

11. Tsypanov E. A. «Schast'e i udacha» v finno-ugorskikh yazykakh // Linguistica Uralica. – 2012. – Iss. 4. – Pp. 265-275.

12. Formanovskaya N.I. Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodologicheskiy aspekt. M.: Rus. yaz., 1982. 126 s.

13. Ariskina T.P. Vyrazhenie rechevogo etiketa v erzyanskom i vengerskom yazykakh dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2007. 151 s. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://dissers.info/abstract_34853.html.

УДК 821.511:143

С.С. Динисламова

Творчество Ю. Шесталова в оценках отечественных и зарубежных исследователей

Аннотация. О творчестве Ювана Шесталова написано более двухсот критических и научных статей, в том числе три крупные работы – статья венгерской исследовательницы Каталин Надь, посвященная шестидесятилетнему юбилею поэта, диссертационные исследования Е.В. Чепкасова «Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю.Н. Шесталова 1955-1988 гг.» и С.С. Динисламовой «Проблема эволюции творчества Ювана Шесталова».

Обзор литературной критики и научных работ позволяет сделать вывод, что в зависимости от исторического времени наблюдается несколько подходов к осмыслению творчества поэта, писателя, журналиста.

Ключевые слова: Юван Шесталов, манси, основоположник мансийской литературы, литературная критика, творчество.

S.S. Dinislamova

Yuvan Shestalov's creativity in the evaluation of Russian and foreign researchers

Summary. There are more than two hundred critical and scientific articles devoted to Yuvan Shestalov's creativity. Three major works should be noticed among them: the article of the Hungarian researcher Katalin Nagy, dedicated to the sixtieth anniversary of the poet, E.V. Chepkasov's dissertation research "Artistic interpretation of shamanism in the works of Yu N. Shestalov 1955-1988", and S.S. Dinislamova's work «The problem of evolution of Yuvan Shestalov's creativity».

An overview of literary criticisms and research papers leads us to the conclusion that depending on the historical time there has been several approaches to understanding the creativity of the writer, poet and journalist.

Keywords: Yuvan Shestalov, Mansi, founder of Mansi literature, literary criticism, creativity

О творчестве Ювана Шесталова написано более двухсот критических и научных статей, три крупные работы – статья венгерской исследовательницы Каталин Надь, посвященная шестидесятилетнему юбилею поэта, диссертационные исследования Е.В. Чепкасова «Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю.Н. Шесталова 1955-1988 гг.» и С.С. Динисламовой «Проблема эволюции творчества Ювана Шесталова».

Обзор литературной критики и научных работ позволяет сделать вывод, что в зависимости от исторического времени наблюдается несколько подходов к осмыслению творчества поэта, писателя, журналиста. Например, многие статьи, написанные в

1960 годы, отличаются идеологической предвзятостью. Юван Шесталов предстает в них «правофланговым в поэзии северян» (М. Воскобойников), «вдохновенным певцом великого социалистического обновления жизни» (В. Лебедев), «певцом возрожденного края» (Л. Чуднова). Статьи 1970-80 годов содержат в себе образно-тематический, сравнительно-сопоставительный анализ отдельных произведений писателя, делаются первые выводы и обобщения, характеризующие его творческий рост. Опыт Шесталова чаще рассматривается в контексте литературных движений эпохи. Основным критерием оценки его личности и творчества до 1990 годов становится знание им своего народа, его тради-

ций и верований. Специальных фундаментальных работ творчеству Ю. Шесталова в этот период не было посвящено. И лишь после 1990 года, по нашим наблюдениям, начинается новое – научное исследование художественного мира писателя. Первой крупной работой, раскрывшей поэтику произведений Шесталова до 1988 года, стала диссертация Е.В. Чепкасова. В данном фундаментальном исследовании осмысливается шаманство в прозе писателя. Диссертация С.С. Динисламовой охватывает уже творчество до 2004 года, рассматривается и период наиболее напряженных религиозно-философских и художественных исканий писателя, вызывающих противоречивые и резко противоположные оценки. Жизненный и творческий путь писателя дошел до 2011 года. Интерес к словесному искусству выдающегося поэта и прозаика, публициста, именуемого основоположником младописьменной мансийской национальной литературы не угасает, издаются научные статьи, заметки, воспоминания.

В данной работе нами делается обзор научно-критической литературы, тех публикаций, в которых затрагивается проблема творческой эволюции Ю. Шесталова. В освещении литературных исканий писателя наибольший интерес представляют работы критиков и исследователей: А.Н. Баландина, А. Петрова, Н. Кутова, В.А. Солоухина, Ю.Л. Прокушева, Н.Г. Михайловской, Б.Л. Комановского, В. Косихина, Г.Н. Черной, И.Ф. Смольникова, П. Уляшева, Э. Бальбурова, А.В. Пошатаевой, В. Лаврова, Каталин Надь, Доминика Самсона Норманда де Шамбурга, О.А. Соляр, В.Д. Лебедева, Петера Домокоша, Е.В. Чепкасова и др. Также прослеживается и отношение самого писателя к литературной критике его творчества.

Итак, первая рецензия, посвященная стихотворениям Шесталова, была опубликована 17 марта 1957 года в газете «Ленинская правда». Она сопровождала стихотворения «Ас» («Обь») и «Тэлы» («Зима»). Автором рецензии является представитель народа манси – М.П. Вахрушева. В апреле 1958 года в этой же газете опубликованы еще две статьи о Шесталове: Б. Томаревского «Молодой поэт мансийского народа» и В. Попова «Стихи И. Шесталова». Каждая из

этих трех публикаций для начинающего поэта была весьма значима. Особо значимыми в начале творческого пути стали для него и слова известного поэта М.А. Светлова: «Как вообще угадывается талант? Он может, я не могу. Значит, он – талант» [1, 35]. В ответ на признание своего поэтического дара Шесталов посвящает Светлову стихи, в которых отражает стремление к творческой деятельности:

М.А. Светлову

...Я из новых,
молодых костей,
Только в сердце
прежней боли груз.
Новая из новых шкур постель –
Прежняя в мансийском сердце грусть.
И настал, настал великий век.
И сегодня снова я пою.
С солнцем в сердце,
С солнцем в голове
Манси песню слушают мою... [2, 232]

В эти же годы поэт-манси посвящает стихи В. Федорову и М. Дудину. Дудин – первый, к кому обратился Шесталов за поддержкой. В его переводах в журнале «Нева» были опубликованы стихотворения поэта в 1957 году. Федоров также оказал большое содействие Шесталову в период становления его таланта. Отметим, что в 1978 году в статье «Даль памяти народной» Ю.Л. Прокушев вполне обоснованно ставит перед исследователями проблему преемственности этих двух певцов сибирской земли – М. Федорова и Ю. Шесталова.

Мансийского поэта не оставили без внимания и на 4-м съезде писателей. Его имя неоднократно упоминалось среди наиболее одаренных молодых литераторов – и в «Слове о поэзии» М. Дудина, и в докладе «Современность и проблемы прозы» Г. Маркова.

Особо гордится Шесталов мнением А.Н. Баландина. Ученый называет поэта реформатором национальных художественных традиций, а такую оценку дает сборнику «Миснэ» (1961): «Сборник «Миснэ» представляет собою значительное явление в творческом росте молодого поэта Ювана Шесталова. В этом сборнике много новых тем, идей, в нем большое жанровое разно-

образе стихов и новых приемов в мансийском стихосложении» [3, 9]. А.Н. Баландин написал не только вступительную статью к сборнику, он является автором смысловых переводов на русский язык. Шесталов с благодарностью вспоминал: «Алексей Николаевич Баландин сам пробовал писать на мансийском языке стихи. Переводил с русского на мансийский. В поэзии очень трудно это сделать. Он меня заинтересовал этим. Я искал формы, как выразить. Кроме этого я русскую поэзию читал. И вот на мои стихи в сборнике «Миснэ» Баландин сделал смысловой перевод. Мансийским языком он владел хорошо. Он ученый с большим опытом работы. До этого мои стихи переводили поэты, но здесь сделан перевод ученым человеком! Он как бы этим меня благословил».

Сборник «Миснэ» – единственная книга Шесталова, включающая в себя оригинальные тексты стихотворений на родном языке с приложением смысловых переводов на русский язык. Работы такого содержания, как отмечает А.Н. Баландин, представляют «большой выигрыш для литературы» [3, 9]. Они помогают переводчикам правильнее понять специфику национальных образов и предупреждают от чрезмерно свободной их трактовки.

Сборники «Пойте, мои звезды» (1959), «Огонь на льду» (1961), «Песня последнего лебедя» (1969), «Таежная поэма» (1970), «Языческая поэма» (1971) «Сказка в синий полдень» (1977), «Огонь и снег» (1979), «Слово Гиперборея» (1984) представляют собой поэтические переводы произведений Шесталова. Выполнены они известными поэтами-переводчиками: М. Дудиным, В.Д. Цыбиным, О. Шестинским, Н.И. Грудининой, Г.С. Семеновым, В. Фалеем, С.В. Ботвинником и др. Здесь следует отметить, что представление о Шесталове как о «правофланговом в поэзии северян» (М. Воскобойников), «вдохновенном певце великого социалистического обновления жизни» (В. Лебедев), как раз сложилось на основе переводов. Считаю, что данные определения создают некий стереотипный облик поэта, сужают индивидуальную сложность его личности. Например, Б. Невская в своей статье отмечает, что перед русскоязычным читателем лирика поэта предстает «нео-

бычайно разнообразной музыкой», в которой звучат «то медленные волны Оби, то колоритный ритм мансийской пляски, то быстрый бег упряжки», в которой «спорят легендами, Юван воспевают социалистическую новь мансийского края» [4, 243]. Л. Чуднова в статье «Взволнованный голос» пишет о том, что поэзия Шесталова олицетворяет не только человеческое тепло, счастье, но и «дерзание, тот огонь беспокойных дум, который движет людьми в их великих свершениях и незаметных подвигах» [5, 176]. Не отрицает восторженности «раннего» Шесталова и В. Косихин, однако им справедливо подчеркивается творческий рост поэта: «Как-то в «Литературной газете» один критик заметил, что творчеству Шесталова свойственно восторженное удивление жизнью. Будь это сказано лет восемь-десять назад, можно было бы согласиться с такой характеристикой. Тем более что восторженность в юности – вещь похвальная. Но беда автора приведенного определения в том, что, рассуждая о развитии младописьменных литератур, он забыл, что они не стоят на месте, а действительно развиваются <...> Поэт научился мыслить» [6, 206]. Косихин предполагает, что причиной восторженности ранней поэзии Шесталова могло быть и само творчество поэта, то есть осознание им своей индивидуальности, избранности. Нами же отмечается, что восторженность усилена в переводах. В завершение данной мысли (забегая вперед, в период создания «Языческой поэмы», 1971) приведем высказывание К.Я. Лагунова: «Я знаком почти со всеми переводчиками «Языческой поэмы». Это одаренные поэты, достаточно хорошо владеющие поэтическим мастерством. Но они даже гостями не бывали на Приобском Севере, не знают ни быта, ни культуры, ни фольклора, ни языка того народа, с которого пытаются переводить на русский язык. Не упрекаю их в этом. Тут целый сонм глубоких объективных и субъективных причин, но страдает от этого литература» [7, 203]. Автор, освещая проблему перевода, справедливо приводит сравнения и предложения, созданные переводчиками, которые способны вызвать недоумение: «Когда крысы были жирны, как в болотах комарье», «Наши речки, словно реки, онемели от

мороза». При тщательном изучении сборника «Нюлы эрыг» (мансийский вариант «Языческой поэмы») подобные сравнения и предложения не найдены, что говорит об их «придуманности» переводчиками для соблюдения ритмического строя стихотворной речи.

Лагуновым приводятся строки «И льют песни плавные, как жир», или «как жир по волнам, плавно льются мысли», которые он также считает нетрадиционными. Здесь мы смело возражаем критику – именно с жиром, маслом сравнивают манси течение своих мыслей, слаженную, ровную речь собеседника и звучание красивой песни.

Конечно же, переводы расширили связь мансийской литературы с другими литературами. Преимущественное внимание переводчиками уделялось больше содержательной стороне художественного произведения, чем передаче национальных и стилистических особенностей, в частности мелодики, ритмики, лексики.

Вернемся к творчеству 1960-х годов. В статье «Дата рождения – XX век» (1963) А. Петров творчество начинающих поэтов Владимира Санги и Ювана Шесталова сравнивает с небольшой, но яркой страницей в истории многонациональной литературы. Раскрывая мировоззрение Шесталова, критик подчеркивает его веру в силу своего народа, в дружбу народов. Поэт понимает, что свобода в его край пришла в результате Великой Октябрьской социалистической революции. При этом к прошлому он подходит критически, так как видит в нем «не только темные стороны, но и истоки того духовного расцвета, которые были заложены в народе и существовали всегда» [8, 127]. Петров отмечает, что лучше всего поэт поет о родном крае, и дело здесь не только в том, что Шесталов хорошо знает свою родину. Он незримо связан с духовной жизнью народа, и в творчестве продолжает развивать устоявшиеся веками традиции. Тема родины, вбирающей в себя быт родного народа, его обряды, поверья, Россию, русскую школьную учительницу, любимую женщину – ленинградскую Миснэ, является главной в раннем творчестве писателя.

В 1968 году о глубине поэзии Шесталова высказывается Н. Кутов: «Когда я

перевожу Ювана, мне всегда кажется, что он намного старше меня в своих стихах, что он принадлежит к поколению поэтов тридцатых годов. Кажется, что его стихи о революции, о первых комсомолках снежной России рождены непосредственными впечатлениями тех лет» [9, 170]. Критик говорит о поэтической зрелости Шесталова, о чувстве глубокой ответственности за судьбу народа, однако, причисляя его к поколению 1930-х годов, тем самым «делает» немного «старомодным» или отставшим от времени. Безусловно, для 1960-х годов стихи о революции выглядят наивно, но поэт как выразитель народной «души» поет о самом значимом и непреходящем, он радуется счастливым переменам в жизни людей. Исторический путь народа манси от невежества и темноты к счастливой жизни – вторая центральная тема ранней поэзии Шесталова.

Одним из перспективных направлений в литературах Севера является развитие в них художественного очерка и публицистики. Знание Шесталовым самобытной культуры манси, людей края требовали выхода не только через поэзию, но и через оперативные жанры публицистики. В 1960-е годы он пишет статьи: «Медвежий праздник (об искусстве народа манси)» (1962), «Мое Березово» (1962), «Оленеводы» (1963), «В селе моего детства» (1963) и др. Писателя беспокоят и экологические проблемы, что говорит о его сопричастности к своему времени, сформировавшейся авторской позиции и стремлении к художественному обновлению. Его очерки — «Северные новинки» (1965), «Чудо на Югре» (1967), «Сказка и жизнь» (1967) и др. – раскрывают перемены в жизни края, призывают заботиться об окружающей природе.

В эти годы состоялась совместная поездка Шесталова и Н. Кутова в Сибирь. Происходящие «великие» перемены правдиво отражались поэтом-манси. Только на Севере, «слушая шум ветра, видя зеленые волны тайги», критик по-новому открыл для себя Шесталова, осознал его озабоченность, ведь «исконные ценности этого края могут исчезнуть, если не охранять их. Нельзя допускать, чтобы реки превращались в сточные каналы <...>, хотелось бы наиболее гармоничного сочетания промышленности

и природы» [1, 173]. В целом же, тематика очерков Шесталова широка, преобладающим становилась та или иная тема на основе реальной действительности.

В 1971 году В.А. Солоухин пишет вступительную статью к «Языческой поэме». В ней есть строки: «Существует правильное мнение (и Юван Шесталов его своим творчеством подтверждает), что большой художник на протяжении всей творческой жизни хотя и пишет разные произведения, но создает как бы единое, цельное полотно» [10, 6]. Как видим, уже в те годы

творчество Шесталова представляет собой стройную систему. Оно объединено одним мироощущением, подчинено единому замыслу, единой композиции; «системность» творчества достигнута осознанием миссии – сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух родного народа и его исторический опыт. Солоухин называет поэта «связным», «выразителем» души народа манси. Так им раскрывается портрет художника: «Он весь насквозь <...> генетически напитан охотничьими инстинктами и традициями <...>. А шаманское «нечто» в нем есть, это точно <...>. Стихи Юван легко перемежает лирической прозой <...>. [В «Языческой поэме»] верха выразительности Юван достигает в «Пятой думе медвежьей головы» <...>. Он выходит на обобщение, и это обобщение достигает взрывоопасной силы» [11, 21]. Критиком выявлена талантливость писателя, заключающаяся в том, что при чтении текста у читателя появляется ощущение, будто стихи он читает от самого себя:

«...На столе большом сижу,
На столе большом священном,
С высоты стола гляжу
На людей, на пол, на стены.
Ночь — к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою...» [2, 128].

Подчеркивая самобытность творчества писателя, Солоухин проводит параллель между его «Языческой поэмой» и «Песнью о Гайавате» Г. Лонгфелло, отмечает, что в отличие от таких поэтов природы, «как Пришвин и Лонгфелло, Шесталов не пришел к природе, а вышел из нее. Его стихами говорит не только народ манси, живущий

среди природы, но и природа как таковая» [12, 57]. Так мы подошли еще к одному источнику вдохновения поэта – природе родного края.

О «Языческой поэме» ярко высказывается Ю.Л. Прокушев. Он делится ощущениями от ее прочтения – как будто «испил из родника студеной ключевой воды». В поэме картины жизни «столь необычны и первозданны, столь эмоционально возвышенны и образно-метафоричны, столь напряженно-глубоки по мысли, значительны по своим гражданским идеалам, наконец, столь драматичны, а порой и трагичны, что их невозможно было воспринимать спокойно и тем более равнодушно» [13, 6]. Поэма покорила Прокушева своей «поэтической дерзостью», наполненностью стихотворений «глубокой, нескрываемой авторской иронией», смелым обращением к «богатым сокровищам древних мансийских сказаний, легенд, песен». Очевидным для критика стало то, что для поэта главное – «наш день, жизнь его народа сегодня» [13, 6], обращение же к прошлому вызвано его стремлением осмыслить связь времен. По определению Прокушева, «Языческая поэма» – «одно из выдающихся произведений советской многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм, книга богатейшей художественной смелости» [14, 193].

Начиная с 1962 года, за творческим маршрутом Шесталова пристально следит Л.В. Полонский. Нам известны десять его работ. Для последовательного освещения созидательного пути писателя обратимся к работам середины 70-х годов – к первой критической статье о повести «Тайна Сорни-най» (1976). В статье «Легенда, ставшая былью» критик называет повесть «умным, добрым, поэтическим произведением». Он рассматривает ее по определенной системе, раскрывающей связь времен: «Можно с полным основанием утверждать, пользуясь известными высказываниями А.М. Горького, что в произведении Шесталова сочетаются «действительность прошлого», «действительность настоящего» и «действительность будущего» [15, 3].

Повести «Тайна Сорни-Най» статьи посвятили Г.А. Черная, А. Николаев, В. Гилев, А.В. Пошатаева, В.Д. Лебедев, Н. Кач-

мазова и др. Исследователи раскрывают идейно-художественное своеобразие произведения, подчеркивают его значимость в творческой биографии писателя, более поздние работы направлены на исследование мифо-фольклорных начал повествования. Оценка произведения неоднозначна.

В.Д. Лебедев считает, что повесть не стала творческой удачей художника, так как в ней «нет того чарующего, обостренно-поэтического восприятия мира, которое волновало, увлекало, заколдовывало читателя в первых повестях» [16, 120]. Он пишет о том, что «Тайна Сорни-Най» сконструирована, сделана, а не рождена вдохновением. Ю. Шесталов увлекся, пошел по накатанной тропе. В его повести многое вторично, уже знакомо: все тот же прием ретро (возвращение из сегодняшнего дня в прошлое)» [16, 120]. Считаем, что именно «прием ретро» и создает неповторимый эмоциональный и эстетический микроклимат повестей Шесталова. Писатель творчески подходит к фольклорному наследию народа, переосмысливает и обогащает его идейно-эстетическое содержание на новом историческом уровне. Лебедев «недостаток повести» увидел в художественном решении образа главного героя: «<...> в идеале Сергей Лугуй должен гармонично соединить в себе все лучшее из традиционного и современного. <...> Однако Сергей считает себя прямым наследником комсомольских традиций. <...> Автор не замечает (по крайней мере – прощает) флюгерности Сергея» [16, 124]. Повесть «Тайна Сорни-Най» написана Шесталовым от третьего лица. В отличие от автобиографических повествований, в ней соблюдается дистанция между повествователем и центральным персонажем. Чтобы подчеркнуть эту дистанцию, автор часто оправдывает поступки героя. Считаем, что в повести Шесталов прослеживает рождение «нового» человека Севера, покоренного современностью. И об этом справедливо высказывается Н. Качмазова. Она отмечает, что семантика жанровых симбиозов в северных литературах 60-70-х годов в основе имеет однозначное представление о цивилизации как царстве науки и техники. Наряду с этим в культурах северян наблюдается возрождение ценностной значимости национальных, этнокультурных и природных

явлений и процессов. Это возрождение связано с новым пониманием содержания личности, которой для «осуществления себя и самоопределения в бытии понадобилось заново освоить те ценности, которые были в архаическом сознании» [17, 179]. Считаем, что герой-манси Шесталова в повести «Тайна Сорни-Най» осознает место этих ценностей в своей жизни. Более того, он ищет способы совмещения этих ценностей с ценностями цивилизованными. Трудности же идут от необратимых процессов угасания традиционной культуры.

В 1979 году Н.Г. Михайловская научно исследует русский язык в произведениях Шесталова. Одним из основных признаков индивидуального стиля писателя она отмечает двуязычие. Исследовательница приходит к выводу: Шесталов в своих произведениях широко использует двуязычный параллелизм при употреблении топонимических и омонимических названий (например: «...Березово. По-мансийски Халь-ус. Это значит березовый город, город в березах»); иногда употребляет русский перевод мансийского слова, обозначающего новое понятие (например: «огненная вода» – «нефть»); применяет «нанизывание» вопросительных предложений («Кто такой Революца? Если это человек, то какие у него глаза, руки, голова? Головой он силен или руками?») [18, 53]. Михайловская отмечает, что применение «нанизывания» вопросительных предложений сообщает контексту характер полифонии. Вместе с тем эта полифония эмоций, отражающая различные чувства – страх, надежду, настороженность, сомнения. Данный контекст показателен для поэтики Шесталова в целом, писатель идет от слова к емкому и многогранному образу.

Э. Бальбуров в статье «И что без бури океан!...» (1979) осмысливает творческую эволюцию Шесталова в период обращения к прозе. Повесть «Синий ветер каслания» позволяет критику сделать такие наблюдения: только в каслании, в родном краю «душа поэта однажды очнулась, и он увидел край, знакомый с колыбели, словно сотворенным заново» [19, 104]. Но не одна только природа с ее вечной и непостижимой красотой владеет воображением поэта. Как подмечает Бальбуров, автор будущей

«Языческой поэмы», где проблематика времени ворвется в стих подобно шквалу, чувствуется уже в период создания первой повести, правда пока только – «в смущенном удивлении перед открывающимися даями жизни, сложности и радости, которую обещает ее художественное постижение» [19, 104]. Данные строки, подчеркивающие творческий рост поэта, раскрывают еще один источник его вдохновения – проблематику времени. Время в творчестве Шесталова – это промежуток, вмещающий конкретную человеческую жизнь и одновременно всю историю народа, в этом времени – гигантское столкновение противоречий, будоражащих поэта сегодня и устремленных в будущее.

Венгерская исследовательница Каталин Надь отмечает, что пространственные и временные сдвиги в произведениях Шесталова «рождались» под воздействием его духовной тоски по родине, внутренней ответственности за своих мертвых и живых земляков, надеждой на возвращение к родному очагу, ностальгии по детству, «которое было наполнено живыми рассказами, песнями, материнской лаской и теплотой бабушки с дедушкой» [20, 514]. Исследовательница характеризует еще одну особенность творчества писателя – автобиографизм: «Творческие методы Шесталова обуславливаются объективными и субъективными факторами, такими как: древнее наследие мансийской народной поэзии, фольклор; примеры классической и современной мировой литературы; гетерогенный слой читателей; миссия, роли, которые он брал на себя. Поэтому творчество Шесталова в прямом и переносном смысле этого слова является расширенной автобиографией» [20, 513]. Автобиографизм – характерная черта творчества Шесталова. Эпический план произведений выстраивается им на материалах собственной биографии.

В 1987 году Шесталову исполнилось 50 лет. В честь памятного события в «Литературной России» вышла обзорная статья П. Ульяшева «Нужны мне крылья...». Анализируя раннюю поэзию, автор называет Шесталова поэтом счастья и гармонии жизни. Истоки этого критик видит в самом детстве поэта, в его первых, незамутненных впечатлениях, не искривленных «здравым

опытом, житейским расчетом» [21, 5]. Он отмечает, что поэт, многократно усиливая свое удивление о познанном в детстве, «своим восторгом заражает нас, казалось бы много изведавших, много знающих...» [21, 5]. Восторг Шесталова нами рассматривается как чуткость, чувственность души, его искренность и доверительность. Естественной, природной жизни присуща радость бытия, гармония чувств. Этими качествами и обладает творчество писателя, во всяком случае, в первую очередь. В каждом произведении раскрывается мироощущение поэта, его индивидуальное творческое самовыражение: «Я – человек – венец творенья, / я – мое стихотворенье», а понимание жизни – «Как хорошо на свете, / Целую землю-мать, / Людей, деревья эти / И солнце понимать!». Примеры взяты из раннего творчества поэта, но в них уже таются глубинные чувства.

Переход писателя от поэзии к прозе Ульяшев связывает с его неумолимой жадностью познать себя и мир, разгадать извечные тайны жизни. Проза Шесталова «переходит в стихи, стихи – в сказку, сказка в наш день. И все вместе рождает удивительный сплав, которым автор определил жанр одной из своих книг: «слово – дело – песня» [21, 5]. Речь идет о повести «Синий ветер каслания» (1964). Свою статью Ульяшев завершает высказыванием Шесталова, дающим ключ к пониманию творчества: «Когда я пел про синий ветер каслания, я думал не только о цвете ветра и игре звуков под копытами оленей, сколько о жизни с ее запахами и красками, о ее вечном ритмичном движении. Задача моя была довести до слуха читателя древнюю музу моего Севера, поведать о белой тайге, где бродит жизнь рядом со сказкой. Этой сказкой, может быть, дышали все народы, я ею дышал еще вчера» [21, 5]. Данные слова определяют связь литературы с фольклором, объясняют жанрово-стилевую и идейно-тематическую структуру творчества, в котором фольклор является своеобразным фундаментом.

В повести «Синий ветер каслания» Шесталов талантливо раскрывает быт и нравы людей, повествует об обычаях, обрядах. Ульяшев пишет, что для писателя все это слишком близко и «все это еще живо в душе и сознании народа, который на про-

тяжении жизни одного поколения шагнул в космический век» [21, 5], т.е. истоки творчества Шесталова кроются в особенностях национального художественного сознания народа. В целом же, взаимодействие творчества писателя с фольклором проявляется не только в содержании повествований, в характеристике героев, сюжетопостроении и композиции, но и в языке и стиле. Благодаря освоению фольклорных традиций Шесталову удалось в ярко выраженной форме воплотить в произведениях всю специфику национального сознания, духовной жизни, культуры и быта народа. Отразил писатель и противоречия времени. В повести «Синий ветер каслания» его герой размышляет больше о «настоящей действительности», а в повести «Когда качало меня солнце» раздумья героя – и о настоящей, и о «прошлой действительности». Второе повествование можно рассматривать исповедью человека, который на примере истории своего народа, избегнувшего реальной угрозы вымирания, осознал значение времени и свою миссию. Произведение насыщено внутренними раздумьями героя, его сокровенными переживаниями.

В 1987 году в честь пятидесятилетия писателя издается сборник «Юван Шесталов. Избранные произведения». Вступительная статья «Малый и большой мир поэта» написана Л. Лавровым. В ней есть строки: «Поэт начинается с самопознания, с стойчивых вопросов: кто я, кто мы, как мы жили раньше, как будем жить завтра, кто ты, человек? В этом сложном процессе самопознания, в поиске своего слова опорой и примером для Шесталова явилась русская культура. Символом этой культуры для поэта навсегда стал Ленинград» [22, 6]. Автор справедливо считает, что, приобщаясь к русской и мировой культуре, поэт-манси постепенно определяет и свой стиль. Однако необходимо отметить, что первая «встреча» с русской культурой у Шесталова произошла в годы учебы в школе. Именно со «встречи» с великим Пушкиным началось его поэтическое пробуждение. Волшебные строки Пушкина затронули душу мальчика, взволновали его чувства, пробудили в нем поэтическое мышление.

Далее Лавров пишет о том, что писатели-северяне, хотя и отошли от природного

истока – того мира, где человек ощущает себя частицей всего сущего, но продолжают остро ощущать живительную силу этой связи. Их произведения отличаются экологической нравственностью, предупреждают от заносчивости, «поспешности в делах, которые могут привести к печальным результатам, нарушить вековечный союз человека с землей, тайгой, рекой» [22, 7]. Данные слова напрямую относятся и к мансийскому писателю.

Далее отметим тот факт, что после 1987 года (в 1987 году издано более 10 объемных статей о Шесталове) литературная критика на время потеряла интерес к творчеству мансийского писателя. В 1989 году издавались статьи Ю. Прокушева «Основоположник», В. Солоухина «Сосьвинские мотивы». Издано несколько работ в Тюменской областной (Тюменской) и окружной (Ханты-Мансийской) газетах. Примечательным является то, что в 1988 и 1992 гг. вышли две статьи, написанные представителями народов манси и ханты: Э.И. Мальцевой и А.М. Сенгеповым. До 1987 года из представителей этих народов творчество Шесталова рассматривали М.П. Вахрушева (1957) и Е.Д. Айпин (1982). Работы все названных авторов носят историко-биографический характер.

С 1993 года начинается качественно новая (научная) волна исследований творчества писателя-манси. Сначала обратимся к монографии венгерского ученого Петера Домокоша «Формирование литератур малых уральских народов» (1993), в которой автор обрисовывает историю развития литератур, их взаимосвязи и характеризует отдельных писателей.

Приход Шесталова в литературу Петер Домокош сравнивает с кометой. Истоки творчества поэта он видит в прошлом и в традициях народа. Исследователь пишет о том, что дед писателя был шаманом, а отец – председателем колхоза, подчеркивая тем самым два начала, две исторические традиции, полученные Шесталовым в наследство от предков: древнюю, уходящую корнями в языческие пласты человеческой культуры, и современную, связанную с новыми веяниями времени. Причину обращения писателя от родного языка к русскому исследователь видит в отсутствии интере-

са у читателя. (Мы видим причину ограниченного круга читателей в отсутствии литературы. Книги «оседали» в библиотеках крупных населенных пунктов, в то время как основная часть манси жила в небольших поселениях). Свой переход на русскоязычное творчество Шесталов связывает с желанием рассказать большему кругу читателей о родном крае, народе, времени.

Петер Домокош, рассматривая вопрос о взаимосвязях уральских литератур, пишет и о встречах венгров и «мансийцев», которые были очень важны, прежде всего, для Шесталова. После выхода его сборника стихотворений «Макем ат» («Запах моей земли», 1958), в 1959 году некоторые стихотворения на венгерский язык перевел Геза Кепеш. Петер Домокош отмечает неожиданную популярность Шесталова в Венгрии, под влиянием впечатлений поэт-манси создает поэму «Юлиан», в которой дает поэтическое оформление теме новой (после Юлиана) встречи двух близких родственных народов. Данное произведение, по мнению исследователя, является «своего рода мансийским соответствием романа Кодолани о Юлианусе» [23, 215]. Шесталов внимательно относится к венгерской литературе, тщательно изучил труды Бернаты Мункачи. Это означает, что уже в начале творческого пути он соприкоснулся с самыми архаическими пластами мансийского фольклора, тем, что невозможно уловить, запомнить и тем более воспроизвести в творчестве при простом прослушивании фольклорных текстов.

Далее обратимся к книге В.Д. Лебедева «Манси. Очерк истории литературы» (1995). Творчество Шесталова рассматривается исследователем в контексте национальной культуры манси. Лебедев пытается ответить на вопросы: «как свершилось рождение на наших глазах художественного феномена Шесталова, чем обогащает мансийское художественное слово мировую культуру?» [24, 6]. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо иметь представление о культуре народа, о его историческом пути. Поэтому книга открывается большим историко-этнографо-культурным экскурсом. В ней представлена дореволюционная и советская историография, посвященная манси (вогулам), дается ин-

формация о религиозных верованиях, традициях. Специальный раздел посвящен описанию особенностей устно-поэтического наследия манси, кратко освещается опыт предшественников Шесталова в родной литературе. Данные сведения позволяют осмыслить сложную проблему традиций и новаторства, стоявшую в свое время перед основоположником мансийской литературы.

2003 году в издательстве «Литературная Россия» вышел в свет сборник «Мансийская литература» (составитель Огрызко В.В.). Творчеству Шесталова в нем посвящено 8 статей, созданных в разные годы. В.Д. Лебедев в статье «Моя любовь и страсть» (1995) объясняет причину обращения Шесталова к этнографическим трудам первых исследователей Севера: «... не случайно Шесталов часто обращается к книге К.Д. Носилова «У вогулов» (1904). Это образец русской историко-этнографической художественной беллетристики дореволюционного периода демократического направления, посвященной аборигенам Тобольского Севера» [25, 31]. Отметим, что именно от этой книги, книги-оппонента, чаще всего отталкивается Юван Шесталов в страстной полемике по вопросу исторических судеб своего маленького народа. Он справедливо считает, что в них «человек северного сияния, одетый в шкуру, живущий в чуме из шкур, вставал таким же непонятным и таинственным существом, как безмолвная тундра с вечным снегом, как дремучая тайга с ее красивыми оленями, белками, соболями» [26, 5]. Образ реальных людей Севера адекватно изобразили только сами писатели-северяне, в том числе, конечно же, и Ю. Шесталов.

В статье «Изменение действительности» (2003) О.А. Соляр внимательно подходит к понятию «национальный характер». В образе «человека Севера», который она раскрывает, мы находим не только многочисленных героев Шесталова, но и самого писателя с его стойкостью, напористостью, самоуверенностью, ранимостью, сострадательностью и искренностью. Шесталов, как подмечает О. Соляр, производит впечатление «властелина», «хозяина жизни», «главного на празднике» [27, 51]. Эта уверенность выражена в его внутреннем

содержании, которое выплескивается со страниц произведений, его сила духа передается всему залу, когда он выступает с речью.

Интересными наблюдениями о Шесталове делится французский ученый Доминик Самсон Норманд де Шамбург. Он пытается критически переоценить советский период творчества писателя, положительно характеризуя его изначальную близость к фольклору и осуждая «поэтическую» публицистику 90-х годов. Ученого интересует взгляд писателя на современное историческое время. Исследуя повесть «Когда качало меня солнце», ученый обращается к строкам: «И есть русские <...> Они учат манси различать следы мыслей на бумаге. И говорят, что они лучше шаманов умеют лечить больных. Дедушка мой этому не верил. Он сомневался: разве могут какие-то лекарства колдовать лучше шаманов. Дедушка произносил это тихо, так, чтобы мой отец не слышал. Мой отец – большой человек. Он не только рыбак и охотник, но и председатель колхоза» (Шесталов) [28, 84]. Так комментирует этот текст Доминик Самсон Норманд де Шамбург: «Это двойная жизнь манси, подчеркнутая популярным писателем, свидетельствует о трудностях сосуществования столкнувшихся октябрьской революцией поколений, об удалении сынов от отцов своих и в конце концов – о будущей пропасти, наметившейся между целиком и полностью продуманной советской властью, туземной интеллигенцией и самим народом» [28, 84]. Творческие устремления писателя в советские годы исследователь называет «охотой»: «Перед утратой своих земель манси стали охотиться по-другому. Теперь охота появилась в больших городах <...> по улицам города Ленинграда «сиротливый манси» двигался как охотник в тайге, но, стараясь при этом уловить слова. <...> Для Ю.Н. Шесталова охота не была напрасной: лауреат Государственной премии РСФСР...» [28, 84]. Подобные высказывания и оценки, даже если они в отдельных случаях основываются на анализе материала, в значительной степени лишены объективности и, несмотря на исследовательский характер, отклоняются в области публицистики. За строками французского исследователя стоит, конечно же, мнение ярого критика творчества Шестало-

ва, а скорей всего его личности – В.В. Огрызко. Доминик Самсон Норманд де Шамбург в статье повторяет его мысли и часто цитирует высказывания. Как и Огрызко, он отмечает, что в произведениях Шесталова, на глазах которого произошли все великие потрясения, поставившие мансийский народ «на грань гибели», представлены лишь зарисовки и пережитки мира мифологических героев. Данное высказывание считаем не совсем справедливым. Во-первых, народ еще не стоит на грани гибели, во-вторых, творчеством писатель как раз развивает родной язык и культуру народа. Именно ему принадлежит основная роль в возрождении традиционных обрядовых представлений. Так в 1985 году в поселке Сосьва Березовского района впервые после запрета он организовал «Тулыглап» – Медвежьи игрища. Праздник транслировался по центральному телевидению. В настоящее время обряд «Тулыглап» на территории Ханты-Мансийского автономного округа проводится повсеместно и периодически.

И так характеризует Доминик Самсон Норманд де Шамбург более позднее творчество Шесталова: «Писатель беспокоится лишь о Мощ-Мир, мудрость которых основана на «альтеричности», то есть на признании второго «я». <...> Двухсторонняя схема составляет ось, по которой связаны произведения Шесталова: герои находятся между терзаниями неизбежной историчности и невозможным возвращением к мифу, символизированному возобновлением образа дедушки» [28, 99]. Сказанное отчасти можно считать справедливым: творчество Шесталова движимо кризисами общественной жизни. Но его творческий поиск закономерен: если он создает научно-фантастическую повесть, то естественны идеализация, приукрашивание, удивление; если он обращается к теме родного народа, то естественна боль об утрачиваемых культурно-исторических традициях. Такие произведения раскрывают глубины народной памяти. Например, Ась-ойка у писателя закономерно несет коллективную память рода, морщины своих предков, бремя былых переселений, а отец справедливо думает о выполнении колхозного плана, как о всеобщем счастье.

Далее рассмотрим высказывания В.В.

Огрызко. В Библиографическом справочнике «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока» (1999) критик пишет: «Отец будущего писателя очень хотел, чтоб его сын продолжил начатую им ломку и окончательно перевернул весь мансийский мир. Но Шесталов тогда еще не был готов к роли пламенного революционера. <...> Ему нравилось путешествовать по глухим деревушкам и записывать от старушек позабытые мансийские песни» [29, 420]. Перед нами предстает Шесталов – собиратель фольклора. В поездках, как отмечает Огрызко, поэт занимается литературным творчеством: пишет первые главы повести «Синий ветер каслания», возникает идея «Языческой поэмы». Шесталов учится на Высших литературных курсах в Москве, а в Ленинграде в 70-е годы залы ломались от читателей, так как «для питерцев писатель оставался экзотическим автором» [29, 420]. В статье «После потрясений» (2003) Огрызко заявляет, что в 1960-1980 гг. советская критика повесть «Синий ветер каслания» прочитала «совершенно неправильно». К. Зелинский, Д. Романенко, Б. Комановский «не заметили» в ней то, что герой Шесталова уже настолько привык к городской культуре, что перестал понимать большую часть традиций родного народа. Каслание превращается для него в некий способ познания истории и культуры манси. В то же время мы находим у Огрызко и такие слова: «Я помню признания хантыйского литератора Леонида Тарагупты. Волею обстоятельств Тарагупта рано оторвался от родной почвы, проведя почти все детство в интернатах. Какое-то время он полагал, что мир его деда, во многом жившего старыми преданиями, никому не нужен. И только встреча с повестью Шесталова в корне переломила отношение Тарагупты к своему происхождению. Как он признавался, Шесталов повестью «Синий ветер каслания» <...> как бы вернул его домой, к первоистокам, заставив дорожить хантыйскими корнями» [30, 208]. Ханты и манси – родственные народы, их культурные традиции переходят из поколения в поколение, не теряя своей первоосновы. Примечательно, что Тарагупта через творчество Шесталова смог вернуться к своим национально-художественным истокам ку-

льтуры. Шесталов адресует свои повести широкому кругу читателей, и не каждому читающему подвластно вникнуть в чужую культуру. В связи с этим его книги и вызывают неоднозначную оценку, в том числе и у Огрызко. Так «Языческая поэма» критика удивила тем, что в ней поэт «сумел замесить в одно тесто и языческие мотивы, и темы родства финно-угорских народов, и гимны Ленину, революции, большевикам, нефтяникам. <...> Что еще обидно? С годами Шесталов, безусловно, «набил руку». Он стал свои вещи строить более изобретательно» [29, 420]. Так своеобразно критик подчеркнул творческий рост писателя.

Обратимся к статье Г.Н. Ионина «Миротворный Торум» (1999), раскрывающей творческую эволюцию писателя: «Юван Шесталов из тех, кто успел. Поэтому так поучителен путь или, как говорят, его творческая эволюция от ранних стихов «Языческой поэмы» до нынешних строк, напоминающих клинописные надписи возрожденных шумеров» [31, 15]. Ученый отмечает, что Шесталов в самом начале творческого пути с помощью именно родного слова раскрыл истоки национальной самобытности народа. Первой перед русскоязычным читателем предстала книга «Пойте, мои звезды» в переводе М. Дудина (перевод сборника «Макем ат», 1958). «Языческой поэмой», повестями Шесталов раскрыл истоки нравственных убеждений и идеалов народа, а на творчество зрелых лет, представляющем молитвы, заклинания, пророчества само «время, переживаемое нами, кричит его голосом. И понять этот зов не так просто. Он не созвучен какофонии сегодняшних блужданий и заблуждений. Но он – одна из благих вестей о возможном спасении...» [31, 12]. Индивидуальная сложность личности Шесталова складывается из того, что все его убеждения выстраданы, рождены в нелегком внутреннем споре. Только через душевные испытания, сомнения и боль поэт обретал жизнелюбие и светлые идеалы.

Статья Л.М. Еремеевой «Реки вспять» (2004), раскрывающая внутренний мир поэта, несет положительные эмоции: «Сверкающий титул «Мэтр года» присвоено в январе мансийскому литератору Ювану Шесталову. Волна общественно-

го признания катнула на берег не маленькую серую гальку. Твердую породу, камень космического происхождения. Я рада, что удалось полюбоваться им вблизи...» [32, 4]. Еремеева искренне высказывает свои впечатления от встречи с Шесталовым и Н. Аксариной, раскрывает читателю настоящего Шесталова, которого по жизни ведет чувство, всплеск, внезапное озарение. Не осталось незамеченным ею и одиночество поэта. Она пишет: «А с вершины на вершину, в отличие от самых талантливых людей, способны перемахивать лишь острокрылые орлы и воскресающие из небытия Крылатые Пастэры. Человеку же выпадают иногда душевные боли, разочарования, обиды, и недовольство самим собой <...> Мы обречены на одиночество, приходим в этот мир одни, и так же уходим» [32, 4]. Действительно, Шесталов, имеющий достаточно широкий круг общения, одинок и очень раним. Мотив одиночества особенно остро звучит в его ранних стихотворениях, и в позднем творчестве – романе-камлании «Откровения Крылатого Пастэра».

Обратимся к исследованию Е.В. Чепкасова. Свой диссертационный труд ученый посвятил проблеме шаманства в произведениях писателя. В литературоведении эта тема рассматривается впервые. До этого времени в некоторых публикациях критиков были лишь отдельные высказывания о шаманских корнях поэта. Например, Солоухин увидел шаманское «нечто» в самом облике писателя, когда его «глаза за минувшими стеклами очков еще больше расширяются и округляются; черные <...> упругие, словно проволока, волосы раздаются во все стороны <...>. В такие минуты, когда говорит в нем кровь деда, и появляются у него шаманские строки:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Люди!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Люди!

Если у вас еще не оглохли уши от жизни,
От жизни, летящей железной птицей,
Послушайте меня,
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!» [11, 17].

Чепкасов утверждает, что шаманство является одним из важнейших компонентов

созданной Шесталовым художественной реальности. По мнению исследователя, писатель интуитивно осознавал законы сотворенного им космоса. Писатель, устанавливая законы своего художественного мира, исходит из собственного мирозерцания и идейных установок; считает шаманов хранителями народной мудрости и своими предшественниками на ниве поэзии.

Интересны выводы Чепкасова о том, что в произведениях Шесталова все шаманы-лицетворения относятся к собственно-авторским образам-метафорам. Так Росомаха похожа на Резонера из классицистической пьесы, «поскольку говорит весьма резонные речи», она озвучивает точку зрения самого автора. Интересен также двуипостасный образ Стерха. Однако этот образ характеризуется серьезностью и даже мрачностью – качествами, которые не были характерны ни для «Ювана, веселого шамана», ни для ироничной Росомахи: «Это новшество намекает на тот перелом в мирозерцании автора, который свершится во втором периоде его творчества: шаманство (точнее, религиозно-синкретическое неошаманство) станет для писателя не предметом изображения и художественного преобразования, а предметом проповеди» [33, 102]. Ученый подчеркивает мысль, что Шесталов с каждым новым произведением все больше начинает представлять в роли проповедника, пророка, шамана. В целом, исследование Чепкасова, его выводы помогают осмыслить закономерности эволюции Шесталова, вплотную подводят к необходимости фундаментального исследования всего его опыта – в развитии. Такой вывод у Чепкасова лишь намечен, как отмечалось, его диссертация раскрывает поэтику произведений писателя лишь до 1988 года.

Обзор литературной критики и литературоведческих публикаций позволил выявить следующие особенности творческой эволюции писателя. М. Светлов, А.Н. Баландин, Н. Кутов, В.Д. Лебедев, подчеркивая природный талант поэта, отмечают, что центральными на раннем этапе творчества поэта являются темы родины и исторического пути народа манси. П. Ульяшев считает, что ранее творчество уходит корнями в детские впечатления, в дальнейшем поэт сохранит детскость, первоздан-

ность восприятия как непосредственное и истинное проникновение в мир. Зрелое проявление таланта Шесталова происходит после 60-х годов. А. Петров, О. Соляр, А. Пошатаева отмечают, что в это время сложные впечатления бытия, раздумья о поэзии складываются для писателя в некую эмоционально-философскую систему поэтического мировосприятия. Перед читателем открывается удивительный мир - прошлое и настоящее народа манси. Повести 60-х – 80-х годов увлекают юношеской романтикой, они художественно раскрывают самобытность народной жизни. Такие же оценки в своих высказываниях дают Н. Бальбуров, В. Лавров, Н. Качмазова. Об этом в своих пяти статьях ярко пишет В.А. Солоухин (70-е годы). Он впервые почувствовал и признал целостность творчества Шесталова, отмечая, что его произведения «собранны» одним мироощущением, подчинены «единому замыслу», отмечены композиционным единством, «системность» творчества исходит из осознания писателем своей миссии – нужно сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух родного народа и его исторический и художественный опыт. Критик проводит параллель между «Языческой поэмой» Шесталова и «Песнью о Гайавате» Г. Лонгфелло. По его мнению, в отличие от таких певцов изначального бытия, «как Пришвин и Лонгфелло, Шесталов не пришел к природе, а вышел из нее». Его

стихами говорит не только народ, «природные люди» – манси, но и «природа как таковая».

О «Языческой поэме» высказывается и Ю.Л. Прокушев. Поэма покорила его «поэтической дерзостью», смелым обращением к «богатейшим сокровищам древних мансийских сказаний, легенд, песен». Критик справедливо отмечает, что обращение к прошлому вызвано стремлением поэта осмыслить связь времен. Ю. Прокушев говорит еще об одном источнике вдохновения Шесталова – проблематике времени – творчество писателя движимо кризисами общественной жизни. Об этом в 90-е годы пишет и Г.Н. Ионин. Ученый считает, что на современном этапе эволюции Шесталова само время «кричит» его голосом в заклинаниях, молитвах, озарениях. «Шаманская клинопись» поэта проповедует «планетарное и космическое сознание», однако, несмотря на присущее Шесталову неистовство образов, его творчество в 90-е годы еще остается в сфере публицистики. Таким образом, проблемный обзор, приведенный выше, убеждает в необходимости углубленного изучения «позднего» Шесталова и научной интерпретации всего его творческого пути. Противоречия, загадки, целостность, цельность и динамика художественного мира поэта, которые становятся особенно очевидны сегодня, потребуют еще многих фундаментальных научных трудов.

Литература

1. Светлов М.А. Доброго пути! // Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. С. 35.
2. Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 1. 480 с.
3. Баландин А.Н. Предисловие // Шесталов Ю. Миснэ. Тюмень, 1961. 144 с.
4. Невская Б. Костер на льду // Знамя. – 1968. – № 4. – С. 243-244.
5. Чуднова Л. Взволнованный голос // Урал. – 1962. – № 11. – С. 176.
6. Косихин В. Поэтическое каслание // Москва. – 1972. – №12. – С. 204-208.
7. Лагунов К.Я. Поэтическая энциклопедия жизни // Мансийская литература / сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. С. 191-204.
8. Петров А. Дата рождения – XX век // Молодой коммунист. – 1963. – № 6. – С. 123-128.
9. Кутов Н. Певец возрожденного края // Звезда. – 1968. – № 4. – С. 170-173.
10. Солоухин В.А. Юван Шесталов – поэт манси // Шесталов Ю.Н. Языческая поэма. М., 1971. С. 2-6.
11. Солоухин В.А. Внук шамана // Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск, 1997. Т. 2. С. 21.
12. Солоухин В.А. Языческая поэма Ювана Шесталова // Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. С. 57-60.

13. Прокушев Ю.Л. Основоположник // Шесталов Юван. Избранное. Л., 1976. С. 4-15.
14. Прокушев Ю.Л. Даль памяти народной. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 193.
15. Полонский Л.В. Легенда, ставшая былью // Тюменская правда. – 1976. – № 19. – С. 3
16. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 158 с.
17. Качмазова Н. В сказке продолжается земля // Мансийская литература // сост. Огрызко В.В. М., 2003. С. 179.
18. Михайловская Н.Г. Русский язык в творчестве поэта // Русская речь. – 1979. – № 1. – С. 52-56.
19. Бальбуров Э. И что без бури океан! // Аврора. – 1979. – № 4. – С. 104.
20. Надь Каталин. Заметка ко дню рождения // Юван Шесталов. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 4. С. 513-516.
21. Ульяшев П. Нужны мне крылья... // Литературная Россия. – 1987. – № 26 от 26 июня. – С. 5.
22. Лавров В. Малый и большой мир поэта // Юван Шесталов. Избранные произведения. Л., 1987. С. 6.
23. Домокош Петер. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993. С. 215.
24. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. С. 158.
25. Лебедев В.Д. Моя любовь и страсть // Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. С. 29-47.
26. Шесталов Ю. Песня полярного дня (О времени и о себе) // Литературная Россия. – 18 марта 1977. – С. 5.
27. Соляр О.А. Изменение действительности // Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. С. 47-61.
28. Доминик Самсон Норманд де Шамбург. От упавшего с неба брата до признанного брата // Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. С. 74-100.
29. Огрызко В.В. Юван Шесталов // Огрызко В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Библиографический справочник. Ч. 2. М.: Литературная Россия, 1999. 535 с.
30. Огрызко В. После потрясений // Мансийская литература / сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. С. 205-214.
31. Ионин Г.Н. Миротворный Торум // Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 5. С. 11-17.
32. Еремеева Л. Реки текут вспять / Тюменская правда. – 2004. – № 24. – С. 4.
33. Чепкасов Е.В. Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю.Н. Шесталова 1955-1988 гг. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб. 2005. 238 с.

References

1. Svetlov M.A. Dobrogo puti! // Shestalov Yu. Sbranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk, 1997. T. 1. S. 35.
2. Shestalov Yu. Sbranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo soznaniya, 1997. T. 1. 480 s.
3. Balandin A.N. Predislovie // Shestalov Yu. Misne. Tyumen', 1961. 144 s.
4. Nevskaya B. Koster na l'du // Znamya. – 1968. – № 4. – S. 243-244.
5. Chudnova L. Vzvolnovannyi golos // Ural. – 1962. – № 11. – S. 176.
6. Kosikhin V. Poeticheskoe kaslanie // Moskva. – 1972. – № 12. – S. 204-208.
7. Lagunov K.Ya. Poeticheskaya entsiklopediya zhizni // Mansiyskaya literatura / sost. Ogrzyzko V.V. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 191-204.
8. Petrov A. Data rozhdeniya – KhKh vek // Molodoy kommunist. – 1963. – № 6. – S. 123-128.
9. Kutov N. Pevets vozrozhdennoy kraia // Zvezda. – 1968. – № 4. – S. 170-173.
10. Soloukhin V.A. Yuvan Shestalov – poet mansi // Shestalov Yu.N. Yazycheskaya poema. M., 1971. S. 2-6.
11. Soloukhin V.A. Vnuk shamana // Shestalov Yu. Sbranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk, 1997. T. 2. S. 21.
12. Soloukhin V.A. Yazycheskaya poema Yuvana Shestalova // Shestalov Yuvan. Sbranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk, 1997. T. 1. S. 57-60.
13. Prokushev Yu.L. Osnovopolozhnik // Shestalov Yuvan. Izbrannoe. L., 1976. S. 4-15.
14. Prokushev Yu.L. Dal' pamyati narodnoy. M.: Molodaya gvardiya, 1978. S. 193.
15. Polonskiy L.V. Legenda, stavshaya byl'yu // Tyumenskaya pravda. – 1976. – № 19. – S. 3
16. Lebedev V.D. Mansi. Ocherk istorii literatury. Tobol'sk, 1995. 158 s.
17. Kachmazova N. V skazke prodolzhaetsya zemlya // Mansiyskaya literatura // sost. Ogrzyzko V.V. M., 2003. S. 179.
18. Mikhaylovskaya N.G. Russkiy yazyk v tvorchestve poeta // Russkaya rech'. – 1979. – № 1. – S. 52-56.
19. Bal'buurov E. I chto bez buri okean! // Avrora. – 1979. – № 4. – S. 104.

20. Nad' Katalin. Zаметka ko dnyu rozhdeniya // Yuvan Shestalov. Sobranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo soznaniya, 1997. T. 4. S. 513-516.
21. Ul'yashev P. Nuzhny mne kryl'ya... // Literaturnaya Rossiya. – 1987. – № 26 ot 26 iyunya. – S. 5.
22. Lavrov V. Malyy i bol'shoy mir poeta // Yuvan Shestalov. Izbrannyye proizvedeniya. L., 1987. S. 6.
23. Domokosh Peter. Formirovaniye literatur malyykh ural'skikh narodov. Yoshkar-Ola, 1993. S. 215.
24. Lebedev V.D. Mansi. Ocherk istorii literatury. Tobol'sk, 1995. S. 158.
25. Lebedev V.D. Moya lyubov' i strast' // Mansiyskaya literatura / Sost. Ogryzko V.V. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 29-47.
26. Shestalov Yu. Pesnya polyarnogo dnya (O vremeni i o sebe) // Literaturnaya Rossiya. – 18 marta 1977. – S. 5.
27. Solyar O.A. Izmeneniye deystvitel'nosti // Mansiyskaya literatura / Sost. Ogryzko V.V. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 47-61.
28. Dominik Samson Normand de Shamburg. Ot upavshego s neba brata do priznannogo brata // Mansiyskaya literatura / Sost. Ogryzko V.V. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 74-100.
29. Ogryzko V.V. Yuvan Shestalov // Ogryzko V.V. Pisateli i literatory malochislennykh narodov Severa i Dal'nego Vostoka. Bibliograficheskiy spravochnik. Ch. 2. M.: Literaturnaya Rossiya, 1999. 535 s.
30. Ogryzko V. Posle potryaseniya // Mansiyskaya literatura / sost. Ogryzko V.V. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 205-214.
31. Ionin G.N. Mirotvornyy Torum // Shestalov Yuvan. Sobranie sochineniy. SPb. – Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo soznaniya, 1997. T. 5. S. 11-17.
32. Ereemeeva L. Reki tekut vspyat' / Tyumenskaya pravda. – 2004. – № 24. – S. 4.
33. Chepkasov E.V. Khudozhestvennoye osmysleniye shamanstva v proizvedeniyakh Yu.N. Shestalova 1955-1988 gg. / Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. SPb. 2005. 238 s.

УДК 801. 311

Ю.В. Исламова

**Монография А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север»
как источник топонимической информации**

Аннотация. Работа выполнена в русле региональных топонимических исследований – одного из актуальных направлений современного языкознания. В статье анализируется историческая топонимия Севера Западной Сибири, не исследованная в полной мере до настоящего времени. Источником материала послужил научный труд А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север». В работе предлагается семантико-этимологическая интерпретация географических названий конца XIX – начала XX вв., рассматривается информация, содержащаяся в названиях водных объектов и населенных пунктах, делаются выводы об изменениях, произошедших в топонимии региона с момента выхода издания в свет.

Ключевые слова: Тобольский Север, географические названия, топонимия, этимология, семантика.

Y.V. Islamova

**A.A. Dunin-Gorkavich's monograph "Tobolsk North"
as a source of toponymic information**

Summary. The work is performed in line with the regional toponymic research which is one of the important directions of modern linguistics. This article analyzes the historical toponymy of Northern West Siberia, which have not been investigated fully to the present time. A.A. Dunin-Gorkavich's work "Tobolsk North" was a source of the research. The paper presents a semantic and etymological interpretation of geographical names at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. The information contained in the names of water bodies and settlements is considered. Conclusions are made about changes in the toponymy of the region from the date of monograph's publication.

Keywords: Tobolsk North, geographic names, toponymy, etymology, semantics.

Монография выдающегося исследователя, инженера-лесоведа А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» заслуженно считается энциклопедией Западной Сибири, поскольку содержит разнообразные сведения о природных условиях Тобольского Севера, его социально-экономическом положении, данные этнографического характера. В этой связи книга привлекает внимание представителей разных отраслей науки. Топонимиста, прежде всего, интересуют содержащиеся в ней географические названия.

Структурно «Тобольский Север» состоит из глав, описывающих отдельные географические районы. Одна из них была использована нами для получения анализируемого в работе топонимического материала.

В разделе «Бассейн р. Назым» зафиксировано более пятидесяти имен населенных пунктов, рек и их притоков хантыйского и русского происхождения. Автохтонные названия используются автором монографии в русифицированном виде. Общность употребления онимов, а также универсальные принципы номинации, реализованные в них, позволяют рассматривать топонимы в рамках одной группы, не разделяя по происхождению. Рассмотрим проприативы в аспекте заключенной в них информации.

Большая часть гидронимов отражает сведения о физико-географических особенностях местности. В таких названиях содержится характеристика географического объекта по какому-либо его признаку:

- по конфигурации объекта: *Немсуган* «парная речка» < *нёмас* «двойники, парные

предметы», *йухан* «река» [1, 88];

- по характеру почвы: *Кыш-Юган* «песок-река» < *xiš* «песок, пыль» [1, 288], *йухан* «река» [1, 88];

- по особенностям водонаполнения: *Сором-Юган* «мелководная речка» < *сорэм* [1, 250], *йухан* «река» [1, 88];

- по физическому состоянию гидрообъекта: *Потым* «холодная речка» < *потэм* «холодный» [1, 219]; *Пелькатьюган* «с полыньей река» < *пелькат* «полное место на реке (полынья)» [2, 217].

- по цвету воды: *Полохьюган* «река с темной, ржавой водой» < *пулхэн* «мутный» [1, 223];

- по его местоположению в пространстве относительно другого объекта или его части: Вершинские (юрты), Ямка (юрты), Березовский уезд.

Ряд географических имен мотивирован наименованиями фауны бассейна р. Назым: *Евьюган* «окуня река» < *ев* «окунь» [4, 31]; *Торсоим* «журавля ручей» < *тор* «журавль» [1, 268], *сойм* «ручей» [1, 250]; *Тор-Соим-Курт* «ручья журавля деревня» < *тор* «журавль» [1, 268], *сойм* «ручей» [1, 250], *кэрт* «деревня» [4, 35]; *Сынк*, *Сынк-яга* «утки река», *Сынк-Курт* «утки деревня» < *си́нк* «синьга, чернядь» [1, 249]; *Пан-Юган* «налима река» < *паннэ* «налим» [1, 209].

Значительная часть названий монографии включает в себе социальную информацию. Так, наличие географических имен русского и хантыйского происхождения свидетельствует о том, что данные этнические группы являлись основными в определенный период становления топонимической системы региона.

Топонимы репрезентуют состав имен и фамилий Тобольского Севера в конце XIX-начале XX вв. В их числе названия, образованные от русских канонических имен: *Елизаровское* (село) < Елизар, *Тренькины* (юрты) < Терентий, *Терешкин* (песок) < Терешка < Терентий, *Пашкинская коса* (песок) < Пашка < Павел, *Митрисоим* (ручей) < Митрий < Дмитрий; а также от хантыйских фамилий: *Хорова* (юрты) < Хоров, *Кышиковские* (юрты) < Кышиков.

Географические названия, такие как Тренькины (юрты), Пашкинская коса, Терешкин (песок) свидетельствуют о социальной дифференциации общества. В XVI

–XVII вв. было характерно употребление имен представителей низкого сословья – деминутивов, образованных от основ полных имен преимущественно с уменьшительным суффиксом -ка/-ко: Васька, Иванко, Ивашка. В полной форме (Василий, Иван) фиксировались в административных документах лишь имена бояр, затем дворян [3].

Названия сообщают этнокультурную информацию. Топонимы содержат сведения о материальной культуре жителей, о важных бытовых реалиях: *Выйвар* (юрты) < вуй «жир» [1, 48], *вар* «запор» [1, 36]; *Еш-Пор* «шила река» < *эш пур* «шило» [4, 61]; *Оготьюган* «с волоком река» < *о́хэт* «волоко» [1, 207].

Духовный мир человека отражен в ряде топонимов русского и хантыйского происхождения. Собственно русский оним Изголовь отражает наглядно-образное восприятие действительности номинаторами. Гидроним хантыйского происхождения Хонжу-Утьяга «с узором река» < *хэ́нши* «узор, орнамент», тотем «след медведя» [1, 283] демонстрирует специфику мифологического представления автохтонного населения об устройстве мира.

Географические названия хранят информацию о контактах с другими этносами, о значимых событиях. Гидроним Тать-Юган «война-река», по полевым данным, свидетельствует о военном столкновении с представителями другого народа.

Топонимы бассейна р. Назым, зафиксированные в работе «Тобольский Север», отражают результаты длительных языковых контактов русского и хантыйского народов, насчитывавшие к моменту выхода издания в свет более двух с половиной столетий. Наиболее ярко они проявляются на словарном уровне. В контактирующих языках наблюдаются обоюдные лексические заимствования. Так, в состав лексики русского языка вошел обширный пласт субстратных названий хантыйского происхождения. Процесс вхождения хантыйских онимов в русский язык сопровождался их освоением на всех уровнях языка, в результате которого иноязычные имена приобрели русское звучание, категорию грамматического рода, подверглись словообразовательному переоформлению. В хантыйской топонимии фиксируется значительное количество

названий, образованных от русских имен, полученных ханты при крещении.

Анализ представленного в монографии ономастического материала расширяет современное представление о топонимии прошлого. Сравнение топонимических комплексов начала XX-XXI вв. показывает, что некоторые зафиксированные в «Тобольском Севере» географические имена не отмечаются в современных источниках. В основном это названия хантыйских поселений, обозначаемых на картах конца XIX-начала XX в. как юрты: Карымкарские, Кышиковские, Выйвар, Чучелинские, Хорова, Ильгиборские, Тор-соим, Алаверт, Сынк-Курт, Ентакаль-Курт, Тор-Соим-Курт.

Среди возможных причин – переселение коренных жителей вследствие неблагоприятных условий жизни, изменение административно-территориального устройства Севера Западной Сибири и концентрация коренных жителей в более крупных населенных пунктах.

Вычлененные в монографии гидронимы могут свидетельствовать об изменении ландшафта. Так, на современной карте не зафиксированы реки с названиями Прияха, Высеп, Огор, Анпыть-Ях, Сыртан, Мольюган, Выдыхотын, Ильбиль-Юган. Не ис-

ключено, что их имена были калькированы русскими переселенцами.

Монография содержит древние названия, семантико-этимологическое истолкование которых представляется затруднительным: Амня, Казым, Лямин, Охлым, Руниха и др. Как правило, к числу таких названий относятся географические имена, созданные в ранний период формирования топонимической системы. Известно, что чем старше топонимы, тем затруднительнее их семантико-этимологическая интерпретация, поскольку за всю историю своего существования название может не раз подвергнуться трансформации в языках сменяющих друг друга на данной территории этносов.

Употребление топонимов в «Тобольском Севере» показывает различия в восприятии иноязычных названий русскими людьми, осуществляющими письменные фиксации географических названий в XIX в. и XXI в. Думается, что они могут быть связаны с индивидуальными особенностями людей, а также изменениями, произошедшими в этот период в русском языке.

Сравнив топонимический материал монографии с данными современных картографических источников, мы отметили расхождения в фиксации географических названий в XIX и XXI вв.

Форма употребления XIX в.	Форма употребления XXI в.
<i>Немсуган</i> < хант. <i>нёмас</i> «двойники, парные предметы»	<i>Ненсьюган</i>
<i>Сором-Юган</i> < хант. <i>сорэм</i> «мелкий, неглубокий»	<i>Сорум-Юган</i>
<i>Пелькатъюган</i> < хант. <i>пелькат</i> «полое место на реке (полынья)»	<i>Пелькутъюган</i>
<i>Хонжу-Утъяга</i> < хант. <i>хъниш</i> «узор» <i>унт</i> «лесной»	<i>Ханжуутъях</i>
<i>Сынк-яга</i> < хант. <i>сиук</i> «чернедь (порода уток)»	<i>Сыньяха</i>
<i>Еш-Пор</i> < хант. <i>ёш пур</i> «шило»	<i>Ешпуръюган</i>
<i>Пан-Юган</i> < хант. <i>паннэ</i> «налим»	<i>Паннэюган</i>
<i>Оготъюган</i> < хант. <i>о́хэт</i> «волок»	<i>Охтъюган</i>

Этимологическая интерпретация гидронимов показала, что извлеченные нами названия по употреблению находятся ближе к исконным хантыйским вариантам. Обращение к историческим источникам приблизило нас к восстановлению

первоначальной формы географических имен.

Таким образом, монография А.А. Дунина-Горкавича представляет собой источник ценной топонимической информации, содержащий подробный перечень названий

водных объектов и населенных пунктов Тобольского Севера, их точную географическую привязку, а также лингвистические сведения, способствующие установлению семантики и этимологии имен. Топонимы, анализируемые в работе, наряду с геогра-

фическими, экономическими, историческими и этнографическими сведениями заключают в себе информацию по истории хантыйского и русского языков, отражают результаты их взаимодействия на лексическом уровне.

Литература

1. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб., ООО «Мирал», 2006. 336 с.
2. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север [Текст]. В 3 т. т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам / А.А. Дунин-Горкавич. М.: Либерия, 1996. 432 с.
3. Полякова Е.Н. Развитие пермских отыменных топонимов в Прикамье XVI-XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/polyakova.pdf> (дата обращения 31.03.14).
4. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей. СПб: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 216 с.

References

1. Solovar V.N. Khantyysko-russkiy slovar'. SPb., ООО «Mirал», 2006. 336 s.
2. Dunin-Gorkavich, A.A. Tobol'skiy Sever [Tekst]. V 3 t. t. 2. Geograficheskoe i statistiko-ekonomicheskoe opisanie strany po ot-del'nym geograficheskim rayonam / A.A. Dunin-Gorkavich. M.: Libereya, 1996. 432 s.
3. Polyakova E.N. Razvitie permskikh otymennykh toponimov v Prikam'e XVI-XVII vv. (po materialam pistsovykh i perepisnykh knig). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/polyakova.pdf> (data obrashcheniya 31.03.14).
4. Kononova S.P. Russko-khantyyskiy tematicheskii slovar' (kazymskiy dialekt): Posobie dlya uchashchikhsya starshikh klassov i kolledzhey. SPb: filial izd-va «Prosveshchenie», 2002. 216 s.

Глаголообразующие модели в мокшанском языке

Аннотация. В статье рассматриваются глаголообразующие модели, их структурный состав, отдельно обращено внимание на производящие основы и на суффиксы, посредством которых в словообразовательной системе глаголов мокшанского языка обозначены два типа моделей: 1) с мутационными суффиксами, 2) с модифицирующими суффиксами; выявляется продуктивность той или иной модели. Помимо этого рассматривается характеристика того или иного суффикса с точки зрения вокализма, консонантизма, компонентности, количественности слогов; также затрагивается структура некоторых суффиксальных морфем относительно противопоставления.

Ключевые слова: модель, суффикс, мутационное значение, модифицирующее значение, продуктивность, производящая основа.

S.I. Moskina

Verb formation models in Moksha

Summary. The article deals with verb formation models, their structural constitution. Separate attention is paid to derivational stems and suffixes, which indicate two types of models in the word formation system in Moksha: 1) with mutational suffixes, 2) with modificative suffixes. The productivity of a particular model is revealed. The characteristics of different suffixes from the point of view of vocalism, consonantism, component analysis, number of syllables are concerned. The structure of some suffixal morphemes in relation to opposition is considered.

Keywords: model, suffix, mutational meaning, modificative meaning, productivity, derivational stem.

В системе глагольного словообразования мокшанского языка корпус словообразовательных суффиксов составляет около 50 единиц. Каждый из них, сочетаясь с производящими основами, образует модель.

Модель по словам М.Д. Степановой [3, 53], – это стабильная структура, обладающая обобщенно-категориальным значением и способная наполняться разным лексическим материалом (т.е. разными лексическими основами).

За суффиксом, как за определяющим элементом любой модели, обязательны следующие четыре признака: 1) функционирование в составе словообразовательной системы, 2) значимость, 3) сочетание его с производящей основой определенного вида, 4) постоянное место расположения в составе производного. Заметим, что в практике описания системы словообразования мордовских языков наряду с понятием словообразовательной модели вводится поня-

тие словообразовательный тип, который является тождественным понятию словообразовательной модели [3, 28].

Опираясь на определение модели, данное М.Д. Степановой, все суффиксы глагольного словообразования в мокшанском языке образуют с производящими основами два типа моделей: 1) модели с суффиксами с мутационными значениями и 2) модели с суффиксами с модифицирующими значениями.

К первому типу относятся следующие:

Мд. 1. $S + -a- \rightarrow V$: *mor-a-ms* «петь» ← *mor* «песня»; *tar-a-ms* «сложить, класть, наложить» ← *tar* «куча, кипа»; *kar 'ks-a-ms* «нанизать» ← *kar 'ks* «связка; нитка»; *loč-a-ms* «грызть; лузгать» ← *loč* «скорлупа».

Мд. 2. $S + -j-, (-ij-) \rightarrow V$: *lora-j-a-ms* «покрыться листьями» ← *l ora* «лист», *kut'u-j-a-ms* «появиться (о почках, сережках на деревьях)» ← *kut'u* «бутон, почки (на дереве)», *s'uv-ij-a-ms* «покрыться мякиной»

← *s'uvd* «мякина», *lov-ij-a-ms* «покрыться снегом» ← *lov* «снег», *šov-ij-a-ms* «пениться, запениться, покрыться пеной» ← *šov* «пена», *t'iš-ij-a-ms* «зарастить травой (сорняком)» ← *t'išd* «трава».

Мд. 3. *S* + *-nz-* → *V*: *kuvd-nz-a-ms* «затянуться коркой» ← *kuvd* «корка», *kev-d-nz-a-ms* «окаменеть» ← *kev* «камень».

Мд. 4. *S* + *-žd-* → *V*: *s'ijä-žd-d-ms* «серебриться» ← *s'ijä* «серебро».

Мд. 5. *S* + *-ks-(-kš-)* → *V*: *kul'a-ks-a-ms* «узнать, узнавать» ← *kul'ä* «весть, известие, новость», *pr'a-kš-a-ms* «спрятать» ← *pr'ä* «голова».

Мд. 6. *S* + *-kdd-* → *V*: *kev-a-kdd-d-ms* «окаменеть» ← *kev* «камень».

Мд. 7. *S* + *-cənd-* → *V*: *kuL-cənd-d-ms* «слушать» ← *kuL'ä* «слух».

Мд. 8. *S* + *-škdd-(-skdd-/-s'kdd-)* → *V*: *valda-škdd-d-ms* «светать» ← *valdd* «светло», *gor'a-skdd-d-ms* «печалиться» ← *gor'ä* «печаль, горе», *pona-skdd-d-ms* «покрыться шерстью» ← *pona* «шерсть».

Мд. 9. *S* + *-t-(-d-)* → *V*: *kär'md-d'-d-ms* «уцепиться» ← *kär'md* «пучок», *l'em-d'-d-ms* «назвать, дать имя» ← *l'em* «имя», *s'orma-d-d-ms* «писать» ← *s'orma* «письмо».

Мд. 10. *S* + *-nd-* → *V*: *šarđ-nd-d-ms* «рубить» ← *šarđ* «зарубка».

Мд. 11. *S* + *-č'n'-* → *V*: *s'il'md-č'n'-d-ms* «завидовать» ← *s'il'md* «глаз» (диал.), *pejđ-č'n'-d-ms* «посмеиваться» ← *pej* «зуб», *važđ-č'n'-d-ms* «прислониться, облокотиться» ← *važđ* «подпорка».

Мд. 12. *S* + *-m-* → *V*: *šufid-m-d-ms* «одереветь» ← *šufid* «дерево».

Мд. 13. *S* + *-rd-* → *V*: *aškđ-rd-a-ms* «свернуть, завернуть» ← *aškđ* «хомут».

Мд. 14. *S* + *-št-(-št'-)* → *V*: *kel'đ-št-a-ms* «расшириться, распространиться» ← *kel'đ* «ширина» [5, 688], *pil'đ-št'-d-ms* «дать пощечину» ← *pil'đ* «ухо» [5, 1664], *kurmd-št-a-ms* «зажать в кулак» ← *kurmds* «горсть».

Мд. 15. *S* + *-kst-* → *V*: *koz-kst-d-ms* «кашлянуть» ← *koz* «кашель».

Мд. 16. *S* + *-kstđm-* → *V*: *ve-kstđm-d-ms* «наступать (о ночи), начинать темнеть» ← *ve* «ночь» [5, 2581].

Мд. 17. *Adj* + *-r'd'-* → *V*: *s'in'đ-r'd'-d-ms* «покрасить в синий цвет (полотно)» ← *s'en'đm* «синий».

Мд. 18. *Adj* + *-m-* → *V*: *vid'đ-m-d-ms* «выпрямиться» ← *vid'đ* «прямой», *tustđ-m-d-*

ms «сгуститься» ← *tustđ* «густой».

Мд. 19. *Adj* + *-ld-* → *V*: *pižđ-ld-d-ms* «зеленеть» ← *pižđ* «зеленый», *akšđ-ld-d-ms* «белеть» ← *akšđ* «белый», *ravžđ-ld-d-ms* «темнеть, чернеть» ← *ravžđ* «черный».

Мд. 20. *Adj* + *-l-(-l'-)* → *V*: *andk-l-a-ms* «готовить» ← *andk* «готовый», *kun'đ-l'-a-ms* «ревновать» ← *kun'đ* «ревнивый», *эšđ-l'-a-ms* «купаться» ← *эšđ* «прохладный».

Мд. 21. *Adj* + *-nz-* → *V*: *vij-đ-nz-a-ms* «окрепнуть» ← *viji* «крепкий, сильный».

Мд. 22. *Adj* + *-št-(-št(mol'i)-)*: *s'äp-st(mol'i)* «горьковатый» ← *s'äpi* «горький».

Мд. 23. *Adj* + *-kdd-(-gdd-)* → *V*: *šongar-gdd-d-ms* «стать жидким» ← *šongara* «жидкий», *osal-gdd-d-ms* «похудеть» ← *osal* «худой», *vad'av-gdd-d-ms* «стать гладким» ← *vad'av* «гладкий».

Мд. 24. *Adj* + *-kad-(-gad-)* → *V*: *nol-gad-d-ms* «лениться» ← *nola* «ленивый».

Мд. 25. *Adj* + *-lgad-(-lgdd-)* → *V*: *t'užal-gdd-d-ms* «желтеть, пожелтеть» ← *t'užä* «желтый», *ps'i-lgdd-d-ms* «становиться горячим, жарким» ← *ps'i* «жаркий, горячий», *akšđ-lgdd-d-ms* «побелеть» ← *akšđ* «белый», *aln'a-lgdd-d-ms* «понизиться» ← *aln'ä* «низкий, невысокий», *ašu-lgdd-d-ms* «стать бедным» ← *ašu* «бедный».

Мд. 26. *Adj* + *-škad-(-skdd-/-s'kdd-)* → *V*: *lamba-s'kdd-d-ms* «стать сладким» ← *lambamđ* «сладкий».

Мд. 27. *Adj* + *-kstđm-* → *V*: *ot-kstđm-d-ms* «помолодеть» ← *od* «новый», *ver-kstđm-d-ms* «алеть, краснеть» ← *ver* «кровь».

Мд. 28. *N* + *-nz-* → *V*: *n'il'đ-nz-a-ms* «учетверить» ← *n'il'đ* «четыре», *vet'đ-nz-a-ms* «упятерить» ← *vet'đ* «пять», *kemđ-nz-a-ms* «удесятерить» ← *kemđn'* «десять».

Мд. 29. *On* + *-kst-* → *V*: *mu-kst-đ-ms* «издать мычание» ← *mu* «подражание мычанию», *mi-kst-đ-ms* «резко ржать (о лошади)» ← *mi* «ржание лошади», *no-kst-đ-ms* «нукать» ← *no* «ну!, ну ладно!; понукание лошади».

Все вышеперечисленные словообразовательные модели обладают свойством непродуктивности, в настоящее время в мокшанском языке по образцу этих моделей не возникают новые слова. Поэтому продуктивность модели это скорее всего характеризует количество образований по той или иной модели. Так, например, в моделях №1, №2, №3, №27 в MPC (1998)

отмечается не более 20 производных. По моделям №4, №5, №7, №10, №19 образования единичны. Модели № 11, №12, №14, №20, №21, №25, №13 образуют не более 10 производных, модели № 6, №8, №9, №15, №16, №17, №18, №22, №23, №24, №26, №28, №29, №30, №31 не более 5.

Ко второму типу моделей с модифицирующими значениями относятся:

Мд. 1. $V + -č' - \rightarrow V: kon'-č'-a-ms$ «сомкнуть (глаза)» ← $kon'dms$ «закрыть (глаза)», $tava-č'-a-ms$ «покрывать» ← $tavaddms$ «покрыть».

Мд. 2. $V + -v - \rightarrow V: kăšd-v-d-ms$ «спрятаться» ← $kăšdms$ «спрятать», $mol'd-v-d-ms$ «в состоянии идти» ← $mol'dms$ «идти», $andd-v-d-ms$ «кормиться» ← $anddms$ «кормить».

Мд. 3. $V + -c' - \rightarrow V: ut-c'-d-ms$ «(часто) спать» ← $uddms$ «спать», $ajt'-c'-d-ms$ «гнать» ← $ajd'ams$ «погнать», $at-c'-d-ms$ «стелить» ← $acams$ «постелить».

Мд. 4. $V + -n(-n'-) \rightarrow V: koR-n'-d-ms$ «разговаривать» ← $koRtams$ «говорить, поговорить, беседовать, побеседовать», $aR-n'-d-ms$ «красить» ← $aRtdms$ «покрасить, раскрасить, закрасить», $jot-n'-d-ms$ «проходить» ← $jotams$ «пройти».

Мд. 5. $V + -š - \rightarrow V: jav-š-d-ms$ «делить» [5,505] ← $javdms$ «разделить, поделить», $str'ap-š-a-ms$ «приготовить» ← $str'apams$ «готовить (приготовить) кушанье», $r'em-š-a-ms$ «жевать» ← $r'emdd'dms$ «жевать, изжевать», $pdrk-š-a-ms$ «обрызгать, опрыскать» ← $pdrgrams$ «брызгать, обрызгать, побрызгать».

Мд. 6. $V + -s' - \rightarrow V: kol-s'-d-ms$ «разбивать» ← $kola-ms$ «разбить», $kočk-s'-d-ms$ «собирать» ← $kočkams$ «собрать», $lotk-s'-d-ms$ «останавливаться» ← $lotkams$ «остановиться, поселиться», $čak-s'-d-ms$ «стучать» ← $čakams$ «постучать, стучать».

Мд. 7. $V + -ft' - \rightarrow V: l'i-ft'-d-ms$ «вывести» ← $l'is'dms$ «выйти», $lotka-ft-d-ms$ «остановить» ← $lotkams$ «остановиться», $veš-ft'-d-ms$ «попросить найти» ← $vešdms$ «найти», $targa-ft-d-ms$ «попросить тянуть» ← $targams$ «тянуть».

Мд. 8. $V + -š'n' - \rightarrow V: purdm-š'n'-d-ms$ «собираться» ← $purdm-d-ms$ «собраться», $šumdr'-š'n'-d-ms$ «кончаться» ← $šumdr'-d-ms$ «кончиться», $novdl'-š'n'-d-ms$ «спу-

скасться, слезать» ← $novdl'-d-ms$ «спуститься, слезть».

Мд. 9. $V + -s't' - \rightarrow V: kon'd'ä-s't'-d-ms$ «годиться, подходить» ← $kon'd'a-ms$ «пригодиться».

Мд. 10. $V + -z'dv - \rightarrow V: para-z'dv-d-ms$ «замычать» ← $para-ms$ «мычать», $laka-z'dv-d-ms$ «закипеть» ← $laka-ms$ «кипеть», $lotka-z'dv-d-ms$ «остановиться на некоторое время» ← $lotka-ms$ «остановиться».

Мд. 11. $V + -kšn(-kšn'-) \rightarrow V: s't'a-kšn'-d-ms$ «вставать» ← $s't'a-ms$ «встать», $arala-kšn'-d-ms$ «защищать» ← $arala-ms$ «защитить», $šna-kšn'-d-ms$ «восхвалять» ← $šna-ms$ «хвалить, похвалить», $purdm-kšn'-d-ms$ «собираться» ← $purdm-d-ms$ «собраться».

Мд. 12. $V + -šdnd(-šdn'd'-) \rightarrow V: mi-šdn'd'-d-ms$ «продавать» ← $mi-ms$ «продать», $sa-šdnd-d-ms$ «приходить» ← $sa-ms$ «прийти», $tu-šdnd-d-ms$ «уходить (многократно)» ← $tu-ms$ «уйти», $pi-šdn'd'-d-ms$ «вариться (многократно)» ← $pi-ms$ «свариться».

Мд. 13. $V + -tdddv - [1, 261-433] \rightarrow V: ma-tdddv-mds$ «заснуть» ← $madd-ms$ «лечь спать».

Мд. 14. $V + -d - \rightarrow V: nol-d-a-ms$ «выпустить» ← $nol'a-ms$ «выпускать», $tapar-d-a-ms$ «завернуть» ← $tapar'a-ms$ «заворачивать», $amd-l-d-a-ms$ «черпнуть» ← $amd-l'a-ms$ «черпать».

Мд. 15. $V + -nd(-n'd'-) \rightarrow V: pez-d-nd-d-ms$ «мыть голову» ← $pez-d-ms$ «мыть, вымыть голову», $vald-nd-d-ms$ «поливать» ← $vald-ms$ «полить», $učd-nd-d-ms$ «ждать» ← $učd-ms$ «ждать, подождать, выждать, дожидаться», $ujd-n'd'-d-ms$ «плавать» ← $ujd-ms$ «плыть, плавать».

Мд. 16. $V + -čn(-č'n'-) \rightarrow V: avar'-č'n'-d-ms$ «(часто) плакать» ← $avar'd-d-ms$ «плакать», $ken'är'-č'n'-d-ms$ «радоваться» ← $ken'är'd-d-ms$ «обрадоваться», $suvd-č'n'-d-ms$ «выть, скулить» ← $suva-ms$ «скулить, выть».

Мд. 17. $V + -m - \rightarrow V: lopd-m-d-ms$ «промочиться» [5, 1059] ← $lopd-d-d-ms$ «промочить».

Мд. 18. $V + -rd - \rightarrow V: vad'd-rd-a-ms$ «погладить; мазнуть» ← $vad'd-ms$ «намазать», $puta-rd-d-ms$ «испытать» ← $putanda-ms$ «испытывать» [5,1857].

Мд. 19. $V + -št - \rightarrow V: javd-št-d-ms$ «отде-

лить» [5, 505] ← *javd-ms* «делить», *nol-št-a-ms* «лизнуть» ← *nola-ms* «лизать», *val'đ-št-đ-ms* «отрезать» ← *val'đ-ms* «косо разрезать пополам» [5, 2528].

Мд. 20. *V + -kst- → V: l'ij-kst-a-ms* «прилететь» ← *l'ijđ-ms* «лететь», *s'är'ät'-kst-đ-ms* «заболеть» ← *s'är'äd'đ-ms* «болеть», *varža-kst-đ-ms* «взглянуть» ← *varža-ms* «посмотреть, осмотреть», *vara-kst-đ-ms* «зауверить» ← *vara-ms* «уверить» [5, 2542].

По образцу моделей с суффиксами с модифицирующими значениями образуются производные глаголы с видовыми и залоговыми значениями. В количественном отношении самыми многочисленными производными, отмеченными в словарях по мокшанскому языку, являются модели: *V + -n-(-n'-) → V*, *V + -s'- → V*, *V + -ft'- → V*, *V + -kšn-(-kšn'-) → V* и т.д., единичными - *V + -č'- → V*, *V + -s't'- → V*, *V + -tđđv- → V* и т.д.

Все вышеприведенные модели в своем составе имеют суффиксы, состоящие из одного компонента: *-a-*, *-j-*, *-k-(-g-)*, *-z-(-z'-)*, *-t-(-d-)*, *-m-*, *-l-(-l'-)*, *-č'-*, *-v-*, *-c'-*, *-n-(-n'-)*, *-š-*, *-s'-*, а также из 2-х и более компонентов: *-ij-*, *-nz-*, *-žd-*, *-ks-(-kš-)*, *-cđnd-*, *-škđd-(-skđd-/-s'kđd-)*, *-nd-*, *-č'n'-*, *-rd-*, *-št-(-št'-)*, *-kst-*, *-ld-*, *-št-(-št(mol'i)-)*, *-kđd-(-gđd-)*, *-lgad-(-lgđd-)*, *-kstđm-*, *-kst-*, *-ft'-*, *-š'n'-*, *-s't'-*, *-z'đv-*, *-kšn-(-kšn'-)*, *-šđnd-(-šđn'd'-)*, *-tđđv-*.

Итак, система глаголообразующих суффиксов, на основе которых образуются модели, состоит, в основном из согласных; из них в состав наибольшего числа рассматриваемых моделей входят согласные *k*, *n*,

d; суффиксы имеют чаще всего неслоговую структуру (например, *-n-*, *-v-*, *-nd-* и др.), реже – односложную структуру; в качестве гласных в рассматриваемых моделях встречаются *a*, *e*, *đ*, *i*;

С наибольшим количеством согласных единиц сочетается ослабленный гласный *đ*. Он входит в состав следующих суффиксальных морфем: *-z'đv-*, *-kđd-(-gđd-)*, *-skđd-(-s'kđd-)*, *-škđd-*, *-lgđd-*, *-cđnd-*, *-šđnd-(-šđn'd'-)*, *-kstđm-*, *-tđđv-*. С двумя согласными элементами сочетается гласный *a*: *-kad-(-gad-)*, *-lgad-*. Из согласных в состав наибольшего числа рассматриваемых морфем входят следующие согласные; *<n>* – в составе *-n-(-n'-)*, *-nd-(-n'd'-)*, *-čn-(-č'n'-)*, *-š'n'-*, *-nz-*, *-kšn-(-kš'n'-)*, *-šđnd-(-šđn'd'-)*, *-cđnd-*; *<k>* – в составе *-ks-(-kš-)*, *-kad-(-gad-)*, *-kđd-(-gđd-)*, *-skđd-(-s'kđd-)*, *-škđd-*, *-kstđm-*, *-kšn-(-kšn'-)*, *-kst-*; *<d>* – в составе *-ld-*, *-kad-(-gad-)*, *-kđd-(-gđd-)*, *-cđnd-*, *-lgad-(-lgđd-)*, *-škđd-(-skđd-/-s'kđd-)*, *-šđnd-(-šđn'd'-)*, *-tđđv-*, *-nd-(-n'd'-)*, *-rd-(-r'd'-)*.

Структура некоторых суффиксальных морфем не лишена отношений противопоставления. Этим особенно отличаются модели типа *Adj + -kad-(-gad-) → V*, *Adj + -kđd-(-gđd-)*. Ср. такие пары, как *-kđd-*, *-gđd-*: *lapš-kđd-đ-ms* «сплющиться» ← *lapš* «плоский», *rovnej-gđd-đ-ms* «сгладиться» ← *rovnej* «ровный»; *k(g)*, где имеются противопоставления согласных по звонкости-глухости: *veca-kđd-đ-ms* «разжидиться» ← *vecana* «жидкий» [5, 2592], *nol-gad-đ-ms* «лениться» ← *nola* «ленивый».

Литература

1. Деваев С.З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 261-433.
2. Серебренников Б.А. Мокшень-рузонь валкс. Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М.: Рус. яз.; Дигора, 1998. 920 с.
3. Степанова М.Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей / М.Д. Степанова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 4. – С. 53-61.
4. Цыганкин Д.В. Морфемика и словообразование мордовских языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 58 с.
5. Paasonens H. Mordwinishes Worterbuch. Мордовский словарь Х. Паасонена / Н. Paasonens. Helsinki: Band I, 1990. С. 1-557. Band II, 1992. С. 558-1305. Band IV, 1996. С. 1927-2703.

References

1. Devaev S.Z. Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka // Oчерki mordovskikh dialektov. Saransk, 1963. T. 2. S. 261-433.

2. Serebrennikov B.A. Mokshen'-ruzon' valks. Mokshansko-russkiy slovar' / pod red. B.A. Serebrennikova, A.P. Feoktistova, O. E. Polyakova. M.: Rus. yaz.; Digora, 1998. 920 s.
3. Stepanova M.D. Voprosy modelirovaniya v slovoobrazovanii i usloviya realizatsii modeley / M.D. Stepanova // Voprosy yazykoznaniya. – 1975. – № 4. – S. 53-61.
4. Tsygankin D.V. Morfemika i slovoobrazovanie mordovskikh yazykov. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. 58 s.
5. Paasonens H. Mordwinishes Worterbuch. Mordovskiy slovar' Kh. Paasonena / H. Paasonens. Helsinki: Band I, 1990. S. 1-557. Band II, 1992. S. 558-1305. Band IY, 1996. S. 1927-2703.

УДК 81'373.611(=511.152.1)

И.Н. Рябов

Словообразовательные ступени производности в эрзянском языке

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся порядка расположения словообразующих суффиксов и возможностей их сочетания в эрзянском языке. Анализу подвергнуты словообразовательные модели с модификационными, мутационными и транспозиционными суффиксами. Определено, что число комбинаций разных типов связей, а также частота употребления одного и того же типа не безграничны, длина последовательностей суффиксов может колебаться только в определенных пределах. Каждый тип связи реализует разное количество словообразовательных моделей, что связано с ограничениями сочетаемости словообразовательных суффиксов. Анализ сочетаемости показал, что существуют словообразовательные значения, после появления которых другие словообразовательные средства уже не присоединяются.

Ключевые слова: словообразование, ступень, производное слово, словообразовательная модель, деривационные цепочки, тип связи.

I.N. Ryabov

Word-formation grades of the derivation in Erzya

Summary. The article discusses issues related to the order of word-formation suffixes and their combination in Erzya. On the focus of analysis are word-formation models with modification, mutation and transposition suffixes. It is determined that the number of combinations of different types of relations, as well as the frequency of use of the same type is not unlimited; sequences length of suffixes can vary only within certain limits. Each link type implements a different number of word-formation models, it is connected with distributive restriction of derivational suffixes. The analysis of co-occurrence showed that there are word-formation meanings, after which other word-formation means are not attached.

Keywords: word-formation, grade, derivative word, word-formation model, derivational chain, type of relation

В эрзянском языке число производных разных ступеней существенно различается. Большую часть суффиксальных производных составляют дериваты первой ступени. Довольно многочисленны и производные второй ступени. Последовательности из более чем двух суффиксов встречаются значительно реже.

В данной статье ставится задача определить соотношение производных разных ступеней и возможности сочетаемости словообразовательных суффиксов в эрзянском языке.

При сочетании нескольких суффиксов в одном производном каждый из них занимает определенное место и поддается систематизации и анализу методом порядкового

членения.

В основе порядкового членения производного лежит структурно-семантический принцип, предполагающий два исходных правила: 1) каждый элемент производного занимает свое конкретное место или порядок; 2) каждый порядок имеет свое определенное значение [1, 41]. Таким образом, производное слово представляет собой не только систему словообразовательных элементов, но и систему значений. Если при анализе за исходную точку принять чистую (непроизводную) основу и определить ей нулевую ступень, то суффиксам производного слова приписываются ступени I, II, III и IV, за ними следуют словоизменятельные морфемы.

Вопросы, касающиеся порядка расположения словообразующих суффиксов и возможностей их сочетания, в финно-угорском языкознании остаются исследованными не в полной мере. Д.В. Бубрих относительно финского языка отмечает, что «словообразовательные суффиксы располагаются в порядке ступеней словообразования» [2, 143]. К.Е. Майтинская указывает на наличие системности в области суффиксального словообразования венгерского языка [3, 10]. О порядке расположения и сочетаемости глаголообразующих суффиксов в карельском языке более подробно пишет Л.Ф. Маркианова [1, 55]. Относительно данного вопроса в мордовских языках Б.А. Серебрянников отмечает возможность «контаминации» некоторых суффиксов [4, 244].

Производные каких ступеней в языке вообще возможны, зависит от того, какая общая система словообразовательных отношений свойственна языку и как отдельные связи могут взаимно переплетаться [5, 278]. Проиллюстрировать эти соотношения можно при помощи словообразовательных моделей. Словообразовательная модель представляет собой такую схему построения слов, по образцу которой создается серия новых слов. Эта особенность словообразовательных моделей связана с наличием в языковой системе словообразовательных типов, которые объединяют слова с одинаковой семантической и словообразовательной структурой.

Исходя из того, что в эрзянском языке между частями речи возможны модификационные, мутационные и транспозиционные отношения [6, 87], выделяются следующие типы связи:

- 1) $S \rightarrow S, S \rightarrow A, S \rightarrow V, S \rightarrow Adv$;
- 2) $A \rightarrow S, A \rightarrow V, A \rightarrow Adv, A \rightarrow A$;
- 3) $V \rightarrow S, V \rightarrow V$;
- 4) $Adv \rightarrow A, Adv \rightarrow V, Adv \rightarrow Adv$;
- 5) $N \rightarrow V, N \rightarrow Adv$;
- 6) $On \rightarrow V$.

Каждый тип словообразовательной связи имеет свое семантическое выражение. Этим типом определено общее возможное соотношение между производным и производящим.

Типы связей $A \rightarrow A$ и $V \rightarrow V$ представлены только деривационными моделями с модификационными суффиксами. Мо-

дификация понимается как процесс, происходящий в пределах одной части речи, который приводит к незначительным изменениям в семантике производного слова. У прилагательных эти отношения передаются следующими моделями: $A + -ла \rightarrow A1, A + -за \rightarrow A1, A + -жа \rightarrow A1, A + -не/-нэ \rightarrow A1, A + -ла \rightarrow A1, A + -ка/-ке \rightarrow A1$. Более широко модификационные значения выражаются у глаголов. Сюда относятся модели: $V + -кшн \rightarrow V1, V + -зев \rightarrow V1, V + -с \rightarrow V1, V + -л \rightarrow V1, V + -н \rightarrow V1, V + -д/т \rightarrow V1, V + -ч \rightarrow V1, V + -вт \rightarrow V1, V + -в \rightarrow V1, V + -ш \rightarrow V1, V + -ст \rightarrow V1$. Все приведенные модели относятся к внутрикатегориальным связям.

К типу связи $S \rightarrow S$ относятся, с одной стороны, деривационные модели с модификационными суффиксами: $S + -нэ/-не \rightarrow S1, S + -ке \rightarrow S1, S + -ка \rightarrow S1$. Большинство же моделей таковы, где суффикс имеет мутационную функцию (суффикс меняет понятие, выраженное мотивирующим словом): $S + -кс \rightarrow S1, S + -кш \rightarrow S1, S + -ка \rightarrow S1$. Остальные межкатегориальные связи могут объединять модели двух типов: в одних суффикс имеет мутационную функцию, в других на первом месте – изменение части речи (транспонирующая функция).

Число комбинаций разных типов связей, а также частота употребления одного и того же типа не безграничны. Таким образом, длина последовательностей суффиксов может колебаться только в определенных пределах.

Анализ производных с модификационными суффиксами показывает, что деривационные связи реализуются лишь при известных обстоятельствах и в определенном объеме.

Так тип связи $A \rightarrow A$ ограничен в основном возможностью $A0 \rightarrow A1$ (*ниже – ни-ни-не, од – од-нэ*). Примеры на $A1 \rightarrow A2$ и $A2 \rightarrow A3$ встречаются в малочисленном количестве. Причина такого явления заключается в том, что существуют словообразовательные значения, после появления которых другие словообразовательные средства уже не присоединяются. Такими и являются словообразовательные значения, которые реализуются в моделях с модификационными суффиксами типа связи $A \rightarrow A$. Анализ показывает, что в этом

типе связи участвуют только две группы суффиксов: суффиксы, передающие уменьшительно-ласкательные значения, и суффиксы, выражающие неполноту качества или слабую степень признака.

Производные прилагательные второй ступени образуются лишь по модели $A1 + -не/-нэ \rightarrow A2$ (*ёжов* «хитрый» - *ёжов-не* «хитренький», *вишка* «малый» - *вишки-не* «маленький»). Производных третьей ступени в данном типе обнаруживается небольшое количество. Они образуются по модели $A2 + -не/-нэ \rightarrow A3$ (*нурькине* «короткий» - *нурькин-ка* «коротенький», *човине* «тонкий» - *човинька* «тоненький»). Из приведенных примеров видно, что в производстве прилагательных второй и третьей ступени участвуют суффиксы субъективной оценки, которые, как правило, завершают словообразовательную цепь.

Тип связи $S \rightarrow S$ также в основном огра-

ничен производными первой ступени. Только при помощи суффикса *-ке* образуются производные второй ступени по модели $S1 + ке \rightarrow S2$ (*суркс* «кольцо» - *суркс-ке* «колечко», *кедькс* «браслет» - *кедькс-ке* «браслетик») и третьей ступени по модели $S2 + ке \rightarrow S3$ (*панжовкс* «цветок» - *панжовкс-ке* «цветочек», *петнявкс* «капля» - *петнявкс-ке* «капелька»).

Самую свободную реализацию имеет тип связи $V \rightarrow V$, при которой морфемная структура мотивирующей основы не представляется препятствием для формального образования производного. В данном типе связи выделяется большое количество моделей, образующих производные второй и третьей ступени. Производные второй ступени образуются с помощью семи модификационных суффиксов: *-кин*, *-вт*, *-в*, *-н*, *-л*, *-т*, *-зев*. Сочетаемость суффиксов второй ступени отражена в таблице.

Суффиксы первой ступени	Суффиксы второй ступени						
	<i>-кин</i>	<i>-л</i>	<i>-н</i>	<i>-вт</i>	<i>-в</i>	<i>-зев</i>	<i>-т</i>
<i>-ия/ья</i>	+			+	+		
<i>-кад/-гад</i>	+	+		+			
<i>-д/-т</i>	+		+	+	+	+	
<i>-м</i>	+						+
<i>-а</i>	+			+	+	+	
<i>-нз</i>	+			+	+		
<i>-нд</i>	+			+	+		
<i>-кста</i>	+		+	+	+	+	

В производстве глаголов третьей ступени с модификационными значениями участвует шесть суффиксов: *-кин*, *-вт*, *-в*, *-л*, *-н*, *-т*. По количеству глаголов третьей ступени производности намного меньше производных второй ступени.

Необходимо отметить, что более длинные деривационные цепочки и тем самым более длинные семантические последовательности суффиксов образуются тогда, если семантически возможно переплетение мутационных, модификационных и транспозиционных типов отношений. В модификационной сфере это можно наблюдать при образовании имен существительных третьей ступени: $V0$ (*панжомс* «открыть») + *-в* (модификационный суффикс) $\rightarrow V1$ (*пан-*

жо-в-омс «открыться») + *-кс* (мутационный суффикс) $\rightarrow S2$ (*панжомс-кс* «цветок») + *-ке* (модификационный суффикс) $\rightarrow S3$ (*панжомс-ке* «цветочек»).

В типе связи $V \rightarrow V$ эта возможность также широко представлена. Большое количество глаголов второй ступени образовано на базе производящих основ $V1$, которые в свою очередь образовались при помощи мутационных суффиксов. В образовании глаголов первой ступени участвует около сорока словообразовательных моделей. Производящими базами для них являются основы имен существительных, прилагательных, наречий, глаголов и ономастических слов.

При анализе производных с мутацион-

ными суффиксами выясняется, что данная сфера значений представлена наибольшим числом типов связи. Все отношения между производными и производящими словами выражаются межкатегориальными связями. Исключение составляют только отсубстантивные существительные, тип связи которых лишь частично представлен производными с мутационными суффиксами.

Модели мутационной сферы значений характеризуются тем, что в большинстве случаев суффикс предпочитает сочетаться с корневой основой [7, 386]. Таким образом, дериваты с мутационными суффиксами являются в основном производными первой степени мотивированности. Однако имеются случаи, когда мутационный суффикс образует производные второй и третьей степени. Это возможно лишь в тех случаях, когда производное первой степени образовано при помощи модификационного или транспозиционного суффикса, т.е. если возможно семантическое переплетение разных типов отношений [8, 167]. Иллюстрацией образования производных второй степени с мутационными суффиксами являются следующие модели:

$V1 + -кc \rightarrow S2$: *панжовомс* «открыться» - *панжов-кc* «цветок», *каванявомс* «угощать» - *каваняв-кc* «угощение», *алтавомс* «обещаться» - *алтав-кc* «обещание»;

$A1 + -д \rightarrow V2$: *пижела* «зеленоватый» -

пижел-д-омс «зеленеть», *ашола* «беловатый» - *ашол-д-омс* «белеть»;

$A1 + -гад \rightarrow V2$: *эчкела* «толстоватый» - *эчкел-гад-омс* «потолстеть», *лавшола* «слабоватый» - *лавшол-гад-омс* «ослабнуть», *ожола* «желтоватый» - *ожол-гад-омс* «пожелтеть»;

Производных третьей степени с мутационными суффиксами обнаруживается небольшое количество. Они образуются с помощью суффикса -кc по модели $V2 + -кc \rightarrow S3$: *пирявомс* «загородиться» - *пиряв-кc* «изгородь», *керявомс* «порезаться» - *керыав-кc* «порез, рана», *кевендявомс* «окаменеть» - *кевендяв-кc* «окаменелость».

При рассмотрении производных с транспозиционными значениями выясняется, что эта сфера характеризуется производными только первой степени. Транспозиционные значения реализуются в типах связи: $S \rightarrow V$, $V \rightarrow S$, $A \rightarrow V$, $A \rightarrow S$.

Анализ длины словообразовательных ступеней показывает: 1) большинство именных суффиксов эрзянского языка сочетается только с корневыми морфемами; 2) глагольные суффиксы, напротив, образуют производные с несколькими словообразовательными суффиксами; 3) более длинные словообразовательные цепочки образуются при сочетании мутационных, модификационных и транспозиционных суффиксов.

Литература

1. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 186 с.
2. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959.
3. Маркианова Л.Ф. Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск: Карелия, 1985. 193 с.
4. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 263 с.
5. Рябов И.Н. Словообразовательные отношения между глаголом и существительным в эрзянском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. С. 278-280.
6. Цыганкин Д.В. Транспозиционные отношения между частями речи в эрзянском языке // Изменения в волжско-финских языках: Симпозиум по волжским языкам. Турку, 1994. С. 87-91.
7. Рябов И.Н. Мутационные суффиксы в эрзянском языке // *Oekeetaasijoo. Commentationes Fenno-Ugrical in hanorem Seppo Suhonen sexagenarii. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne* 228. Helsinki, 1998. S. 386-389.
8. Рябов И.Н. Транспозиция как способ образования новых слов в эрзянском языке // Финно-угристика – 4. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. С. 167-170.

References

1. Bubrikh D.V. Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka. M.-L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1955. 186 s.
2. Maytinskaya K.E. Vengerskiy yazyk. Ch. II. Grammaticheskoe slovoobrazovanie. M., 1959.
3. Markianova L.F. Glagol'noe slovoobrazovanie v karel'skom yazyke. Petrozavodsk: Kareliya, 1985. 193 s.
4. Serebrennikov B.A. Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov. M.: Nauka, 1967. 263 s.
5. Ryabov I.N. Slovoobrazovatel'nye otnosheniya mezhdu glagolom i sushchestvitel'nym v erzyanskom yazyke // Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii finno-ugrovedov «Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiya. Saransk: Tip. «Kras. Okt.», 2000. S. 278-280.
6. Tsygankin D.V. Transpozitsionnye otnosheniya mezhdu chastyami rechi v erzyanskom yazyke // Izmeneniya v volzhsko-finskikh yazykakh: Simpozium po volzhskim yazykam. Turku, 1994. S. 87-91.
7. Ryabov I.N. Mutatsionnye suffiksy v erzyanskom yazyke // Oekeetaasijoo. Commentationes Fenno-Ugrical in hanorem Seppo Suhonen sexagenarii. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 228. Helsinki, 1998. S. 386-389.
8. Ryabov I.N. Transpozitsiya kak sposob obrazovaniya novykh slov v erzyanskom yazyke // Finno-ugristika – 4. Saransk: Tip. «Kras. Okt.», 2000. S. 167-170.

**ПЕДАГОГИКА,
ПСИХОЛОГИЯ**

**PEDAGOGY,
PSYCHOLOGY**

УДК 378.

Л.И. Еремеева

**Сотрудничество и сотворчество как основа эффективной деятельности
высшей школы в Югре**

Аннотация. Данная статья посвящена 40-летию создания в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Института повышения квалификации. В статье представлен анализ сотрудничества коллектива института с разными структурами с 2000 по 2004 годы по организации и осуществлению инновационных процессов в округе, проведению Всероссийских и Окружных мероприятий. Автором проанализирован кадровый состав института в тот период времени, его вклад в развитие образования округа.

Ключевые слова: сотрудничество, повышение квалификации, педагогические кадры, инновационные процессы.

L.I. Eremeyeva

**Collaboration and co-creation as the basis of effective activity of the higher
education in Yugra**

Summary. This article is dedicated to the 40th anniversary of the Institute of Further Training in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug –Yugra. The article presents the analysis of the cooperation of the Institute with different structures from 2000 to 2004 on the organization and implementation of innovative processes in the district, conducting All-Russian and District events. The author analyzes the staff of the Institute for that time, its contribution to the development of education in the district.

Keywords: collaboration, further training, pedagogical staff, innovative processes.

В этом году исполнилось сорок лет со дня создания института повышения квалификации и развития регионального образования (ИПК и РРО) в Ханты-Мансийском автономном округе, в данной статье автор отразил период работы ИПК и РРО с 2000 по 2004 год, где работал в должности доцента кафедры гуманитарного образования и проректора по учебно-методической работе. Первое впечатление о ИПК 2000 года было противоречивым. Удивило то, что такие важные структуры образования как Департамент и институт повышения квалификации помещались в одном неприметном деревянном двухэтажном здании. Несмотря на эти стесненные условия, в этом здании осуществлялась очень активная совместная деятельность Департамента образования и коллектива ИПК и РРО. Возглавляли эти структуры интересные, неординарные личности: Паукова Лидия Николаевна, руководитель с масштабным,

стратегическим мышлением, стремлением к внедрению в образование округа передовых новаций и Ефремов Анатолий Владимирович – хороший организатор, умеющий устанавливать деловые отношения на уровне сотрудничества с разными структурами и на всех уровнях.

Этот период представлял водоворот интересных, разноплановых и инновационных процессов. В округе разрабатывалась и внедрялась новая модель повышения квалификации на основе именного образовательного чека, реализовывались свыше 150 программ повышения квалификации педагогических кадров округа, в том числе, очень востребованной для того времени, по информационным технологиям, разрабатывался и внедрялся национально-региональный компонент в содержание образования округа, вводился эксперимент по государственной аттестации выпускников средней общеобразовательной школы в форме и по

материалам единого государственного экзамена и др.

При поддержке правительства и непосредственно Губернатора округа А.В. Филипенко, Департаментом образования и ИПК и РРО проводились значимые и очень интересные Всероссийские и Окружные мероприятия. Так, в Ханты-Мансийске в марте 2001 года состоялся VII Всероссийский слет финалистов конкурса «Учитель года», организаторами которого стали Департамент образования и науки и Институт повышения квалификации и развития

регионального образования. В работе слета приняли участие свыше 400 человек. Среди них представители Министерства Образования РФ, ученые Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования Минобразования России, авторы учебно-методических пособий, главные редакторы и заместители главных редакторов педагогических журналов и газет, победители и финалисты Всероссийских конкурсов «Учитель года России», учителя округа и г. Ханты-Мансийска.

Рис. 1. Фото на память - автор статьи, организаторы Слета и победители первых конкурсов – О.Г. Парамонов, А.В. Заруба.

В рамках слета были проведены 40-часовые курсы повышения квалификации под общей темой: «VII Всероссийский слет финалистов конкурса «Учитель года России» и конкурса «Учитель года Ханты-Мансийского автономного округа-2001» – высшая школа педагогического мастерства». На курсах функционировало 10 предметных секций (русский язык и литература, математика, физика, химия, география, искусство, начальная школа, дошкольное образование, история, руководители образования).

Обучение прошли 271 человек, среди них 29 руководителей и организаторов образования и 242 учителя округа. На открытых уроках, мастер-классах, в творческих мастерских лучшие учителя России, победители Всероссийских конкурсов разных лет – О.Г. Парамонов, А.В. Заруба, а также учителя финалисты конкурса Е.Н. Травин, А.В. Дехтяр, Е.А. Смолина, А.В. Литвинов и другие продемонстрировали образцы высокого уровня профессионализма педагогической деятельности учителя как мастера-творца-исследователя.

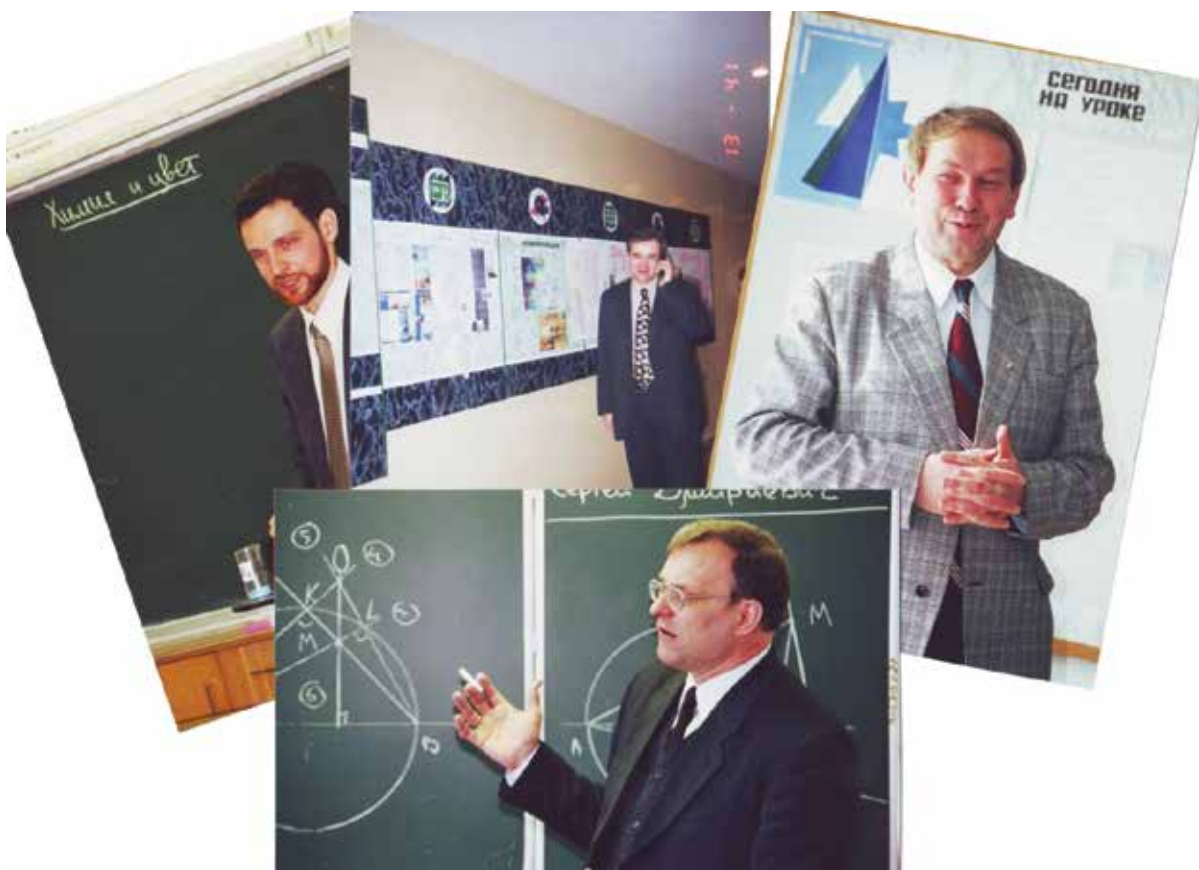

Рис. 2. Редкое созвездие учителей-мужчин на педагогическом небосклоне России. Победители и лауреаты Всероссийских конкурсов «Учитель года» дают мастер-классы для учителей ХМАО – Югры.

Большим резонансом для педагогической общественности страны стало проведение в нашем Округе Большого педагогического совета «Новые подходы в управлении образованием» в рамках федерального проекта «Лидер в образовании». В работе Большого педагогического совета приняли участие заместитель Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко, министр образования В.М. Филиппов, руководители образовательных учреждений, ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, преподаватели и ученые из академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (АПН и ППРО) г. Москва и руководители Комитетов, Департаментов, образовательных учреждений округа. Профессиональные встречи, лекции, творческие мастерские, консультации стали мощным импульсом для руководителей образованием нашего округа. Творческие встречи с Редько Л.Л. победителем конкурса «Лидер в образовании», Свешниковой Н.А. ведущим специа-

листом Министерства образования Р.Ф., ответственной за организацию и проведение Всероссийских конкурсов «Учитель года» и «Лидер в образовании», учеными АПК и ППРО Ушаковым К.М., Решетниковым Н.Н., Немовой Н.В., и другими профессионалами, безусловно, способствовали творческому и профессиональному росту педагогических кадров округа.

Коллектив ИПК и РРО, возглавляемый ректором А.В. Ефремовым, устанавливал тесные профессиональные связи с руководителями муниципальных органов управления образования, образовательными учреждениями, педагогическими кадрами округа. Сотрудничество осуществлялось в разных направлениях, прежде всего, в организации и проведении актуальных курсов повышения квалификации, научно-методических семинаров, при внедрении новаций в образовательный процесс округа, организации и проведении экспериментов, профессиональных конкурсов, конференций, в издательской деятельности, и др. Анатолий Владимирович Ефремов как руководитель

был внимательным и чутким к людям, их проблемам, как управленец обладал редким для сегодняшнего времени умением сотрудничать, на паритетных отношениях строить деловое общение, отсюда была результативность в деятельности, признание и авторитет среди педагогических кадров округа. Он всегда видел и отмечал заслуги коллег, много сделал для развития образования округа, издательской деятельности. Активно работали в тот период филиалы ИПК и РРО в Сургуте и Нижневартовске, которые возглавляли хорошие организаторы, профессионалы Ключова Т.В. и Поздеева Л.А.

Коллектив ИПК и РРО того периода состоял из опытных организаторов курсов повышения квалификации, которые установили контакты с ведущими учеными, специалистами АПК и ППРО. С большой отдачей организовывали курсы для педагогических кадров округа, проводили занятия «старейшины ИПК»: Васильков В.А. который собственным примером на протяжении многих лет призывал к здоровому образу жизни, издавал сборники, проводил конференции; Дервянко Л.И. много сил, опыта отдавала для повышения квалификации руководителей образования округа, на протяжении ряда лет ответственно относилась к изданию популярного среди педагогических кадров округа сборника «Образование: проблемы, поиск, решения»; хорошо

знали и ценили учителя округа профессионализм Орловой Т.К., Зуевой У.Н., и др. Значительный вклад в развитие этнообразования обско-угорских народов округа, в установлении международного сотрудничества вносили ученые, заведующие кафедрами Афанасьева К.В., Немысова Е.А.

Особого внимания заслуживают Мазурова Е.Г. и Мазуров Б.Ф. ученые, педагоги, организаторы, на протяжении многих лет преданно, самоотверженно работают на благо развития образования округа.

Педагогические кадры округа активно сотрудничали по разным направлениям деятельности с Астраханцевой Т.С., Антиповой Н.И., Бакановой Т.А., Беткер С.П., Гутовской Е.А., Одинцовой Е.В., Панченко Э.В., Полуяновой Н.К., Пернай Г.П., Пашкиным Г.П., Рыбьяковой Н.С., Степичевой Е.Н., Федуловой Н.В., Эккерт М.Г., Л.С., Ярлыкковой О.Г. которые с полной отдачей, в рамках своих функций, решали сложные задачи модернизации образования ХМАО – Югры.

Кадровый состав института в тот период усиливается научными кадрами, существенный вклад в развитие образования округа, ИПК стали вносить кандидаты наук Банников В.Н., Котельникова Г.Н., Орлов С.А., Пузырев С.Е., Рябий И.Г., Устенко Л.Н., Черкашин И.М. В коллектив пришли молодые и перспективные кадры Демешко А.В., Звягина Н.С., Колесова Т.В., Ренева Г.Ф., и др.

Рис. 3. Сводный хор коллектива ИПК и РРО 2004 года

Запомнился сложный период, когда Ханты-Мансийский автономный округ в 2003 году включился в проведение эксперимента по введению ЕГЭ. Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа принял решение об аттестации выпускников в форме и по материалам ЕГЭ. Общее количество участников эксперимента по введению единого государственного экзамена в Ханты-Мансийском автономном округе составляет примерно 30 000 человек. В их числе представители органов управлений образования окружного и муниципального уровней, администрация образовательных учреждений округа, учителя, выпускники, абитуриенты, представители ВУЗов, ССУЗов, методическая и техническая служба. На региональном уровне совместно с Департаментом образования и науки институтом повышения квалификации и развития регионального образования (ИПК и РРО), муниципальными органами управления образованием проводилась целенаправленная работа по подготовке субъектов эксперимента к проведению экзамена. Большая ответственность лежала на кол-

лективе ИПК и РРО, необходимо было в кратчайшие сроки подготовить участников эксперимента к его проведению. Было проведено двадцать семинаров по технологии организации и проведения ЕГЭ для руководителей и специалистов органов управления образования, администраторов ЕГЭ, руководителей методических служб, ответственных организаторов пунктов проведения ЕГЭ, экспертов. На семинарах педагогические кадры округа познакомились с опытом проведения единого государственного экзамена в Удмуртии, Самарской области, который представили директор института усовершенствования учителей города Ижевска Шкляева Н.А., специалисты Центра мониторинга в образовании города Самара Никитина Н.Н, Чернышова В.А. Коллектив ИПК и РРО работал сплоченно и достойно справился с этой задачей. В своей деятельности коллектив ИПК и РРО тесно сотрудничал с Департаментом образования и науки, заместителями директора Саркисяном И.С. и Косенком С.М., руководителями отделов Департамента Максимовой Л.В., Дмитриевой Г. Б. и другими.

Рис. 4. Коллектив руководителей образованием ХМАО – Югры и сотрудников ИПК и РРО

Последние десять лет профессиональная деятельность автора статьи связана с кафедрой педагогики и психологии Югорского государственного университета, но деловое сотрудничество с ИПК и РРО продолжается все эти годы. С 2007 по 2010 годы совместно с ИПК и РРО кафедра педагогики и психологии организовали и провели 4 конференции «Актуальные проблемы подготовки профессионалов XXI века в условиях гуманизации образования» региональ-

ного и международного статуса. По итогам конференций было выпущено 7 сборников научных материалов, опубликовано свыше 300 статей педагогических кадров округа. Сотрудничество преподавателей кафедры педагогики и психологии ЮГУ с ИПК и РРО осуществляется в разных направлениях, они принимают участие в качестве лекторов, членов жюри, экспертов в мероприятиях, которые проводит Департамент образования и науки и ИПК и РРО.

Рис.5. Фото на память с моими коллегами по ИПК и РРО

Работа в ИПК и РРО осталась в памяти как напряженный, интересный, разнопла-

новый, творческий процесс основанный на сотрудничестве и сотворчестве коллег.

УДК 159.96

В.А. Лобова, С.И. Логинов, А.А. Ковешников

Психофункциональное состояние и работоспособность у работников вахтовых бригад

Аннотация. Динамика психофункционального состояния у работников вахтовых бригад в северном регионе характеризуется адаптивной «экономизацией» функций на начальном этапе вахтовой деятельности. Изучение психофункционального состояния вахтовых рабочих с учетом радиуса перевозки в северные регионы показало различия по параметрам активности, качества сна, тревоги, депрессии, психоэмоционального напряжения. Установлено использование неадаптивных механизмов совладания со стрессом, среди которых выделены «избегание» и «эмоции». Актуализация пассивного поведения у рабочих обусловлена ситуацией повышенной неопределенности в условиях вахты и невозможностью прогнозировать результаты своей деятельности.

Ключевые слова: психофункциональное состояние, вахтовые методы работы, стресс, депрессия, поисковое поведение, копинг-механизмы.

V.A. Lobova, S.I. Loginov, A.A. Koveshnikov

Psychofunctional condition and shift team workers' performance capability

Summary. Dynamics of shift team workers' psychofunctional condition in the Northern region is characterized by adaptive «economization» of functions at the initial stage of shift activities. The study of psychofunctional condition of shift-workers taking into account the radius of transportation in the Northern regions showed differences in activity, sleep quality, anxiety, depression and psychoemotional tension. It has been established that non-adaptive mechanisms for coping with stress, such as «avoidance» and «emotions» are used. Workers' actualization of passive behavior is due to the situation of high uncertainty in shift conditions and the inability to predict the results of their activities.

Keywords: psychofunctional condition, shift work, stress, depression, search behavior, coping mechanisms.

Процесс приспособления человека к обитанию в северных регионах страны чрезвычайно сложен [1, 2, 3, 4]. Однако он еще более усложняется, когда комплекс экстремальных факторов воздействует не постоянно, а прерывисто, как это имеет место при экспедиционной вахте. Своеобразие климатических условий северных регионов, интенсивность физических нагрузок, присущих вахтовому труду, условия групповой изоляции, информационной недостаточности, утомления предъявляют повышенные требования к деятельности всех функциональных систем организма [5, 6, 7, 8].

Целью нашего исследования явилось изучение динамики работоспособности по показателям функционального состоя-

ния, психомоторным параметрам, характеристикам внимания и эмоционального состояния у сотрудников нефтегазовых месторождений, работающих в северном регионе режиме «ближней» и «дальней» вахты, с учетом радиуса перевозки.

Материал и методы. Обследовались профессионалы, работающие вахтовым методом в режиме 30-дневной длительности, которые доставлялись к местам дислокации производства (поселки Ягельный, Приозерный, Лонг-Юган Надымского района, Ямало-Ненецкого автономного округа) из мест постоянного проживания (Надым, Новый Уренгой, Нижневартовск, Калининград, Курск, Омск, Тула, Волгоград, Псков, Екатеринбург, Липецк, Воронеж, Рязань, Пенза, Брянск, Санкт-Петер-

бург, Стерлитамак, Ставрополь, Краснодар, Ростов-на-Дону) авиационным и автотранспортом. Расстояние перемещений от 150 до 2500 километров в пределах разных часовых поясов. Всего обследовано 252 человека, средний возраст – $39,46 \pm 9,25$, вахтовый стаж – $6,07 \pm 3,62$ года.

При изучении депрессивных состояний использовали Шкалу самооценки Цунга (Self Rating Depression-SDS), адаптированную в Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева. При относительно невысоком уровне депрессии, особенно если наряду со снижением настроения наблюдаются астенические проявления, что является весьма частым феноменом на Севере, особенно при работе вахтовым способом, шкала является более чувствительной, чем другие экспериментальные методы. Для выявления уровня тревожности у работников вахтовых смен использовалась Шкала личностной и ситуативной тревожности (State-Trait Anxiety Inventory-STAI), которая позволила оценить ситуативную (СТ) и личностную тревожность (ЛТ), соответствующую трем уровням развития: низкому; умеренному и высокому. Использовали также шкалу стресса Ридера, которая позволяет измерять толерантность к стрессу окружающей среды, особенно в условиях интенсивной трудовой деятельности человека, связанной с неоднократными перемещениями.

Оценка подвижности и уравновешенности нервных процессов проводилась

по психомоторным показателям теппинг-теста. Показатели переключаемости внимания как одного из необходимых условий эффективной деятельности рабочих вахтовых смен исследовались с использованием красно-черной таблицы Шульте. Изучение самочувствия, активности, настроения проводилось с использованием Теста дифференцированной самооценки функционального состояния (САН), наиболее прогностического для диагностики такого сложного психофизиологического феномена, как утомление.

Качество сна изучалось с использованием опросника «Сновидения и фантазии», который позволяет определить характеристики стадии парадоксального сна как одного из важных механизмов психофизиологической адаптации. Опросник для выявления поведенческих установок и оценки поисковой активности (Behavioral Attitudes and Search Evaluation-BASE) позволил определить у обследуемых инвариантность поведения в экстремальной ситуации (поисковое, пассивное, хаотичное, стереотипное) как важного индикатора работоспособности при любом типе вахтовой организации труда.

Результаты исследования: в наших исследованиях при оценке функционального состояния рабочих вахты по методике САН были получены показатели, превысившие нормативные по шкале самочувствия на 10,9%, активности – 4,5%, настроения – 24,6%. (табл. 1).

Таблица 1

Показатели психофункционального состояния рабочих вахты в северном регионе (M±m)

Показатели	Средние значения шкал, n=252		Нормы
Функциональное состояние	X1	6,17±0,24	5,0-5,5 баллов
	X2	5,76±0,29	5,0-5,5 баллов
	X3	7,29±0,25	5,0-5,5 баллов
	X4	33,44±3,12	35 баллов и выше
Психоэмоциональное состояние	X5	30,65±0,40	1 – 34 баллов
	X6	39,33±0,60	31 – 45 баллов
	X7	41,79±0,44	31 – 45 баллов
	X8	0,95±0,04	0 – 0,99 ус.ед.

Примечание: X1-самочувствие, X2 - активность, X3- настроение, X4 – сон, X5 – депрессия, X6- ситуативная тревожность, X7 – личностная тревожность, X8 – психоэмоциональное напряжение

Самым низким среди показателей функционального состояния оказался показатель активности, характеризующий подвижность, скорость и темп протекания различных функций. Показатели, фиксирующие утомление, располагались в пределах допустимых значений. В то же время значительно ниже нормативных значений были показатели, характеризующие качество сна.

Показатели депрессии, психоэмоционального напряжения были близки к верхней границе нормы, что свидетельствовало о наличии депрессивных переживаний в актуальном статусе обследованных лиц. Значения шкалы ситуативной тревожности у рабочих были в пределах средней интенсивности, с тенденцией к напряженности, сопровождающейся активацией вегетативной нервной системы.

Показатели личностной тревожности также располагалась в пределах средних значений. Вместе с тем ее интенсивность была на 5,9% выше, в сравнении с ситуативной, что свидетельствовало восприятию

рабочими ситуации вахтовой смены как угрожающей самочувствию и работоспособности, с выраженным риском формирования нервно-психической дизадаптации. Помимо качественных изменений всех показателей психофункционального состояния у работников вахты были установлены корреляционные связи между возрастом и северным стажем; радиусом перевозки и ситуативной тревогой, вахтовым и северным стажем.

Изучение функционального состояния вахтовых рабочих проводилось в динамике, при этом замеры у вахтовых рабочих проводились в различные периоды, в том числе в начале вахтового заезда, а также при завершении вахтовой смены, спустя тридцать дней. При этом фиксировали достоверные различия показателей функционального и эмоционального состояния на начало и завершение вахтовой смены. Наибольшая разница была выявлена при сравнении индекса самочувствия, а также характеристик внимания и аффективной сферы (табл. 2).

Таблица 2

Динамика психофункционального состояния рабочих в процессе вахтовой смены в баллах (M±m)

Тип	Показатель	Период вахтовой смены		P 3-4
		Начало вахтовой смены	Завершение вахтовой смены	
Функциональное состояние	X1	7,06±0,20	6,17±0,24	0,01
	X2	5,91±0,25	5,76±0,29	н/д
	X3	7,83±0,49	9,44±0,58	0,05
	X4	33,44±3,12	29,49±4,31	0,001
Психоэмоциональное состояние	X5	7,57±0,19	7,29±0,25	н/д
	X6	44,78±0,64	37,27±0,67	0,001
	X7	42,30±0,66	36,92±0,64	0,001
	X8	0,93±0,04	0,98±0,05	н/д

Примечание: X1 – самочувствие, X2 – активность, X3 – внимание, X4 – сон, X5 – настроение, X6 – ситуативная тревожность, X7 – личностная тревожность, X8 – психоэмоциональное напряжение

При использовании САН нами было отмечено ухудшение характеристик подвижности, скорости и темпа протекания различных функций. В частности, к концу вахты у всех рабочих было выявлено достоверное ухудшение показателей по шкале «самочувствие», по сравнению с начальным периодом. При субъективной характеристике состояния в самоотчетах вахтовых рабочих к концу вахты появлялись такие лексические единицы, как «обессиленный», «изнуренный», «вялый».

Для оценки функционального состояния нервных клеток была использована проба, построенная на определении динамики максимального темпа движений рук. Опыт проводился последовательно

сначала правой, затем левой рукой. По сигналу экспериментатора работники проставляли точки в шести квадратах бланка. Необходимым условием выполнения был максимальный темп работы. На основании суммарного показателя для каждого работника нами строился график работоспособности. Сила нервной системы диагностировалась по четырем типам: сильный, средний, средне-слабый, слабый, который определялся по форме кривой графика (ровная, выпуклая, вогнутая, промежуточная, нисходящая). Варианты динамики максимального темпа движений рук, характеризующие тип нервной системы у вахтовых работников, приведены в таблице 3.

Таблица 3

Варианты динамики максимального темпа движений рук (%)

Период вахтовой смены	Тип нервной системы			
	Сильный тип	Средней силы тип	Слабый тип	Средне-слабый тип
Начало вахты, n=129	5,4	13,2	68,2	13,2
Завершение вахты, n=94	2,1	9,6	48,9	39,4
Критерий t-Стьюдента	t = 1,33 p = н/д	t = 0,84 p = н/д	t = 2,92 p = 0,01	t = 4,47 p = 0,001

Как видно из таблицы, численность вахтовиков, фиксируя результаты нервных процессов сильного и среднего типов снижалась к концу вахтовой смены, по сравнению с ее началом. Также численность лиц с показателями нервных процессов средне-слабой силы, с лабильной динамикой темпа работы, была максимальна на начало вахтовой смены. В то же время к концу вахты численность лиц с лабильным типом снижалась. Одновременно в 3 раза увеличилась численность лиц с показателями нервных процессов слабой силы к завершению смены, по сравнению с ее началом.

При исследовании показателей работоспособности нервных клеток на начало вахтового заезда было отмечено снижение численности лиц с эффективной работоспособностью нервных клеток (высокий и средний уровень). В подавляющем большинстве случаев у вахтовых рабочих отмечалась их низкая работоспо-

собность.

Функциональная норма на начало вахтовой смены характеризовала шестую часть работников от общей численности обследованных лиц. Доля работников, показатели которых укладывались в пределы нормы, при завершении вахтовой смены, спустя 30 дней, снизилась на 5,7%.

Как и в предыдущей пробе, на начало вахтового заезда чаще выявлялись лица с недостаточным уровнем работоспособности нервных клеток (с лабильностью и истощаемостью). На момент завершения вахты численность работников с лабильным и неустойчивым типом также достоверно снизилась. При лабильности у вахтовиков отмечалось первоначальное снижение темпа работы с последующим кратковременным его возрастанием до исходного уровня. Поскольку лабильность связана с плохой продуктивностью и ослаблением самоконтроля, особенно

в сложных ситуациях, факт уменьшения лабильных лиц расценивался в качестве позитивного.

Проанализированы показатели переключаемости внимания (пробы Шульте) как одного из показателей работоспособности лиц, работающих в режиме вахты. С переключаемостью внимания функционально связаны два разнонаправленных процесса: включение и отвлечение внимания. Переключаемость внимания связана, помимо прочего, со специальными свойствами нервной системы человека, такими, как лабильность, возбудимость и торможение. Соответствующие свойства нервной системы непосредственно определяют качества внимания, особенно непроизвольного, и поэтому их следует рассматривать в основном как природно обусловленные. Переключаемость внимания, если она происходит на непроизвольной основе, свидетельствует о его неустойчивости, но такую неустойчивость не всегда есть основание рассматривать как отрицательное качество. Она нередко способствует временному отдыху организма, анализатора, сохранению и восстановлению работоспособности нервной системы и организма в целом.

Выполнение пробы Шульте предполагало условия совмещенного выполнения действий. Перед работниками ставилась задача одновременного счета чисел двух цифровых рядов одного в возрастающей последовательности и другого – в убывающей. Качественный анализ включал подсчет правильно найденных в корректурной таблице цифровых пар, выполненных различным цветом.

Поскольку качество внимания является одним из важнейших условий эффективности труда на отраслевых предприятиях по переработке и транспортировке нефти и газа, данный условный показатель учитывался в каждом отдельном случае. В начале вахты у работников при обследовании обнаруживался низкий темп чтения корректуры и значительное количество ошибок при определении нужных стимулов. Итоговый показатель, рассчитанный на основе суммарного индекса правильно найденных символов, оказался ниже в начале вахты. В завершающем эксперименте

через тридцать дней эффективность выполнения пробы достоверно улучшилась.

В частности, согласно полученных данных, высокий и средний уровень функции внимания характеризовал на начальном периоде вахтовой смены только одну треть часть от общей численности обследованных работников. Подавляющее большинство обследованных работников вахты обнаруживали в начале вахтовой смены низкий уровень переключаемости внимания. К концу вахтового заезда функция внимания у работников стабилизировалась, о чем свидетельствовал факт достоверного увеличения (в 2,3 раза) численности работников со средними показателями функции внимания. Было отмечено также снижение лиц с низким уровнем переключаемости внимания (в 1,6 раза). Данный факт обнаруживает, что функция внимания у вахтовых работников к завершению вахтовой смены стабилизировалась.

Отдельно анализировались также и данные, полученные у работников «ближней» и «дальней» вахты. Исследования сна, проведенные с использованием опросника Аршавского, «Фантазии-сон-сновидения», показали, что у работников «ближней» вахты были снижены показатели качества сна, по сравнению с работниками «дальней» вахты. Нарушение стадии парадоксального сна, характеризующееся ее снижением, у вахтовиков-северян («ближний» тип вахты) фиксировались в 3 раза чаще, чем у межрегиональных вахтовых рабочих («дальний» тип вахты).

Анализ характеристик парадоксального сна у работников «ближней» и «дальней» вахты на начальном периоде и на завершающем этапе вахтовой смены показал однотипную тенденцию ее ухудшения, которая была более отчетливо выражена у работников из группы «ближней» вахты. В частности, анализ показал, что у работников «ближней» вахты функция сна ухудшилась на 12,5% при завершении вахты, по сравнению с ее началом. В то же время у работников «дальнего» типа вахтового режима труда функция сна на завершающем этапе вахтовой смены была снижена на 9,5%, по сравнению с ее началом (табл. 4).

Таблица 4

Динамика стадии парадоксального сна у вахтовых работников (баллы) ($M \pm m$)

Тип вахты	Начало вахтовой смены	Завершение вахтовой смены	Достоверность, р
Ближний тип	32,54±3,49	28,48±4,21	0,001
Дальний тип	34,14±2,76	30,89±4,62	0,001

При корреляционном анализе у работников вахтового режима труда были получены корреляционные связи между северным стажем и сном, что также явилось свидетельством необходимости возрастных ограничений вахтовым методом и организации тщательного медицинского отбора для работы в северном регионе.

При анализе данных, полученных на основе выполнения всех функциональных проб с учетом радиуса перевозки людей, работающих в бригадах, было выявлено, что изменения функционального и психоэмоционального состояния более отчетливо проявлялись у лиц, прибывших в северный регион с Юга России. Так, у межрегиональных работников, прибывших из Центральной России, на завершающем этапе работы отмечалось статистически значимое ухудшение показателей самочувствия, свидетельствующее о высоком психофизиологическом утомлении. В то же время у вахтовых работников, прибывших с Юга России, было установлено ухудшение всех показателей теста САН. В частности, нарушения были отмечены по признакам силы и здоровья (шкала самочувствия), скорости, темпа и подвижности функций (шкала активности) и психоэмоционального состояния (шкала настроения).

Как показали исследования, в системе сложного психофизиологического феномена утомления, в первую очередь, страдали характеристики, отражающие силу и здоровье. Тот факт, что у межрегиональных работников с меньшим радиусом перевозки при завершении вахтовой смены достоверно ухудшались только показатели самочувствия, а у южан – все показатели теста САН, не исключает необходимости в целенаправленной организационной работе по эффективному управлению процессом адаптации межрегиональных работников

на производстве с использованием специализированных психологических служб.

Показатели переключаемости внимания у вахтовых рабочих также были проанализированы с учетом характеристик, связанных с дальностью переезда (из Центральной России и с Юга России). На начало вахтовой смены удовлетворительные показатели переключаемости функции внимания чаще регистрировались у лиц, перемещавшихся с Юга России, по сравнению с Центральной Россией. Вместе с тем в обеих выборках работников к концу вахтового заезда отчетливо прослеживалась тенденция к стабилизации функции внимания, с более выраженной тенденцией в группе лиц, перемещавшихся из Центральной России. В целом, анализ показал, что адаптация к условиям Севера у лиц, прибывших из Центральной России, происходит эффективнее, по сравнению с южанами.

Кроме того, в исследованиях была выявлена тенденция, согласно которой у всех работников в начале северной вахты показатели общего состояния нервных процессов были снижены, о чем свидетельствовало отмеченное «спящее» состояние отдельных функций. Так, итоговый показатель внимания, который был рассчитан на основе темпа и суммарного индекса правильно найденных символов, оказался ниже в тот период, когда работник только осваивался в новых условиях (начало вахты). В завершающем эксперименте через тридцать дней эффективность выполнения пробы достоверно улучшилась.

Такая же картина наблюдалась при исследовании психомоторных реакций. Как и в предыдущей пробе, на начало вахтового заезда чаще выявлялись лица с неустойчивой работоспособностью и лабильными характеристиками нервных процессов. Лабильность связана с плохой продуктив-

ностью и ослаблением самоконтроля, особенно в сложных ситуациях. На момент завершения вахты численность этой группы снизилась. Этот факт и приведенные выше данные обнаруживали «экономизацию» активности функций на начальном этапе вахтовой деятельности.

В исследованиях получены данные, согласно которым в процессе вахтового периода у работников имело место улучшение показателей ситуативной и личностной тревожности. Снижение уровня тревоги можно объяснить профессиональной адаптацией и общей вработываемостью к концу вахтовой смены. Несмотря на тенденцию снижения, эмоциональный фон у рабочих был в значительной степени окрашен тревожными переживаниями: показатели тревоги существенно превышали норма-

тивные значения. Кроме того, у вахтовых работников была выявлена связь депрессии с ситуативной и личностной тревожностью.

Проведен анализ функционального и эмоционального состояния у работников вахты с учетом радиуса перевозки, который показал различия в группах по параметрам тревоги, депрессии, психоэмоционального напряжения. Ситуативная и личностная тревожность оказалась интенсивнее у лиц, работающих в условиях режима «дальней» вахты. У работников «ближней» вахты, проживавших в малых северных городах, показатели ситуативной тревожности были в пределах нормативных величин. В то же время показатели личностной тревожности оказались в диапазоне высоких значений (табл. 5).

Таблица 5

Показатели функционального и эмоционального состояния лиц, работающих в режиме «ближней» и «дальней» вахты

Показатель	Тип вахты		P 2-3
	I тип n=118	II тип n=128	
X1	33,33±0,70	44,87±0,64	0,0001
X2	41,14±0,57	42,40±0,66	0,0001
X3	30,56±0,60	30,76±0,51	0,005
X4	0,97±0,07	0,93±0,04	0,0001
X5	29,49±4,31	33,44±3,12	0,001

Примечание: I тип – режим «ближней» и II тип - «дальней» вахты, X1 -ситуативная тревожность, X2 - личностная тревожность, X3 – депрессия, X4 - психоэмоциональное напряжение, X5 -сон

Корреляционный анализ показал, что функциональные аспекты утомления значительно усугубляли эмоциональный фон у всех межрегиональных работников, о чем свидетельствовали изменения корреляций. Было отмечено усиление связи депрессии с показателями активности и настроения, о чем свидетельствовали слабые корреляционные связи между указанными факторами на начальном периоде и умеренные – при завершении вахтовой смены. Появились корреляции между утомлением и тревогой. Кроме

того, на завершающем этапе вахты у рабочих депрессия была максимально сопряжена с реактивной тревогой, хотя на начало вахты связь не установлена. Усиливалась сопряженность между подавленным настроением и общей психологической устойчивостью рабочих к концу вахтового заезда, о чем свидетельствовали более тесные корреляционные связи между депрессией и личностной тревожностью при завершении вахтового периода, по сравнению с его началом (табл. 6).

Таблица 6

Оценка корреляционной связи депрессии с показателями функционального состояния и тревогой (r)

Аспекты состояния	Период работы	
	начало вахты	конец вахты
Самочувствие	-0,3**	-0,3**
Активность	-0,2*	-0,4***
Настроение	-0,3**	-0,4**
Реактивная тревога	0,1	0,6***
Личностная тревожность	0,2**	0,5***

Примечание: различия в сравниваемых группах достоверны при * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,002$

Депрессия в обеих группах обследованных лиц, сравниваемых с учетом радиуса перевозки, приближалась к крайним показателям нормы, что явилось свидетельством достаточно высокой степени угнетенности аффекта, независимо от внешних условий. В то же время выявленные различия по депрессии свидетельствовали о более выраженной связи со значимыми жизненными переменами у лиц «дальней» вахты. Значения психоэмоционального напряжения в обеих группах также были близки к высоким значениям. У работников «ближней» вахты, тем не менее обнаруживались более высокие показатели, по сравнению с группой межрегиональных вахтовиков. В то же время у работников «дальней» вахты глубже депрессия, сильнее выражено беспокойство, активнее формируются реакции тревоги.

При сравнении стрессированности у работников «ближней» (межрегиональные бригады) и «дальней» вахты (бригады рабочих, сформированные в молодых индустриальных городах северного региона) было установлено, что стресс у «дальней» вахты достоверно выше, по сравнению с «ближней».

Анализ стрессированности вахтовых работников с учетом стажа работы вахтовым методом показал, что стресс изначально выше в группе лиц с максимальным стажем работы, по сравнению с группой лиц, недавно работающих в режиме экспедици-

онно-вахтового труда. Кроме того, были выявлены неоднотипные тенденции в группах лиц с разным стажем. В частности, у межрегиональных вахтовиков, работающих менее пяти лет, к концу вахтового заезда стресс увеличивался, тогда как у лиц, работающих вахтовым методом в течение пяти и более лет, стресс оставался на одном уровне. Исследования показали, что в начале вахты не зафиксировано стресса в 48,8% случаев, а в состоянии четко выраженного стресса на момент обследования находились 51,2% рабочих. К концу вахты численность лиц со стрессом составила 53,5% случаев, не было зафиксировано стресса в 46,5% случаев.

Были также изучены факторы, влияющие на формирование психоэмоционального напряжения у вахтовых рабочих. Подавляющее большинство от общего числа обследованных лиц отмечало, что «очень беспокоится о своей работе» – 77% случаев. Каждый пятый от общего числа обследованных работников в период вахты испытывал психоэмоциональное напряжение вследствие бытовой неустроенности – 23% случаев. Каждый пятый рабочий был убежден, что в период вахтовой смены он был раздражен и вспыльчив больше обычного, что существенно усложняло его жизнь в бригаде – 22% случаев.

В 15% случаев обследованные лица проявляли выраженное беспокойство по пово-

ду своей семьи. В исследовании было установлено также, что часть обследованных лица испытывала коммуникативный стресс, утверждая, что, «общаясь с людьми, он ощущает сильное нервное напряжение» – 8% случаев.

Помимо этого, в наших исследованиях была выявлена высокая частота фактора жизненного истощения у вахтовых рабочих. В частности, на упадок сил указывала при-

мерно десятая часть обследованных рабочих, утверждая, что «к концу каждого рабочего дня они совершенно истощены физически и психически» – 8% случаев.

Корреляционный анализ данных показал, что в начале вахты все рабочие проявляли более выраженную негативную реакцию на изменение привычных условий жизни. В этот период была отмечена тесная связь между стрессом и личностным фактором (табл. 7).

Таблица 7

Корреляционная связь стресса с факторами вахтового труда (r)

Социальные факторы	Начало вахтовой смены, n=87	Завершение вахтовой смены, n=87
Личностный фактор	0,698***	0,607***
Трудовой фактор	0,300*	0,281**
Эмоциональный фактор	0,771***	0,774***
Бытовой фактор	0,701***	0,663***
Коммуникативный фактор	0,696***	0,658***
Истощение жизненных сил	0,642***	0,608***
Семейный фактор	0,439***	0,638***

Примечание. Достоверность корреляционной связи обозначена * - $p < 0,004$; ** - $p < 0,008$; *** - $p < 0,0001$

Как видно из таблицы, корреляционные связи между стрессом и показателем общей нервозности, обозначенной личностным фактором, в начале вахтового заезда более тесные. К концу вахтовой смены реакции сглаживаются, и уже не так остро работники переживают сложные условия своего труда. Связь между стрессом и профессиональными нагрузками (трудовой фактор) в начале и в конце вахтовой смены является равнозначной. Однако величина корреляции указывала на более тесную связь между стрессом и бытовыми неурядицами в начале смены, по сравнению с ее завершением, подтверждавшая, что бытовые условия вызывают у рабочих большие проблемы, особенно на начальном этапе вахтового периода.

Корреляционная связь между стрессом и коммуникативными нарушениями, полученная у рабочих в начале вахтового заезда, являлась более тесной, по сравнению с завершающим этапом вахтовой смены. Это значит, что более остро вахтовые рабочие реагировали на межличностные отношения в бригаде на начальном периоде работы, а стресс был мак-

симально обусловлен конфликтами и шероховатостями в общении между бригадными рабочими именно в первые дни совместной работы.

Корреляционная связь между стрессом и семейными проблемами к концу смены была более тесной, по сравнению с ее началом. Данный факт свидетельствует о том, что к концу заезда у вахтовых рабочих усиливались переживания, связанные с гармонизацией семейных отношений. Корреляционная связь стресса с жизненным истощением была установлена как в начале, так и в конце вахтовой смены, несколько более тесная на начальном этапе.

Между стрессом и эмоциональными проблемами корреляционная связь определялась уровнем высокой статистической значимости, как в начале, так и в конце вахтового заезда. В целом, как показал корреляционный анализ, для вахтовых рабочих на начало вахты эмоционально были более значимы проблемы быта и общения.

В исследованиях получены данные, соглас-

но которым вахтовые рабочие используют различные методы для купирования эмоциональной напряженности. Была использована анкета «Как вы обычно избавляетесь от нервного перенапряжения?». Данные, полученные с использованием анкеты, распределились следующим образом:

1. Иду гулять, выбираюсь на природу – 57,3%.
2. Общаюсь с близкими людьми – 39,5%.
3. Слушаю музыку, иду в кино и пр. – 36,4%.
4. Курение – 31,1%.
5. Занимаюсь физическим трудом или физкультурой – 26,6%.
6. Выпиваю вина, водки – 13,2%.
7. Много ем – 2,3%.
8. Занимаюсь аутогенной тренировкой – 2,3%.
9. Принимаю лекарства – 1,5%.
10. Затрудняюсь ответить – 6,9%.

Как показал анализ, для купирования стресса сотрудники чаще всего прибегали к таким методам, как общение с людьми и общение с природой и искусством. Курение, как традиционный способ снять психоэмоциональное напряжение, использовал каждый третий из числа опрошенных лиц. Спорт и физические нагрузки в этом ряду занимали по значимости пятое место. Рабочие часто использовали алкоголь в качестве способа снятия стресса. Обращает на себя внимание тот факт, что ме-

тоды саморегуляции играли в системе психогигиены незначительную роль. С аутогенной тренировкой были знакомы и использовали ее приемы немногим более двух процентов работников вахты. Семь процентов от общей численности обследованных работников вахты не использовали ни один из традиционных способов.

Согласно концепции поисковой активности, на эффективность адаптации главным образом влияет то, как ведет себя человек в стрессовой ситуации. В соответствии с данной концепцией, в стрессовых ситуациях, к которым относится вахтовый и экспедиционно-вахтовый режим работы, только поисковое поведение может поддерживать оптимальный уровень функционального и психологического состояния, требующего больших энергетических затрат. Напротив, отказ от поиска является неспецифической и универсальной предпосылкой к развитию самых разнообразных форм дизадаптации.

Поисковая активность, или деятельность, направленная на изменение трудной ситуации, а также на изменении отношения к этой ситуации, связана с активно-оборонительным типом поведения человека, она снижает подверженность психосоматическим заболеваниям и другим формам нервно-психической дизадаптации. Основные поведенческие стратегии, которые использовались рабочими, представлены в таблице.

Таблица 8

Поведенческие стратегии у вахтовых рабочих северного региона

Показатели			Режим труда		Уровень значимости, p
			Постоянный n=173	Вахтовый n=46	
Основные поведенческие стратегии	поисковая активность	X1	-0,32±3,03	-1,95±2,34	0,010
		X2	2,24±2,41	2,69±2,80	0,462
		X3	-1,71±2,24	-1,33±2,24	0,524
		X4	1,15±2,06	1,6±1,99	0,319
	копинг-поведение	X5	53,51±5,9	51,67±6,09	0,146
		X6	35,43±7,37	44,76±8,36	0,0001
		X7	46,34±5,16	45,22±5,98	0,326
		X8	19,8±2,97	20,33±4,07	0,485
		X9	17,11±2,35	15,57±3,12	0,005

Примечание: X1- пассивно-оборонительное поведение, X2 – активно-оборонительное поведение, X3 - хаотичное поведение, X4 - стереотипное поведение, X5 - решение задач, X6 - эмоции, X7- избегание, X8 – отвлечение, X9 - социальное отвлечение

Как видно из таблицы, у работников вахты, по сравнению с лицами, имевшими постоянный режим работы, статистически значимые различия определялись по фактору пассивного поведения. При сравнении данных, полученных у лиц, работавших в постоянном режиме труда и проживающих в северном регионе, и у вахтовых рабочих было установлено, что северяне с постоянным режимом труда в проблемных ситуациях использовали конструктивно преобразующие стратегии, о чем свидетельствовало улучшение показателей поисковой активности, по сравнению с группой северян-вахтовиков.

Лица, работавшие в постоянном режиме, были более оптимистичны, обладали положительной самооценкой и сильно выраженной мотивацией достижения. В то же время северян-вахтовиков харак-

теризовала определенная пассивность, неудовлетворительная самооценка, неуверенность в конфликтных ситуациях, отсутствие стабильности в поведенческих реакциях. Как видно, актуализация пассивного поведения у вахтовиков была обусловлена ситуацией повышенной неопределенности в условиях вахты, когда человек не имел возможность прогнозировать результаты своей деятельности, адекватно оценивать каждый промежуточный результат.

Анализ данных с позиции стрессированности у вахтовых рабочих показал, что для лиц без стресса было характерно отрицание пассивности, тогда как у стрессированных личностей наблюдалось повышение коэффициента пассивности, но при этом увеличивалась и хаотичность в действиях (рис. 1).

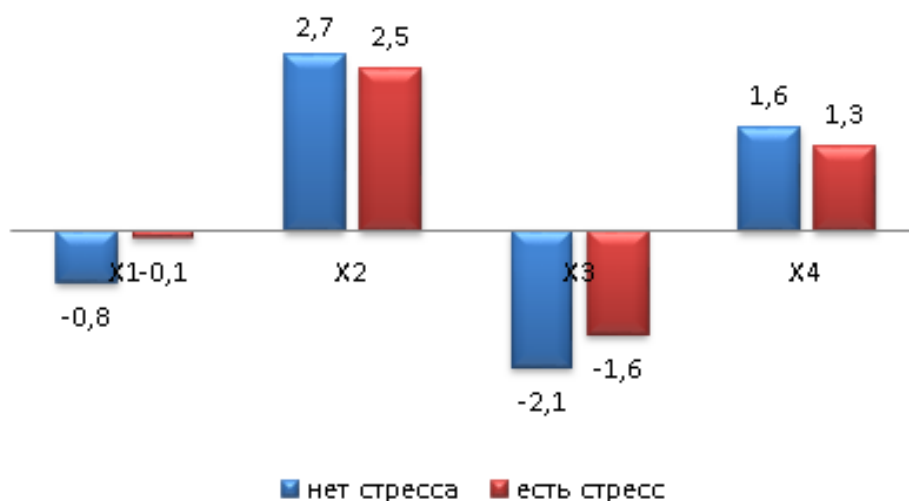

Рис. 1. Уровень поискового поведения у вахтовиков (ус.ед.)

Примечание: X1 – пассивное поведение, X2 – активное поведение, X3 – хаотичное поведение, X4 – стереотипное поведение

Была проанализирована также частота встречаемости типов поискового поведения в зависимости от режима труда. Вахтовые работники чаще выбирали пассивный способ поведения, по сравнению с лицами, работавшими в режиме постоянного графика. Кроме того, они чаще выбирали стереотипное поведение, по сравнению с группой сравниваемых лиц, что, возможно, было обусловлено бессознательным стремлением к экономии имеющихся ресурсов. Проявления отказа от поиска снижало сопротивляемость их

организма, усиливало чувство тревоги и способствовало усилению депрессивных тенденций. Хаотичное поведение выявлялось в каждом третьем случае. При хаотичном поведении человек затруднялся извлечь уроки из своих ошибок или случайных неудач и соответственно этому откорректировать свое поведение. Эффективные поведенческие стратегии чаще определялись у лиц с постоянным режимом труда, по сравнению с вахтой (рис. 2).

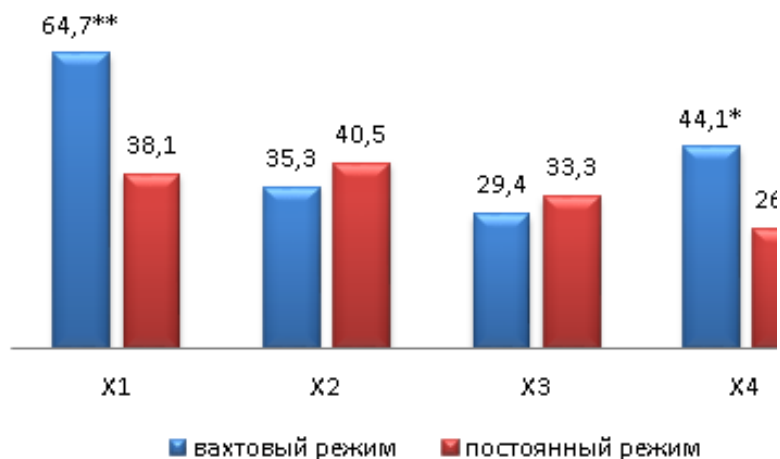

Рис.2. Частота встречаемости поискового поведения в зависимости от режима труда (%)

Примечание: X1 – пассивное поведение, X2 – активно – оборонительное поведение, X3 – хаотичное поведение, X4 – стереотипное поведение; различия в группах достоверны при * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$

Данными корреляционного анализа было подтверждено неблагоприятное влияние условий вахтового труда на поведенческие стратегии и функциональное состояние рабочих. В частности, были получены прямые корреляционные связи между стрессом и хаотичным поведением, депрессией и пассивным поведением. В то же время между северным стажем и поисковым поведением были получены обратные корреляции, что свидетельствовало о неблагоприятной динамике, поскольку активное (поисковое) поведение является важнейшим фактором эффективной адаптации. Также между депрессией и стереотипным, упорядоченным поведением была выявлена обратная корреляционная связь.

При сравнительном анализе у лиц с постоянным режимом труда между депрессией и стереотипным поведением была установлена менее тесная связь. Кроме того, у этой группы лиц были получены корреляционные связи между депрессией и хаотичным поведением, а также стрессом и хаотичным поведением. С увеличением

биологического возраста у них снижался выбор хаотичного реагирования, о чем свидетельствовали обратные корреляционные связи. Поведение становилось более упорядоченным, эффективным: были получены корреляционные связи между биологическим возрастом и данным фактором. Между северным стажем и пассивным поведением у лиц с постоянным режимом труда также была выявлена отрицательная корреляционная связь.

Северяне, работавшие в режиме вахты, достоверно чаще, по сравнению с лицами, работавшими в постоянном режиме, использовали неадаптивные механизмы совладания со стрессом, такие как «эмоции» и «избегание». В то же время анализ копинг-механизмов и резервов психической адаптации у лиц, работавших в постоянном режиме, показал, что в стрессовых ситуациях они чаще использовали адаптивные или частично адаптивные формы поведения («решение задач» и «отвлечение») (табл. 9).

Таблица 9

Частота использования копинг-механизмов у северян

Копинг-механизмы	Вахтовый режим труда (n=46)				p
	абс.ч.	%	абс.ч.	%	
Решение задач	23	50,0	70	40,5	н/д
Эмоции	37	80,4	25	14,5	0,001
Избегание	25	54,3	62	35,8	0,01
Отвлечение	26	56,5	98	56,6	н/д
Социальное отвлечение	25	54,3	69	39,9	0,05

У вахтовых рабочих использование копинг-механизмов было связано со стрессом. Лица без стресса более тщательно планировали собственное время, были более сосредоточены на проблеме и для ее решения опирались на прошлый опыт. Они чаще обращались за помощью к значимым людям и были больше открыты для контакта. Также более активное использование когнитивного копинга, направленного на решение задач, способствовало сохранению и поддержанию их соматического здоровья и более успешной психофизиологической адаптации. Кроме того, у лиц без стресса были выше показатели по шкале «социальное отвлечение», по сравнению с лицами, имевшими стресс, что явилось свидетельством большего оптимизма и уверенности в возможности решить проблему и справиться с трудностями. Между тем у работников, где был зафиксирован стресс, были значимо снижены показатели по шкале «решение задач» и «социальное отвлечение».

Заключение. Проведенные исследования показали, что адаптация вахтовых работников, эффективное управление этим процессом требует большой организационной работы. Для этого на всех предприятиях необходимо создавать специализированные службы по адаптации кадров, основными задачами которых являются разработка и внедрение мероприятий медицинского и социального характера по минимизации неблагоприятных последствий от работы, по стабилизации трудового коллектива и повышению удовлетворенности трудом [9, 10]. Такие службы могут выступать как самостоятельные структурные подразделения (отдел, лаборатория), входить в состав других подразделений, например, отдел кадров или социологическая лаборатория

(бюро, группа). Важно, чтобы служба адаптации была составным звеном общей системы управления кадрами на всех местах дислокации производства, где предусмотрен вахтовый труд.

Среди мер, способствующих сокращению периода адаптации и негативных ее последствий у вахтовых работников, следует также выделить хорошо поставленную профессиональную ориентацию и, в частности, профессиональный отбор кадров. Успешной психофизиологической адаптации могут способствовать мероприятия по приспособлению среды к человеку: улучшение условий труда, учет эргономических требований при организации рабочего места (выбор соответствующего оборудования, планировка рабочего места).

Важную роль в адаптации рабочих на вахте играет психологический климат в коллективе. Деловые взаимоотношения развивают чувство взаимопомощи, повышают трудовую активность работников, удовлетворенность трудом. Психологический климат и моральная обстановка в вахтовых бригадах существенно влияют на продуктивность труда, действуя на психику и настроение людей. Особенно важными представляются мероприятия, направленные на снижение утомляемости у вахтовиков, где могут оказаться полезными релаксационные процедуры, сенсорные комнаты и тщательный психофизиологический и медицинский контроль. Особое внимание к рабочим необходимо проявлять на начальном периоде их деятельности, когда в неблагоприятных климатических условиях, в условиях групповой изоляции, информационной недостаточности, утомления и астенизации у вахтовых рабочих происходит рост психоэмоционального напряжения.

Литература

1. Насанович Н.Н. Психосоциальное исследование вахтовых специалистов, работающих на газодобывающих предприятиях Крайнего Севера (в связи с задачами создания стандарта рекреационных учреждений): Автореф. дис. ...канд. мед. наук. СПб., 2002. 24 с.
2. Лобова В.А. Эмоциональные и ментальные нарушения у коренного и пришлого населения Крайнего Севера / Монография «Здоровье населения Ямало-Ненецкого автономного округа: состояние и перспективы». Надым-Омск, 2006. 203-272 с.
3. Собакин А.К. Работоспособность вахтового персонала газовых промыслов в экстремальных эколо-

гических условиях Севера: Автореф. дис.... канд. биол. наук. Новосибирск, 2004. 30 с.

4. Хаснулин В.И., Хаснулина А.В., Безпрозванная Е.А. Адаптационно-восстановительный потенциал человека в условиях вахтового труда и психоэмоциональный стресс на севере /VII Сибирский съезд физиологов. Материалы съезда / Под ред. Л.И. Афтанаса, В.А. Труфакина, В.Т. Манчука, И.П. Артюхова. Красноярск, 2012. С. 565.

5. Беляева Р.И. Потребность изменения социальных требований к качеству медицинского обслуживания работников вахтового режима труда в условиях добровольного медицинского страхования: метод. рек. / Р.И. Беляева, А.Л. Санников, Е.В. Казакевич. Архангельск: СГМУ, 2008. 34 с.

6. Гудков А.Б., Попова О.Н., Необученных А.А. Новоселы на Европейском Севере: физиолого-гигиенические аспекты. Монография. Архангельск: Издательство Северного государственного медицинского университета, 2012. 285 с.

7. Сарычев А.С. Характеристика адаптивных реакций организма вахтовых рабочих в условиях Заполярья: автореф. дисс. канд. биол. наук. Архангельск, 2012. 27 с.

8. Корнеева Я.А. Особенности мотивации и регуляторных процессов в структуре личностного ресурса адаптационных стратегий работников вахтовых форм труда в условиях Крайнего Севера Адаптация человека на Севере медико-биологические аспекты: Материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 138-143.

9. Маслаков Н.А. Управление персоналом при вахтовом методе организации труда // Справочник кадровика. 2003. №5. С. 95-100.

10. Громова Л.Е., Дегтева Г.Н., Алексеенко В.Д. Гигиенические и фармакологические аспекты вахтового труда на нефтепромыслах Заполярья. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2008. 123 с.

References

1. Nasanovich N.N. Psichosotsial'noe issledovanie vakhtovykh spetsialistov, rabotayushchikh na gazodobyvayushchikh predpriyatiyakh Kraynego Severa (v svyazi s zadachami sozdaniya standarta rekreatsionnykh uchrezhdeniy): Avtoref. dis. ...kand. med. nauk. SPb., 2002. 24 s.

2. Lobova V.A. Emotsional'nye i mental'nye narusheniya u korennoho i prishlogo naseleniya Kraynego Severa / Monografiya «Zdorov'e naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: sostoyanie i perspektivy». Nadym-Omsk, 2006. 203-272 s.

3. Sobakin A.K. Rabotosposobnost' vakhtovogo personala gazovykh promyslov v ekstremal'nykh ekologicheskikh usloviyakh Severa: Avtoref. dis.... kand. biol. nauk. Novosibirsk, 2004. 30 s.

4. Khasnulin V.I., Khasnulina A.V., Bezprozvannaya E.A. Adaptatsionno-vosstanovitel'nyy potentsial cheloveka v usloviyakh vakhtovogo truda i psikhoemotsional'nyy stress na severe /VII Sibirskiy s'ezd fiziologov. Materialy s'ezda / Pod red. L.I. Aftanasa, V.A. Trufakina, V.T. Manchuka, I.P. Artyukhova. Krasnoyarsk, 2012. S. 565.

5. Belyaeva R.I. Potrebnost' izmeneniya sotsial'nykh trebovaniy k kachestvu meditsinskogo obsluzhivaniya rabotnikov vakhtovogo rezhima truda v usloviyakh dobrovol'nogo meditsinskogo strakhovaniya: metod. rek. / R.I. Belyaeva, A.L. Sannikov, E.V. Kazakevich. Arkhangel'sk: SGMU, 2008. 34 s.

6. Gudkov A.B., Popova O.N., Neobuchennykh A.A. Novosely na Evropeyskom Severe: fiziologo-gigienicheskie aspekty. Monografiya. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Severnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2012. 285 s.

7. Sarychev A.S. Kharakteristika adaptivnykh reaktsiy organizma vakhtovykh rabochikh v usloviyakh Zapolyar'ya: avtoref. diss. kand. biol.nauk. Arkhangel'sk, 2012. 27 s.

8. Korneeva Ya.A. Osobennosti motivatsii i regulatorynykh protsessov v strukture lichnostnogo resursa adaptatsionnykh strategiy rabotnikov vakhtovykh form truda v usloviyakh Kraynego Severa Adaptatsiya cheloveka na Severe mediko-biologicheskie aspekty: Materialy Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Akhrkhangal'sk, 2012. S. 138-143.

9. Maslakov N.A. Upravlenie personalom pri vakhtovom metode organizatsii truda // Spravochnik kadrovika. 2003. №5. S. 95-100.

10. Gromova L.E., Degteva G.N., Alekseenko V.D. Gigienicheskie i farmakologicheskie aspekty vakhtovogo truda na neftepromyslakh Zapolyar'ya. Arkhangel'sk: Izd-vo SGMU, 2008. 123 s.

**ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY,
POLITOLOGY**

УДК 615.851.111: 616-08

Т.В. Козырева

Роль веры в научном познании

Аннотация. В статье представлена эволюция понятия веры в истории философии с периода античности до современного этапа. Рассматриваются разные подходы к данному понятию таких мыслителей, как Сократ, Платон, Локк, Лейбниц, Кант, Гегель и др. В большинстве перечисленных подходов вера противопоставляется знанию. Далее анализируются концепции, где акцентируется внимание на вере как составной части познания. Вера присутствует в таких видах знания, как гипотетическое, предпосылочное. Также вера входит в основания науки, а именно: в аксиомы, парадигмы, теории.

Ключевые слова: вера, гипотетическое знание, предпосылочное знание, процесс познания, аксиома, парадигма, неявное знание

T.V. Kozyreva

The role of belief in scientific knowledge

Summary. The paper presents the evolution of the concept of *belief* in the history of philosophy since the antiquity period to the present stage. Different approaches to this concept of such thinkers as Socrates, Plato, Locke, Leibniz, Kant, Hegel, etc. are considered. In the majority of the listed approaches the belief is opposed to the knowledge. Concepts where the attention is focused on belief as a perception component are considered. The belief is presented in such types of knowledge as hypothetical, premised. Also the belief is included into the science bases, namely into axioms, paradigms, theories.

Keywords: belief, hypothetical knowledge, premised knowledge, process of knowledge, axioms, paradigms, tacit knowledge

Понятие вера чаще всего соотносят с религией. Вера – это не только религиозное, но и внерелигиозное явление, она постоянно присутствует в жизни любого человека, независимо от его отношения к религии, это важнейший компонент внутреннего духовного мира человека, психический акт и элемент познавательной деятельности. Она обнаруживает себя в непосредственном, не требующем доказательства принятии тех или иных положений, норм, истин. «Вера – сущностное свойство человеческой жизнедеятельности, выступающее в самых разных формах: от житейских и обыденных до высших (вера в Бога, идеалы, человечество, истину)» [1, 31-32]. Феномен веры используется в религиозном, гносеологическом и экзистенциальном аспектах. С.И. Ожегов рассматривает веру в разных аспектах. Во-первых, вера – это убежденность, уверенность в ком-нибудь, чем-ни-

будь. Во-вторых, вера – это убежденность в существовании бога. В-третьих, вера – это религия [2]. Краткая философская энциклопедия, изданная в 1994 г., утверждает: «Вера – принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в необходимом полном подтверждении истинности принятого со стороны чувств и разума и, следовательно, не могущее претендовать на объективную значимость» [3, 64]. Там же указывается на то, что в английском языке четко различаются теоретическая вера в то, что нечто есть (*belief*), и религиозная вера (*faith*). В данной статье вера будет нас интересовать как один из элементов познания.

Рассмотрим философские основания проблемы веры и попытаемся создать общую картину разработки проблемы веры в философии. Античные мыслители (Парменид, Зенон, Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит, Эпикур и др.), рассма-

тривая веру в сопоставлении со знанием, отмечали неполноту обоснованности веры, «неполноценность» ее утверждений-мнений, основанных на чувственном опыте и традициях обыденного сознания, в отличие от полноценно-истинного знания, которое достигается лишь мышлением, исходящим из самоочевидных посылок и руководствующимся правилами логики. Таким образом, феномен веры обретал свое существование в ситуации познания и был с ней неразрывно связан.

Решение проблемы веры и знания решительно изменилось в Средние века. Вера понимается в религиозном смысле. Это вера в существование Бога и в религиозные догматы, поэтому она рассматривается как единственный способ постижения истины божественной реальности. Вера ставится выше рационального знания, которое лишается самодостаточности в различных вариантах – от отрицания разума и возвеличивания веры («верую, ибо абсурдно») до попыток обоснования гармонии разума и веры при приоритете последней (Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген, Григорий Нисский, Августин Аврелий, Иоанн Дамаскин, Эриугена, Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр, Фома Аквинский, Уильям Оккам, Дунс Скот и др.).

С выделением в философии самостоятельных областей знания, таких как онтология, аксиология, гносеология и др., разработка проблемы веры отошла к компетенции гносеологии. Принципиально иной гносеологический контекст обсуждения феномена веры возникает в Новое время, когда научное естествознание отделяется от религии. В Новое время философия в основном перестала поддерживать идею примата веры над знанием, но сохранилась традиция их логического противопоставления, приняв другие формы. Это, кстати, отмечает Локк, говоря, правда, о «разуме» и «вере». По его словам, разум зачастую понимается «как нечто противоположное вере». Мыслители этой эпохи обратились к исследованию веры как неотрефлексированной установки сознания в познавательном процессе: представители эмпиризма и сенсуализма (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) относили к вере все те утверждения, которые не могут быть выведены из эм-

пирически данных элементов, ощущений. Дж. Локк называет веру «согласием ума», чья роль заключается в том, чтобы служить основанием наших решений и действий в случаях, когда достоверное знание нам недоступно [4].

Сторонники рационализма (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза и др.) соотносили веру с интеллектуальной интуицией, которая не требует доказательств, поскольку содержит самоочевидные и несомненные для познающего разума истины. В субъективно-идеалистическом направлении Д. Юм говорит о вере, как о некоей операции нашего ума, которая придает идее «силу и живость» [5]. Говоря о бессознательных корнях веры, Д. Юм заключает: я «никогда не сознаю подобного акта», «опыт может порождать веру и суждение о причинах и действиях с помощью некоторой скрытой операции, и притом так, что мы ни разу об этом даже и не подумаем» [5, 204]. В отличие от являющегося произвольным актом мысли, вера возникает спонтанно. «Она есть нечто такое, что не зависит от нашей воли, но должно порождаться некоторыми определенными причинами и принципами, которые не находятся в нашей власти» [5, 392].

В XVIII веке возникает идеологический проект Просвещения, в соответствии с которым знание, и прежде всего знание научное, должно последовательно вытеснять веру во всех ее разновидностях, как обыденную, так и религиозную. В трудах философов-просветителей (А. Вольтера, Д. Дидро, К. А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, Ж. О. де Ламетри, Г. Лессинга, Ш. Монтескье, Ж. Руссо, Дж. Толланди и др.) утверждается мысль, что свободная личность должна быть критичной и самокритичной, ничего не принимать на веру, не признавать никаких авторитетов и полагаться исключительно на силу собственного разума.

В немецкой классической философии так же уделяется внимание феномену веры. В гносеологическом аспекте звучит определение веры, данное И. Кантом при анализе соотношения мнения, веры и знания. В учении Канта нет места вере, замещающей знание, восполняющей его недостаточность в системе человеческой ориентации, и в этом смысле Кант являет-

ся противником фидеизма. Он подвергает критике все виды веры, проистекающие из потребности уменьшить неопределенность окружающего мира и снять ощущение негарантированности человеческой жизни. Кант сохраняет категорию «веры» в своем учении и пытается установить ее новое, собственно философское понимание, отличное от того, которое она имела в теологии, с одной стороны, и в исторической психологии – с другой.

Признание суждения истинным при сознаваемом недостаточном субъективном и объективном основании философ называет мнением. Вера же есть такое признание истинности суждения, которое имеет достаточное основание с субъективной стороны, но осознается как объективно недостаточное. Знание включает в себя достаточное как субъективное, так и объективное основание [6]. Также И. Кант считал веру единственно возможным способом познания априорных идей, которым нельзя обеспечить объективную реальность, таким как высшее благо, бытие Бога, бессмертие души.

Кант обращает пристальное внимание на тот факт, что вера, как она в огромном большинстве случаев обнаруживала себя в истории – в суевериях, в религиозных (вероисповедных) движениях, в слепом повиновении пророкам и вождям, – представляет собой иррационалистический вариант расчетливости. Внутренняя убежденность фидеиста на поверку всегда оказывается малодушной верой в откровение (в то, что кто-то и где-то обладает или обладал разумом, превосходящим действительные возможности разума). Вера фанатиков, юридических, авторитаристов безусловным образом исключается как «Критикой чистого», так и «Критикой практического разума»: первой потому, что она (вера) представляет собой ставку на «сверхразумность» неких избранных представителей человеческого рода (попытку найти в чужом опыте то, что вообще не может быть дано в опыте); второй – потому, что она обеспечивает индивиду возможность бегства от безусловного нравственного решения.

Кант писал, что в основе трех основных его сочинений лежат три коренных вопроса: «Что я могу знать?» («Критика чистого

разума»), «Что я должен делать?» («Критика практического разума») и «На что я смею надеяться?» («Религия в пределах только разума»). Третий из этих вопросов точно очерчивает проблему веры, как она стояла внутри самой кантовской философии.

Г. Гегель замечает: «...вера выражает проникновенность достоверной убежденности... но эта проникновенность... непосредственно содержит в себе и самую абстрактную углубленность, то есть само мышление; если мышление противоречит вере – это мучительное раздвоение в глубинах духа» [7].

Таким образом, понятие «вера» в истории философии в основном противопоставлялось «знанию». Но возникают иные позиции, которые не противопоставляют веру и знание. Ясперс основывается на том, что в структуре веры не разделяет субъект и объект.

«Что же такое вера? В ней нераздельно присутствует вера, в которой коренится мое убеждение, и содержание веры, которое я постигаю... Субъективная и объективная стороны веры составляют целое. Если я беру только субъективную сторону, остается вера только как верование, вера без предмета, которая как бы верит лишь в самое себя, вера без существенного содержания веры. Если же я беру только ее объективную сторону, то остается содержание веры как предмет, как положение, догмат, состояние, как бы мертвое ничто. Поэтому вера всегда есть вера во что-то» [8].

Другая причина, по которой вера и знание не противопоставляются, – понятие «знание» многозначно. Во-первых, в нашем случае важно различать знание как результат и знание как процесс. Во-вторых, «когда речь идет о знании, то под ним понимается не только знание, получившее логическое и практическое обоснование, но и знание гипотетическое, включающее в себя момент заблуждения, а также строго не обоснованное знание, содержащее вероятностные по своему характеру положения и включающее такие компоненты, которые пока принимаются на веру, вызывают ту или иную степень доверия, что стимулирует критический анализ, поиски доказательств и практический подтверждений» [9, 105]. А также выделяют предпосылочное зна-

ние, часто выступающее в роли неявного знания. Как мы видим, существует несколько видов знания, в состав которых включена веровательная составляющая. «Научная вера – постоянно возобновляемое знание, в меру консервативное, но тяготеющее к изменению, характеризующее ступень познания, когда новое, абсолютно или относительно истинное знание превратилось в убеждение носителей научной веры» [10, 163].

Но если процесс познания бесконечен, то возникает вопрос: можно ли познать окружающий мир? Может ли человек справиться с этой задачей? Если да, то каким образом? И здесь опять процесс познания основывается на вере в исходные предположения (которые берутся априори, через интуицию и которые невозможно рационально прямо и строго доказать), – наш разум может постигать реальность, а природные явления имеют закономерность. В этом убеждены выдающиеся ученые. Например, Эйнштейн утверждал: «Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества» [11, 154]. Другим аспектом научной веры является вера ученого в то, что объективная реальность подчиняется определенным законам, которые также независимы от сознания, т.е. не создаются человеком, а лишь «открываются» ему в процессе научного познания. Такого мнения придерживался Винер: «Без веры в то, что природа подчинена законам, нет никакой науки. Невозможно доказательство того, что природа подчинена законам [12, 195]. А. Эйнштейн отмечал, что вера Кеплера в существование общей закономерности для всех явлений природы послужила необходимым условием его научного открытия [13, 106].

Также феномен веры содержится уже в самих основаниях науки: здесь конкретными формами проявления веры являются научная аксиоматика, парадигма, конвенция (принятость). Основания научного знания – это своеобразная система координат, которая закладывает исторические границы развития науки. Исходя из отдельных пред-

ставлений в качестве первооснов, наука подходит к своеобразным универсальным основам, парадигмам – историческим формам научных представлений.

Т. Кун утверждал, что принятие идеи, норм, принципов или парадигмы основано на вере [14]. Ученый, согласно концепции Куна, может быть понят как ученый только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определенной парадигмы; последняя же в свою очередь характеризуется совокупностью знаний и особенностями подхода к решению научных проблем, принятых данным научным сообществом. Наука делается прежде всего научным сообществом. А каждое научное сообщество имеет свои специфические черты. Научное сообщество – это люди, признающие одну общую парадигму. Достигается консенсус ученых и возникает парадигма. Понятие парадигмы Кун определяет так: «Система взглядов и установок, которые признаются и разделяются всеми членами научного сообщества» и поясняет еще так: это «то, с чем согласны и из чего исходят», принимая просто как данность. Это одна, или несколько фундаментальных теорий, пользующихся всеобщим признанием у данного научного сообщества в течение какого-то времени (например, механика Ньютона, теория атома Бора). Исследователи в определенной предметной области работают, опираясь на крупные достижения, которые не ставятся под сомнение и всеми воспринимаются как основа для дальнейшей деятельности. Такую роль играли в свое время работы Коперника, Ньютона, Лавуазье, Эйнштейна.

Нормальная наука, на развитие которой вынуждено тратить почти все свое время большинство ученых, основывается на допущении, что научное сообщество знает, каков окружающий нас мир. Многие успехи науки рождаются из стремления сообщества защитить это допущение, и если это необходимо, то и весьма дорогой ценой. Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки.

Согласно Т. Куну, переход от одной господствующей фундаментальной научной

теории («парадигмы») к другой, составляя когнитивное содержание научных революций (своеобразных точек бифуркации, моментов разрыва общей динамики научного знания), означает «обращение» дисциплинарного научного сообщества в новую научную веру.

Выделяют два ряда оснований науки: находящиеся за ее пределами и входящие в саму систему науки. Основанием всякой науки и всего знания является материальная действительность и практическая деятельность человека. Конечным предметом или объектом науки является материя, объективная реальность, существующая независимо от научно-познавательного отношения к ней человека. Признание независимости объекта науки от субъекта познания основывается на непосредственном различении ученым своих чувственных образов реальности от самой этой реальности. То, что это различие является лишь необоснованным актом естественнонаучной веры, было показано еще в XVII в. Дж. Беркли. Как отмечал в начале XX в. А. Эйнштейн, «вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта, лежит в основе всего естествознания» [13, 136]. Вера в существование конечного предмета науки – объективной реальности, независимой от субъекта познания, может быть названа когнитивно-онтологической научной верой, т.к. в ней полагается некое бытие, независимое от нашего сознания.

В научной теории есть положения (начала науки), которые не могут быть рационально-теоретически обоснованы с помощью других положений этой теории. Это научные аксиомы, постулаты, определения, которые принимаются на веру в качестве рабочих гипотез. Это стало очевидным, когда в 1931 г. К. Гедель доказал свою знаменитую теорему о неполноте достаточно больших формальных систем, в том числе арифметики натуральных чисел и аксиоматической теории множеств [15]. Подобные системы содержат в себе истинные предложения, которые недоказуемы и непроверяемы в данных рамках, т. е. они берутся из других систем и принимаются на веру. Эти аксиомы, отмечает К. Поппер, можно рассматривать «либо как эмпирические,

либо научные гипотезы, либо как конвенции» [16]. Так, Ньютон предложил сообществу свои 3 знаменитых закона и сегодня они признаны как аксиоматика, хотя для него это были гипотезы, которые он сделал на основе убедительных для себя фактических наблюдений и исследований [17].

То, что аксиомы выводятся из опыта и носят гипотетический характер, подтверждается развитием научного знания. Достаточно вспомнить, что замена Н.И. Лобачевским аксиомы Евклида о непересекающихся параллельных прямых позволила создать неевклидову геометрию, логическая выводимость и совершенство которой поставили ее в один ряд с евклидовой геометрией, а новые постулаты теории относительности А. Эйнштейна позволили неклассической физике сформировать новую картину мира, более адекватно отражающую физическую реальность. Эйнштейн отмечал, что «...наши представления о физической реальности не могут быть окончательными. Мы всегда должны быть готовы изменить эти представления, т.е. изменить аксиоматическую базу физики, чтобы обосновать факты восприятия логически, наиболее совершенным образом» [15, 136].

Аналогично аксиомам постулат, который определяют как «утверждение, принимаемое в рамках какой-либо научной теории за истинное, хотя и недоказуемое ее средствами и поэтому играющее в данной теории роль аксиомы» [18, 948]. Таковы, например, галилеевский принцип относительности и принцип постоянства скорости света в релятивистской механике. Основные философские (мировоззренческие) постулаты: Вселенная существует, едина и неделима; Вселенная обладает размерами и движением (подвержена действию времени); Вселенная обладает инерцией (способностью сохраняться во времени).

Помимо оснований науки феномен веры, взятый в своем широком значении, обнаруживается на различных этапах процесса научного исследования, таких как постановка цели исследования, осмысление научной проблемы и реальных путей ее разрешения, выдвижение гипотез.

На этапе выдвижения первичных гипотез, в условиях недостатка информации их источником является интеллектуальная

интуиция ученого, которая связана с когнитивной верой. Вера основывается на некотором знании, на интуитивном обобщении познавательного опыта личности. Ньютон нередко утверждал с большой настойчивостью, что он «не сочиняет гипотез» («Hypotheses non fingo» – знаменитое изречение, попавшее даже в его «Principia»). Но таково уж свойство человеческого ума, что мысль всегда забегает дальше факта и даже опыт всегда является проверкою какой-нибудь гипотезы [19].

Новые возможные пути решения научной проблемы не могут быть в момент их возникновения обоснованы рационально, но посредством когнитивной веры они закрепляются в сознании. Для принятия какой-либо выдвинутой гипотезы, оперирования ею в ходе проверки ее достоверности ученому требуется состояние должной уверенности. Любая продуктивная гипотеза не может быть обоснована на стадии своего возникновения, однако она должна быть принята ученым, так сказать, в предварительном порядке. В этом аспекте одной из гносеологических характеристик веры является ее санкционирующая функция: акт веры дает творчески выдвинутой гипотезе «санкцию» на потенциальную истинность, «право на существование». Особенно ярко эта особенность когнитивно-гносеологической веры проявляется на стадии появления в сознании ученого принципиально новой идеи в акте ее принятия как «потенциального знания». Иначе говоря, когнитивная вера выступает как способ личного подкрепления того предположения, которое определяет конкретное направление исследования.

Гипотеза как творческое допущение, истинность которого не доказана с абсолютной достоверностью, но является возможной или весьма вероятной, есть форма диалектического единства «незнания о возможном знании»; поэтому именно в форме гипотезы происходит переход от незнания к знанию: подтверждаемая гипотеза стремится стать достоверным знанием, перейти в статус закона или теории. Иными словами, когнитивная вера в процессе научного познания существует лишь до момента подтверждения гипотезы (далее уже простирается область знания).

Когнитивная вера как активное состояние сознания ученого способствует ему в его познавательной деятельности: вера способна поддерживать энергетический тонус целенаправленного познавательного процесса и организовывать направления научного поиска; она как бы генерирует энергию, поддерживая внутренние усилия субъекта познания, необходимые для достижения цели, и закрепляет в сознании исследователя возможные направления познавательной активности. Когнитивная вера во многом детерминирует процесс научного творчества, служит важнейшим фактором, придающим познанию активность и действенность: «В вере и через веру знания обретают практическую энергию, животворятся чувством и волей» [20, 155].

Опыт истории науки свидетельствует, что вера ученого в творчески полагаемую цель способна вдохновлять на долгий и тяжкий труд и служит важнейшим фактором достижения фундаментальных научных результатов.

Ч. Пирс отмечает, что величайшим вкладом Кеплера в науку было не только его научное открытие, но и как он это сделал. «Он достиг этого благодаря своей несравненной энергии и мужеству, идя ощупью, непостижимой для нас, от одной иррациональной гипотезы к другой, до тех пор, пока, перебрав двадцать две гипотезы, он не наткнулся, благодаря простому исчерпанию своей изобретательности, на орбиту, с которой ум, хорошо оснащенный средствами современной логики, только начал бы свое исследование» [21, 236]. А. Пуанкаре отмечал, что терпение физиков, которые многократно «могли пасть от множества испытываемых неудач», поддерживалось верой в то, что «природа подчинена законам, им осталось лишь узнать эти законы» [22, 114].

Вера – готовность действовать, уверенность в успехе. Успешный переход от первого состояния ко второму – функция мысли. Если надо действовать, но нет полных знаний об обстоятельствах дела, приходится делать предположение и верить, что основанное на нем действие будет успешным. Действие, основанное не на знании, а на «прагматической вере» – суть доктрины

Ч. Пирса. Ч. Пирс определяет веру как «готовность действовать», которая есть «единственный и непогрешимый ее критерий».

Вере предшествует сомнение, которое переводится в веру в результате целого ряда психологических актов. Философы уделяют значительное внимание соотношению сомнения и веры. Разум опирается на веру как на свое предельное основание, но всякий раз способен подвергнуть ее сомнению (Сомнение – это состояние беспокойства и неудовлетворенности, заставляющее действовать с целью его устранения, порождающее желание перейти к состоянию верования – спокойного и удовлетворенного. Итак, сомнение, усилие для его преодоления – это стимул исследования и достижения цели).

С верой также связаны, по мнению М. Полани, «эмоциональные аспекты интеллектуальной вовлеченности», «личностная причастность познающего субъекта познания тому процессу познания, которому он вверяет себя» [23, 299]. Полани анализировал наблюдения Кёлера, который отмечал, как охотно шимпанзе повторяли те приемы, которые были ими ранее изобретены для добывания пищи; повторяли уже в виде игры, заменяя пищу камешками. Беспокойство, которое испытывает животное, когда задача его затрудняет..., иллюстрирует и

связанную с ним способность наслаждаться интеллектуальным успехом. Эти эмоции выражают веру: (мучиться проблемой – значит верить, что она имеет решение, а радоваться открытию – значит принимать его как истину).

Итак, вера может быть представлена в виде акта принятия чего-либо как истинного, справедливого, целесообразного в условиях отсутствия или невозможности достаточных эмпирических и рационально-теоретических обоснований, доказательств. Хотя научное знание исключает наличие веры, но при рассмотрении его как процесса познания, на определенных этапах вера присутствует как составляющая знания. Также вера содежится в элементах, составляющих основание науки. Таким образом, в процессе научного познания вера выполняет широкий спектр функций: активизирующую (поддерживает энергетический тонус, воодушевляет, стимулирует напряжение усилий, воли, побуждает поиск истины), организующую (формирует определенный подход к проблеме, связанный с выбором некоторого предполагаемого решения, стимулирует предпринимать те или иные конкретные шаги в познавательном процессе), аккумуляционную, стабилизирующую (способствует поиску новых знаний и закреплению их в сфере объективного знания).

Литература

1. Братусь Б. С., Инина Н.В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. – 2011. – С. 25-38
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. С. 64.
3. Краткая философская энциклопедия / сост. Е.Ф. Губский и др. М.: Изд. гр. «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. 576 с.
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1960. С. 55-696
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 77-788.
6. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. 592 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 2. М., 1977. – 536 с.
8. Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991. 527 с.
9. Евстифиева Е.А. Вера и знание: горизонты диалога // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2013. Вып. 4. – С. 102-109
10. Иошкин В.К. Вера как гносеологический феномен. // Философия и общество. – Выпуск № 1 (53). – 2009. – С. 151-166.
11. Эйнштейн, Собр. научн. трудов. М., 1967. Т. 4
12. Винер. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 200 с.
13. Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Наука, 1965. 273 с.

14. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 300 с.
15. Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Геделя. М.: Наука, 1970.
16. Поппер К. Логика научного исследования Логика и рост научного знания. – М., 1983. – 312 с.
17. Электронный ресурс / <http://www.scorcher.ru/art/science/theory/axioms.php>
18. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
19. Филиппов М.М. Исаак Ньютон. Его жизнь и научная деятельность. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL / http://www.eduspb.com/public/books/byograf/isaak_nyuton_ego_zhizn_i_nauchnaya_deyatelnost_mihail_filippov.pdf
20. Шинкарчук В. И., Яценко А. И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984. С. 155.
21. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. 448 с.
22. Пуанкаре А. О науке: Ценность науки. М.: Наука, 1982. С.114.
23. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 345 с.

References

1. Bratus' B. S., Inina N.V. Vera kak obshchepsikhologicheskii fenomen soznaniya cheloveka // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser 14. Psikhologiya. – 2011. – S. 25-38
2. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. chl.-kor. AN SSSR N.Yu. Shvedovoy. M.: Russkii yazyk, 1986. S. 64.
3. Kratkaya filosofskaya entsiklopediya / sost. E.F. Gubskiy i dr. M.: Izd. gr. «Progress» – «Entsiklopediya», 1994. 576 s.
4. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razume // Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 2 t. T. 1. M., 1960. S. 55-696
5. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode, ili Popytka primenit' osnovanny na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam // Sochineniya: V 2 t. T. 1. M., 1966. S. 77-788.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. M., 1994. 592 s.
7. Gegel' G.V.F. Filosofiya religii: V 2 t. T. 2. M., 1977. – 536 s.
8. Yaspers K. Filosofskaya vera // Smysl i naznachenie istorii / per. s nem. M., 1991. 527 s.
9. Evstifeva E.A. Vera i znanie: gorizonty dialoga // Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya». – 2013. Vyp. 4. – S. 102-109
10. Ioshkin V.K. Vera kak gnoseologicheskii fenomen. // Filosofiya i obshchestvo. – Vypusk № 1 (53). – 2009. – S. 151-166.
11. Eynshteyn, Sobr. nauchn. trudov. M., 1967. T. 4
12. Viner. Kibernetika i obshchestvo. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1958. – 200 s.
13. Eynshteyn A. Fizika i real'nost'. M.: Nauka, 1965. 273 s.
14. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. M.: Progress, 1975. 300 s.
15. Nagel' E., N'yumen D. Teorema Gedelya. M.: Nauka, 1970.
16. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya Logika i rost nauchnogo znaniya. – M., 1983. – 312 s.
17. Elektronnyy resurs / <http://www.scorcher.ru/art/science/theory/axioms.php>
18. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. 1456 s.
19. Filippov M.M. Isaak N'yuton. Ego zhizn' i nauchnaya deyatelnost'. Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Biograficheskaya biblioteka F. Pavlenkova [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL / http://www.eduspb.com/public/books/byograf/isaak_nyuton_ego_zhizn_i_nauchnaya_deyatelnost_mihail_filippov.pdf
20. Shinkarchuk V. I., Yatsenko A. I. Gumanizm dialektiko-materialisticheskogo mirovozzreniya. Kiev, 1984. S. 155.
21. Pirs Ch.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Per. s angl. / Perevod K. Golubovich, K. Chukhrukidze, T. Dmitrieva. M: Logos, 2000. 448 s.
22. Puankare A. O nauke: Tsennost' nauki. M.: Nauka, 1982. S.114.
23. Polani M. Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoy filosofii. M.: Progress, 1985. 345 s.

**ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ**

**HISTORY, ETHNOGRAPHY,
ARCHAEOLOGY**

УДК 398.2(=511:142)

Т.В. Волдина

Отражение реинкарнации в фольклоре обских угров

Аннотация. Идея о реинкарнации, в виду ее сакральности, в фольклорных текстах обских угров представлена иносказательно. В зависимости от жанра информация передается по-разному и может касаться не только обычных людей, но и сверхъестественных мифических существ, а также первопредка. В героических текстах обычно повествуется о героях, которые завершили свой круговорот жизни-смерти, взяв на себя функции духов-покровителей. В сказках же реинкарнация происходит как чудесный акт преобразования стариков в детей, или же мгновенное их омоложение.

Ключевые слова: обские угры, представления о реинкарнации, фольклор, ритуально-обрядовая практика, актуальные верования.

T.V. Voldina

The reflection of the idea of reincarnation in Khanty folklore

Summary. Folklore conveys the idea of reincarnation in veiled form, the most likely reason for this is its sacrality. On the example of presented Ob-Ugric folk stories we can clearly see that depending on the genre the information about the reincarnation can be transmitted in different ways. The reincarnation applies not only to ordinary people, but also to supernatural, mythical creatures, as well as the ancestor, woman Mos'. As a rule, heroic texts are about the ancestors who have completed their cycle of life and death, becoming deities, spirits, and protectors of their people. In fairytales the reincarnation occurs as a wonderful act of transformation of old men into children or their instant rejuvenation.

Keywords: Ob-Ugrians, idea of reincarnation, folklore.

Среди идей, лежащих в основе традиционного мировоззрения обских угров – представление о перевоплощении (или реинкарнации) человеческих душ. Занимая центральное место, она нашла свое выражение в ритуально-обрядовой практике, в семейно-бытовой сфере хантов и манси [1, 2, 3 и др.]. Ранее нами были рассмотрены вопросы бытования представлений о реинкарнации и связанных с ними обычаев (родильной и похоронно-погребальной обрядности) в традиционной среде казымских хантов [4, 5]. Информацию о том, что душа после смерти тела возрождается в другом теле, также можно встретить и в обско-угорском фольклоре: в текстах мифологического характера, в героических сказаниях и в сказках.

Душа в сознании хантов и манси – понятие тождественное жизнеобеспечивающему началу в человеке. В трудах этно-

графов зафиксировано, что жизненными силами в человеке считаются дыхание – лил и тень-облик или душа-тень – *ис, ис-хур*. *Лил* является основным жизнеобеспечивающим началом и имела самостоятельный внешний облик в виде крылатого существа (птицы, комара). *Ис-хур* трактуется в качестве проявления жизненных возможностей самого тела как материальной субстанции, которая тесно отождествлялась не только с самим телом, но и его «образами» – чувственно воспринимаемыми подобиями человека (его изображениями, отпечатками, отражением и т.п.).

С представлениями о душе связаны определенные числа и круг предметов, ее олицетворяющий. Так, число 5, а также такие атрибуты как лук, стрелы, нож соответствуют мужской душе. Число 4, игла, напёрсток, игольница являются символическим выражением, кодом

женской души. Эти символические обозначения человеческих душ фигурируют как в обрядово-ритуальной сфере, так и в фольклоре. Можно привести немало примеров на основе героических произведений, подтверждающих эти соответствия: «... И ни от семи девиц, семи жен, ни от одной женщины / У него не родилось ни сына-богатыря, держащего лук в руке, привычной к луку, / Ни дочери-девицы, держащей иглу и работающей концами пальцев...» [6, 160]. Или: «Долго ждал герой от семи жён сына, способного натянуть лук, дочь с иглой в руках, но напрасно...» [7, 3-9]. В героических сказаниях на Казыме, эпитетом сыновей является выражение «*картанг нёлы ар вур*» - «железных наконечников стрел многие грани» [8].

Указанный предметный ряд, ассоциирующийся с человеческой душой, возможно должен выглядеть гораздо шире, благодаря этому вносятся необходимые уточнения по характеру описываемой души. Особое значение, как в актуальных верованиях, так и в фольклорных текстах, имеют образы птиц и животных – как ипостасей героев и героинь, ставших позднее духами-покровителями, в образах которых их души могут совершать конкретные действия. Например, в героических песнях и сказаниях невеста в образе совы или другой птицы может оповестить жениха о месте своего нахождения, прежде чем он отправится туда в военный поход.

В мифологических сказаниях обских угров встречаются сюжеты, связанные с реинкарнацией героев. Их особенность в том, что возрождение героя (героини) происходит при участии самки животного, ставшей для него (неё) матерью, которая съедает растение, в которое на время воплотилась человеческая душа.

У северных групп хантов и манси широко распространён мифологический сюжет о живущей в лесу одинокой женщине Мось, которая возродилась благодаря медведице. Потеряв ценную для себя вещь (шубку с бубенчиками, сукно с бубенчиками и т.п.), она вынуждена отправиться на ее поиски [9, 87; 10, 59-65]. Вещь оказывается подвешенной на

дереве. По тексту угадывается, что речь идёт о мировом древе. Подсказкой этому является то, что дерево у его подножия охраняют особые волки или собаки (представители нижнего мира). В некоторых вариантах дерево сторожит укравшая вещицу Пурнэ, в данном случае это человекоподобное сверхъестественное враждебное к героине существо. Волки (собаки) или Пурнэ становятся причиной гибели героини.

Далее повествуется о том, как душа героини даёт подсказку родственникам о своей физической гибели. В варианте сказания, записанного венгерским ученым Й. Папай у северных хантов в 1898-1899 гг. в районе Обдорска (старое название современного Салехарда), душа погибшей женщины Мось предстаёт каплей крови, докатившейся до домов сестёр, в другом варианте она даёт им знать о своей смерти стуком в дверь. После чего «... душа опять побрела ..., в свою собственную избушку, Там она проползла между многими шкурами диких зверей и многими шкурами куницы. Но напрасно заползла она туда, она не могла возродиться. Так и ушла опять из дома. Как раз земля начала обновляться, пришла весна. И душа женщины Мось заползла в землю. Там, где она заползла, скоро начал расти красный цветок» [9, 87]. Это растение пунрац или порых (кипрей, Иван-чай) съедает медведица, и «одинокая женщина Мосьнэ» возрождается вновь, родившись вместе с медвежатами. Она является фратриальным мифологическим предком северных обских угров. Реинкарнация первопредка в медвежьей берлоге, но в облике человека – один из важнейших сакральных мотивов, который среди известного ряда других лежит в основе существующего у обских угров развитого культа медведя [11].

Данный мифологический сюжет, наряду со сложившейся и устоявшейся в нём линией событий, в процессе развития приобретал дополнительные. Так, в одной мансийской версии, опубликованной Е.И. Ромбандеевой, Мощнэ погибает из-за своего проступка от рук мифического мужчины, ребенка которого унесло на льдине [12, 167-173] (подобный

сюжет зафиксирован и у шурышкарских хантов). По другой версии, в изложении хантыйской сказительницы Т.С. Вандымовой, описывается жизнь замужней женщины Мощнэ, нарушившей запрет и вынужденной блуждать в других мирах, а возвращение ее на землю оказалось следующим: «На землю ее отпустили, но не к своей семье, а совсем в другое место». И так же, как и в предыдущих версиях, она возрождается через медведицу в образе хантыйской девочки [13, 65-71].

Взаимодействие человеческих душ с «медвежьим миром» нашло отражение в актуальных верованиях восточных хантов, у которых существуют представления о повторном «приходе в дом» умершего родственника в облике добытого медведя [11].

В представленной выше версии Й. Папай повествуется также о том, что медведица и ее двое медвежат становятся добычей князя. Предвидя это, медведица наставляет свою человеческую дочь, что ей необходимо сделать, когда люди будут есть ее мясо. Наказ заключался в том, чтобы девочка сохранила целостность медвежьих костей, это было важно для реинкарнации медведицы и медвежат в звезды. Героиня выполнила просьбу матери-медведицы: «Она замечает, куда люди разбрасывают когти медведей, кедрововетвистые когти их рук, идет туда, собирает их и все уносит в тихий лес на берегу. Там она их укладывает – пусть их души возродятся» [9, 89]. Мотив реинкарнирующейся медведицы, превратившейся вместе с медвежатами в созвездие, широко распространен у хантов и манси.

В сказании о богатырях города Сонг-хуша, записанного у хантов С.К. Паткановым в 1888 г. в сел. Шумиловские на р. Конде, повествуется о герое трижды возрождавшемся на земле. В первом случае он рождается сыном богатыря, но во время эпидемии вместе со своим отцом умирает. Придя из мира мертвых, превращается в репейник, который съедает самка оленя. У нее рождается три олененка (вторая реинкарнация), которых преследует сын небесного бога в облике волка. По его приказу один из оленят становится добычей охотника. Сердце и язык его съе-

дают княгиня-хозяйка и рабыня; от этого у хозяйки рождаются два сына, у рабыни – один (третья реинкарнация). Сыновья собирают войско и отправляются в путь за невестой... [6, 160-167]. Данный пример примечателен ещё и тем, что здесь отражено представление хантов и манси о том, что человеческая душа может воплотиться одновременно в нескольких людях.

Одним из мест пребывания души в теле человека обскими уграми указывается голова. Существовали обычаи особого отношения к волосам и головным уборам. В обско-угорских фольклорных текстах героического содержания упоминается о скальпировании погибших богатырей. Скальпирование – это древний обычай, направленный на то, чтобы побежденные не смогли больше возродиться. Но в одном из текстов, упоминается о том, что после гибели семи братьев-богатырей их скальпы были развешены на деревьях [14, 17-22]. Здесь также можно увидеть символическую связь с мировым деревом, которая прослеживается в обычаях обских угров подвешивать на деревья в берестяной ёмкости послед от новорожденного, в прошлом – хоронить на них умерших младенцев, а также шаманов. Дерево обладает живительной силой, связывает собой разные миры, способствует духовной защите, и, вероятно, возрождению.

В данном же тексте косвенно прослеживается связь между самым младшим из братьев-богатырей и родившимся после их смерти мальчиком – сыном старшего брата-богатыря. Некоторое время мальчик жил без имени, что можно трактовать как существование без души. Обнаружив развешенные на деревьях скальпы своих родственников, внимательно рассматривает их. Особенно его привлек скальп младшего из братьев, о котором он узнаёт: «...таким храбрым был, если бы была у него кольчуга, если бы была у него сабля, он бы не пал перед стрелой, пущенной мужчиной». После этого контакта с душой богатыря он смог проявить себя: выстрелив из лука, нанизал на одну стрелу всю поднимающуюся на нерест рыбу и получил имя – Весенних Нерестящихся Нанизывающий Богатырь.

В данном тексте не говорится напрямую о реинкарнации. В то же время, косвенно передаётся информация, что к мальчику перешла сила погибшего богатыря, и он смог отомстить врагам, совершив невероятные подвиги, а после этого становится духом-покровителем [14, 17-22].

В героических сказаниях можно также встретить информацию, сопутствующую представлениям о реинкарнации души и имеющую важное значение в понимании воззрений обских угров на ее характер. Распространены сюжеты, когда герой посещает разные миры и возвращается назад. Чаще всего в этой роли выступает Ас тый ики (хант.), он же Мир-сусне-хум (манс.) – посредник между мирами, покровитель шаманской традиции. В фольклоре он носит разные замысловатые имена. Ярким примером такого сюжета является «Священное сказание о Желанном Богатыре Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света» [15, 105] и др.

В одном из подобных повествований («Подобно Осиновому Листу Верткий Муж») можно встретить характерные для обских угров представления о посмертных странствованиях души. Например, о том, как душа человека после его смерти обходит те места, где он бывал при жизни:

«Старик пришел и сказал:

- Я обошёл все семь возвышенных мысов, на которых я раньше бродил.

Пришла старуха и сказала:

- Семь боров, в которых я раньше гуляла, я все обошла» [16, 233].

В обско-угорских сказках смерть и повторное рождение после нее происходит очень быстро, при этом напрямую не указывается, что это смерть и последующее рождение, а преподносится как чудесная волшебная трансформация. Эта трансформация может являться преобразованием существ, олицетворяющих собой некие силы, иногда враждебные человеку, а также касается самих людей.

В первом случае, ярким примером может служить распространённый у обских угров мотив сжигания лесной ведьмы (Кир-нюлуп ими, хант), иногда злого менгква или Пор-нэ, и превращение их пепла в комаров. Людоедская сущность

здесь не исчезает, а преобразуется, трансформируется и находит своё выражение в появлении досаждающих людей кровососущих насекомых.

В отношении обычных людей трансформационные изменения в сказках выглядят несколько иначе. Например, в одном из текстов героини (два брата и сестра) после испытаний возвращаются в дом людей, которые их вырастили. Но прошёл уже очень большой срок времени: «Когда пришли домой, смотрят: в избе три угла обвалились, только один угол держится. Если зимой пришли, последнюю горящую искру в чувале снегом засыпали, если летом пришли, водой капнули, и потухла последняя искра в чувале...». Далее: «Мать и отец выскочили из избы. Только выскочили, подхватили их, подбросили, за облака летали, вниз когда упали, маленьким мальчиком и девочкой стали» [17, 52].

Или такой пример: «...В бабушкином доме из чувала маленький дымок идёт... Три угла дома обвалились, один угол дома остался.... У бабушки остался маленький огонёк, этот уголёк она из одной руки в другую перекачивает... Бежит она к внуку. Внук поддел ее носком обуви, пнул, запрокинула она голову, упала вниз и стала, оказывается, маленькой» [18].

Подобные концовки являются традиционными:

«А свекр со свекровью до того состарились, ничего уже не понимают! Посадил их сын на носок ноги и подбросил кверху. Улетели они в небо. Летали, летали, упали на землю и вновь помолодели» [19, 41-46].

И еще один пример, где при возвращении героя к матери также типичными приемами всегда вначале описывается ее старость: «... у матери осталась единственная искорка огня...», после встречи: «Сын толкнул ее ногой и отбросил. На этом конце поля она заплакала, с того конца поля появилась. Она стала трехлетней маленькой женщиной, углы ее платка стелятся внизу...» [20, 100].

В героических сказаниях также встречаются подобные мотивы, но если в сказках – это, как правило, концовки,

то в больших повествованиях, они могут встретиться в середине текста: «Они прибыли к первой тетке. Видят, что эта старуха уже трясется от старости. Его жена толкнула ее на землю, подняла, и эта старуха сделалась молодой и красивой женщиной...» [21, 235]; «...Старик подбежал, чтобы обнять своего сына; сын его бросил на землю, и он стал молодым, красивым мужчиной. Старуха побежала, чтобы обнять его жену; невестка ее толкнула на землю и подняла – та превратилась в молодую и красивую женщину...» [21, 236].

Обско-угорский фольклор (в статье представлены были примеры фольклорных произведений северных групп) передает идею о реинкарнации обычно в завуалированной форме, наиболее вероятной причиной этого является ее сакральность. Принципиальных отличий между северо-мансийскими и северо-хантыйскими представлениями о реинкарнации и их символическом выражении в текстах нет. На примере представленных фольклорных сюжетов хорошо видно, что в зависимости от жанра

информация о перевоплощении душ может передаваться по-разному. В мифологических сказаниях перевоплощение касается не только обычных людей, но и сверхъестественных мифических существ, а также первопредка, в данном случае женщины Мось (Мощ). В героических текстах, как правило, речь идет о предках, которые завершили свой круговорот жизни-смерти, став божествами, духами-покровителями своего народа. Так, в одном из приведенных примеров, душа погибшего героя, несмотря на меры врагов, направленных на то, чтобы богатыри не возродились вновь, дает возможность своему потомку отомстить за себя и своих братьев и стать покровителем своего рода. В сказках же реинкарнация происходит как чудесный акт преображения стариков в детей, или же мгновенное их омоложение.

Общеизвестно, что фольклор является отображением жизни народа и существующих в ней идей, в то же время, содержащиеся в нем представления, находили отражение в актуальных верованиях и способствовали их дальнейшему развитию.

Литература

1. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск, 1994. Т. 1. 152 с.
2. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1959. Т. 51. С. 114-156.
3. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Ч. 2. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997.
4. Волдина Т.В. Представления о реинкарнации в традиционной культуре обских угров // *Summaria acroasiuminsectionibus. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars II. Piliscsaba, 2010. С. 186-187.*
5. Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретаций сакральных сведений) // *Этнографическое обозрение. – 2010 (6). – №3. – С. 32-43.*
6. Богатыри города Сонг-хуша // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 160-167.
7. Кулемзин В.М. Отношения человек-вещь в хантыйской культуре // *Космос Севера. – 2002. – Вып. 3. – С. 3-9.*
8. Молданова Т.А. Символическая функция металла в культуре хантов // Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. С. 200-219.
9. Женщина Мось // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 84-90.
10. Как сделали первый медвежий праздник // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. С. 59-65.
11. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 226 с.

12. Маленькая женщина Мõщнэ // Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. С. 167-173.
13. Маленькая женщина Мощ // Сказки Вандымовой Татьяны Ксенофонтовны / Сост. С.Д. Дядюн. - Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С. 65-71.
14. Младший внук купца // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. С. 17-22.
15. Священное сказание о Желанном Богатыре – Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 105-125.
16. Подобно Осиновому Листу Верткий Муж // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 220-237.
17. Младший внук царя // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 52-59.
18. Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / Зап. Е.Шмидт, пер. с хант. П.Т. Тарлина. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012.
19. С неба спустившаяся девушка // Лонгторгова З.В. Монсян мув. Земля сказок. Салехард: Красный Север, 2008. С. 41-46.
20. Камень семпыр // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 94-101.

References

1. Kar'yalaynen K.F. Religiya yugorskikh narodov / Per. s nem. N.V. Lukinoy. Tomsk, 1994. T. 1. 152 s.
2. Chernetsov V.N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov // TIE. Nov. ser. 1959. T. 51. S. 114-156.
3. Zen'ko A.P. Predstavleniya o sverkh'estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov. Struktura i variativnost'. Ch. 2. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 1997.
4. Voldina T.V. Predstavleniya o reinkarnatsii v traditsionnoy kul'ture obskikhugrov // Summaria acroasium-insectionibus. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars II. Piliscsaba, 2010. S. 186-187.
5. Voldina T.V. Predstavleniya o perevoploshchenii dush v traditsionnoy kul'ture kazymskikh khantov (problemy zapisi i interpretatsiy sakral'nykh svedeniy) // Etnograficheskoe obozrenie. – 2010 (b). – №3. – S. 32-43.
6. Bogatyri goroda Song-khusha // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 160-167.
7. Kulemzin V.M. Otnosheniya chelovek-veshch' v khantyyskoy kul'ture // Kosmos Severa. – 2002. – Vyp. 3. – S. 3-9.
8. Moldanova T.A. Simvolicheskaya funktsiya metalla v kul'ture khantov // Moldanov Timofey, Moldanova Tat'yana. Ocherki traditsionnoy kul'tury khantov: izbrannoe. Khanty-Mansiysk: ООО «Tipografiya «Pechatnoe delo», 2010. S. 200-219.
9. Zhenshchina Mos' // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. – S. 84-90.
10. Kak sdelali pervyy medvezhiy prazdnik // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olән / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2003. S. 59-65.
11. Shmidt E. Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya: Dis. ... kand. ist. nauk. L., 1989. 226 s.
12. Malen'kaya zhenshchina Mõshchne // Rombandeeva E.I. Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura. Surgut: АИИК «Severnuy dom» i Severo-Sibirskoe regional'noe kn. izd-vo, 1993. S. 167-173.
13. Malen'kaya zhenshchina Moshch // Skazki Vandymovoy Tat'yany Ksenofontovny / Sost. S.D. Dyadyun. - Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika, 2012. S. 65-71.
14. Mladshiy vnuk kuptsa // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olән / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2003. S. 17-22.
15. Svyashchennoe skazanie o Zhelannom Bogatyre – Kuptse Nizhnego Sveta, Kuptse Verkhnego Sveta // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 105-125.
16. Podobno Osinovomu Listu Vertkiy Muzh // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 220-237.
17. Mladshiy vnuk tsarya // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olән / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. S. 52-59.
18. Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'evicha / Zap. E.Shmidt, per. s khant. P.T. Tarlina. Khanty-Mansiysk:

Novosti Yugry, 2012.

19. S neba spustivshayasya devushka // Longortova Z.V. Monsyan mov. Zemlya skazok. Salekhard: Krasnyy Sever, 2008. S. 41-46.

20. Kamen' sempyr // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 94-101.

УДК 930;94

М.Ф. Ершов

Контрфактическое моделирование в историко-литературных источниках: к постановке проблемы

Аннотация. В статье рассмотрен ряд литературных произведений, в которых отображено отечественное прошлое. Их специфическими чертами является контрфактическое моделирование событий, никогда не бывших в действительности. На основе анализа данных текстов, рассмотренных как исторические источники, сделан вывод об их значительной информационной ценности. Доказывается, что выборочное использование ряда художественных произведений способно расширить наши представления о прошлом России, уточнить, детализировать или по-новому интерпретировать общественное сознание и историческую психологию второй половины XX века.

Ключевые слова: интертекстуальность, исторический источник, контрфактическое моделирование, литературное произведение, Березов, В. Иванов, М. Веллер, Т. Кибиров, И. Сталин, Т. Толстая.

M.F. Ershov

Counterfactual modeling in historical and literary sources: the problem statement

Summary. The article considers a number of literary works which reflect Russia's past. Their specific features are counterfactual modeling of events which have never been in reality. On the basis of text analysis, considered as historical sources, the conclusion is made about their significant informational value. It is proved that the selective use of a number of literary works can expand our understanding of Russia's past; to clarify, detalize or re-interpret public consciousness and historical psychology of the second half of the XXth century.

Keywords: intertextuality, historical source, counterfactual modeling, literary work, Berezov, V. Ivanov, M. Veller, T. Kibirov, I. Stalin, T. Tolstaya

Одной из особенностей современной культуры стал всплеск фэнтези, в том числе и таких, где герои перемещаются в прошлое. Интерес к подобным «перемещениям» привел к появлению множества литературных произведений, художественных фильмов, специализированных сайтов. В среде любителей этих жанров даже появился свой неблагозвучный термин о путешественнике во времени: «попаданец». В итоге фантазийные произведения оказались как неформальными способами познания прошлого, так и генерацией очередных исторических мифов. Одновременно с ними в исторических дисциплинах появилось такое новое нестандартное научное направление как контрфактическое моделирование. Основателем его считается историк и нобелевский лауреат Р. Фогель

[1]. Востребованность обществом альтернативных сценариев заставляет историков определить к ним свое отношение.

Соответственно, цель настоящей публикации заключается в поиске точек соприкосновения исторической науки и неформальных точек зрения на исторический процесс. Данный поиск имеет не только академический интерес, но и прагматические основания. Так, например, преподавателю, чтобы нести научные знания подрастающему поколению, мало знать историю. Этого недостаточно. Ему необходимо учитывать интересы молодежной аудитории, быть, как теперь принято иронично говорить «в теме». Сегодня многие из изучающих историю пытаются найти в прошлом не столько общие закономерности, сколько ответы на конкретные «личные» вопросы:

«а как бы ты поступил в том или ином случае?». Если обывателю достаточно прочесть завлекательную книжку, то историку, в его профессиональных размышлениях, необходимы хотя бы минимальные методические обоснования. Как будет показано ниже, многие из них вполне допустимо обнаружить на стыке исторической психологии и художественной литературы.

В конце своей жизни советский писатель Вс. Иванов работал над рассказом «Генералиссимус». К сожалению, это, может быть, самое значительное его произведение не было закончено. Остались только черновые наброски [2, 636-679]. Фабула рассказа в общем-то проста. Весной 1945 г. в Березове больничный сторож находит гроб с сохранившимся телом сподвижника Петра Великого Александра Даниловича Меншикова. Более 200 лет назад участник дворцовых переворотов и опальный царедворец был сослан сюда, на Север Сибири, где и умер. Эвакуированный врач Гасанов, специализирующийся на переливании крови, оживляет умершего. Затем герои повести направляются в Москву: сначала по Оби, до железной дороги, далее – поездом. Их селят в гостинице. Короткая встреча со Сталиным происходит на многолюдном приеме в Кремле. Курирует врача и его пациента некто полковник Порскун, дающий «наверх» неблагоприятные отзывы о своих подопечных. Далее, судя по отрывочным наброскам рассказа, Меншиков попал в немилость и покончил с собой.

Стоит ли говорить о том, что этот рассказ никак не относится к историческим источникам об А.Д. Меншикове или жизни Березова на завершающем этапе Великой Отечественной войны? Вс. Иванов никогда здесь и не бывал. О далеком северном поселении он располагал только общеизвестными историческими сведениями. Конкретная географическая привязка и конкретная историческая личность потребовались писателю в качестве отправной точки, чтобы начать анализ общественной психологии периода позднего сталинизма. В своем исследовании Вс. Иванов идет много далее А. Дюма, для которого история стала всего лишь «гвоздем», на который он вешал свои картины. Маститый советский писатель, почти классик, был вхож в высшие управ-

ленческие круги, знал царившую там обстановку. Он умел приспособливаться, но сохранял критический настрой и никогда не был ортодоксальным сталинистом.

Фактически в рассказе Иванова происходит удвоение Сталина. Меншиков оказывается своеобразным alter ego, двойником советского диктатора. Оба они носят звание генералиссимуса, вот только Меншиков превосходит вождя. Он первый обладатель этого звания, а Сталин – последний. Меншиков покаяться и закончил свой земной путь. Царедворца забыли, и его душа успокоилась. Сталин, напротив, жив, и ему придется оставаться в общественном сознании еще долго и после собственной смерти... Оба находятся в числе победителей, оба в годы войны не жалели людских, даже детских жизней. Не случайна мысль доктора о воскресшем Меншикове: «Этот страшней Петра».

Сталин недоволен внезапным, незапланированным появлением петровского фаворита. За внешней невозмутимостью вождя скрывается его раздражение: «Что это? Зачем? Что за намек? Разрешение говорить об истории не значит воскрешать её» [2, 657]. Сталинская лаконичность, внешняя четкость, наряду с одновременной скрытой двусмысленностью подобного умозаключения, очевидны. Слово «история» имеет два значения: то, что было, и наука, которая объясняет прошлое. Получается, что Сталин противник истории в обоих значениях. Для вождя Меншиков интересен только как элемент антуража, чтобы придать дополнительный блеск собственному величию. На приеме бывший покойник выполняет точно такую же роль, какая отведена второстепенному персонажу рассказа князьку-эмигранту, вернувшемуся на Родину. Он получил мундир, необременительную должность и возможность публиковаться. Этот герой явно списан с автора воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» реэмигранта генерала Игнатьева [3].

Воскресший покойник-генералиссимус неудобен вождю. Неизвестно, что с ним делать. Кроме того, сподвижник Петра служит напоминанием для Сталина о конечности его собственной жизни, о возможности использования и его образа в каких-то чуждых ему интересах. «Не желал бы я, что-

бы меня воскресили вроде вас», - думает о Меншикове Сталин. И, самое главное, бывший покойник не оправдывает возлагавшихся на него надежд. У него нет пиетета перед сталинскими свершениями. «Взгляд Меншикова на русскую действительность как предельно мало изменившуюся (за вычетом замеченного им улучшения вкуса водки, что вводит в рассказ ироническую струю) служит выражением авторского взгляда на неизменность некоторых существенных сторон русской истории», - так комментирует Вячеслав Иванов творческий замысел своего отца [2, 729].

Недовольство Сталина отнюдь не спонтанно. Вождь пользуется информацией полковника Порскуна. Этот представитель спецслужб мыслит максимально трезво и не заблуждается относительно личности Александра Дмитриевича. Для полковника Меншиков вовсе не герой. Он, размышляет Порскун, «в сущности – преступник», его «военные заслуги – раздуты», он – бывший хозяин ста тысяч душ крепостных рабов. Генералиссимус XVIII в., с его опытом интриг может представлять возможную угрозу и для главы советского государства. «Мертвец-то он мертвец, но себе на уме», - очень быстро делает вывод полковник. Характерно, что Меншиков также достаточно быстро разобрался в личности Порскуна. Ведь на старорусском языке слово «порскун» означало облавщик, загонщик.

Двойственность в мыслях куратора опять-таки ненавязчиво подводит читателя к сравнительному анализу личностей двух отечественных государственных деятелей. Писатель выявляет неожиданные аналогии в их судьбах и заставляет нас думать. Может быть, самые интересные страницы рассказа – это те, на которых раскрывается характер петровского вельможи. Его психологический портрет максимально убедителен, в нем нет ничего от лубка, созданного А. Толстым, или идущим вслед за классиком отечественным кинематографом. Писатель смог преодолеть и те клишированные моменты в описаниях путешественников во времени, которые присутствуют в мировой культуре, начиная с книги М. Твена «Янки при дворе короля Артура» (1889). Вс. Иванову интересен не наивный восторг дикаря перед техникой, а возможные раз-

мышления человека, много повидавшего в жизни и покинувшего эту жизнь, о русских и о России.

Меншиков, созданный талантом Вс. Иванова, это, прежде всего, человек, обладающий опытом реального руководства. Такой человек и в неожиданных, «нештатных» ситуациях не теряет головы. Меншиков Иванова отнюдь не шут, в его характере нет придурковатости. Он постоянно «застегнут на все пуговицы», умеет думать, молчалив, знает цену своим словам. Его редкие суждения весомы и убедительны. Благодаря авторскому приему нам доступны некоторые из скрытых мыслей старого полковника. Он не обольщается собственной значимостью, но не идеализирует и советских людей: «они крайне самоуверенны, - и о чем они будут советоваться с человеком, который жил свыше 200 лет назад? Они уверенно распоряжаются не только прошлым или настоящим, но и будущим!»

В рассказе Сталин оказывается даже не столько продолжателем дела Петра Великого, сколько порядков, существовавших в Московской Руси. Так, на приеме в Кремле присутствуют делегаты съезда православных священнослужителей из стран, освобожденных от фашизма. «Посмотри-ка, А.Д., на эту могучую Русь, если к ее атеистическому Генералиссимусу, по первому его мановению, сбежались попы из всех краев? Разве не красиво?» - слышим мы внутренний монолог старого политика петровской и послепетровской эпохи [2, 656]. Деликатная ситуация работы Церкви по укреплению атеистического режима доведена Вс. Ивановым до логического абсурда. Съехавшиеся в Москву церковные иерархи при встрече с воскресшим покойником просто обязаны задать себе ряд вопросов: если у человека есть душа, то где она находилась последние 200 лет у А.Д. Меншикова? В аду?

Ирония истории заключается еще и в том, что в преданиях обских угров также есть рассказ о воскресшем жителе Березовского края, который стал известен Сталину. С неуязвимым шаманом Миколой ничего не могли поделать сотрудники НКВД. Даже убитый и похороненный шаман, все-таки оживал. «Сталину позвонили, что такой шаман есть. Сталин говорит: «Таких хитрых

людей нам убивать нельзя, наоборот, таких людей нужно собрать, они нам пригодятся». (Дело-то перед войной было)» [4]. Нет оснований думать, что столичный писатель знал эту легенду. Здесь важнее иное. Существовало массовое убеждение, что в годы суровых испытаний власть должна обратиться к неким волшебным помощникам или посредникам, к людям, обладающим сверхъестественными способностями.

Интересно, что Вс. Ивановым подобные верования не только зафиксированы, но и радикально переосмыслены. Чудесным образом (но благодаря науке!) воскресший Меншиков бесполезен для своего Отечества, а для сталинского режима он даже потенциально опасен. В «Генералиссимусе» Меншиков, даже если бы и захотел, уже ничем не может помочь победоносной Красной армии. В апреле 1945 года он просто статист. Но нужен ли тогда и последний генералиссимус – Сталин? Данный рассказ отображает как общественное сознание периода позднего Сталина, так и общественное сознание, радикально изменившееся уже после смерти вождя. Он создавался в те годы, когда существовала постоянная угроза реабилитации умершего диктатора. «Генералиссимус» – своеобразное предупреждение: ведь если можно вернуть к жизни давно умершего Меншикова, то еще легче, пусть и в ином облики, вернуть недавнего Сталина и, соответственно, сталинизм.

Еще одним достоинством рассказа является реконструкция мифической веры во всемогущество советской науки и акцентирование внимания на том неочевидном выводе, что идеализированное идеологически выдержанное знание в СССР неизбежно смыкалось с религиозными представлениями. Сталин как вождь оказывался принципиально схож не только с «громким» сподвижником Петра I, но и с безвестным для Вс. Иванова шаманом из северной тайги. За поворотом Сталина к великодержавности и консерватизму на завершающем этапе войны неизбежно следовало воскрешение неотрадиционализма и неoarхаики, вплоть до регенерации латентного язычества. Именно это движение и символизирует неожиданно оживленный по воле писателя А.Д. Меншиков.

Вс. Иванов не единственный литератор,

избравший такой достаточно выигрышный ракурс для наблюдения за прошлым и настоящим. И другие значимые писатели также нередко становятся несерьезными, «грешат», сталкивая между собой исторических личностей из разных эпох. В рассказе Т.Н. Толстой «Сюжет» (1991) случайно на дуэли гибнет не А.С. Пушкин, а его противник Дантес. Тяжело раненый поэт доживает до преклонных лет, но почти ничего не пишет. Под конец своей жизни он отправляется в Симбирск – просмотреть редкие документы для завершения своей «Истории Пугачева». На улице этого поволжского городка происходит столкновение приезжего арапа и мальчишки с «калмыцкими глазами». Снежок-ледышка, брошенный дерзким мальчишкой, разбивает дряхлому Пушкину затылок. Но и юный Володя Ульянов, отдав ударов клюкой по голове и переболев, становится не противником государственной власти, а её яростным защитником. Он быстро делает карьеру и дослуживается в царской России до должности министра внутренних дел, а после его смерти этот пост должен быть передан некоему Джугашвили... [5, 318-334].

В своем рассказе Т.Н. Толстая не претендует даже на внешнюю иллюзию исторической достоверности. Созданные ею образы откровенно карикатурны, они нарочито небрежно сконструированы из привычных литературных штампов. Но те, вымышленные писательницей события, что не могли никогда состояться, вдруг заставляют нас в чем-то по-новому взглянуть на уже произошедшее. Получается, что агрессивный неразумный молодой Ленин уничтожает престарелого Пушкина. Но ведь именно такое действие – уничтожение дворянской культуры – и произошло после 1917 г. Просто в рассказе писательницы оно художественно переосмыслено и подано образными средствами. Данное произведение ставит и ряд принципиальных вопросов. Насколько далеко мог уйти А.С. Пушкин в его отказе от революционной романтики своей молодости? Какова роль случайностей в истории? Какова положительная роль насилия в истории и педагогике?

Схожие проблемы проанализированы в рассказе М. Веллера «Трибунал» [6, 133-144]. В Зимнем дворце, под негласным

надзором царя Николая I, проигравших декабристов судят А.М. Горький, С.М. Буденный и Г.К. Жуков. Председательствует на этом сатирическом суде Г.К. Жуков, начисто лишенный сентиментальности. И его приговоры восставшим много суровей, чем они были в исторической реальности. Характерно, что тройка судей здесь объединена верой в результативность насилия и пренебрежением к человеческой жизни. Судьи не просто являются послушными исполнителями, они уверены в правоте своих поступков. Перенесение жестоких советских нравов на первую половину XIX в. создает не просто комический эффект, но и служит своеобразным инструментом познания прошлого.

Жуков как профессиональный военный задает мятежному офицеру Бестужеву-Рюмину конкретные вопросы. Но внятных ответов от заговорщика о причинах пассивности на Сенатской площади он не получает. Недвусмысленное отношение советского маршала выражено в приговоре, который он с ходу диктует: «За отсутствие плана операции... За необеспечение материального снабжения операции... За полное отсутствие управления войсками в бою, повлекшее срыв операции и уничтожение противником вверенных частей... За полное служебное несоответствие званию и занимаемой должности... Твою мать, да тебя нужно было повесить до того, заранее, глядишь чего бы и вышло». Налицо образное соприкосновение дворянского сентиментализма с жестким, почти железным социалистическим реализмом. Причем это не умозрительные споры книжных литературоведов, а столкновение противоположных типичных сценариев жизненного поведения, культурных стереотипов.

В этом коротком рассказе, как и в «Генералиссимусе», также происходит своеобразное удвоение персонажей. Иронично поданные стереотипные Жуков, Буденный и Горький, как и все советские люди, должны противостоять поверженному царизму и, вроде бы, даже где-то сочувствуют декабристскому восстанию. Они же, одновременно, находятся на службе у душителя свободы Николая Первого, во многом похожего на Сталина. Такие подмены лиц и эпох есть не только литературная дань мод-

ному постмодернизму. Рассказ противостоит примитивному историческому сознанию недавно ушедшей от нас эпохи, когда каждый школьник не только знал об ошибках декабристов, судил их и не стеснялся на школьных уроках озвучивать «правильные» рецепты.

Хронологический релятивизм автора рассказа, его игра вне правил, позволяют полнее показать неравнодушному читателю, как стремление к свободе способно обернуться палачеством и деспотизмом, интернационализм – имперским величием, личная храбрость и идеалы гуманизма – сервизмом и откровенным пресмыкательством перед властью. «Трибунал» также оказывается художественным способом снятия позднейших мифических напластований на события 14 декабря, средством критически рассмотреть сходство и различие в удаленных во времени значимых событий и исторических лиц. Уточним, что параллельно профессиональными историками был осуществлен анализ обстоятельств создания мифа о якобы несгибаемых декабристах [7; 8, 237-256].

Насколько корректно и научно совмещение разновременных исторических игроков, да еще представленных в художественных текстах? И какова познавательная значимость подобной мыслительной операции? «Сравнение событий, биографий, исторических процессов принадлежит, конечно, к фундаментальным эвристическим процедурам, так как приводит к порождению новых смыслов, которых не было в сопоставляемых феноменах в отдельности», – замечает Ю.Л. Троицкий в статье «Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс». «Вероятно, приращение смысла происходит потому, что благодаря сопоставлению возникает новый контекст понимания за счет коннотативного шлейфа, который несут сравниваемые события и явления» [9, 32].

Помимо компаративистики в исторической науке бурно развиваются и иные методы, в том числе изучение альтернативной истории. Несмотря на тривиальное утверждение, что «история не знает сослагательного наклонения», один из исследователей С.А. Экшут достаточно категоричен: «Контрфактическая модель исторического

прошлого позволяет глубже уяснить суть былых событий, четко очерчивая границы незнаемого и непознанного – того, что мы привыкли именовать словом «тайна». Именно в этом качестве контрафактическая модель ведет к приращению научного знания, становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии. В истории всегда будет нечто непознаваемое, ускользающее от нашего категориального аппарата. <...> Ремесло историка потеряло бы свою неизъяснимую прелесть, если бы историку не приходилось время от времени разгадывать тайны» [10, 87].

Простое сравнение удаленных (хронологически, территориально, культурно) лиц и событий не может быть ценно само по себе. За анализом должен следовать синтез. Но данная мыслительная операция отягощена множеством не всегда полностью выполнимых условий. Так, академическая сухость и отвлеченность, допустимые при рассмотрении древней истории, не приемлемы для её новейшей сестры. В последнем случае мешают моральные критерии. Игнорировать нормальному ученому эти ограничения невозможно. Объективно изменчивая мораль максимально агрессивно преследует именно исследователя новейшей истории. И «убегать» от неё нам бессмысленно. Но и ввязываться в схватку наших предшественников, в большинстве своем ушедших в небытие («ты на чьей стороне?») также непродуктивно. Историк не может руководствоваться знаменитым латинским изречением «De mortuis aut bene aut nihil» (о мертвых говорят хорошее, или вообще ничего).

Выход из этого тупика только один – сделать все, чтобы понять тех, кто был до нас. Проникнуть в мысли и чувства, может быть, типичных, но некогда реально живших людей, невозможно без вживания в систему их предпочтений, без подключения собственных чувств. Человеческая составляющая исследовательского процесса не отменяет наших нравственных ориентиров и осуждения преступлений, но это осуждение должно дополняться состраданием и сопереживанием к эпохе и жившим в ней людям. Для такого воспроизведения исторического прошлого объективистской терминологии недостаточно. Для «связи

времен», связи между поколениями необходим эмоциональный контакт. Родители и дети не утешают друг друга правильными сухими казенными словами.

Видимо, далеко не случайно, что пока не создано классически законченной нашей истории – истории России XX в. Исследователям на их пути создают препятствия нетерпимость, пристрастность, ангажированность, жесткое следование заданным схемам, а по большому счету – личная и коллективная утрата подлинного гуманизма. С известной долей условности, можно считать, что решить эту задачу ученые-историки окончательно так и не смогли. Неспособность профессиональных исследователей была отчасти компенсирована усилиями литератора. В 1990 г., под закат Перестройки и СССР, Тимур Кибиров (Заповев Тимур Юрьевич, род. в 1955 г.) опубликовал свою знаменитую поэму «Сквозь прощальные слезы» [11]. В этом тексте, перенасыщенном цитатами, ароматом уже ушедшей от нас повседневности, старыми идеологическими штампами эскизно, «на черном» воссоздана наша непростая недавняя история.

Конечно, его поэма – не исторический труд. Более того, можно смело сказать, что автор *de facto* её и «не написал», ведь большая часть текста состоит из ранее известных клишированных фраз. Появление данного произведения по своему значению достаточно близко к авторскому варианту расшифровки хорошо известного текста, смысл которого ранее был «затемнен». Кибиров, как мог и как умел, попытался создать из фрагментов распадающейся действительности нечто цельное и хронологически последовательное. Далекое не случайно, что И.С. Скоропанова в своем учебном пособии раздел, посвященный Кибирову и его поэме, озаглавила «Каталогизирующая деконструкция <...>». Она же попыталась понять феномен популярности поэта. По мнению литературоведа, причины этого явления ей «не совсем понятны». «Возможно, – продолжает исследовательница, – какую-то роль сыграло введение в соц-артовские тексты лирического «я», о котором хочется сказать: «свой парень». В нем многие, несомненно, узнают себя, точнее обстоятельства, в которых пришлось

побывать, переживания человека, побывавшего в этих обстоятельствах» [12, 357].

Узнавание читателем себя в героях поэмы, эффект личного присутствия мало что объясняют. Таких сочинений великое множество. Но далеко не все из них имеют историческую значимость. Так, например, возможное описание в литературном тексте похмельного синдрома будет информацией не исторической, а скорее медицинской и бытовой... Дело заключается не в нарочитом демонстративном популизме поэмы Кибирова, а в системном отборе материалов, использованных для ее построения. Да, в поэме вскрыто множество повседневных примет, но это не главное. «Сквозь прощальные слезы» отнюдь не является паноптикумом запоминающихся происшествий или скопищем забавных анекдотов. Это, в первую очередь, собрание ценностных установок советских людей, искренне преданных коммунистической идеологии.

Если смотреть на поэму именно с этой позиции, то, она, несомненно, обладает качествами исторического источника. Тот отбор типичных, привычных и востребованных общественным сознанием сюжетов, который осуществил для конструирования своего произведения Кибиров, превратил его поэму в узнаваемый и достоверный образ ушедшей эпохи. Образ этот откровенно неформален, в нем отсутствуют нормативно-правовые акты, статистические материалы или конкретика человеческих судеб. Поэту важно иное. Он показывает привлекательные завораживающие черты и последующую трансформацию великой мечты в нашей стране, жизнь и гибель наших предшественников, положивших все свои силы на то, чтоб коммунистическую сказку «сделать былью».

Автор не скрывает своего критического отношения к прошлому, но он не столько осуждает его, сколько пытается понять, оплакивая своих соотечественников и их жертвенную судьбу:

Никогда уж не будут рабами
Коммунары в сосновых гробах,
В завтра светлое, в ясное пламя
Вы умчались на красных конях!

Такой принцип отношения к истории внушает уважение. В поэме «Сквозь про-

щальные слезы» цитируются действительно лучшие образцы советской поэзии. Их использование, например, гениальной светловской «Гренады», дополнительно усиливает гуманистическую составляющую произведения. Характерно, что бескомпромиссная и крайне одиозная в своих суждениях антикоммунист В. Новодворская в 2013 г. сумела написать о «Гренаде» и её авторе пронзительные, искренние и теплые слова: «Михаил Светлов <...> перекинул мостик от Серебряного века до испанской войны, до интербригад. Внизу остался ад Гражданской и ужасы ленинско-сталинской мясорубки, а к светлому и доброму идальго Михаилу Аркадьевичу Светлову не пристали ни кровь, ни грязь. Интербригады, Испания, антифашизм, мечта о коммунизме с человеческим лицом – это был святой Грааль поколения, которое полегло в московском ополчении, по дороге на Берлин, на этапах до Колымы» [13].

Своеобразным вступлением к поэме «Сквозь прощальные слезы» выступают описания запахов, окружавших некогда и сейчас еще окружающих лирического героя. Затем осуществляется переход от ароматов повседневности к аромату всего советского периода. Поэтическое описание прошлого, начатое с революционно-романтических событий, последовательно проходит всю нашу советскую историю и заканчивается Перестройкой. Эпилог поэмы – это подлинный реквием об ушедших, молитва обо всех живущих. Начинается он со строк о России:

Господь, благослови мою Россию,
Спаси и сохрани мою Россию <...>.

Заканчивается эпилог покаянием поэта о прошлом и настоящем:

Ведь мы еще глупы и молоденьки,
И мы еще исправимся, Иисусе!
Господь! Прости Советскому Союзу!

Поэма Кибирова – патриотическое произведение. Но его патриотизм негромок, в нем нет привычной для многих записных ораторов истеричности. Отсутствие агрессивности к внешнему окружению дополнительно усилено включением в состав поэмы «Лирической интермедии». Диалог с воображаемым Моцартом заканчивается тем, что главный герой Кибирова возвра-

щается из благополучной, но чужой Европы в Россию:

Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой! Брат мой, ночью ясной,
Там горит моя звезда!

Эта горящая звезда также очередное поэтическое заимствование, она перекликается с заключительными строками знаменитого стихотворения поэта Юрия Кублановского «Россия, ты моя!..» (1978 г.):

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты [14, 80].

В 1990 г. – канун выхода в свет «Сквозь прощальные слезы» – Кублановский одним из первых смог вернуться из вынужденной эмиграции назад в Россию. Получается, что поэт-постмодернист завуалированно восхищается патриотическим поступком своего конкурента поэта-почвенника, отбрасывая их идеологические и поэтические разногласия. Кибиров понимает, что до подлинного благополучия нашей стране, пока еще далеко. Она – «зона», она – «кровавая баня», здесь по-прежнему «Бьются бесы – кто кого!» И именно поэтому место настоящего патриота России, поэта-гуманиста может быть только здесь.

Тимура Кибирова принято считать иронистом, что, по мнению О. Чухонцева, не совсем верно. «Ироническая элегия» – так определил критик тот жанр, в рамках которого творит поэт. «Я бы даже рискнул, – размышляет критик, – назвать пафос его стихов антиидиотическим и целомудренным» [15, 261]. К сожалению, И.С. Скоропановой не удалось удержаться на той же высоте в осмыслении творчества Кибирова. Первоначальные рассуждения литературоведа в целом убедительны. «Тоталитарная эпоха, – жестко заявляет критик, – наконец, отошла и, как подобает, труп ее должен быть похоронен, дабы не заражал живущих. Однако, нужно, чтобы люди знали, что именно они хоронят, ибо истинный облик эпохи слишком долго был скрыт от них. Кибиров смывает грим, облагораживающий тоталитарные черты, и поэтому

широко использует материал советской культуры, из пародийно переименованных осколков которого творит собственный текст. Цитируются строки и ключевые слова из поэтических произведений, революционных и советских песен, различные сюжетные положения из популярных кинофильмов». Далее критик дотошно приводит обширный список из десятков имен авторов и названий использованных в поэме произведений [12, 361-362].

И действительно, на излете советского периода постмодернистская литература во многом выполняла функции если не могильщика, то уж точно прозектора:

Нас бросала молодость
Под лежачий камень
Нас водила молодость
Строим по нужде

Величала молодость
Корешки вершками
И желала счастья нам
В далекой Кулунде [16].

Злое разоблачительное стихотворение Нины Искренко «Поход эпигонов» пародирует знаменитые строки Эдуарда Багрицкого из стихотворения «Смерть пионерки»:

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас [17, 82-83].

Стоит обратить внимание, что пародийное стихотворение написано уже в другую эпоху и описывает отнюдь не события далекой теперь Гражданской войны. Но один из посылов этого стихотворения (1990) вполне соответствует оценкам И.С. Скоропановой поэмы «Сквозь прощальные слезы». По её мнению, тексты Кибирова звучат двусмысленно, он только «притворно соглашается» с цитируемым поэтом. Получается, что автор уничижает советских поэтов, ведь он «пародийно их переосмысливает» и, «иронизируя изображает революционного борца» [12, 362-363].

Однако если продолжить данный об-

разный ряд, то складывается следующее ощущение: критик либо никогда не была на похоронах, либо её не научили соответствующим приличиям и ритуалам. При погребении в России действительно плачут, а вот кривляться и произносить двусмысленности в адрес уже ушедших как-то не принято. Любые похороны – это итог пройденного пути и здесь не должно быть никакого двойного дна или двойной бухгалтерии. Пародирование здесь неуместно. В том и отличие Кибирова от других творцов пост-модерна, что он не пародирует, а искренне вживаясь в советское прошлое, сравнивает, итожит. Поэт размышляет о том, к какому благородному идеалу люди с чистым сердцем стремились и что из этого вышло (и положительного, и отрицательного). Итог в целом неутешителен. Да, отрицательного оказалось слишком много, хотя бы потому, что цели были ошибочные.

Но не надо думать, что устремления наших предшественников ничего нам, ныне живущим, не дали. Ведь сегодняшней мир стоит на жизни и действиях людей, пришедших сюда и ушедших отсюда раньше нас. Хорошо сказал о перспективах и тупиках нашей отечественной истории А.Г. Данилов: «стремление к свободе, проигрывая в очередной раз, не исчезало полностью и при первой же возможности, как «птица Феникс» возрождалось, стремилось заявить о себе (с разной степенью глубины и масштаба). Память о «несбывшемся» делает «лицо» России более привлекательным» [18, 423]. Заметим, что данное возрождение не возникает само по себе, для этого нужны соответствующие предпосылки. А их можно найти только в том, внешне исключительно «неудачном», прошлом и преданных ему людях.

Что поделать, наши предшественники ошибались, но никогда не ошибается тот, кто ничего не делает. Да, их ошибки часто перерастали в преступления (и преступления эти, что хорошо показано в поэме, нет смысла реабилитировать). Для людей той советской, уже ушедшей от нас эпохи, не было четкой разделительной линии между высокой идеей и преступлением во имя этой идеи. Мы же (в том числе благодаря им) не можем позволить себе такую роскошь. К нам уже приходит, по образному выра-

жению В.С. Высоцкого, «с бесстыдством шлюхи» историческая ясность. Теперь мы не можем, не имеем права закрывать глаза и отказываться видеть грань между заблуждающимся идеалистом и рассудочным циником, между революционным романтиком и откровенным демагогом, между солдатом, выполняющим свой долг, и палачом, вполне равнодушным к судьбе своих жертв.

Преодоление собственного негативизма – и в этом пафос поэмы «Сквозь прощальные слезы!» – не может быть осуществлено за счет куража над теми, кто, будучи слабым сегодня, еще недавно, не жалея своих и чужих сил, созидал будущее. Способность нашего современника к пониманию ценностей прошлого есть мерило подлинных человеческих качеств: переживаний, сомнений и действительно искренних «прощальных слез». И Тимур Кибиров в этом стремлении не одинок. Приведем строки из потрясающего стихотворения Александра Городницкого «Старики», написанного в это же время (1990 г.):

Они умирали в бою,
Черняшку глотали на завтрак,
И жизнь оставляли свою
На завтра, на завтра, на завтра.

Мне жалко больных стариков,
Наивных и непримиримых,
За то, что удел их таков, –
Дожить до падения Рима.

Свои переживших года,
Упасть не успевших в атаке,
Которым уже никогда
Родной не увидеть Итаки [19].

Главное достоинство людей советской эпохи – это их жизнь, наполненная высоким смыслом. Другой вопрос, что их идея была в одном варианте на всех, а затем перевоплотилась в казарму и лагерь. Мы ушли много дальше. Сегодня, по мнению В.Н. Шевелева, «человек имеет свободу выбора в каждой точке своей жизни и свободу преодолевать инерцию истории, в том числе навязанную прошлым опытом. В конце концов, история не злонамеренна, но она безжалостна к тем, кто не совершенствует свои смыслы, свои культурные программы в соответствии с меняющимися условиями. И опыт показыва-

ет, что главная опасность не всегда исходит из внешнего мира. Она может корениться в самом субъекте. За всю нашу долгую историю мы не заметили собственного распада, нравственной деградации, приведших нас к самой главной форме бедности – бедности наших решений. Мы недостаточно способны искать и находить пути преодоления все более сложных проблем во все усложняющемся мире» [20, 344].

Проанализированные выше «Генералиссимус», «Трибунал» и «Сквозь прощальные слезы» – это оригинальные художественные произведения. Их общая черта – интертекстуальность (этот постмодернистский термин означает включение одного текста в состав другого). Авторы рассказов намеренно перемешали разновременные пласты прошлого. Им, авторам, было интересно раскрытие характеров литературных персонажей в необычных обстоятельствах, на переломах российской истории. Заметим, что при этом литераторы не преследовали исторических целей как таковых. Но конечный результат их художественного творчества оказался двойки. Данные произведения являются провокационно расщепленными литературными текстами, и они же, одновременно, способны выступать внутренне цельными историческими источниками.

Разумеется, что авторы, создавшие данные тексты, не занимались научными исследованиями. От удачного сведения воедино разнородной противоречивой информации до полноценного исторического анализа «дистанция огромного размера». Но сбор и последовательная систематизация исто-

рически значимой информации достаточно близки к первичному этапу труда ученого-полевика или историка-источниковеда. Чем интересны эти сведения, собранные и отчасти обобщенные маститыми литераторами? Ускользящими элементами прошлого. Ароматом ушедшей эпохи. Психологически неожиданным, неординарным ракурсом. Провокационной сшибкой разновременных событий. Разные проекции при реконструкции прошлого позволяют представить нашу историю не примитивно плоскостной картиной, а «выпуклым» живым сообществом в борении неустрашимых диалектических противоречий.

Сегодня постепенно формируются новые исторические дисциплины со свежим взглядом и новыми методиками изучения событий прошлого: историческая компаративистика, альтернативная история или контрфактические исторические исследования – «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучается потенциальное прошлое, выраженное в разных альтернативах» [21, 102]. И, естественно, что данным гуманитарным дисциплинам необходима соответствующая интеллектуальная и источниковая подпитка. Расширение состава исторических источников не может не затронуть художественную литературу, в том числе и такой её периферийный аспект, как постмодернистские тексты. У истории и литературы один объект исследования – человеческая жизнь, как удачно реализованная, так и оставшаяся в мечтах и планах: от вершителей судеб – политиков, полководцев, писателей – до обычных людей, заброшенных в этот мир.

Литература

1. Fogel Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. XV. 296 pp.
2. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. Научное издание. М., 1987. 464 с.
3. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. 752 с.
4. Попова С. Микола-шаман // Литературная Россия. – 1998. – №22. – С. 16.
5. Толстая Т. Ночь. М., 2007. 416 с.
6. Веллер М. В одно дыхание. М., 2010. 412 с.
7. Эрлих С.Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб., 2006. 268 с.
8. Ершов М.Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. Ханты-Мансийск, 2010. 299 с.

9. Троицкий Ю.Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. – 2010. – № 30. – С. 26-32.
10. Экшут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. – 2000. – № 8. – С. 79-87.
11. Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Время и мы. Альманах литературы и общественных проблем. М. - Нью-Йорк, 1990. С. 168-187.
12. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. Пособие. М., 2002. 608 с.
13. Новодворская В. Российская реконкиста // The New Times. – 2013. – № 20 от 10. 06.
14. Кублановский Ю.М. Избранное. М., 2006. 352 с.
15. Чухонцев О. Имя поэта // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. VI. – С. 259-263.
16. Искренко Н. Поход эпигонов // Юность. – 1990. – № 12. – С. 94.
17. Асеев Н.Н., Багрицкий Э.Г., Луговой В.А., Тихонов Н.С. Сборник стихов. М., 1973. 191 с.
18. Данилов А.Г. Россия на перекрестках истории XIV - XIX вв. Ростов н/Д., 2010. 588 с.
19. Городницкий А. Старики [Электронный ресурс] // Используются открытые данные Интернета: URL:<http://www.gorodnit.spb.ru>> Александр Городницкий. Дата обращения: 12.04. 2014.
20. Шевелев В.Н. Все могло быть иначе: альтернативы в истории России. Ростов н/Д., 2009. 349 с.
21. Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4. – №1. – С. 102-120.

References

1. Fogel Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. XV. 296 pp.
2. Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. Nauchnoe izdanie. M., 1987. 464 s.
3. Ignat'ev A.A. Pyat' desyat let v stroyu. M., 1986. 752 s.
4. Popova S. Mikola-shaman // Literaturnaya Rossiya. – 1998. – №22. – S. 16.
5. Tolstaya T. Noch'. M., 2007. 416 s.
6. Veller M. V odno dykhanie. M., 2010. 412 s.
7. Erlikh S.E. Istoriya mifa («Dekabristskaya legenda» Gertsena). SPb., 2006. 268 s.
8. Ershov M.F. Ocherki provintsial'nogo mira Zaural'ya: goroda i lyudi kontsa XVIII – nachala XX vv. Khandy-Mansiysk, 2010. 299 s.
9. Troitskiy Yu.L. Istoricheskaya komparativistika: epistemologiya i diskurs // Dialog so vremenem. – 2010. – № 30. – S. 26-32.
10. Ekshut S.A. Soslagatel'noe naklonenie v istorii: voploshchenie nesbyvshegosya. Opyt istoriosofskogo osmysleniya // Voprosy filosofii. – 2000. – № 8. – S. 79-87.
11. Kibirov T. Skvoz' proshchal'nye slezy // Vremya i my. Al'manakh literatury i obshchestvennykh problem. M. - N'yu-York, 1990. S. 168-187.
12. Skoropanov I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura: Ucheb. Posobie. M., 2002. 608 s.
13. Novodvorskaya V. Rossiyskaya rekonkista // The New Times. – 2013. – № 20 от 10. 06.
14. Kublanovskiy Yu.M. Izbrannoe. M., 2006. 352 s.
15. Chukhontsev O. Imya poeta // Voprosy literatury. – 1995. – Вып. VI. – С. 259-263.
16. Iskrenko N. Pokhod epigonov // Yunost'. – 1990. – № 12. – S. 94.
17. Aseev N.N., Bagritskiy E.G., Lugovoy V.A., Tikhonov N.S. Sbornik stikhov. M., 1973. 191 s.
18. Danilov A.G. Rossiya na perekrestkakh istorii XIV - XIX vv. Rostov n/D., 2010. 588 s.
19. Gorodnitskiy A. Stariki [Elektronnyy resurs] // Ispol'zovany otkrytye dannye Interneta: URL:<http://www.gorodnit.spb.ru>> Aleksandr Gorodnitskiy. Data obrashcheniya: 12.04. 2014.
20. Shevelev V.N. Vse moglo byt' inache: al'ternativy v istorii Rossii. Rostov n/D., 2009. 349 s.
21. Nekhamkin V.A. Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. – 2011. – Т. 4. – №1. – S. 102-120.

УДК 930.85

Т.А. Молданова

Этническая культура в детских этнических стойбищах Югры

Аннотация. В Ханты-Мансийском автономном округе-Югре с 1993 года существует особый вид летнего отдыха детей, называемый «этноотдыхом», «этническим стойбищем» и т.д., который предполагает погружение детей коренных малочисленных народов округа, оторванных от своих корней, в этническую культуру. За этот период наработан как положительный, так и отрицательный опыт. Выявлено, что наибольший эффект имеют те «стойбища», в которых одновременно реализуется несколько условий: погружение в природную и этническую среду, наличие подготовленных педагогов, специалистов, носителей этнических традиций, а также не менее важным фактором успеха является формирование особой этнической группы детей, способной воспринять традицию.

Ключевые слова: этническая культура, этнокультура, этноотдых, этнолагерь, детское этническое стойбище.

Т.А. Moldanova

Ethnic culture in children's ethnic camps of Yugra

Summary. Since 1993 there is a special kind of summer holiday activities for children in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra. It is called "ethno-rest", "ethno camp", etc. It involves ethnic culture immersion of children of indigenous peoples of the Yugra, separated from their roots. Both positive and negative experience has been accumulated during this period. It is revealed that the largest effect has "camps" which are realized a few conditions at the same time: immersion in the natural and ethnic environment, availability of trained teachers, specialists, representatives of ethnic traditions. Equally important of the success factor is the formation of a distinct ethnic group of children who are able to perceive the tradition.

Keywords: ethnic culture, ethno rest, ethno camp, "ethnocamp" for children

В данной работе я остановлюсь на некоторых аспектах летнего отдыха детей коренных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, называемом «этноотдыхом».

Для обозначения этого вида детского отдыха единого термина нет: детское этническое стойбище «Мань ускве» (п. Ясунт Березовского района), этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх» (с. Казым Белоярского района), Детский палаточный этнографический лагерь «Улыбка» (п. Самутнел Белоярского района), этнолагерь «Юрсил» (г. Урай), этнолагерь «Мосум нявремат» (п. Кышик Ханты-Мансийского района), детский этнооздоровительный центр «Мит ущ» (Кондинский район) и т.д. Название, данное явлению, как правило, отражает историю его формирования, идеи, заложенные в его основу, а также, во

многом ориентирует и ко многому обязывает.

В настоящее время, при обильном потоке разноуровневой информации, для понимания рассматриваемого явления, важно достаточно четко определиться с терминологией. Поэтому первоначально остановимся на некоторых общих понятиях.

Этнос (греч. *ethnos* – группа, племя, народ) – группа людей, объединённых общими признаками (происхождение, язык, культура, территория проживания...).

Этнический – принадлежащий к какому-либо народу, этнической группе. Следовательно «этническое стойбище», это стойбище, относящееся к конкретному народу, или к конкретной группе какого-то народа.

Этнокультурное – термин «этнокультурное» появился как речевой вариант термина «этническая культура». Получил распро-

странение в конце XX в., но даже в научной литературе применяют его не строго: иногда вместо терминов «фольклор», «народная культура», «традиционная культура» [1, 190].

Этнографический – относящийся к этнографии (этнос – народ, графико – пишу), науке, изучающей этнические образования различного уровня.

Если обратиться к интернет-ресурсам и набрать понятие «этническое стойбище», или «этнокультурное стойбище», то нам выдадут только «Детское этническое стойбище Мань ускве» и «Этнокультурное стойбище Нумсанг ёх», но в то же время большое количество различных этнолагерьей. Отметим, что первоначально, при выборе названия рассматриваемой формы отдыха, мы отказались от слова «лагерь», как не вполне соответствующего содержанию нашей основной идеи. Во-первых, это слово иностранное. Lager (нем.) – место размещения войск вне населённых пунктов. Во-вторых, и в русском языке, среди прочего, в нем заключено и негативное содержание: лагерь заключенных, лагерь беженцев и т.д.

Каково же содержание этнолагерьей на уровне России? Наибольшее количество рекламной публикации по этнолагерю в Этномире, т.е. в этнографическом парке близ деревни Петрово, на северо-востоке Калужской области у границы с Московской областью. Проект «Этномир» создан Русланом Байрамовым в рамках благотворительного фонда «Диалог культур – единый мир» (2006). Как пишет создатель проекта: «Главная идея «Этномира» – пережить культуру, страну, народ, этнос в ощущениях, через быт, жилище, приобщение к кухне, к интерьерам. Это этнографическая, культурная, образовательная составляющая, а также бизнес-стратегия...» [2]. По проекту здесь будет построено 52 этнодвора, по мнению их создателей, эти островки культуры будут максимально приближены к аутентичным образцам.

В летнее время на территории этномира работает детский этнолагерь, основная задача – образовательная, знакомство с жизнью, традициями и культурой народов мира через игру, через имитацию проживания в этой культуре.

В основном же «этнолагерь», это попытка погружения детей в конкретную этническую культуру, которая, как правило, в реальной жизни утеряна. Иногда ставятся дополнительные цели. Например, основная задача этнолагеря на Украине (Карпаты) – объединяющая и патриотическая. Это нахождение общих корней, популяризация украинских культурных традиций [3].

Если говорить о детских «этно» структурах Югры, то, на мой взгляд, сегодня мы должны более четко определиться, какую цель ставим, какой конечный продукт хотим получить. Попросту говоря, мы хотим «поиграть в хантов (манси)» или хотим «быть хантами (манси)». Если «поиграть», то проблем как бы нет, здесь не нужны глубокие знания аутентичных форм культуры, так как перед нами не стоит задача сохранения самой культуры. Но «быть хантами (манси)» в современных условиях, когда этническая культура коренных народов округа рассыпается буквально на глазах – это очень сложная задача.

Что же такое этническая культура, которая или есть или её уже нет. Этот термин используют разные науки и определяют её по-разному. Как показывают современные исследования, слой этнического своеобразия этнических групп быстро сокращается, так как большинство народов для своего воспроизводства и существования не могут рассчитывать только на этнически специфические способы жизнеобеспечения. Поэтому в этнологии принято различать «этническую культуру» от «культуры этноса». Приведем наиболее распространенные определения этих понятий, которые можно встретить в научной литературе и в интернете.

Этническая культура – культурные явления, присущие только данной этнической группе. Культура этноса – культурные явления, распространенные среди всего этноса, многих этносов или свойственные человечеству в целом.

Сегодня «этнической культурой» занимаются многие науки. С точки зрения осмысления понятийного аппарата наук, связанных с этносами, особенно интенсивно развивается культурология. Практически у каждой науки собственное определение данного понятия, за основу определения,

как правило, берется тот аспект, который наиболее глубоко изучается данной наукой. Приведем несколько определений.

Этническая культура – система определенных стереотипов, норм поведения членов определенной этнической групп [4]. Этническая культура – совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих характеристик данной культуры [5]. Этническая культура – культура, в основе которой лежат ценности, принадлежащие той или иной этнической группе [6]. Этнической является культура, носители которой связаны единством «крови и почвы» [7].

Отметим, что какое бы определение мы не взяли, общим является то, что «этническая культура» это - явление, которое не может быть глобальным, это – то, что преимущественно принадлежит конкретной этнической группе, даже не этносу в целом. Образно говоря, не может быть «этнической культуры» вообще, как нет «человека» вообще, но есть конкретный человек со своими внешними и внутренними особенностями. Другой человек может знать его внешность, может носить его одежды, может тонко понимать его внутренний мир, но быть им никак не может. Поясним данную мысль таким высказыванием: «Этническая культура южных хантов погибла, это произошло вследствие того, что её носители были ассимилированы. Эта культура не существует, но отдельные элементы, преимущественно внешние атрибуты, сохранены в музеях, архивах, что-то можно реконструировать, но умершую этническую культуру анимировать невозможно». Культура погибает, если нет того, что называется «стержнем культуры», «ядром культуры», «архетипом культуры», того, в чем хранится безусловная этническая ценность. И если носители отказываются от собственных ценностей во имя более престижных или более комфортных, то культуру не спасти.

Итак, носителем этнической культуры является этническая группа, она определяется следующим образом. Этническая группа – различные типы групп какого-либо этноса, имеющие собственное субэтническое самосознание и самоназвание наряду с этническим [8]. Например, не просто ханты, но *касум ёх* 'казымские люди', т.е.

территориальная группа этого этноса. Или ещё уже, не просто «казымские люди (ханты)», но *нярса ёх* 'люди нярса', т.е. локальная группа казымских хантов. Признаками этнической группы являются общность происхождения, язык, обычаи, религия, традиции, расовые антропологические особенности и др. Следует понимать, что за каждым локальным самоназванием кроется какая-либо особенность этнической культуры.

Что означает принадлежность к этнической группе? Например, существует такая точка зрения, которая, на наш взгляд, подтверждается и на опыте этнических стойбищ (Э. Аллард, Х. Старк):

а). Центральным фактором принадлежности к этнической группе является личное желание индивида принадлежать к ней, т.е. идентифицировать себя как члена группы.

б). Второе условие принадлежности к группе – происхождение. Обычно, родители и предки большинства членов этнической группы входят в нее на основе общей национальности, унаследованной от предков. Другие члены группы входят в нее через брак.

в). Группа должна иметь определенную социальную организацию, которая регулирует взаимную деятельность её членов, а также отношения между этой группой и лицами, не входящими в нее. Такой организацией может быть любое сообщество, объединяющее людей (клуб, кружок). Этнической группы без такой организации не существует [9].

Определившись с содержанием терминов, бегло рассмотрим историю создания этнических стойбищ на территории Югры: на основе какой идеи они возникли, какой опыт наработан, какие результаты имеем.

Оговорюсь, что все формы летнего детского отдыха детей коренных народов округа, связанных с этническим компонентом, для удобства я буду называть «этническими стойбищами», даже если они имеют иное название.

Кратко остановлюсь на четырех этнических стойбищах, в организации или в работе которых я принимала непосредственное участие (включенное наблюдение). Два «стойбища» получили дальнейшее развитие, два – нет. Таким образом, мы имеем

как положительный, так и отрицательный опыт.

Идея о необходимости погружения обско-угорских детей в этническую среду была завезена из Венгрии в 1990-ом году Т.С. Гоголевой, в тот период возглавлявшей ассоциацию коренных малочисленных народов округа «Спасение Югры». В это же время Министерство культуры и образования Венгрии возглавляла Роза Тот, и она, в числе прочего, познакомила Татьяну Степановну с одним из эффективных способов сохранения венгерской этнической культуры. По мнению Р. Тот, в условиях, когда были открыты европейские границы, и шла активная ориентация на европейские стандарты, единственным способом сохранения венгерской культуры был вывоз детей в летнее время в деревни, к носителям этнической культуры.

Начиная с 1990-ого года, идея создания «этнических стойбищ» широко обсуждалась в среде интеллигенции коренных народов округа, шел поиск формы организации такого отдыха и непосредственных организаторов-энтузиастов. О наличии реальной возможности организовать такой отдых и о его возможной форме своим опытом делились, например, та же Татьяна Степановна Гоголева, Любовь Павловна Стаканова. Будучи детьми, летние каникулы они проводили в лагере, организованном при интернате. По их мнению, при минимуме материальных затрат такой лагерь имел максимальный воспитательный эффект, так как отдых детей был сопряжен с родной природой и организован на высоком уровне. Таким образом, идея, завезенная из Венгрии, постепенно приобретала контуры некой формы, возможной в местных условиях.

Самое первое этническое стойбище или просто «детское стойбище» было организовано в 1993 году, в реальном стойбище Ивана Степановича Сопочина, одного из выдающихся носителей этнической культуры восточных хантов. Достаточно спешная организация этого «стойбища» была продиктована необходимостью. На период ремонта интерната в п. Русскинские Сургутского района появилась проблема размещения хантыйских детей-сирот. Председателем Русскинского сельского совета

был Иосиф Антонович Сопочин, один из активнейших общественных деятелей. При непосредственной поддержке его жены Аграфены Семеновны Сопочиной (Песиковой) и других единомышленников было принято решение – организовать «стойбище». Вышеназванное стойбище Сопочинных оказалось наиболее подготовленным для приема детей, куда, например, с исследовательскими целями периодически приезжали венгерские ученые (А. Кережи, М. Чепреги) и, безусловно, делились тем или иным опытом в отношении сохранения культуры.

Непосредственными организаторами летнего отдыха детей являлись дочери Ивана Степановича: Феоктиста Ивановна Смирнова и Ольга Ивановна Щербакова. Они, как и многие другие ханты, получившие специальное образование, оказались оторванными от своей культуры и жили в городах Лянтор и Сургут соответственно. Основная цель организаторов: приобщить городских, поселковых детей к хантыйской культуре. Казалось, что для этого вполне достаточно вывезти детей на настоящее стойбище, в этническую и природную среду. Дети жили в оленеводческом стойбище, спали в хантыйских избушках, могли пойти на рыбалку или заняться иным традиционным занятием.

Однако такая форма погружения в этническую культуру не получила дальнейшего развития. В стойбище шла реальная повседневная жизнь. Дети, выросшие вне культуры, не могли вписаться в этот ритм, не проявляли особого интереса к обыденным делам, а руководители не знали, в какой форме приобщить их к жизни на стойбище.

Побывав на данном стойбище, мы пришли к выводу, что для приобщения детей к этнической культуре, дополнительно необходимы подготовленные педагоги, специалисты и определенный контингент детей. При подготовке следующего стойбища, в газетах «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос» были опубликованы обращения к детям, в которых указывалось, что летом 1994 года организуется особый тип детского отдыха. В частности говорилось, что всех детей, которые желают окунуться в родную природу, получить теоретические знания

по этнографии и практические навыки по культуре народа манси, приглашают в Березовский район.

На этот раз взрослая часть «стойбища» состояла из педагогов, этнографов, способных организовать как воспитательный, так и обучающий процесс. Палаточное стойбище было организовано на краю мансийского поселка Ясунт (1994). Практически все дети – это манси из Саранпауля, т.е. они относились к одной этнической группе. Первый директор – Любовь Павловна Стаканова. Среди прочего, на стойбище решалась задача объединения ребят, в качестве объединяющего символа был выбран образ духа-охранителя данного поселения – *вурсяк* (трясогузка), изготовлен флаг с этой символикой. На стойбище проводились занятия по мансийскому языку, лекции по этнографии (как я теперь понимаю) в чрезмерно большом количестве. Детей обучали драматическим сценкам медвежьего праздника и многому другому. Ежедневными гостями стойбища были носители этнической культуры, старейшие жители п. Ясунт. Стойбище «Мань ускве» получило дальнейшее развитие, по сей день его возглавляет первый директор Л.П. Стаканова. С работой данного этнического стойбища, его достижениями можно познакомиться через публикации в интернете [10].

В дальнейшем я столкнулась с еще одним опытом работы, который, как и самый первый, оказался неэффективным. Это детское стойбище «Войтехово», на территории родовых угодий Гындышевых (1995, 1996). Палатки для проживания детей располагались на территории рыболовецкого стана, т.е. полноценной этнической среды как таковой не было, но были все условия для занятий промыслом, в частности, рыболовством. Организатором выступила С.К. Гындышева. С детьми работали педагоги и специалисты (этнографы, искусствоведы), здесь в полной мере использовался опыт, приобретенный в «Мань ускве», проводились те занятия, которые были наиболее эффективными. Кроме того, сюда приглашались носители обрядового праздника Медвежьи игрища, демонстрировались фрагменты подлинного ритуала.

Однако контингент детей был крайне неоднородный, это были ребята из раз-

ных населенных пунктов: Березово, Теги, Ванзеват Березовского района и дети-сироты из г. Белоярского. Большинство детей были из неблагополучных, малообеспеченных семей, так как это был период, когда перед местным сообществом стояла элементарная задача – накормить детей. Поэтому пришлось детей просто знакомить с культурой, через проживание тех или иных моментов, т.е. в этом стойбище преимущественно «играли в хантов». Например, в игровой форме делили детей на группы, в которых они якобы древние жители этой земли и жили то в каменном веке, то в раннем железном веке, то в средневековье и т.д. Дети должны были «одеться» согласно соответствующей эпохе, соорудить жилище и прочую атрибутику. Для этих целей они могли использовать консультантов, таким образом, были поставлены в ситуацию, когда необходимо было обращаться за информацией к этнографам и тем самым самостоятельно пополнять свои знания и реализовывать их в конкретном действии. Работа двух лет показала, что объединить такую разношерстную публику во имя этнической культуры нереально. Каждую смену начинать с нуля это – бесперспективная затрата сил и энергии, таким способом этническую культуру не сохранить.

Следующее стойбище, в работе которого я периодически принимаю участие, это этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх», созданное на базе наработок Казымской культур-антропологической школы группой энтузиастов: О.А. Кравченко, Е.Т. Федотовой, Р.М. Потпот, М.В. Кабаковой. Первый директор – Е.Т. Федотова, которая и сегодня продолжает эту работу.

Весьма существенным является то, что работа данного стойбища непосредственно связана с Казымским этнографическим музеем под открытым небом, возглавляемым той же Еленой Терентьевной Федотовой, и в большинстве случаев, основные направления работы летних стойбищ не заканчиваются после смен, они продолжают на базе музея. Связь с детьми поддерживается круглогодично. Такая связь характерна и для стойбища «Мань ускве». С опытом работы стойбища «Нумсанг ёх» также можно ознакомиться в интернете [11].

Таким образом, на мой взгляд, основные

причины неудач в работе двух стойбищ (стойбище Сопочиных и «Войтехово») следующие:

– Погружение детей, оторванных от этнической культуры, в природную и этническую среду – недостаточное условие. В современной ситуации распада этнических общностей процесс вхождения в культуру необходимо направлять через посредство педагогов и специалистов в данной области.

– Необходима «этническая группа», способная воспринять культуру, т.е. первоначально важно объединить детей одной этнической общности. Впоследствии она станет фундаментом стойбища, что, например, произошло в «Мань ускве» и в «Нумсанг ёх».

– Важно определять приоритеты, четко

обозначать ценностное ядро культуры и работать в этом направлении.

Если проанализировать работу рассмотренных стойбищ, например, в весьма условной единице, в так называемой «двадцатипятимеричной» системе исчисления³, то получим следующее: Во всех этнических стойбищах природное окружение составляет 100%, этническая среда в достаточно полной мере присутствовала только на «Стойбище Сопочиных» и в «Мань ускве». Этническую составляющую на «стойбище Войтехово» можно определить как 50%, а в «Нумсанг ёх» на начальных этапах её фактически не было, но она была воссоздана. Под носителями этнических традиций понимается присутствие на стойбище людей, в полной мере владеющих конкретной культурой и т.д.

	«Стойбище Сопочиных»	«Стойбище Войтехово»	Детское этническое стойбище «Мань ускве»	Этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх»
Природное окружение	++++	++++	++++	++++
Этническая среда	++++	+- - -	++++	- - + +
Носители этнических традиций	++++	+- - -	++++	++++
Преемники этнических традиций («единство крови и почвы»)	+ - - -	+ - - -	++++	++++
Педагоги	+ - - -	+- - -	++++	++++
Специалисты по направлениям	- - - -	++++	++++	++++

На мой взгляд, в дальнейшем для системной и последовательной работы в этнических стойбищах педагогам необходимо иметь более четкое представление о таком понятии, как этнокультурное образование, знать его компоненты и, по возможности, выстраивая работу стойбищ, постепенно включать их в ту или иную смену [1, 189-195].

Касаясь положительного опыта стойбищ «Мань ускве» и «Нумсанг ёх», хочу обратить внимание и на существование такого понятия как этнотерапия, хотя, возможно, сам термин в этих стойбищах и не произ-

носится, но этнотерапевтический эффект реально существует. Можно отметить, что на это обратили внимание и специалисты: в статье под названием «Этнотерапия» опубликованы фотографии детей именно с этих двух стойбищ [12].

Метод этнотерапии разработан в 1960-70-х годах чешским психотерапевтом М. Гауснером и актрисой З. Кочовой, которые, в свою очередь, опирались на труды К.Г. Юнга, Л. Выготского, М. Элиаде [13]. Этнотерапия определяется как погружение человека в древние культурные шаблоны и архетипы. Для погружения личности в

¹ Один знак «+» или «-» это 25%, взят весьма условно из расчета, что при круглосуточном пребывании детей в детских учреждениях на одну группу требуется четыре педагога (педагог, воспитатель, помощник воспитателя, дополнительный педагог).

архетипические ситуации, этнотерапия использует обычаи, традиционное декоративно-прикладное искусство, танцы, психодрамы, и другие компоненты этнической культуры [13]. Все это дает человеку возможность восстановить личностную связь с поколением предков, и в итоге способствует его раскрытию, самоутверждению и нахождению своего места в жизни. Если в будущем ориентироваться и на этнотерапевтический эффект, то важно ещё более четко определяться с тем, что преподносится детям в этнических стойбищах.

Таким образом, отметим, что из всех «этнических стойбищ», существующих и существовавших на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры наибольший положительный опыт накоплен в «Мань ускве» и «Нумсанг ёх», где на лоне природы выстроены подлинные стойбища с традиционными типами жилищ и хозяйственными постройками, и в настоящее время они могут быть базой для проведения различного рода мероприятий по этнокультурному образованию.

Литература

1. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование: сущность, структура, содержания, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. – 2009. – №3. – С. 190.
2. Этномир [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Дата обращения: 23.09.2014).
3. Этнолагерь [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ukrcamp.com.ua/camp/jetno_lager. (Дата обращения: 23.09.2014).
4. Этническая культура её сущность и функции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.easyschool.ru/sosh/JeTNIChESKAJa_KULQTURA.doc. (Дата обращения: 23.09.2014).
5. Садохин А.П. Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С.186.
6. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече. 2003. 512 с.
7. Кровь и почва (идеология). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (Дата обращения: 23.09.2014).
8. Этническая группа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.quickwiki.com/ru/>. (Дата обращения: 23.09.2014).
9. Асп Э. Введение в социологию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/asp/asp_e_vvedenie_v_sotsiologiyu_sotsiologii.php. (Дата обращения: 23.09.2014).
10. Детское этническое стойбище «Мань ускве». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ugra.travel/ru/goroda-i-rajony/berezovskij-rajon/etnoturizm/detskoe-etnicheskoe-stojbische-man-uskve.html> и др. (Дата обращения: 23.09.2014).
11. Детское этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ethnic.ru/ethnicru/nomadic/yoh> и др. (Дата обращения: 23.09.2014).
12. Этнотерапия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://samopoznanie.ru/schools/etnoterapiya/>. (Дата обращения: 23.09.2014).
13. Этнотерапия Гауснера и Кочовой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychotherapeutic/. (Дата обращения: 23.09.2014).

References

1. Afanas'eva A.B. Etnokul'turnoe obrazovanie: sushchnost', struktura, sodержaniya, problemy sovershenstvovaniya // Problemy pedagogiki i psikhologii. – 2009. – №3. – S. 190.
2. Etnomir [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
3. Etnolager' [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://ukrcamp.com.ua/camp/jetno_lager. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
4. Etnicheskaya kul'tura ee sushchnost' i funktsii. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.easyschool.ru/sosh/JeTNIChESKAJa_KULQTURA.doc. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
5. Sadokhin A.P. Grushevitskaya T.G. Etnologiya. M., 2000. S.186.
6. Kononenko B.I. Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii. M.: Veche. 2003. 512 s.
7. Krov' i pochva (ideologiya). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).

8. Etnicheskaya gruppa. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.quickwiki.com/ru/>. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
9. Asp E. Vvedenie v sotsiologiyu. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/asp/asp_e_vvedenie_v_sotsiologiyu_sotsiologii.php. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
10. Detskoe etnicheskoe stoybishche «Man' uskve». [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://ugra.travel/ru/goroda-i-rajony/berezovskij-rajon/etnoturizm/detskoe-etnicheskoe-stojbische-man-uskve.html> i dr. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
11. Detskoe etnokul'turnoe stoybishche «Numsang ekh». [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://etnic.ru/etnicru/nomadic/yoh> i dr. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
12. Etnoterapiya. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://samopoznanie.ru/schools/etnoterapiya/>. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).
13. Etnoterapiya Gausnera i Kochovoy. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychoterapeutic/. (Data obrashcheniya: 23.09.2014).

В.И. Сподина

Соматический код традиционной культуры: пищеварительная и выделительная системы

Аннотация. Антропология тела в настоящее время стала одним из новых направлений в изучении историко-культурного процесса. В статье сквозь призму соматического кода раскрываются особенности восприятия человеком собственных физиологических систем и их анатомического строения. Прослеживается связь между этимологией некоторых сомонимов, их участием в антропоморфизации окружающего мира и традиционных верованиях обских угров и самодийцев, а также описанием моральных качеств человека. Автор вводит в научный оборот собственные полевые материалы.

Ключевые слова: традиционная культура, органы желудочно-кишечного тракта, рот, глотка, пищевод, желудок, печень, жёлчный пузырь, мочевыделительная система, почки, мочевой пузырь.

V.I. Spodina

Somatic code of the traditional culture: the digestive and excretory systems

Summary. At the present time the anthropology of the body has become one of the new directions in the study of the historical-cultural process. The article deals with the peculiarities of the man's perception of his own physiological systems and anatomical structure through the prism of the somatic code. There is a link between the etymology of some somonyms, their participation in the anthropomorphization of the surrounding world and traditional beliefs of the Ob-Ugric and Samoyedic peoples, as well as the description of the moral qualities of men. The author introduces her own field materials into scientific use.

Keywords: traditional culture, organs of the gastrointestinal tract, mouth, throat, esophagus, stomach, liver, gall bladder, urinary system, kidneys, bladder.

В мировой науке на протяжении нескольких десятилетий ведётся изучение представлений различных народов о строении и развитии человеческого организма. “Антропология, в отличие от социологии, уже начиная с XIX в. отводила человеческому телу ключевую роль” [1]. Изучение представлений о теле в контексте определённой культуры необходимо как для более полной и чёткой реконструкции традиционного мировоззрения народа, картины мира, так и для понимания места человека в контексте данной культуры.

В системе представлений о мире отношение человека к миру и к самому себе с точки зрения анатомии, физиологии, поведенческих характеристик служит отражением концептуальных основ мировоззрения. “Образ себя”, как исходной данности, предполагает осознание человеком не толь-

ко своих жизненных потребностей, интересов и первичных ценностей, но также анатомии и физиологии. В традиционном мировоззрении среди физиологических систем человека значительное место отведено пищеварительной. Пищеварительную систему составляют: органы желудочно-кишечного тракта (ротовая полость, глотка, пищевод, желудок, тонкая и толстая кишка) и вспомогательные органы (печень, жёлчный пузырь, поджелудочная железа и др.). Условно выделяются три отдела пищеварительной системы: передний, средний и задний. Передний отдел включает органы ротовой полости, глотку и пищевод. Здесь осуществляется, в основном, механическая переработка пищи. Рот (*уңал діні* “полость рта, рот”, каз. хант., лул, вах. хант., сун, манс.; *няң ши* “рта дыра”, лесн. нен.) в этом смысле наделялся некоторой

автономией и представлялся своеобразной пещерой, в которой находятся язык (*нялам*, шур. хант.: *нѐлум*, манс.) и зубы (*пѐңк*, вах. хант., *пѐңк*, каз. хант.; *сѹп пуңк*, манс.; *чим*, лесн. нен.). Язык участвует в механической обработке пищи и её перемешивании.

Не случайно его ненецкое название *ше* созвучно с обозначением лопаты (*шева*, лесн. нен.), а в мансийском детском фольклоре язычок сравнивается с напильничком [2, 11, 20], т.е. подчёркивается его шероховатая (за счёт сосочков) структура:

<i>Нѐлмуна мѐныр?</i>	Что за язычок у тебя?
<i>Нѐлуна – корпинь</i>	Язычок мой – напильничек.

Зубам отводилась важная роль не только в процессе пищеварения. Если снится, что зуб выпадает с кровью, то в семье кто-то умрёт, а если без крови – уйдёт из жизни кто-то из родственников, но не близких. Выпавший зуб ещё и сейчас заворачивают в шерстинку и кладут в огонь, чтобы дух огня дал другой зуб. Выпадение зубов у ненцев означает нарушение определённых запретов, таких как произнесение плохих слов и др.

Ханты, манси и ненцы имели достаточно развитое представление о начальной части пищеварительного тракта – глотке – воронкообразном канале, т.н. “мышечной трубе” (*шоң паха* “горла комель”, *от шо* “место, где проходит пища”, вах. хант.; *тур пукла*, *лылтнэ тур нуми ѓыл* “горла верх”, манс.; *кыңку* “горло”, лесн. нен.). Отсутствие еды тундровые ненцы описывают следующим фразеологизмом: *Сѓвна ханта мы вуни тания* (букв.: по горлу идущей еды ведь нет) [3, 68].

Интересные описания глотки с точки зрения анатомического строения приводятся в исследовании З.С. Рябчиковой: *тѹр вѹс* “горло-дыра”, шур. хант., *шѓмлѓң тѹр* “с зарубками-горло”, каз. хант., *пунрац тѹр* “репейник-горло”, тег. хант., т.е. “бугристое, со складками для пищи горло” [4, 53]. Заметим, что в строении стенки глотки отсутствует подслизистый слой, поэтому складки на данном участке пищевода не образуются. В строении глотки обские угры различают нѓбо (*ѹтѓмнѓң*, вах. хант.; *тур хари*, манс.; *ниньши’ку*, лесн. нен.) и язычок (*ай нялѓм* “малый-язык”, сург. хант.) [4, 53]. Этимология мансийского названия нѓбо – *тур хари* (*тур* “горло”, *хар* “поверхность”, ср.: *хара* “пустыня”, *хара мѓ* “голая земля”), подчёркивает гладкую структуру его строения.

В полость рта открываются протоки

слюнных желѓз (*аңѓн илпи нѓрат*, шур. хант.) [5, 93], выделяющих слабо клейкую прозрачную жидкость – слизь или слюну (*пѓлцѓң йиңк*, хант.; *лусь*, *луц*, манс.) [6, 14; 7, 295]. В традиционной картине мира она участвует в первотворении человека (“детородные сопки” по А.В. Головнёву). Слюне приписывается также и чудодейственная сила по соединению разрозненных частей тела человека и его оживлению. В мансийской сказке “О Сыне Наѓмного Работника”, окаменевшего, бесчувственного героя с помощью слюны оживляют три огромных орла: “Слюны на него ток и брызжут. Брызгали, брызгали, вдруг чувствует: как-то ему полегчало... Вдруг стал шевелиться, сел” [8, 97]. Восьмиухая-Старуха ненецкого мифа-сказки облизала замѓрзшего в снегу Дурака, после чего тот “зашевелил руками, языком, встал на четвереньки”, “прислонила голову (героя – В.С) к туловищу, разлизнула – всё на место встало, срослось” [9, 191, 215]. Интересно отметить, что К.Ф. Карьялайнен обратил внимание на связь глагола казымского диалекта *л’аксѓти* (“плюнуть”) с выражением *аз’ѓма л’аксѓс* (“он возродился моим ребѓнком”), в значении “в ребѓнке возродился мой отец” [10, 1116]. На связь глагола “плюнуть” с реинкарнацией указывала Н.М. Талигина [11, 47]. В.Н. Соловар обратила внимание на сходство глаголов *л’аксѓти* (переродиться, возродиться) и *л’акти* (лепить, мазать, плевать), которые этимологически очень близки и происходят из одного и того же корня л’ак “плевок” [12, 149, 150]. Таким образом, важнейшая роль слюны в создании чего-то нового не вызывает сомнений, а в ситуации с человеком даёт начало его телесно-психологической организации. Похожие представления бытуют и в фольклоре лесных ненцев.

Передний отдел пищеварительной систе-

мы завершается пищеводом (*дантәң тур* “с мукой (ягелем) горло”, сург. хант., *лэты тўр* “едящее горло”, тег. хант., *дант тўр* “пищевод”, “мука” (бульон, заправленный мукой, ягель – собственно, “еда, пища”) – горло”, каз. хант.; *тәптән тур*, манс.) [13, 45; 14, 130; 7, 198; 4, 53-54]. Пищевод представляет собой сплюснутую полую мышечную трубу, по которой пища из глотки поступает в желудок. Т.Д. Слинкина мансийский спланхноним пищевод (*тәптән тур*) переводит как “[для прохождения] еды горло”, “пищу есть горло”, “пищей питаться горло” [Устное сообщение Т.Д. Слинкиной. Ханты-Майнсийск. 2014]. Средний отдел пищеварительной системы состоит из желудка, тонкой и толстой кишки, печени и поджелудочной железы. Поджелудочная железа (*щош хыр илти нэрәт*, шур. хант.) [5, 93] является главным источником ферментов для переваривания жиров, белков и углеводов.

Функциональность является определяющей чертой при образовании метафор с базовыми элементами рот и горло. Рот (устье печки) и горловину (дымоход) имеет железная печь *кур* (*кур уу*, от усечённого *ууал* “рот”) [14, 168]. Чувал в ненецком языке не избежал антропоморфных сравнений: дымоход соотносится с понятием “горловина” (*от шо* “горло”, “пищевод”, “голос”) [ПМА, пос. Варьёган. 2000]. Проводящая функция горла и его трубкообразная форма отразились в названии такого бытового предмета, как лампа, *лампа тўр* “стекло с горлышком для керосиновой лампы” (букв.: горло лампы) [4, 139].

Наиболее важным органом пищеварения, с точки зрения мировоззрения коренных народов, являлся желудок (*тепл*, каз. хант.; *вбсэвхұрыг*, манс.) [12, 275; 7, 77]. Мансийско-русский тематический словарь (2002) определяет желудок как *тепл*, что в переводе С.А. Поповой обозначает “не-что наполненное едой” [Устное сообщение А.С. Поповой, Берёзово. 2014], от *тәп* “корм”, “еда”. Желудок представляет собой мышечный мешок, расположенный в верхней части брюшной полости и выполняет роль резервуара для химической обработки пищи (ср.: *чәви қырағ* “пищевая масса-мешок”, сург. хант., *тырам, тәпәл хир* “желудок-мешок”) [4, 54]. В ненецком языке для

определения брюшной полости существует общесистемное название “живот” (*мынчи*), а также “брюшина” (*нянку* “утроба-мешок”) [ПМА, стойбище на Түй-тяхе. 1999; 15, 89]. Чувство голода или насыщения лесные ненцы передают с помощью понятия об их наполненности (“утроба-мешок пустой”, *нянкой конаку*) (“живот полный”, *мынчи канты*). Ханты, для описания хорошего аппетита, используют выражение *лэты яньсыты самаң* (досл.: сердце кушает и пьёт).

Живот составляет довольно многочисленную группу фразеологизмов, образность которых обусловлена сравнением с самой большой полостью человека – брюшной. В ненецком языке для её обозначения существует общесистемное название *мынчи* “живот”, “нутро”. С животом, как объёмным вместилищем человеческого тела, сравнивается землянка – “с животом дом” (аг. хант.). В древности хантыйские полуземлянки *мыг коот* имели только одно верхнее окно (*кот кон выс* “брюха дома дыра”), своего рода пуп, служащий не только утилитарным целям, но и играющий важную роль в шаманских действиях (отсюда ещё одно название – “дверь бубна”). Живот, нутро (хот лыпи “внутренность чума”) имеет и хантыйское переносное жилище урхот (лесной чум). А.С. Песикова указывает на отличительную деталь в локализации понятия “живот”: юганские и тромьеганские ханты животом (*сури*) называют пространство крыши внутри дома [А.С. Песикова, стойбище Кедровая речка. Сургутский р-н. 2008]. Сходное понятие закреплено за потолочной частью крыши *кот кән* “живот дома” и в представлениях аганских хантов.

Внутренность присутствует у многих бытовых предметов традиционной культуры. Аганские ханты отмечают нутро у котла (*нут дых пелек* “котла внутренняя сторона”), у железной печки или чувала. Место для топки в традиционном сознании ассоциативно связывается с утробой, животом оленя (“огнём опалённая хора утроба”). Дупло дерева в дословном переводе обозначает “нутро” (*лумал*, шур. хант.). Такое понятие, как живот присутствует и у мешка (*кырых коныл*, аг. хант.): “мешка живот дырвый стал” (*кырых коныл высхы ех*) [3.

Русскина, стойбище на р. Айкаёган. 2008].

Основной процесс пищеварения происходит в тонкой кишке (*вӕнть сол* “тонкий (узкий)-кишка”, вах. хант., *вац сул* “тонкий кишка”, тег. хант., *вац сөл*, каз. хант.) [4, 55]. Начальным отрезком тонкой кишки является двенадцатиперстная кишка. Её длина составляет около 12 поперечников пальца, что и послужило основанием для её названия. Она чётко обозначена у человека. Её слизистая оболочка образует множество поперечных складок, что отразилось в её хантыйском названии *сот пӕнты хир* “сто следов имеющий-мешок” [4, 55]. Завершается переваривание пищи в конечной части пищеварительного тракта – толстой кишке (*кӕл сол* “толстый-кишка”, вах. хант.; *кӕл сөл* “толстый-кишка”, каз. хант.; *павтӕн сөл* “имеющий кал-кишка”, сург. хант.). Начальным отделом толстой кишки является слепая кишка (*мӕшья сул мӕви* “закрытый, не имеющий выхода (тупик)-кишка-поворот”, шур. хант., *мӕшья сөл* “закрытый-кишка”, каз. хант., *пуцӕн сул* “кал имеющий-кишка”, тег. хант.) [4, 55-56]. Она препятствует обратному попаданию кишечного содержимого из толстой кишки в тонкую. Именно в толстой кишке происходит в основном всасывание воды и формирование из пищевой кашицы оформленного кала (*поц*, шур. хант.) [4, 106] 5. Название кала, испражнений (*палка*) ненцы используют в качестве ругательного слова “дерьмо” [3, 128].

Функции заднего отдела пищеварительной системы состоят в выделении из организма кала через прямую кишку (*павтӕн сөл* “каловый-кишка”, сург. хант.) и анальное отверстие (*пуй ӕн* “зад-выходное отверстие (устье, жерло)”, вах. хант., *пуй ов* “зад-отверстие (дверь)”, *пуй ус* “зад-дыра”, шур. хант.) [4, 44, 56]. Заметим, что одно из определений мужчины у лесных ненцев – “на улицу ходящий” (*пимна тятылта*) – использовалось в качестве синонима “сходить в туалет”. Другой ненецкий глагол *тюкдүгаташ*, кроме зафиксированного в словарях значения “вставать, подниматься, просыпаться”, имеет также значение “оправляться” [16, 113].

Среди вспомогательных жизненно важных органов пищеварительной системы следует отметить печень (*мууӕл*, вах. хант.,

мӕйт, манс.; *мыт*, лесн. нен.). Это самый крупный орган человека. Болезни печени остаются актуальной проблемой для коренных северян, о чём свидетельствует значительное число народных рецептов по лечению болезней печени, в частности вирусного гепатита. Так, ханты при желтухе применяют высушенную желчь щуки, измельчённую в порошок с добавлением спирта. Используется и так называемая сорт калы “щучья кровь” (две красные полосы под воздушным пузырьём).

Упоминание печени связано с активным бытованием фразеологизмов, касающихся характеристики моральных качеств человека. Например, отрицательный сказочный персонаж хантыйского фольклора носит имя *Самли-Мохалли Хон* “Царь без сердца и печени”. Венгры о недоброжелательном человеке скажут *rossmaj* где *ross* “плохой” + *maj* “печень” – букв. “обладающий плохой печенью” [17, 90-91]. С помощью сомонима “печень” (*мухӕл*, каз. хант.) выражается такое абстрактное понятие, появившееся на позднем этапе исторического развития, как “любовь” (*сама-рахты*, *мохла-рахты* “сердцу нравящийся, печени нравящийся”). Тем самым подчёркивается важность, какую придавало традиционное мировоззрение такому органу человеческого тела, как печень, ассоциируя её с чем-то главным, дорогим.

Вырабатываемая печенью густая, горькая, желтого или зеленоватого цвета жидкость – жёлчь (*вуцрӕм*, каз. хант.; *лӕј*, вах. хант.; *восьрам*, манс.; *пача*, лесн. нен.) накапливается в желчном пузыре (*вуцрӕм хир*, букв.: мешок жёлчи, каз. хант.; *лӕј кыррӕу* “жёлчи мешок”, вах. хант.) [12, 51; 7, 77; 18, 207]. Ферменты желчи разделяют жиры на мелкие капли, что ускоряет процесс их расщепления.

Представление о выделительной системе в традиционной культуре сводилось к пониманию функции выведения из организма солей и избытка воды (моча), а также продуктов обмена веществ (кал). Выделительную систему часто называют мочевыделительной, обращая внимание на главный её орган – почка, хотя функции выделительной системы отчасти выполняют лёгкие, желудочно-кишечный тракт и кожа, о чём было сказано выше. Мочевыделительная

система состоит из почек, мочевого пузыря, мочеточников и мочеиспускательного канала. Из-за интимности темы данных по этой физиологической системе практически нет. К мочевым органам относятся почки (*верәк*, каз. хант.; *сејүә, сөйх әт*, вах. хант.; *әңквәхвтас*, манс.) [12, 61; 18, 275; 4, 57; 7, 228], в которых образуется моча, мочеточник (*йиңк мәнты хир* “вода-идти-мешок”, тег. хант.) [4, 57], мочевой пузырь (*қәс қырақ* “моча-мешок”, сург. хант., *қәс йәңк қырақ* “моча-вода-мешок”, вах. хант., *йиңк хир* “водяной мешок”, каз. хант.; *мәяң хұрыг* “мочи мешок”, манс.) [4, 57; 12, 78; устное сообщение Т.Д. Слинкиной. Ханты-Мансийск. 2014] и мочеиспускательный канал.

По мочевым путям из организма человека выводится биологическая жидкость, вырабатываемая почками – моча (*қәс јәңк*, вах. хант.; *хос йиңк* “моча вода”, шур. хант.) [18, 238; устное сообщение А.А. Шияновой, Ханты-Мансийск, 2014]. В мансийском языке находим (как минимум) два обозначения мочи: *мәяң вит* и *тиц вит*, в которых присутствует компонент *вит* “вода”. Употребление в разговорной речи словосочетания *тиц вит* считается грубым, неэтичным, а выражение *мәяң вит*, как подставное, используется без ограничений в разговорной речи, в том числе женщинами даже в присутствии мужчин [Устное сообщение Т.Д. Слинкиной. Ханты-Мансийск. 2014]. Возможно, это связано с заимствованием данного спланхнонима из оленеводческой лексики шурышкарских хантов: *мәя* “моча” (оленя), *мәя хыр* “мочевой пузырь” (оленя) [19, 132] и по отношению к человеку является как бы табуированным обозначением. Отметим, что у обских угров и самодийцев была традиция номинировать отдельные понятия заимствованными словами из языка соседствующего этноса. В традиционной культуре шурышкарских

хантов собственно моча обозначается тремя понятиями: *мәя* “моча”, *хос* “моча” (грубое слово), *киц* “моча детская” [Устное сообщение А.А. Шияновой. Ханты-Мансийск. 2014]. На одно из названий мочи – *киц* (тег. хант.), как на звукоподражательное, указывает З.С. Рябчикова [4, 57].

Образование и выделение мочи является одним из важных механизмов поддержания постоянства внутренней среды организма. С мочой выводятся конечные продукты обмена веществ (шлаки), избыток воды, солей, а также токсические вещества, поступающие в организм извне и образующиеся в нём при патологических состояниях. С этим связаны некоторые обычаи. На Северной Сосьве похоронив покойного, возвращаясь с кладбища и женщины и мужчины, сойдя с тропы, должны помочиться. “Сядясь лицом к кладбищу, пожилые женщины объясняли девочкам и молодым девушкам, что вместе с мочой *манн минэгыт, матт холэгыт агманув* “в землю уйдут, в земле умрут все её и наши болезни, в частности, болезни мочеполовых органов. Так делают после похорон и при последующих посещениях кладбища” [20, 195-196].

Как видно из представленных материалов обские угры и самодийцы достаточно подробно представляли функцию и строение пищеварительной и выделительной систем, анатомическое строение и назначение отдельных органов. Наиболее акцентирована роль ротовой полости, желудка, и такого вспомогательного органа пищеварительной системы, как печень. Понятие о выделительной системе не столь обширно (из-за интимности данной физиологической системы). Здесь более всего присутствует подставных, табуированных, а также звукоподражательных названий. Функциональность отдельных органов описанных систем является определяющей при образовании метафор и фразеологизмов.

Литература

1. Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL http://igiti.hse.ru/data/366/313/1234/6_2_3_Turn.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
2. Мансийские сказки для детей дошкольного возраста. СПб.: Отд-ние изд-ва “Просвещение”, 1992. 24 с.
3. Буркова С.И., Кошкарёва Н.Б., Лаптандер Р.И., Янгасова Н.М. Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н.Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Изд-во Баско. 2010. 32 с.

4. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка: монография / Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 264 с.
5. Вальгамова С.И., Кошкарёва Н.Б., Онина С.В., Шиянова А.А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Изд-во Баско, 2011. 208 с.
6. Рябчикова З.С., Афанасьева К.В., Игушев Е.А. Русско-хантыйско-мансийско-венгерский тематический словарь. Ханты-Мансийск: Печатный мир. 2012. 116 с.
7. Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь: учебное пособие для уч-ся 5-9 кл. общеобраз. учрежд. СПб.: Миралл, 2005. 360 с.
8. Т□гт ос Сакв м□хум потраныл-мōйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1. Сāлы урнэ ойка мōйтйт. Сказки оленевода / Пер. с мансийского, составление, предисловие, примечания С.А. Поповой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
9. Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарёва, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.
10. Karlalainens K.F. Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen. I-II. Lexica Societatis Fenno-Ugricae X. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1948. 1199 p.
11. Талигина Н.М. Потусторонние субстанции человека в представлениях сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 6. С. 42-48.
12. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006. 336 с.
13. Кононова С.П. Термины хантыйского языка, связанные с организмом человека // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 40-42.
14. Рандымова З.И. Чум хантов-оленевонов // Этнография народов Западной Сибири. Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. М.: Наука, 2000. С. 165-168.
15. Бармич М.Я., Вэлло И.А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 288 с.
16. Буркова С.И. Аналитические формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Уральские языки севера Сибири. Вып. № 6 (58). Салехард, 2008. С. 104-138.
17. Лаптандер Т.Б. К вопросу о сравнительном изучении антропонимии коми и ненецкого языков в ареале Ямало-Ненецкого автономного округа // Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала: научный вестник. Вып. 9. Салехард. 2002. С. 64-66.
18. Терёшкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский / Ваховский диалект. Нижневартовск: Изд-во Уральской лесотехнической академии, 2007. 336 с.
19. Онина С.В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством: монография / Мар. Гос. ун-т. Йошкар-Ола: Стринг, 2003. 154 с.
20. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ: 2010. 282 с.

References

1. Turner B. Sovremennye napravleniya razvitiya teorii tela [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: URL http://igiti.hse.ru/data/366/313/1234/6_2_3_Turn.pdf (data obrashcheniya: 11.07.2014).
2. Mansiyskie skazki dlya detey doshkol'nogo vozrasta. SPb.: Otd-nie izd-va "Prosveshchenie", 1992. 24 s.
3. Burkova S.I., Koshkareva N.B., Laptander R.I., Yangasova N.M. Dialektologicheskiy slovar' nenetskogo yazyka / Pod red. N.B. Koshkarevoy. Ekaterinburg: Izd-vo Basko. 2010. 32 s.
4. Ryabchikova Z.S. Somaticheskaya leksika khantyyskogo yazyka: monografiya / Khanty-Mansiysk: Print-Klass, 2012. 264 s.
5. Val'gamova S.I., Koshkareva N.B., Onina S.V., Shiyanova A.A. Dialektologicheskiy slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty). Ekaterinburg: Izd-vo Basko, 2011. 208 s.
6. Ryabchikova Z.S., Afanas'eva K.V., Igushev E.A. Russko-khantyysko-mansiysko-vengerskiy tematicheskiy slovar'. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir. 2012. 116 s.
7. Rombandeeva E.I. Russko-mansiyskiy slovar': uchebnoe posobie dlya uch-sya 5-9 kl. obshcheobraz. uchred. SPb.: Mirall, 2005. 360 s.
8. Т□гт ос Сакв м□хум потраныл-мōйтаныл. Rasskazy-skazki naroda Sos'vy-Sygyvy. Vyp. 1. Sāly urne oyka mōytit. Skazki olenevoda / Per. s mansiyskogo, sostavlenie, predislovie, primehaniya S.A. Popovoy. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. 108 s.
9. Fol'klor nentsev / sost. E.T. Pushkareva, L.V. Khomich. Novosibirsk: Nauka, 2001. 504 s.
10. Karlalainens K.F. Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen. I-II. Lexica Societatis Fenno-Ugricae X. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1948. 1199 p.
11. Taligina N.M. Potustoronnie substantsii cheloveka v predstavleniyakh synskikh khantov // Narody Severo-Zapadnoy Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. Vyp. 6. S. 42-48.

12. Solovar V.N. Khantyysko-russkiy slovar'. SPb.: Mirall, 2006. 336 s.
13. Kononova S.P. Terminy khantyyskogo yazyka, svyazannye s organizmom cheloveka // Narody Severo-Zapadnoy Sibiri. Vyp. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. S. 40-42.
14. Randymova Z.I. Chum khantov-olenevodov // Etnografiya narodov Zapadnoy Sibiri. Sibirskiy etnograficheskii sbornik. Vyp. 10. M.: Nauka, 2000. S. 165-168.
15. Barmich M.Ya., Vello I.A. Slovar' nenetsko-russkiy i russko-nenetskiy (lesnoy dialekt). SPb.: Prosveshchenie, 2002. 288 s.
16. Burkova S.I. Analiticheskie formy skazuemogo s modal'nym znacheniem v tekstakh na lesnom dialekte nenetskogo yazyka // Ural'skie yazyki severa Sibiri. Vyp. № 6 (58). Salekhard, 2008. S. 104-138.
17. Laptander T.B. K voprosu o sravnitel'nom izuchenii antroponimii komi i nenetskogo yazykov v areale Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga // Aktual'nye problemy arkheologii i etnologii Yamala: nauchnyy vestnik. Vyp. 9. Salekhard. 2002. S. 64-66.
18. Tereshkin N.I., Spodina V.I. Slovar' khantyysko-russkiy i russko-khantyyskiy / Vakhovskiy dialekt. Nizhnevartovsk: Izd-vo Ural'skoy lesotekhnicheskoy akademii, 2007. 336 s.
19. Onina S.V. Otrasleyaya leksika khantyyskogo yazyka: slovarnyy sostav, svyazanny s olenevodstvom: monografiya / Mar. Gos. un-t. Yoshkar-Ola: String, 2003. 154 s.
20. Ivanova V.S. Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konets XIX – nachalo XXI veka). Khanty-Mansiysk: IITs YuGU: 2010. 282 s.

ИСТОРИЯ НАУКИ

SCIENCE HISTORY

УДК 159.961

А.А. Ковешников

Распространенность алкоголизма среди молодежи разных этнических групп на территории северного региона (обзор литературы)

Аннотация. В статье представлен анализ отечественных и зарубежных исследований по проблеме распространенности алкоголизма в северном регионе. Показана негативная динамика увеличения распространенности алкогользависимого поведения у представителей коренных народов, проживающих на территории РФ. Проанализированы показатели распространенности пивной аддикции у молодежи, в группах ранней юности и подростков. Установлен факт исчезновения гендерной разницы среди подростков в отношении алкогользависимого поведения.

Ключевые слова: алкоголизм, коренные малочисленные народы Севера, молодежь, северный регион.

A.A. Koveshnikov

The prevalence of alcoholism among young people of different ethnic groups in the Northern region (literature review)

Summary. The article presents the analysis of Russian and foreign researches on the problem of the prevalence of alcoholism in the Northern region. It is shown the negative dynamics of the increase in the prevalence of alcohol-dependent behaviour among indigenous peoples living on the territory of the Russian Federation. The prevalence indicators of beer addiction among young people, in groups of early youth and adolescents are analyzed. It has been established the fact of disappearance of gender differences among adolescents in relation to alcohol-dependent behavior.

Keywords: alcoholism, indigenous small-numbered peoples of the North, young people, Northern region.

Чрезмерное употребление алкоголя становится все более распространенным среди молодых людей во всех странах. Согласно данным Роспотребнадзора в нашей стране употребление алкоголя в молодежной среде с начала 80-х годов XX века также неуклонно растет [1]. По мнению авторов, употребление и злоупотребление алкоголем среди молодежи особенно пива, распространяется в большей динамике, чем употребление наркотиков [2, 3, 4]. Так, анкетирование учащихся от 15 до 19 лет показало, что 83% опрошиваемых употребляют пиво, из них 55% делают это с частотой 2-4 раза в месяц. Кроме того, о ежедневном употреблении пива в течение последнего месяца перед исследованием сообщили 5,2% подростков, что может указывать на развивающуюся алкогольную зависимость.

С 1995 по 2005 год рост злоупотребления

алкогольными напитками в подростковой среде отмечен на 35,7% [5]. К 2011 г. заболеваемость алкоголизмом среди подростков выросла с 18,1 до 20,7 случая на 100 тысяч населения. В 2011 г. в России ежедневно потребляли алкоголь 33% юношей и 20% девушек. Пик массового приобщения к потреблению алкоголя приходится на возрастную группу 14 – 15 лет [4, 6]. В связи с этим проблема профилактики патологической зависимости от алкоголя остается крайне актуальной в подростковой и молодежной среде.

Многие авторы связывают это с ужесточением агрессивности внешней среды (экономической, социальной, экологической), предъявляющей повышенные требования к адаптационным механизмам молодого организма, и пониженной способностью к адекватным реакциям в этом возрасте [7,

8]. При анализе личностных особенностей алкогользависимых лиц молодого возраста было выявлено кратное снижение суммарного адаптивного потенциала личности у лиц, употребляющих алкоголь систематически, по сравнению с теми, кто алкоголь не употребляет.

Анализ распространенности алкоголизма в исследуемой группе подростков, относящихся к категории социальных сирот, также показал, что у 12% респондентов имеются доклинические формы употребления алкоголя – в их числе у 3% обследуемых выявлено чрезмерное систематическое потребление, а 7% состоят на учете в наркологическом диспансере с диагнозом «Неоднократное употребление алкоголя с вредными последствиями» (по МКБ-10 F10.1) [9].

Исследования, проведенные на Европейском Севере, показали, что в 16-17 лет пробовали спиртные напитки 84,1% юношей и 59,7% девушек. Кроме того, при изучении эпидемиологической характеристики психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ у детей и подростков в Архангельской области за период с 2001 по 2012 гг., установлено преобладание употребления алкоголя с вредными последствиями с тенденцией увеличения доли этих расстройств в последние годы [10]. Анализ данных показал также, что показатели заболеваемости у детей в возрасте 0 – 14 лет (0,08 – 0,16%) ниже, а у подростков 15 – 17 лет (1,29 – 3,16%) – выше общероссийских. Употребление алкогольных напитков ежедневно и даже чаще сформировалось у одиннадцати процентов опрошенных юношей в Сибири [11]. По данным Л.М. Мануйловой (2007), уже попробовали алкоголь девяносто девять процентов юношей [12].

Проанализирована ситуация с распространением наркологических заболеваний и организация специализированной помощи несовершеннолетним Ленинградской области [5]. За 6 месяцев 2003 года подростковой наркологической службой Ленинградской области выявлено 668 несовершеннолетних, из них: злоупотребляющие алкогольными напитками – 77,3%, злоупотребляющие наркотическими ве-

ществами – 4,3%, злоупотребляющие токсическими веществами – 12,1%; больные алкоголизмом – 2,7%, наркоманией – 2,1%, токсикоманией – 1,5%. Отмечено, что данные официальной статистики отмечают эти цифры, однако не дают полной картины среди молодого населения области, так как фиксируют только тех, кто обратился за медицинской помощью или лечился принудительно.

По данным различных исследований, подавляющее большинство старшеклассников в той или иной мере употребляют алкогольные напитки, при этом у лиц, часто употребляющих алкоголь школьную дезадаптацию отмечают у более 90 % обучающихся образовательных учреждений. Среди причин употребления алкоголя называют семейную дезадаптацию, расторможенность сексуальных влечений, неразборчивость в связях (половая распущенность, проституция) [13]. В России в возрасте 15 – 19 лет 26% обследованной молодежи допускает потребление пива и других слабоалкогольных напитков даже без повода (15 и 36% соответственно) [6].

Среди учащихся 9-11 классов лицея Санкт-Петербурга имеют опыт употребления пива 83%, водки – 40%, самогона – 22%, других напитков – 19% [5]. Также по последним данным средний возраст злоупотребления алкогольных напитков у подростков женского пола – в 15,5 лет, мужского пола – 15,8 лет [4].

В Ульяновской области аддиктивными расстройствами страдает около 2% общей численности населения, при этом большинство зарегистрированных – это больные алкоголизмом – 81,3% от общего числа больных. Обследовано 245 человек в возрасте от 14 до 17 лет [14]. Среди лиц, употребляющих психоактивные вещества (ПАВ), показатель склонности к химической аддикции был достоверно выше, чем в контрольной группе. Кроме того, обращает на себя внимание, что лица женского пола являются более зависимыми от употребления психоактивных веществ.

Следует отметить, что в последнее время в литературе появляется все больше данных о том, что структура алкоголизации у мальчиков и девочек не различается. В 1989 на основании анализа работ отечественных

и зарубежных авторов исследователи сделали вывод о том, что в детско-подростковом возрасте алкоголизация более характерна для лиц мужского пола (40%), чем для лиц женского (10%) [15]. Согласно статистике в 2007 г. регулярно употребляли алкоголь 27% подростков мужского пола и 20% подростков женского пола [16]. Указанный факт исчезновения гендерной разницы среди подростков в отношении алкогользависимого поведения свидетельствует, таким образом о неблагоприятной эпидемиологической динамике употребления алкоголя [17, 18].

Показано также, что лица женского пола являются более зависимыми от употребления психоактивных веществ [14]. Согласно полученных в исследовании данных, у лиц, употребляющих наркотические вещества, склонность к химической аддикции была достоверно выше, чем в контрольной группе ($8,81 \pm 3,89$ и $6,55 \pm 2,63$ соответственно). Табачная зависимость составила $11,71 \pm 5,6$, алкогольная $-10,57 \pm 5,26$, и наркотическая $-10,36 \pm 4,52$ балла. У лиц женского пола, употребляющих наркотические вещества, химическая аддикция – табачная ($13,73 \pm 7,00$), алкогольная ($12,27 \pm 3,82$) и наркотическая ($10,82 \pm 4,94$) – достоверно более выражена, чем у лиц мужского пола ($10,18 \pm 3,79$ и $8,82 \pm 6,54$ соответственно). Авторы делают акцент на целесообразности дальнейшего изучения распространенности аддиктивного поведения, а также на разработку адресных превентологических, лечебных и реабилитационных программ в молодежной среде Среднего Поволжья, характеризующегося этническим многообразием населения.

Проблемы влияния этнокультуральных факторов на аддиктивное поведение являются весьма актуальными и представляют собой в настоящее время область активных биопсихосоциальных исследований [19]. При оценке распространенности психических расстройств в Сибирском регионе, на территориях с высокой плотностью проживания коренного населения, в частности, в Бурятии, Хакасии и Тыве, интенсивный рост показателя отмечен в районах с преимущественно бурятским населением [20]. Рост заболеваемости, в том числе и алкоголизмом, по мнению авторов, в районах с

преимущественно бурятским населением происходит за счет детей и подростков. У тувинцев их распространенность оказалась самой низкой, в том числе ниже, по сравнению с хакасским населением. Высокий уровень учтенной распространенности зависимости от алкоголя выявлен среди коренного населения республики Хакассия (коренные жители – хакасы составляют 12,1 % и относятся к центрально-азиатским монголоидам) [21]. Показано, что в Удмуртии и Чувашии доля пациентов-подростков с алкогольной зависимостью среди коренного населения почти в три раза выше по сравнению с русскими [22, 23].

Также при обследовании 1 145 подростков (мальчиков и девочек в возрасте 15-16 лет) из 7 сельских районов и 3 городов Забайкальского края было выявлено, что регулярно употребляют алкоголь – 35,1 % подростков в возрасте 15-16 лет (34,9 % мальчиков и 35,3 % девочек) [24]. Кроме того, при обследовании 5 482 призывников на базе Военно-врачебной комиссии употребление алкоголя с вредными последствиями диагностировано у 22,4 % 18-летних обследуемых, алкогольная зависимость – у 1,1 %. Среди 19-26-летнего призывного контингента в Забайкальском крае наркологическая патология, связанная с употреблением алкоголя, была выявлена в 27,6 % случаев, в том числе синдром зависимости от алкоголя – в 2,2 %. В совокупности алкогольные расстройства были выявлены у 25,8 % всех призывников. Резкое ухудшение наркологической ситуации среди молодежи Забайкальского края подтверждает статистика структуры алкоголизации подростков мужского пола 1991-1992 гг. рождения в динамике через 2-3 года имеются значительные изменения. Так, увеличилась численность групп: случайно пьющих – в 1,5 раза, ситуационно пьющих – в 3,2 раза, систематически пьющих – в 4,1 раза, привычно пьющих – в 13,5 раза. Появились больные с синдромом зависимости от алкоголя.

При оценке вклада отдельных факторов в возникновение и развитие алкогольных расстройств у 18-летних призывников в Забайкальском крае показано, что лидирующий фактор – это алкоголизм родителей; второй по значимости – воспитание в не-

полной семье (без семьи) и воспитание в условиях гипоопеки; на третьем месте был фактор, обусловленный патологией беременности и родов и перенесенные черепно-мозговые травмы в анамнезе.

Изучена распространенность наркологических расстройств у студентов среднего специального и высшего учебных заведений в Забайкалье, где значительную долю коренного населения составляют буряты [25]. Средний возраст студентов высшего учебного заведения составил $19,1 \pm 0,11$, среднего специального – $17,4 \pm 0,06$ года. В проведенном исследовании обращает на себя внимание высокая распространенность аддикций у студентов среднего специального учебного заведения: пробы наркотиков – 15,5 %; злоупотребление алкоголем – 7,9 %; курение – 43,1 %; интернет-зависимость – 5,9 %. Среди студентов вуза химические аддикции встречались в меньшем числе случаев. Средний возраст начала употребления алкоголя составил $15,3 \pm 0,15$ года. По тесту «AUDIT», безопасное употребление спиртного установлено у 83,6 % обследованных, опасное употребление – у 14,0 %; вредное потребление – у 1,2 %; зависимость от алкоголя – у 1,2 %. Клинически структура алкоголизации выглядела следующим образом: абстиненты (трезвенники) – 50,8 %, случайно пьющие – 21,1 %, ситуационно пьющие – 20,2 %, систематически пьющие – 6,1 %, привычно пьющие (предалкоголизм) – 1,2 %, синдром зависимости от алкоголя – 0,6 %, т. е. наркологическая патология, вызванная алкоголем, установлена у 7,9 % студентов преимущественно за счет употребления алкоголя с вредными последствиями.

Наркологическая патология, вызванная приемом алкоголя, установлена у 1,2 % студентов-первокурсников за счет употребления алкоголя с вредными последствиями; страдающих алкоголизмом не выявлено. Структура алкоголизации выглядела следующим образом: абстиненты (трезвенники) – 65,9 %, случайно пьющие – 20,0 %, ситуационно пьющие – 12,9 %, систематически пьющие – 1,2 %. Среди студентов второго курса абстинентов было 55,4 %; случайно пьющих – 28,6 %; ситуационно пьющих – 10,3 %, систематически пьющих – 4,6 %, привычно пьющих – 1,1 %. Таким образом,

употребление алкоголя с вредными последствиями диагностировано у 5,7 % респондентов второго курса (у 3,1 % девушек и у 10,9 % юношей).

В другом исследовании также показана довольно высокая распространенность невротических расстройств и аддикций у студентов среднего специального учебного заведения Забайкалья [26]. В данное исследование, проведенное методом сплошной выборки, были включены 342 человека, в возрасте от 15 до 23 лет; средний возраст составил $17,4 \pm 0,1$ года. Юношей среди обследованных было 60,4 %, девушек – 39,6 %. Согласно тесту AUDIT, использованному в исследовании, безопасное употребление спиртного установлено у 83,6% обследованных, опасное употребление – у 14,0%; вредное потребление – у 1,2%; зависимость от алкоголя – у 1,2%. Средний возраст начала употребления алкоголя составил $15,3 \pm 0,15$ года. Клинически структура алкоголизации выглядела следующим образом: абстиненты (трезвенники) – 50,8%, случайно пьющие – 21,1%, ситуационно пьющие – 20,2%, систематически пьющие – 6,1%, привычно пьющие (предалкоголизм) – 1,2%, синдром зависимости от алкоголя – 0,6%. Таким образом, наркологическая патология, вызванная алкоголем, установлена у 7,9% студентов преимущественно за счет употребления алкоголя с вредными последствиями.

В Восточной Сибири были проведены исследования, направленные на выявление распространенности пивной аддикции у молодежи, в которых приняли участие 920 человек в возрасте от 15 до 22 лет [27, 28]. Для диагностики аддиктивного поведения в исследование были включены различные методики. Использование методики «Аддиктивная склонность» показало, что выраженные признаки аддикции встречаются у 55,6 % респондентов юношеского возраста, в группах ранней юности и подростков частота встречаемости признаков аддикции составляет 22,2 %. Кроме того при гендерном анализе полученные данные в отношении аддиктивной склонности свидетельствуют о том, что в выборке мужчин доминируют выраженные признаки аддикции – 66,7 % против 33,3 % – у женской выборки.

По результатам использования методики «Ранние признаки алкоголизма» (РПА) было выявлено, что в выборке мужчин доминирует показатель «уровень алкоголизма» в 69,2 % случаев против 30,8 % – в женской. В рамках возрастных групп уровень алкоголизма проявился следующим образом: доминировал среди юношей – 69,2 %, в группе ранней юности отмечен у 23,1 % респондентов, более низкая выявляемость в подростковой группе – 7,7 %.

По методике «Склонность к зависимому поведению» было отмечено: в выборке мужчин доминируют признаки высокой вероятности алкогольной зависимости – 70 % против 30 % – в женской. В рамках возрастных групп признаки высокой вероятности алкогольной зависимости проявились следующим образом: частота встречаемости доминирует в группе юношеского возраста – 70 % респондентов, снижаясь в ранней юности до 20 % случаев и у подростков до 10 %.

Сопоставляя данные о распространенности алкогользависимого поведения в группах ранней юности и подростков, Е.С. Скворцова и соавт. (2014) установили обратную тенденцию [29]. В частности, по результатам мониторинга по алкоголизации школьников 9 – 11 классов городских общеобразовательных школ из различных городов, входящих в шесть федеральных округов Российской Федерации: Центральный федеральный округ (Москва, Московская область, Калуга), Северо-Западный федеральный округ (Архангельск, Калининград, Мурманск, Великий Новгород), Южный федеральный округ (Волгоград), Приволжский федеральный округ (Казань, Ижевск, Чебоксары), Уральский федеральный округ (Ямало-Ненецкий автономный округ), Сибирский федеральный округ (Красноярск), установлено улучшение ситуации, связанной с потреблением ПАВ. Сравнение полученных результатов 2011 г. с результатами аналогичного обследования в 2000 г. показало достоверное снижение уровня распространённости алкоголизации, как среди мальчиков, так и среди девочек; достоверное снижение численности группы риска среди мальчиков и среди девочек. Однако, как и в 2000 г. распространённость алкоголизации среди девочек

статистически значимо выше, чем среди мальчиков (приблизительно в среднем на 10%). Обращает на себя внимание тот факт, что по численности группы риска девочки сравнялись с мальчиками. Отмечено также, что повозрастная структура приобщения к алкоголю практически не изменилась. Пик приобщения к алкоголю, как у мальчиков, так и у девочек, приходится на возраст 13 – 14 лет.

Общеизвестно, что потребление алкоголя северными аборигенами России очень высоко [3, 10, 30, 31]. В литературе достаточно широко описана клиническая картина алкоголизации у арктических монголоидов (ненцы, ханты, эвенки, чукчи), подробно охарактеризованы их поведенческие реакции в состоянии опьянения. Показано, что у малых народов Севера синдром физической зависимости от алкоголя развивается в чрезвычайно короткие сроки [31].

Исследователями были выявлены факторы, повлекшие углубление социальных проблем в популяции малочисленных коренных народов Крайнего Севера и усиление девиантности у молодежи на фоне глубокого преобразования жизнедеятельности населения [32]. Показано, что алкоголизм среди молодежи в настоящее время принимает форму «пивной эпидемии» и несет большую социальную опасность для циркумполярного пояса. Бытовое пьянство приняло повальный характер, в ряде северных регионов возродилось архаичное самогонование, особенно на фоне «антиалкогольной компании», в то время как уровень рождаемости упал, а уровень смертности повысился.

По мнению А.Б. Косолапова (2005), среди психических расстройств, поражающих коренное население Дальнего Востока, все большее распространение получают пограничные нервнопсихические заболевания, проявления длительного стресса, высокая распространенность алкоголизма [33]. Другими авторами отмечено резкое ухудшение состояния психического здоровья малых коренных народов Приамурья Хабаровского края в связи с негативным влиянием на них цивилизации, научно-технического прогресса (пьянство, алкоголизм, преступность, агрессивность) [34]. До половины орочей находятся на учете в наркодиспан-

сере, растет число психоневрозов в Ульчском районе. Среди наиболее острых этносоциальных проблем у представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), проживающих в Приамурье, выявлено увеличение численности неполных семей; ассимиляция с переселенческим населением; рост внебрачной рождаемости и увеличение смешанных браков; разрыв между образованием детей коренных народов и их традиционного хозяйства, прочие этнокультуральные факторы, провоцирующие рецидивы асоциального поведения, в том числе, злоупотребление наркотиками и алкоголем.

Исследователи, проводившие изыскания на территории республики Саха (Якутия), отмечают, что наиболее высокие показатели распространенности алкоголизма отмечаются в трудоспособных возрастах (29-59 лет) [35]. Отмечен рост распространенности хронического алкоголизма среди подростков, который составил в 2010 г. 21,9 на 100 тысяч подросткового населения. При анализе социально-демографических показателей отмечен низкий образовательный уровень, отсутствие профессиональной занятости, высокая частота смены работы в молодом трудоспособном возрасте. Снижен возрастной порог вредных привычек, включая алкогольную зависимость, нижний уровень которого в настоящее время достиг уже 7–8-летнего возраста.

В работе Н.П. Матвеевой и соавт. (2012) показано, что течение алкоголизма среди эвенов – коренного населения республики Саха (Якутия) – независимо от пола характеризовалось высокой прогрессивностью, формирование абстинентного синдрома отмечалось через 4 года среди мужчин и через 5 лет среди женщин от начала систематического потребления алкоголя [36]. При исследовании социального статуса женщин-эвенок с алкогольной зависимостью показано, что все они имели достаточно высокий уровень образования. В частности, из них 10 % были лица с высшим образованием, 45 % – со средним специальным, 45 % – со средним. 55 % имели постоянное место работы, 20 % не работали, 25 % оказались без постоянного места работы. Указано на сравнительно позднее начало систематического употребления алко-

ля у женщин (в среднем $30,5 \pm 9,3$ года). У мужчин-якутов, в отличие от женщин, особенности развития алкоголизма характеризовались ранним началом систематического употребления алкоголя (в среднем в $22,7 \pm 4,9$ года).

Изучено влияние этноса на формирование алкогольной зависимости и социального функционирования у нарымских селькупов [37]. Селькупы – единственный из южно-самодийских народов, сохранившийся до настоящего времени. В прошлом один из самых малоразвитых народов Севера Сибири, он совершил исторический скачок от родового строя к современным формам общественной фармации. Авторы подчеркивают, что алкогольная ситуация среди нарымских селькупов приобрела критический характер. В частности, в работе показаны высокие темпы формирования алкогольной зависимости, выявленные у селькупов, в два с половиной раза превышающие таковые в славянской группе. Отмечено, что большая часть селькупов с уже развившейся зависимостью стали систематически употреблять алкоголь в возрасте 18–29 лет.

В другом исследовании при изучении этнокультуральных характеристик социального функционирования у нарымских селькупов с алкогольной зависимостью показано, что практически у всех обследованных наблюдалась отягощенность анамнеза алкоголизмом родителей. При сравнении, у лиц славянской национальности данный факт фиксировался в половине процентов случаев (сорок семь процентов случаев) [38]. Согласно данным медицинской статистики, 10,0 % нарымских селькупов, страдают алкогольной зависимостью. По мнению авторов, определяющее влияние на формирование синдрома зависимости от алкоголя оказывают биопсихосоциальные факторы, в том числе фактор этнической принадлежности.

При анализе данных комплексного этносоциологического исследования в пос. Нельмин Нос Ненецкого автономного округа, проведенного с целью изучения условий и качества жизни коренного населения, получены данные, согласно которым злоупотребление алкоголем кого-либо из членов семьи является одной из основных

проблем жителей поселка [39]. В целом, создание и реализация общих принципов государственной политики по отношению к коренным народам, проживающим на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, могли бы в существенной степени повлиять на изменение позиции людей в отношении распространенности алкоголизма.

Исследователями была проведена оценка популяционной устойчивости к алкоголю и выявлены три группы факторов, усугубляющих наркологическую ситуацию по алкоголизму в северных регионах [40]. Среди основных причин, исследователи называют этногенетические (этнофенотипические) составляющие северных популяций, связанные с особенностями ферментных систем, которые обеспечивают обмен этанола в организме и его вовлечение в метаболизм.

Еще одна группа факторов связана с хроническим воздействием на человека стрессов экстремальной среды, широко распространенным в северных регионах с их сложными климатическими, техногенными, психосоциальными условиями. По мнению исследователей, вовлекаясь в метаболизм и оказывая антистрессорное действие, алкоголь приводит к ускорению формирования патологической зависимости. Третья группа факторов связана с негативной тенденцией снижения в поколениях популяционной устойчивости к алкоголю.

В исследовании показано, что болезненность алкоголизмом выше в районах с преобладанием коренного монголоидного населения, тогда как цифры потребления алкоголя в этих районах значительно ниже, по сравнению с регионами, где преобладает европеоидное население. Данный факт объясняется снижением популяционной толерантности к алкоголю. Установлено, что лица, проживающие на северных территориях, имеют сниженную толерантность по отношению к алкоголю. Так, средний уровень толерантности к алкоголю выявлен у аборигенов Аляски (эскимосы Аляски), у сибирских аборигенов (сибирские эскимосы, чукчи, буряты, алтайцы). Средняя толерантность к алкоголю обнаруживается среди якутов средних и старших возрастных групп. Молодые якуты в возрасте от

двенадцати до двадцати пяти лет имеют толерантность к алкоголю уже ниже среднего уровня. У лиц от восьми до двенадцати лет установлена низкая толерантность к алкоголю.

Также эвенки, проживающие на Колыме, в возрасте старше двадцати пяти лет имеют толерантность к алкоголю ниже средней. Между тем у лиц моложе двадцати пяти лет фиксируется низкая толерантность. У эвенков Южной Якутии низкая толерантность к алкоголю характеризует все возрастные группы, при этом у лиц моложе двадцати пяти лет толерантность к алкоголю очень низкая.

Исследователями выделены следующие группы в зависимости от популяционной стратегии адаптации к алкоголю: «древние», позитивно адаптированные, негативно адаптированные и деструктивно адаптированные фенотипы. У носителей «негативных» и «деструктивных» фенотипов развитие патологической зависимости протекает в несколько раз быстрее, чем у представителей других групп. Следует отметить, что лишь незначительную часть аборигенов Аляски и Сибири по типу фенотипической адаптации относят к «позитивно адаптированным», при которой скорость формирования алкогольной зависимости относительно невысока.

В то же время, фенотипы, которые эволюционно сформировались в условиях исторически быстрого нарастания популяционного потребления «грубого» (высокоградусного) алкоголя и к которым исследователи относят часть северных популяций, такие, как саха (якуты) и эвенки, характеризуются как «негативно адаптированные». Данный тип отличает низкая толерантность к алкоголю и высокая скорость формирования алкогольной зависимости при злоупотреблении алкоголем.

К носителям «деструктивных» фенотипов исследователи относят эвенков. В целом, авторы приходят к выводу о том что, высокий процент встречаемости носителей негативно и деструктивно адаптированных фенотипов в популяциях якутов и, особенно, у эвенков, говорит о существенно низкой их популяционной устойчивости к действию алкоголя по сравнению с европеоидами.

Согласно полученным данным, доля лиц

со сниженной устойчивостью к алкоголю в обследованных этнических группах России в последнем поколении резко растет. Если ранее эти цифры составляли от пяти до семи лет, то в настоящее время период от начала злоупотребления алкоголем до формирования алкогольной зависимости у представителей монголоидных этносов составляет от одного до трех лет. В целом, за 30-летний период выявлено кратное увеличение численности зависимых лиц. Исследователи считают важным отметить действие внешних факторов и их влияние на алкоголизацию.

Кершенгольц Б.М. и соавт. (2012) высказывают мнение о том, что в полуизолированных этнических поселениях (северные наследи) ассортативность образования супружеских пар и гомогамия постепенно могут сформировать субпопуляции (группы) по алкогольным признакам, что может в дальнейшем вызывать сдвиг в отношении генетической предрасположенности к зависимости от психоактивных веществ. В связи с этим возрастает актуальность создания на базе научно обоснованных методов эффективных систем борьбы с алкоголизмом на основе междисциплинарного подхода с использованием этнокультуральных концепций [40].

В ряде последних исследований показано, что одной из особенностей алкогольного опьянения у этносов Севера является немотивированная и неконтролируемая

агрессия [41, 42]. Отмечен рост количества убийств, тяжких телесных повреждений, совершённых коренным населением в алкогольном опьянении. В частности, в Ямало-Ненецком автономном округе в общей совокупности тяжких преступлений, совершённых против личности, доминируют преступления, содеянные лицами коренных национальностей [42].

Анализ преступлений по их взаимосвязи с употреблением алкоголя показал, что подавляющая часть из них совершена в состоянии алкогольного опьянения, что подтверждает клинические наблюдения о возникновении агрессивного брутального поведения у коренных народов Крайнего Севера на фоне алкогольного опьянения. Негативная динамика наркологической ситуации ведет к ухудшению криминогенной обстановки в северных регионах, что диктует необходимость проведения профилактических мероприятий, а также целенаправленной медико-социальной и психологической работы с коренным населением, являющимся группой риска по алкогольной зависимости. В целом, учет этнокультуральных особенностей будет способствовать эффективности мероприятий, направленных на раннюю диагностику алкоголизма и меры по его профилактике, среди которых отмечены такие, как, рост культурного уровня населения, возрождение традиционных ограничений на употребление алкоголя, превентивная работа с семьей.

Литература

1. Мальцев С.В., Файзуллина Р.А., Архипова Н.Н. и др. Актуальные проблемы подростковой медицины // Казанский медицинский журнал. – 2005. – Т. 86. – № 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-podrostkovoy-meditsiny#ixzz2vBENXtat> (дата обращения: 11.02.2014).
2. Чепурных Е.Е. Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи // Наркология. – 2004. – № 4. – С. 55-64.
3. Мацкевич М.Г. Потребление наркотиков и алкоголя учениками старших классов на примере г. Надыма, Ямало-Ненецкий АО // Наркология. – 2006. – № 9. – С. 25-29.
4. Пушина В.В. Биопсихосоциальный подход в понимании алкоголизма у детей и подростков (обзор литературы) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2012 (12). – № 2. – С. 114-124.
5. Славина Т.Ю. Распространение наркологических заболеваний в Ленинградской области и организация специализированной помощи несовершеннолетним // Психофармакология и биологическая наркология. – 2004. – Т. 4. – № 1. – С. 616-622.
6. Шабунова А.А., Корчагина П.С. Ценностные установки и поведенческие практики как значимые факторы самосохранительного поведения молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №6(24). – С. 138-145.

7. Андрюшина Е.В. Подростки, здоровье, семья // Проблемы развития территорий. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 56-63.
8. Ахметова О.А., Слободская Е.Р. Употребление психоактивных веществ подростками: психосоциальные факторы защиты / О.А. Ахметова, Е.Р. Слободская // Бюллетень СО РАМН. – 2007. – №3 (125). – С. 34-40.
9. Ахметова В.В., Злова Т.П., Говорин Н.В. Проблема употребления психоактивных веществ у детей-сирот // Мир аддикций: химические и нехимические зависимости, ассоциированные психические расстройства: матер. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / Под редакцией проф. Н.Г. Незнанова, проф. Е.М. Крупицкого. СПб. – 2012 – С. 12.
10. Еремеева А.А., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Эпидемиологическая характеристика психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, у детей и подростков в Архангельской области // Наркология. – 2014. – № 4. – С. 30-35.
11. Бохан Н.А., Мандель А.И., Пешковская А.Г. и др. Этнотерриториальная гетерогенность формирования алкогольной зависимости у коренного населения Сибири // Журнал неврологии и психиатрии. – 2013. – Т. 113. – вып. 2. – С. 9-14.
12. Мануйлова Л. М., Волынкина Н.С. Мониторинг эффективности форм профилактики болезненных зависимостей среди учащейся молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2007. – №3. – С. 55-59.
13. Григоращенко-Алиева Н.М. Наркомания в системе девиаций поведения современной молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – Вып. № 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/narkomaniya-v-sisteme-deviatsiy-povedeniya-sovremennoy-molodezhi#ixzz2yvDduClc> (дата обращения: 15.04.14).
14. Сабитов И.А., Свешникова М.А. Пол и аддиктивное поведение в молодежной среде Среднего Поволжья // Мир аддикций: химические и нехимические зависимости, ассоциированные психические расстройства: материалы науч.-практ. конф. с междунар. уч. / под редакцией проф. Н.Г. Незнанова, проф. Е.М. Крупицкого. СПб., 2012. – С. 117-118.
15. Гузиков Б.М., Ерышев О.Ф. Современная тенденция создания терапевтических программ в наркологии // Психологические исследования и психотерапия в наркологии: сб. науч. статей / под ред. М.М. Кабанова. Л.: Изд. н.-и. психоневр. ин-та им. В.М. Бехтерева, 1989. С. 7-11.
16. Лозовой В.В., Кремлева О.В., Лозовая Т.В. Профилактика зависимостей: опыт создания системы первичной профилактики. М.: АльянсПринт, 2011. 448 с.
17. Егоров А.Ю. Рано начинающийся алкоголизм: современное состояние проблемы // Вопросы наркологии. – 2002. – № 5. – С. 50-54.
18. Егоров А.Ю. Алкоголизация и алкоголизм в молодежной среде: проблемы и перспективы // Российский биомедицинский журнал. – 2003. – Т. 2. – С. 299-307.
19. Главинский Р.Н., Симуткин Г.Г. Этнокультуральные аспекты парасуицидального поведения населения крупного промышленного города республики Бурятии // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 40-42.
20. Васильева Н.А. Распространенность непсихотических психических расстройств на территориях сибирского округа с этнически неоднородным населением // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 31-34.
21. Бохан Н.А., Коробицина Т.В., Тальянова Т.И. Клинические особенности изменений личности при психотических формах алкоголизма у представителей коренной национальности Республики Хакасии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2013. – 2 (77). – С. 89-94.
22. Николаев Е.Л. Современные направления исследования пограничных психических расстройств // Вестник психиатрии и психологии Чувашии: научно-практическое издание. – 2007. – №3. – С. 8-49.
23. Уваров И.А., Лекомцев В.Т. Биопсихосоциальные факторы риска развития алкогольных психозов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии: научно-практическое издание. – 2009. – №5. – С. 30-40.
24. Сахаров А.В. Результаты изучения алкогольной ситуации в Забайкальском крае // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии в современных условиях: материалы Российск. науч.-практ. конф. «Психическое здоровье населения Забайкальского края» / Под ред. Н.А. Бохана, Н.В. Говорина. Томск, Чита: Изд-во «Иван Федоров», 2013. С. 153-161.
25. Говорин Н.В., Сахаров А.В., Тарасова О.А. Плюснина О.Б. Распространенность наркологических расстройств у студентов среднеспециального и высшего учебных заведений // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии в современных условиях: материалы Российск. науч.-практ. конф. «Психическое здо-

ровье населения Забайкальского края» / под ред. Н.А. Бохана, Н.В. Говорина. Томск, Чита: Изд-во «Иван Федоров», 2013. С. 56-59.

26. Тарасова О.А., Говорин Н.В., Сахаров А.В. Состояние психического здоровья студентов среднего специального учебного заведения // Психическое здоровье – фактор социальной стабильности и гармоничного развития общества: материалы Пятого нац. конгр. по соц. и клинич. психиатрии / под редакцией З.И. Кекелидзе, 2013. С. 61.

27. Твердохлебова Н.В., Бохан Т.Г. Структурно-содержательные характеристики самосознания у лиц юношеского возраста с разной выраженностью пивной аддикции // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 41. – С. 64.

28. Бохан Т.Г., Твердохлебова Н.В. Проблемы становления идентичности у подростков и юношей при формировании пивной аддикции // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6. – С. 126-130.

29. Скворцова Е.С., Абрамов А.Ю. Современные школьники-подростки и употребление алкоголя. Обзор ситуации по данным мониторинга 2010 – 2011 гг. / Е.С. Скворцова, А.Ю. Абрамов // Наркология. – 2014. – № 2. – С. 38-41.

30. Шемякина С.С., Тумусов П.С., Баишев М.А., Логинов И.П. Современная наркоэпидемиологическая ситуация в республике Саха (Якутия) // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 117-120.

31. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. – М.: Медицина, 2003. – 448 с.

32. Анисимова С.Г., Присяжный М.Ю. Социально-экономические проблемы, девиации и форсайт северных народов (на материалах республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2012. – № 4. Т. 9. – С. 58-63.

33. Косолапов А.Б. Проблемы сохранения и укрепления здоровья населения Дальнего Востока России // Известия Дальневосточного Федерального университета. Экономика и управление. – 2005. – Выпуск № 2. – С. 85-96.

34. Логинов И.П., Мотрич Е.Л., Савин С.З. Мониторинг суицидальной ситуации в Приамурье // Психическое здоровье – фактор социальной стабильности и гармоничного развития общества: материалы Пятого нац. конгр. по соц. и клинич. психиатрии / под редакцией З.И. Кекелидзе, 2013. С. 28.

35. Ласовская Т.Ю. Сравнительный анализ распространенности и структуры пограничного личностного расстройства у студентов психологического факультета русской и якутской национальностей // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 73-76.

36. Матвеева Н.П., Хоютанова Н.В., Замятин И.И., Александрова В.С., Алексеева У.Г., Горохова Л.В., Бохан Н.А., Томский М.И. Частота психопатологических и наркологических расстройств среди коренного населения республики Саха (Якутия) // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 78-81.

37. Кузнецов В.Н. Влияние этноса на формирование алкогольной зависимости и социального функционирования у нарымских селькупов // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 69-72.

38. Пешковская А.Г., Кузнецов В.Н., Бохан Т.Г. Этнокультуральная характеристика параметров социального функционирования южных (нарымских) селькупов с синдромом алкогольной зависимости // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2013. – № 3 (78). – С. 69-75.

39. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Условия и качество жизни европейских ненцев в моноэтническом поселке Нельмин Нос // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 54-58.

40. Кершенгольц Б.М., Чернобровкина Т.В., Колосова О.Н. Этногенетические особенности устойчивости организма к алкоголю в популяциях народов Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 22-28.

41. Семке В.Я., Бохан Н.А. Транскультуральная аддиктология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 588 с.

42. Балашов П.П., Савченко М.Е., Аболонин А.Ф. Оценка взаимосвязи количества тяжких преступлений и состояния алкогольного опьянения у коренных народов в Ямало-Ненецком автономном округе // Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Семке, Н.А. Бохана. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. С. 17-19.

References

1. Mal'tsev S.V., Fayzullina R.A., Arkhipova N.N. i dr. Aktual'nye problemy podrostkovoy meditsiny // Kazanskiy meditsinskiy zhurnal. – 2005. – T. 86. – № 2. [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-podrostkovoy-meditsiny#ixzz2vBENXtat> (data obrashcheniya: 11.02.2014).
2. Chepurnykh E.E. Otsenka narkosituatsii v srede detey, podrostkov i molodezhi // Narkologiya. – 2004. – № 4. – S. 55-64.
3. Matskevich M.G. Potreblenie narkotikov i alkogolya uchenikami starshikh klassov na primere g. Nadyma, Yamalo-Nenetskiy AO // Narkologiya. – 2006. – № 9. – S. 25-29.
4. Pushina V.V. Biopsikhosotsial'nyy podkhod v ponimanii alkogolizma u detey i podrostkov (obzor literatury) // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov. – 2012 (12). – № 2. – S. 114-124.
5. Slavina T.Yu. Rasprostranenie narkologicheskikh zabolevaniy v Leningradskoy oblasti i organizatsiya spetsializirovannoy pomoshchi nesovershennoletnim // Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya. – 2004. – T. 4. – № 1. – S. 616-622.
6. Shabunova A.A., Korchagina P.S. Tsennostnye ustanovki i povedencheskie praktiki kak znachimye faktory samosokhranitel'nogo povedeniya molodezhi // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. – 2012. – №6(24). – S. 138-145.
7. Andryushina E.V. Podrostki, zdorov'e, sem'ya // Problemy razvitiya territoriy. – 2004. – T. 25. – № 2. – S. 56-63.
8. Akhmetova O.A., Slobodskaya E.R. Upotreblenie psikhoaktivnykh veshchestv podrostkami: psikhosotsial'nye faktory zashchity / O.A. Akhmetova, E.R. Slobodskaya // Byulleten' SO RAMN. – 2007. – №3 (125). – S. 34-40.
9. Akhmetova V.V., Zlova T.P., Govorin N.V. Problema upotrebleniya psikhoaktivnykh veshchestv u detey-sirot // Mir addiktsiy: khimicheskie i nekhimicheskie zavisimosti, assotsiirovannye psikhicheskie rasstroystva: mater. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. / Pod redaktsiyey prof. N.G. Neznanova, prof. E.M. Krupitskogo. SPb. – 2012 – S. 12.
10. Eremeeva A.A., Solov'ev A.G., Novikova I.A. Epidemiologicheskaya kharakteristika psikhicheskikh i povedencheskikh rasstroystv, svyazannykh s upotrebleniem psikhoaktivnykh veshchestv, u detey i podrostkov v Arkhangel'skoy oblasti // Narkologiya. – 2014. – № 4. – S. 30-35.
11. Bokhan N.A., Mandel' A.I., Peshkovskaya A.G. i dr. Etnoterritorial'naya geterogennost' formirovaniya alkogol'noy zavisimosti u korennoho naseleniya Sibiri // Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii. – 2013. – T. 113. – vyp. 2. – S. 9-14.
12. Manuylova L. M., Volynkina N.S. Monitoring effektivnosti form profilaktiki boleznykh zavisimostey sredi uchashcheyasya molodezhi // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2007. – №3. – S. 55-59.
13. Grigorashchenko-Alieva N.M. Narkomaniya v sisteme deviatsiy povedeniya sovremennoy molodezhi // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2011. – Vyp. № 2. [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/narkomaniya-v-sisteme-deviatsiy-povedeniya-sovremennoy-molodezhi#ixzz2yvDduClc> (data obrashcheniya: 15.04.14).
14. Sabitov I.A., Sveshnikova M.A. Pol i additivnoe povedenie v molodezhnoy srede Srednego Povolzh'ya // Mir addiktsiy: khimicheskie i nekhimicheskie zavisimosti, assotsiirovannye psikhicheskie rasstroystva: materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. / pod redaktsiyey prof. N.G. Neznanova, prof. E.M. Krupitskogo. SPb., 2012. – S. 117-118.
15. Guzikov B.M., Eryshev O.F. Sovremennaya tendentsiya sozdaniya terapevticheskikh programm v narkologii // Psikhologicheskie issledovaniya i psikhoterapiya v narkologii: sb. nauch. statey / pod red. M.M. Kabanova. L.: Izd. n.-i. psikhonevr. in-ta im. V.M. Bekhtereva, 1989. S. 7-11.
16. Lozovoy V.V., Kremleva O.V., Lozovaya T.V. Profilaktika zavisimostey: opyt sozdaniya sistemy pervichnoy profilaktiki. M.: Al'yansPrint, 2011. 448 s.
17. Egorov A.Yu. Rano nachinayushchiysya alkogolizm: sovremennoe sostoyanie problemy // Voprosy narkologii. – 2002. – № 5. – S. 50-54.
18. Egorov A.Yu. Alkogolizatsiya i alkogolizm v molodezhnoy srede: problemy i perspektivy // Rossiyskiy biomeditsinskiy zhurnal. – 2003. – T. 2. – S. 299-307.
19. Glavinskiy R.N., Simutkin G.G. Etnokul'tural'nye aspekty parasuitsidal'nogo povedeniya naseleniya krupnogo promyshlennogo goroda respubliki Buryatii // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiiatrii i addikologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 40-42.
20. Vasil'eva N.A. Rasprostranennost' nepsikhicheskikh psikhicheskikh rasstroystv na territoriyakh sibirskogo okruga s etnicheski neodnorodnym naseleniem // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiiatrii i addik-

tologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 31-34.

21. Bokhan N.A., Korobitsina T.V., Tal'yanova T.I. Klinicheskie osobennosti izmeneniy lichnosti pri psikhicheskikh formakh alkogolizma u predstaviteley korennoy natsional'nosti Respubliki Khakasii // Sibirskiy vestnik psikhiatrii i narkologii. – 2013. – 2 (77). – S. 89-94.

22. Nikolaev E.L. Sovremennye napravleniya issledovaniya pogranichnykh psikhicheskikh rasstroystv // Vestnik psikhiatrii i psikhologii Chuvashii: nauchno-prakticheskoe izdanie. – 2007. – №3. – S. 8-49.

23. Uvarov I.A., Lekomtsev V.T. Biopsikhosotsial'nye faktory riska razvitiya alkogol'nykh psikhozov // Vestnik psikhiatrii i psikhologii Chuvashii: nauchno-prakticheskoe izdanie. – 2009. – №5. – S. 30-40.

24. Sakharov A.V. Rezul'taty izucheniya alkogol'noy situatsii v Zabaykal'skom krae // Aktual'nye voprosy psikhiatrii i narkologii v sovremennykh usloviyakh: materialy Rossiysk. nauch.-prakt. konf. «Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya Zabaykal'skogo kraya» / Pod red. N.A. Bokhana, N.V. Govorina. Tomsk, Chita: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2013. S. 153-161.

25. Govorin N.V., Sakharov A.V., Tarasova O.A., Plyusnina O.B. Rasprostranennost' narkologicheskikh rasstroystv u studentov srednespetsial'nogo i vysshego uchebnykh zavedeniy // Aktual'nye voprosy psikhiatrii i narkologii v sovremennykh usloviyakh: materialy Rossiysk. nauch.-prakt. konf. «Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya Zabaykal'skogo kraya» / pod red. N.A. Bokhana, N.V. Govorina. Tomsk, Chita: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2013. S. 56-59.

26. Tarasova O.A., Govorin N.V., Sakharov A.V. Sostoyanie psikhicheskogo zdorov'ya studentov srednego spetsial'nogo uchebnogo zavedeniya // Psikhicheskoe zdorov'e – faktor sotsial'noy stabil'nosti i garmonichnogo razvitiya obshchestva: materialy Pyatogo nats. kongr. po sots. i klinich. psikhiatrii / pod redaktsiyey Z.I. Kekelidze, 2013. S. 61.

27. Tverdokhlebova N.V., Bokhan T.G. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki samosoznaniya u lits yunosheskogo vozrasta s raznoy vyrazhennost'yu pivnoy addiksii // Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal. – 2011. – № 41. – S. 64.

28. Bokhan T.G., Tverdokhlebova N.V. Problemy stanovleniya identichnosti u podrostkov i yunoshey pri formirovanii pivnoy addiksii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2012. – № 6. – S. 126-130.

29. Skvortsova E.S., Abramov A.Yu. Sovremennye shkol'niki-podrostki i upotrebleniye alkogolya. Obzor situatsii po dannym monitoringa 2010 – 2011 gg. / E.S. Skvortsova, A.Yu. Abramov // Narkologiya. – 2014. – № 2. – S. 38-41.

30. Shemyakina S.S., Tumusov P.S., Baishev M.A., Loginov I.P. Sovremennaya narkoepidemiologicheskaya situatsiya v respublike Sakha (Yakutiya) // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiatrii i addiktologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 117-120.

31. Dmitrieva T.B., Polozhiy B.S. Etnokul'tural'naya psikhiatriya. – M.: Meditsina, 2003. – 448 s.

32. Anisimova S.G., Prisyazhnyy M.Yu. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy, deviatsii i forsayt severnykh narodov (na materialakh respubliki Sakha (Yakutiya) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. – 2012. – № 4. T. 9. – S. 58-63.

33. Kosolapov A.B. Problemy sokhraneniya i ukrepleniya zdorov'ya naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii // Izvestiya Dal'nevostochnogo Federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. – 2005. – Vypusk № 2. – S. 85-96.

34. Loginov I.P., Motrich E.L., Savin S.Z. Monitoring suitsidal'noy situatsii v Priamur'e // Psikhicheskoe zdorov'e – faktor sotsial'noy stabil'nosti i garmonichnogo razvitiya obshchestva: materialy Pyatogo nats. kongr. po sots. i klinich. psikhiatrii / pod redaktsiyey Z.I. Kekelidze, 2013. S. 28.

35. Lasovskaya T.Yu. Sravnitel'nyy analiz rasprostranennosti i struktury pogranichnogo lichnostnogo rasstroystva u studentov psikhologicheskogo fakul'teta russkoy i yakutskoy natsional'nostey // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiatrii i addiktologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 73-76.

36. Matveeva N.P., Khoyutanova N.V., Zamyatin I.I., Aleksandrova V.S., Alekseeva U.G., Gorokhova L.V., Bokhan N.A., Tomskiy M.I. Chastota psikhopatologicheskikh i narkologicheskikh rasstroystv sredi korennoy naseleniya respubliki Sakha (Yakutiya) // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiatrii i addiktologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 78-81.

37. Kuznetsov V.N. Vliyaniye etnosa na formirovaniye alkogol'noy zavisimosti i sotsial'nogo funktsionirovaniya u narymskikh sel'kupov // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikhiatrii i addiktologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 69-72.

38. Peshkovskaya A.G., Kuznetsov V.N., Bokhan T.G. Etnokul'tural'naya kharakteristika parametrov sotsial'nogo funktsionirovaniya yuzhnykh (narymskikh) sel'kupov s sindromom alkogol'noy zavisimosti // Sibirskiy

vestnik psikiatrii i narkologii. – 2013. – № 3 (78). – S. 69-75.

39. Dregalo A.A., Ul'yanovskiy V.I. Usloviya i kachestvo zhizni evropeyskikh nentsev v monoetnicheskom poselke Nel'min Nos // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki. – 2007. – № 2. – S. 54-58.

40. Kershengol'ts B.M., Chernobrovkina T.V., Kolosova O.N. Etnogeneticheskie osobennosti ustoychivosti organizma k alkogolyu v populyatsiyakh narodov Severa // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. – 2012. – T. 9. – Vyp. 1. – S. 22-28.

41. Semke V.Ya., Bokhan N.A. Transkul'tural'naya addiktologiya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 588 s.

42. Balashov P.P., Savchenko M.E., Abolonin A.F. Otsenka vzaimosvyazi kolichestva tyazhkih prestupleniy i sostoyaniya alkogol'nogo op'yaneniya u korennykh narodov v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge // Sovremennye problemy etnokul'tural'noy psikiatrii i addiktologii: materialy Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. / pod red. V.Ya. Semke, N.A. Bokhana. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. S. 17-19.

УДК 616.12-008.577

Т.Я. Корчина, А.П. Кузьменко, В.Н. Гребенюк

Физиологические особенности питания медицинских работников скорой помощи г. Ханты-Мансийска

Аннотация. Изучены рационы питания 110 медицинских работников г. Ханты-Мансийска: 54 врачей и фельдшеров выездных бригад скорой помощи и 56 врачей и медицинских сестер поликлиники. Выявлен дисбаланс поступления макронутриентов: дефицит потребления энергетических субстратов и углеводов, более выраженный у медицинских работников женского пола и жиров, наиболее характерный для мужчин и простых сахаров, присущий более женщинам и всем сотрудникам скорой помощи северного региона. Кроме того, дефицит поступления калия и магния – микронутриентов, принимающих участие в регуляторной деятельности сердечно-сосудистой и нервной систем характеризовал рационы питания всех медицинских работников северного региона.

Ключевые слова: медработники выездных бригад скорой помощи, рацион питания, северный регион, макронутриенты, микронутриенты

T.Y. Korchina, A.P. Kuzmenko, V.N. Grebenuk

Physiological peculiarities of the diet of ambulance workers of Khanty-Mansiysk

Summary. It is studied the diet of 110 medical workers of Khanty-Mansiysk: 54 doctors and medical assistants (feldshers) of ambulance teams and 56 doctors and nurses of the polyclinic. The imbalances of macronutrients is revealed: deficit of consumption of energy substrates and carbohydrates, denominated between female medical workers; fat, mostly typical for men and simple sugar inherent mostly in women and all ambulance workers of northern region. Besides, deficiency of potassium and magnesium, the micronutrients involving in the regulation of cardiovascular and nervous systems characterized the diet of all medical workers of northern region.

Keywords: ambulance workers, diet, northern region, macronutrients, micronutrients.

Питание – один из важнейших факторов, определяющих здоровье населения. Правильное питание обеспечивает нормальный рост и развитие, способствует профилактике заболеваний, продлению жизни, повышению работоспособности и создает условия для адекватной адаптации к окружающей среде [1]. Известно, что рациональное, здоровое питание обеспечивает жизнедеятельность и развитие человеческого организма, его физическую и умственную работоспособность, выносливость и сопротивляемость воздействию отрицательных факторов внешней среды. Здоровье человека в значительной степени определяется его пищевым статусом, то есть степенью обеспеченности организма энергией и целым рядом пищевых веществ, в первую оче-

редь, макро- и микронутриентами.

Важным аспектом биологического действия пищи на организм является специфическое действие, которое предупреждает возникновение и развитие синдромов недостаточного и избыточного питания или физиологически полноценное питание здоровых людей, которое обеспечивает постоянство внутренней среды организма и поддерживает его жизненные проявления на высоком уровне при различных условиях труда и быта [2].

Любое отклонение от формулы сбалансированного питания приводит к определенному нарушению функций организма [3]. Питание является постоянно действующим фактором, определяющим течение метаболических процессов. Не-

достаток любого пищевого ингредиента может стать причиной изменения обмена веществ с последующим развитием ряда заболеваний и патологических состояний: ожирения, атеросклероза, ИБС, гиповитаминозов, микроэлементозов и др.

Многочисленные исследования, выполненные в нашей стране и за рубежом, свидетельствуют о существенном влиянии питания на здоровье человека. Установлены экономические и человеческие потери, возникающие от снижения трудоспособности и преждевременной смертности населения, обусловленные заболеваниями, которые прямо или косвенно связаны с неправильным питанием [4]. Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения считает, что около 80,0% всех заболеваний так или иначе связано с питанием, а 41,0% заболеваний – с основными детерминантами питания [2].

В настоящее время проблема питания в РФ перешла из разряда медицинских в общегосударственную. Для многих миллионов жителей России характерно разбалансированное, недостаточное питание. Снизилось качество продуктов, они насыщены ксенобиотиками, появились генно-модифицированные продукты, что определяет актуальность исследований, направленных на диагностику алиментарно зависимых заболеваний. Известна связь заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения и сахарного диабета с особенностями рациона питания.

Питание является определяющим фактором в обеспечении здоровья человека, его трудоспособности и адаптации к внешней среде, в том числе к экстремальным климатическим условиям. Адаптация биологической системы к изменившимся условиям внутренней и внешней среды имеет в своей основе метаболическую адаптацию. В этой связи представляется важным для восстановления метаболических нарушений проведение модификации структуры питания населения проживающего в экстремальных климатогеографических условиях. В противном случае разбалансированное питание выступает в роли алиментарного фактора

риска, который может быть как непосредственной причиной развития патологического состояния, так и увеличивать вероятность его возникновения. Установлено, что в комплексной системе мероприятий, направленных на повышение устойчивости организма к воздействию экстремальных климатических факторов, действующих в районах Севера, ведущая роль принадлежит организации полноценного питания населения [5].

Деятельность медицинского работника, независимо от разновидности выполняемой работы относится к профессиям с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Частые стрессовые ситуации, в которые попадает медицинский работник в процессе сложного взаимодействия с больным, постоянное проникновение в суть медицинских проблем пациента, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на его здоровье.

Влияние профессиональной деятельности на сотрудников скорой медицинской помощи (СМП) существенно отличается от медицинских работников других специальностей. Существуют специфические особенности и отличия: экстремальность ситуаций с учетом дефицита времени; постоянный контакт с психологически трудным контингентом (тяжелые и умирающие больные); затрудненный психологический контакт из-за нарушения сознания больного или пострадавшего; оказание медицинской помощи в присутствии родственников, соседей или прохожих; сложные условия оказания медицинской помощи: на улице, в непригодных помещениях (отсутствие необходимого освещения, источников водопроводной воды и канализации, места для размещения медицинского оборудования); все возрастные периоды жизни больных и пострадавших и разнообразный характер патологии. Последствия выгорания медицинского персонала могут повлиять как на саму личность, так и на профессиональную деятельность: ухудшается качество выполнения работы, утрачивается творческий подход к реше-

нию задач, возрастает количество профессиональных ошибок, увеличивается число конфликтов на работе и дома, что нередко приводит к переходу на другую работу или смене профессии [6].

Известно, что рост эмоциональных проблем становится универсальной тенденцией нашего времени, что особенно важно, наибольшие количественные показатели приходится на лиц трудоспособного возраста. Еще более остро обозначенная проблема выступает в условиях проживания в северном регионе [7]. Данные исследований последних лет позволяют связать прогрессирование психофункционального напряжения в высоких широтах с дискомфортными природными условиями и хроническим климатогеографическим стрессом. Показано, что наиболее характерными ведущими проявлениями климатогеографического стресса в дискомфортных регионах Севера являются реакции центральной нервной системы и развитие «окислительного стресса». Кроме этих проявлений в полисиндром климатогеографического стресса может включаться и психоэмоциональное напряжение [8].

Учитывая то обстоятельство, что макронутриенты (жиры, белки, углеводы) составляют основу жизнедеятельности организма, а микронутриенты (витамины и биоэлементы) являются регуляторами обмена веществ, несомненный интерес вызвало изучение поступления с суточными рационами питания макронутриентов и микронутриентов, регулирующих психофизиологическую функцию организма у медицинских работников выездных бригад скорой помощи, проживающих в северном регионе.

Цель исследования: оценка суточных рационов питания медицинских работников выездных бригад скорой помощи, проживающих в северном регионе.

Материал и методы исследования. Под наблюдением находились 110 медицинских работников (врачи, фельдшера, медицинские сестры), постоянно проживающих и работающих в г. Ханты-Мансийске.

Первую группу исследования составили 54 медицинских работника городской

станции скорой медицинской помощи, средний возраст – $36,2 \pm 1,3$ г., среди которых 14 (25,9%) мужчин и 40 (74,1%) женщин. Все представители данной группы более 5 лет работали на скорой помощи в качестве выездного персонала и имели ярко выраженный рваный ритм работы (10 и более ночных дежурств в течение месяца).

Группу сравнения составили 56 медицинских работников поликлинической службы, средний возраст – $39,4 \pm 1,6$ г., среди них 6 (10,7%) мужчин и 50 (89,3%) женщин. Представители поликлинической службы работали только в дневное время.

Для анализа среднесуточного рациона питания использовали программу «АС-ПОН – питание», разработанную профессором И.М. Воронцовым и утвержденную ЦГСЭН РФ. Сам испытуемый оценивал количество пищи, потребляемой в течение 3 суток (с обязательным включением одного выходного дня), записывал, какие пищевые продукты он потреблял, оценивал ее количество в стандартных мерах веса или объема. Пациенты отмечали периодичность употребления пищи, состав блюд и способ термической обработки. Полученные результаты сравнивали с нормами физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для лиц соответствующего возраста и пола [9]. Устанавливались частота дефицита или избытка поступления макро- и микронутриентов с фактическими рационами по сравнению с рекомендуемыми величинами.

В соответствии со статьями 30-34, 61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.07.1993 г. № 5487-1, ст.18,20-22,28,41 Конституции РФ все обследуемые лица давали информационное добровольное согласие на выполнение диагностических исследований, а в соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона от 27.07.2006 «О персональных данных» № 152-ФЗ – на обработку персональных данных.

Статистическую обработку материала производили с использованием пакета программ MS Excel и программы STATISTICA version 6.1. Тип распределения

для выборок определяли с помощью критерия Шапиро – Уилка. Для описания количественных данных использовали среднее арифметическое (M), стандартную ошибку среднего арифметического (m), минимальное (min) и максимальное (max) значения и медиану (Me). Достоверность различий изучаемых параметров анализировали с применением критерия Фишера-Стьюдента: за достоверные принимали различия при значениях $P < 0,05$. Полученный цифровой материал обрабатывали на IBM PC/ Pentium IV.

Результаты и их обсуждение:

Статус питания (фактическое питание, структура питания, расчетное питание) определяется расчетными методами, исходя из оценки количества потребленной пищи и её химического состава. Сбор данных о характере и количестве потребленной за определенный период пищи – важнейший этап оценки пищевого статуса, являющийся основой для расчетов потребления пищевых веществ и адекватности питания. В нашем исследовании приняли участие медицинские работники северного региона, различающиеся по характеру трудовой деятельности и полу. Согласно нормам физиологических потребностей

адекватные уровни потребления (АУП) макронутриентов имеют возрастные и гендерные различия, а, учитывая дифференцирование по уровню физической активности, специалисты-медики относятся к I группе: работники умственного труда (очень низкая физическая активность) [9]. В таблице 1 и 2 представлены показатели поступления энергии, макро- и микронутриентов с фактическими рационами питания у обследованных лиц соответственно мужского и женского пола.

Достоверные отличия выявлены только между подгруппами медиков-женщин: поступление простых сахаров оказалось достоверно выше ($p=0,038$) у женщин, работающих на скорой медицинской помощи сравнительно с сотрудницами поликлинического звена здравоохранения (табл. 2). По всем другим составляющим суточного поступления макро – и микронутриентов показатели медицинских работников выездных бригад скорой помощи хотя и были несколько выше соответствующих величин медицинских работников поликлинического звена здравоохранения, но не достоверно (табл. 1, 2).

Таблица 1

Поступление энергетических субстратов, макро – и микронутриентов с рационами питания у медработников мужского пола г. Ханты-Мансийска

показатель	медицинские работники мужского пола (n=41)							
	скорой помощи (n=23)				поликлиники (n=18)			
	M±m	Me	max	min	M±m	Me	max	min
энергия (ккал)	2256±58	2212	2461	1893	2140±49	2117	2371	1788
белки (г)	68,3±4,6	67,2	73,8	56,7	67,8±4,4	66,5	73,7	55,3
жиры (г)	82,7±4,7	82,4	91,4	66,7	81,9±4,8	81,2	93,5	65,8
углеводы (г)	345±24	338	445	296	337±18	340	399	216
моно – и дисахариды (г)	24,2±2,5	25,4	36,7	19,4	20,3±1,6	21,8	31,4	20,5
калий (мг)	2164±45	2145	2571	1953	2118±39	2176	2601	1922
магний (мг)	335±43	331	411	259	329±38	325	405	231

Поступление энергетических субстратов, макро – и микронутриентов с рационами питания у медработников женского пола г. Ханты-Мансийска

показатель	медицинские работники женского пола (n=41)							
	скорой помощи (n= 31)				поликлиники (n=38)			
	M±m	Me	max	min	M±m	Me	max	min
энергия (ккал)	1728±45	1712	2133	1559	1671±39	1652	2036	1511
белки (г)	58,6±3,5	58,5	62,3	45,8	57,8±4,1	57,3	63,5	48,2
жиры (г)	64,2±2,5	65,0	82,1	42,6	63,9±3,8	64,6	78,5	51,1
углеводы (г)	242±25	251	350	201	236±21	222	349	205
моно – и дисахариды (г)	26,7±2,4	27,8	32,6	17,4	19,8±2,2	20,1	26,4	15,2
калий (мг)	2156±39	2208	2592	2065	2178±35	2215	2612	1998
магний (мг)	341±45	339	403	241	317±31	312	398	237

Учитывая то обстоятельство, что нормы адекватного поступления энергии, макро – и микронутриентов у взрослых лиц зависят от возраста, пола и физической активности, нами была проведена сравнительная оценка энергетической емкости пищи у обследованных лиц с учетом характера и ритма трудовой деятельности, возрастных и гендерных различий (табл. 3).

Один из главных принципов концепции оптимального питания гласит, что энергетическая ценность рациона человека должна соответствовать энерготратам организма. Нами не было выявлено достоверных различий в поступлении энергетических субстратов в организм медицинских работников, проживающих в северном регионе (табл. 1, 2). Однако во всех возрастных и половых подгруппах обследованных лиц обеих групп наблюдался дефицит поступления энергетических субстратов с фактическими рационами питания различной степени выраженности, но более выраженный во всех подгруппах медицинских работников поликлиники (табл. 3).

Важно подчеркнуть, что в стрессовых

ситуациях резко возрастают потребности организма в пластических и энергогенных нутриентах, вступает в действие важнейший приспособительный механизм – мобилизация запасов углеводов, жиров и интенсивное расщепление белка до аминокислот, которые в этом случае кроме основных функций выполняют роль доноров энергии, участвуя в глюконеогенезе. Чем интенсивнее стресс, тем выше потребность организма в энергии и питательных веществах [10].

Практически адекватно оказались обеспечены белком все медицинские работники северного региона, но несколько ниже сотрудники поликлиники: мужчины 18-29 лет (96% АУП) и женщины 40-59 лет (95% АУП).

Однако исследованиями ученых Западной Сибири установлено, что в экстремальных условиях жизнедеятельности (хронический стресс) потребность в белке увеличивается не менее чем на 10%, если исходить из нормы белка в пище жителей средних широт (102,4 г в сутки), разработанной Институтом Питания РАМН [10].

Поступление энергетических субстратов, белков, жиров, углеводов, простых сахаров, калия и магния с суточными рационами питания у медицинских работников г.Ханты-Мансийска в зависимости от возраста и пола (Ме/%АУП)

40-59		30-39		18-29		Возраст (лет)	
Ж	М	Ж	М	Ж	М	ПОЛ	число наблюдений: СМП/ поликлиника
4/4	4/3	17/27	14/9	10/7	5/6		Медицинские работники г.Ханты-Мансийска (n=110)
1583/88	2051/98	1759/93	2219/97	1821/91	2356/99		скорой помощи (n=54)
57/99	66/102	58/99	68/100	59/97	71/99		энергия (ккал)
62/104	79/113	65/104	81/106	66/99	84/104		белки (г)
221/86	307/102	238/87	331/100	256/89	352/99		жиры (г)
25/157	22/105	26/153	24/109	27/150	25/109		углев. (г)
2115/85	2098/84	2187/88	2209/89	2119/85	2112/85		моно-и дисахар (г)
342/86	329/83	337/85	339/85	340/85	329/83		К (мг)
1552/87	2078/91	1625/86	2129/93	1774/89	2298/96		Mg (мг)
56/95	65/100	57/99	66/97	58/99	68/95		энергия (ккал)
63/105	78/112	63/100	81/106	65/97	83/103		белки (г)
228/89	299/99	239/88	334/100	265/92	356/100		жиры (г)
18/117	19/95	19/119	20/96	21/124	21/92		углев. (г)
2119/89	2055/86	2115/89	2203/92	2123/89	2118/89		моно-и дисахар (г)
325/82	329/83	331/83	330/83	326/82	328/82		К (мг)
							Mg (мг)

В то же время зарегистрировано избыточное потребление жиров разной степени выраженности всеми гендерными и возрастными подгруппами медработников г. Ханты-Мансийска (исключение составили только женщины 18-29 лет), но наиболее выраженное в обеих подгруппах мужчин 40-59 лет. Вероятно, это можно объяснить стабильными пищевыми привычками на фоне возрастного уменьшения физиологической потребности в жирах [9] (табл. 3). Известно, что жиры улучшают вкусовые достоинства пищи, существенно повышают ее энергетический потенциал (1 г жира высвобождает 9 ккал), лучше других пищевых веществ обеспечивают чувство сытости.

Нами проводилось изучение только количественного поступления макронутриентов в организм обследованных лиц без детального изучения качественного его состава. В этой связи нелишне отметить, что жиры животного происхождения должны составлять 2/3 от всех жиров рациона питания, в то время как жиры растительного происхождения – 1/3 [9]. Работами В.И. Хаснулин и соавт. [10] установлено, что для обеспечения антистрессового эффекта, требуется не менее 5 г омега-3-полиненасыщенных жирных кислот. Для этого нужно употребить в пищу либо 600-700 г обычной нежирной речной рыбы, либо 300 г жирной речной или морской рыбы. Второй вариант более приемлем, так как в этом случае не будет возникать избытка белка в суточном рационе. При невозможности включения в пищу необходимых видов рыб можно восполнять дефицит омега-3-полиненасыщенных жирных кислот за счет применения аптечных препаратов рыбьего жира или непосредственно омега-3-ПНЖК.

Важно отметить, что мужчины всех возрастных подгрупп обеих групп оказались практически адекватно обеспечены углеводами, в то время как во всех подгруппах женщин мы наблюдали недостаточное поступление углеводов с фактическими рационами питания (табл. 3). Это можно объяснить пониженным потреблением с фактическими рационами питания овощей и фруктов, но в большей степени хлеба, круп, бобовых. Установлено, что углеводы, помимо энергообеспечения, участвуют

и в строительстве клеток и тканей. При исключении углеводов из пищи в крови появляются продукты неполного окисления жиров (кетоновые тела), нарушаются функции ЦНС и мышц, происходит ослабление умственной и физической деятельности, сокращается продолжительность жизни.

Выявленные нами нарушения требуют внесения корректив в рационы питания медицинских работников СМП не только в сторону уменьшения доли простых сахаров в суточном рационе, но и ассортимента продуктов питания, поставляющих в организм углеводы: это должны быть фрукты, овощи, крупы из злаковых, бурый рис, бобовые.

Исходя из нормативов, адекватное поступление моно – и дисахаридов с суточными рационами питания должно составлять менее 10% от энергетической ценности рациона [9]. В этой связи физиологически нормальное потребление простых сахаров наблюдалось нами только у мужчин всех возрастных подгрупп поликлиники. В то же время во всех возрастных и гендерных подгруппах сотрудников СМП и во всех подгруппах женщин поликлиники мы выявили избыточное потребление моно – и дисахаридов, наиболее выраженное у женщин выездных бригад скорой помощи: в группе мужчин медработников СМП (в 1,2 раза), а в группе женщин (в 1,35 раза, $p=0,038$) над аналогичным показателем в соответствующих группах медработников поликлиники (табл. 1-3).

На наш взгляд это можно объяснить именно характером и ритмом трудовой деятельности: интенсивная умственная деятельность при решении сложных в диагностическом плане задач и принятии быстрых и ответственных решений, практически постоянное психоэмоциональное напряжение требует поступления в организм в качестве энергетического субстрата именно «быстрых» углеводов. Вопрос «Что взять с собой на дежурство?» сотрудниками скорой помощи всегда решается в пользу кондитерских изделий, а не фруктов: проще, легче и эффективней. К сожалению, пищевые привычки редко изменяются даже при смене места работы. Известно, что относительный избыток простых сахаров при стрессовых ситуациях быстро превращает-

ся в организме в жиры и способствует формированию избыточного веса, нарушению холестерина и жирового обмена.

Исследованиями установлено, что непрерывным условием антистрессового рациона питания является адекватное содержание минеральных элементов, в частности, калия и магния, которое может существенно влиять на состояние здоровья людей. Минеральные вещества в организме человека не синтезируются и потому относятся к незаменимым компонентам питания. Основными источниками их поступления в организм являются, как известно, пищевые продукты, в меньшей степени – питьевая вода и витаминно-минеральные комплексы.

Нелишне подчеркнуть дефицит поступления жизненно эссенциальных макроэлементов, принимающих важное участие в психоэмоциональной сфере – калия и магния с суточными рационами питания во всех подгруппах обеих групп медицинских работников Югры (82-92 % АУП) (табл. 3).

В нашем исследовании выявлен дефицит потребления с продуктами питания калия и магния сопоставимый для всех гендерных и возрастных подгрупп медицинских работников г. Ханты-Мансийска (табл. 3).

Недостаточность поступления жизненно важных минеральных веществ – магния и калия может привести к развитию расстройств здоровья, в первую очередь, связанных с нарушениями психофизиологической сферы.

Стабильность химического состава организма является одним из важнейших и обязательных условий его нормального функционирования. Соответственно, отклонения в содержании химических элементов, вызванные экологическими, профессиональными, климатогеографическими факторами или заболеваниями приводят к широкому спектру нарушений в состоянии здоровья. Дисбаланс химических элементов в организме человека непосредственно влияет на функционирование практически всех систем и органов, в том числе на психофизиологическое состояние.

Все медработники, находящиеся под наблюдением, проживали в г. Ханты-Мансийске 5 и более лет, т.е. с водой они также получали примерно одинаковое количество

магния (Mg) и калия (K). Важно отметить, что природные воды нашего региона являются маломинерализованными: с низким содержанием ионов Ca и Mg [11]

Из всех катионов, определяющих жёсткость воды, максимальное значение придаётся именно Mg: физиологический гомеостаз Mg является обязательным условием здоровья человека [12], а его дефицит рассматривается в качестве первичного звена патогенеза [13]. Калий – основной элемент в каждой живой клетке. Внутриклеточный калий находится в постоянном равновесии с малым количеством того, который остается снаружи [14]. Основное предназначение K состоит в поддержании концентрации и физиологических функций Mg – главного микроэлемента для сердца. Калий уменьшает возбудимость и проводимость миокарда, снижение его содержания в крови увеличивает опасность развития аритмий. Калий играет существенную роль в процессах проведения нервного импульса к мышцам и в образовании ацетилхолина – медиатора нервных импульсов. Он снижает риск развития синдрома хронической усталости, улучшая снабжение мозга кислородом.

При недостатке внутриклеточного Mg деблокируются кальциевые каналы клеточных мембран, что увеличивает поступление в клетку Ca; в то же время его выведение из клетки нарушает концентрацию внутриклеточного Mg и происходит потеря клеточного K в результате блокады магниезависимой $Na+K+$ – АТФазы. В ответ на выход K из клетки в неё начинает поступать Na, что вызывает снижение электрического потенциала плазматической мембраны миоцитов. В создавшихся условиях повышается чувствительность сосудов к вазоконстрикторным влияниям, особенно к катехоламинам и ангиотензину II. Вышеописанные механизмы приводят к повышению системного давления [15].

Кроме того, длительный дефицит Mg может быть одним из условий для манифестации и развертывания генетически детерминированной программы атеросклероза. Недостаток Mg снижает антиоксидантную защиту организма. В условиях атерогенной диеты, недостаток в пище Mg способствует очень раннему началу развития склероза

тического поражения сосудов и, наоборот, назначение Mg приводит к регрессу гиперхолестеринемии. Недостаток Mg также влияет на жирнокислотный состав крови, блокируя синтез арахидоновой кислоты. При дефиците Mg в крови повышено содержание триглицеридов, хиломикронов, липопротеидов низкой плотности, и, наоборот, снижен уровень липопротеидов высокой плотности [16]. Необходимо указать на то, что в экстремальных условиях Севера, оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье пришлого населения, изучаемые вопросы приобретают особое значение [17].

Напряженная работа, личные проблемы, недосыпание, чрезмерное употребление алкоголя и курение нарушают баланс минералов даже у молодого и здорового человека. Все эти факторы вызывают стресс, чтобы его преодолеть, организм работает «на повышенных оборотах», потребляя полезных веществ больше нормы: истощаются запасы Mg, K и др., ухудшается усвоение минералов. Нехватка Mg и K в организме способна провоцировать сердечно-сосудистые заболевания, повышает риск развития аритмий, а также заболеваний нервной системы [18]: частое повышение АД, увеличение концентрации глюкозы в крови, спазм сосудов, особенно мозговых и сердечных в итоге может привести к развитию стенокардии и гипертонической болезни с их последствиями, одним из которых вполне может стать инфаркт или инсульт. Сегодня убедительно доказано, что на первом месте среди северных патологий стоят сердечно-сосудистые заболевания как причина не столько временной нетрудоспособности, сколько настоящей и будущей смер-

ности. Для Севера характерным является развитие атеросклероза в трудоспособном и молодом возрасте, что связано с изменением обмена веществ в ответ на действие холодового фактора. Тяжесть и степень выраженности атеросклероза возрастает пропорционально длительности северного стажа [19].

Итак, при анализе фактических рационов питания был выявлен дефицит потребления энергии и углеводов, более выраженный у медицинских работников женского пола на фоне избыточного потребления жиров, наиболее характерный для мужчин и простых сахаров, присущий более женщинам. Кроме того, дефицит поступления калия и магния характеризовал рационы питания всех медицинских работников северного региона.

Расчет вероятных рисков неадекватного потребления пищевых веществ поможет своевременной коррекции выявленных нарушений питания (до возникновения клинических проявлений), что будет способствовать укреплению здоровья населения [20].

В связи с этим, с целью оптимизации питания медицинских работников скорой помощи, проживающих в северном регионе, необходимо:

- увеличить потребление белка животного происхождения и полиненасыщенных жирных кислот типа омега-3 за счет употребления морской и пресноводной рыбы;
- увеличить потребление сложных углеводов за счет злаковых, круп, овощей;
- увеличить потребление продуктов питания, богатых эссенциальными биоэлементами магнием и калием;
- уменьшить потребление простых углеводов.

Литература

1. Сазонова О.В., Спиридонов А.М., Березин И.И. Разбалансированность питания – универсальный фактор в возникновении заболеваний внутренних органов // Гигиена и санитария. – 2009. – №1. – С. 42-43.
2. Здоровье населения Ямало-Ненецкого автономного округа: состояние и перспективы / Под ред. чл.-корр., проф. А.А. Буганова. Омск – Надым, 2006. 809 с.
3. Скальный А.В., Тармаева Н.Ю., Скальная М.Г., Решетник А.А. Питание и элементный статус детского населения Восточной Сибири. Иркутск: РИК ИВВАИУ, 2008. 293 с.
4. Тутельян В.А. Государственная политика здорового питания населения: задачи и пути реализации на региональном уровне: руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 288 с.
5. Мартинчик А.Н., Асауленко В.И., Батурич Е.В., Байгарин Е.К. Оценка фактического питания корен-

ного и пришлого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вопросы питания. – 2010. – Т. 79. – №3. – С. 55-60.

6. Хунафин С.Н., Миронов П.И., Зиганшин М.М., Баскакова Н.Д. Характеристика синдрома профессионального выгорания у врачей выездных бригад скорой медицинской помощи // Скорая медицинская помощь. – 2006. – №1. – С. 37-39.

7. Лобова В.А., Корчин В.И. Особенности психофункционального состояния и работоспособности у коренного населения Севера / В кн.: Нифонтова О.Л., Корчин В.И., Власова С.В., Корчина Т.Я., Корчина И.В., Меркулова Н.Н., Лобова В.А. Эколого-физиологический портрет коренного населения ХМАО – Югры. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С. 157-204.

8. Хаснулин В.И., Хаснулин П.В. Современные представления о механизмах формирования северного стресса у человека в высоких широтах // Экология человека. – 2012. – №1. – С. 3-11.

9. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. МР 2.3.1.2432-08. М.: Роспотребнадзор, 2008. 41 с.

10. Хаснулин В.И., Ефимова Л.П., Хаснулина А.В., Кудряшова В.Е. Обоснование норм здорового потребления обскими уграми рыбы с учетом требований северного типа обмена веществ. Методическое письмо. Новосибирск, 2007. 22 с.

11. Московченко Д.В. Микроэлементы в водных источниках севера Западной Сибири и их влияние на здоровье населения // Микроэлементы в медицине. – 2004. – Т. 5. – Вып. 4. – С. 93-95.

12. Скальный А.В. Магний: энергия жизни, уверенность, сила. М.: МедЭкспертПресс, 2004. С. 27-29, 33-38.

13. Городецкий В.В., Талибов О.Б. Препараты магния в медицинской практике. М.: Изд-во «Медпрактика», 2003. С. 4-17.

14. Оберлис Д., Харланд Б., Скальный А. Биологическая роль макро – и микроэлементов у человека и животных. СПб.: Наука, 2008. 544 с.

15. Громова, О.А. Физиологическая роль и значение магния в терапии // Терапевтический архив. – 2004. – Т. 76. – № 10. – С. 58-62.

16. Нотова С.В., Мирошников С.В., Барабаш А.А. Особенности элементного статуса у лиц с различным уровнем липидного обмена // Технология живых систем. – 2010. – Т. 7. – №37. – С. 31-34.

17. Кириллова А.В., Доршакова Н.В., Дуданов И.П. К вопросу о патогенезе гипертонической болезни и ишемической болезни сердца при дефиците потребления магния в условиях Севера // Экология человека. – 2006. – № 1. – С. 3-8.

18. Скальный А.В. Химические элементы в физиологии и экологии человека. М.: ОНИКС 21 век: Изд-во «Мир», 2004. 215 с.

19. Зуевский В.П., Карпин В.А., Катюхин В.Н. и др. Окружающая среда и здоровье населения Ханты-Мансийского автономного округа. Сургут, 2001. 70 с.

20. Сазонова О.В. Оценка риска дефицита потребления белка, витаминов и минеральных веществ взрослым населением Самары // Вопросы питания. – 2011 – Т. 80. – №2 – С. 49-51.

References

1. Sazonova O.V., Spiridonov A.M., Berezin I.I. Razbalansirovannost' pitaniya – universal'nyy faktor v vozni-knovenii zabolevaniy vnutrennikh organov // Gigena i sanitariya. – 2009. – №1. – S. 42-43.

2. Zdorov'e naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: sostoyanie i perspektivy / Pod red. chl.-korr., prof. A.A. Buganova. Omsk – Nadym, 2006. 809 s.

3. Skal'nyy A.V., Tarmaeva N.Yu., Skal'naya M.G., Reshetnik A.A. Pitanie i elementnyy status detskogo naseleniya Vostochnoy Sibiri. Irkutsk: RIK IVVAIU, 2008. 293 s.

4. Tutel'yan V.A. Gosudarstvennaya politika zdorovogo pitaniya naseleniya: zadachi i puti realizatsii na regional'nom urovne: rukovodstvo dlya vrachey. M.: GEOTAR-Media, 2009. 288 s.

5. Martinchik A.N., Asaulenko V.I., Baturin E.V., Baygarin E.K. Otsenka fakticheskogo pitaniya korenno-go i prishlogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga // Voprosy pitaniya. – 2010. – Т. 79. – №3. – S. 55-60.

6. Khunafin S.N., Mironov P.I., Ziganshin M.M., Baskakova N.D. Kharakteristika sindroma professional'no-go vygoraniya u vrachey vyezdnykh brigad skoroy meditsinskoy pomoshchi // Skoraya meditsinskaya pomoshch'. – 2006. – №1. – S. 37-39.

7. Lobova V.A., Korchin V.I. Osobennosti psikhofunktsional'nogo sostoyaniya i rabotosposobnosti u korenno-go naseleniya Severa / V kn.: Nifontova O.L., Korchin V.I., Vlasova S.V., Korchina T.Ya., Korchina I.V., Merkulova N.N., Lobova V.A. Ekologo-fiziologicheskii portret korenno-go naseleniya KhMAO – Yugry. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika, 2012. S. 157-204.

8. Khasnulin V.I., Khasnulin P.V. Sovremennye predstavleniya o mekhanizмах formirovaniya severnogo stressa u cheloveka v vysokikh shirotax // *Ekologiya cheloveka*. – 2012. – №1. – S. 3-11.
9. Normy fiziologicheskikh potrebnostey v energii i pishchevykh veshchestvakh dlya razlichnykh grupp naseleniya Rossiyskoy Federatsii. MR 2.3.1.2432-08. M.: Rospotrebnadzor, 2008. 41 s.
10. Khasnulin V.I., Efimova L.P., Khasnulina A.V., Kudryashova V.E. Obosnovanie norm zdorovogo potrebleniya obskimi ugrami ryby s uchetom trebovaniy severnogo tipa obmena veshchestv. Metodicheskoe pis'mo. Novosibirsk, 2007. 22 s.
11. Moskovchenko D.V. Mikroelementy v vodnykh istochnikakh severa Zapadnoy Sibiri i ikh vliyanie na zdorov'e naseleniya // *Mikroelementy v meditsine*. – 2004. – T. 5. – Vyp. 4. – S. 93-95.
12. Skal'nyy A.V. Magniy: energiya zhizni, uverennost', sila. M.: MedEkspertPress, 2004. S. 27-29, 33-38.
13. Gorodetskiy V.V., Talibov O.B. Preparaty magniya v meditsinskoy praktike. M.: Izd-vo «Medpraktika», 2003. S. 4-17.
14. Oberlis D., Kharland B., Skal'nyy A. Biologicheskaya rol' makro – i mikroelementov u cheloveka i zhivotnykh. SPb.: Nauka, 2008. 544 s.
15. Gromova, O.A. Fiziologicheskaya rol' i znachenie magniya v terapii // *Terapevticheskiy arkhiv*. – 2004. – T. 76. – № 10. – S. 58-62.
16. Notova S.V., Miroshnikov S.V., Barabash A.A. Osobennosti elementnogo statusa u lits s razlichnym urovnem lipidnogo obmena // *Tekhnologiya zhivykh sistem*. – 2010. – T. 7. – №37. – S. 31-34.
17. Kirillova A.V., Dorshakova N.V., Dudanov I.P. K voprosu o patogeneze gipertonicheskoy bolezni i ishemicheskoy bolezni serdtsa pri defitsite potrebleniya magniya v usloviyakh Severa // *Ekologiya cheloveka*. – 2006. – № 1. – S. 3-8.
18. Skal'nyy A.V. Khimicheskie elementy v fiziologii i ekologii cheloveka. M.: ONIKS 21 vek: Izd-vo «Mir», 2004. 215 s.
19. Zuevskiy V.P., Karpin V.A., Katyukhin V.N. i dr. Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e naseleniya Khaty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. Surgut, 2001. 70 s.
20. Sazonova O.V. Otsenka riska defitsita potrebleniya belka, vitaminov i mineral'nykh veshchestv vzroslym naseleniem Samary // *Voprosy pitaniya*. – 2011 – T. 80. – №2 – S. 49-51.

УДК 394.2

А.В. Кыласов, А.С. Тедорадзе

Проблемы сохранения и развития традиционной борьбы нюл-тахли

Аннотация. Традиционная борьба нюл-тахли подверглась забвению в силу сложившихся обстоятельств, в том числе модернизации жизненного уклада народов ханты и манси. Авторы исследования провели анализ исторических источников, опросы носителей культуры, а также осуществили компаративный анализ в отношении других видов традиционной борьбы. Результатом исследования стали разработанные авторами правила борьбы нюл-тахли как вида этноспорта и детерминанты механизма культурного наследования.

Ключевые слова: культурное многообразие, народные праздники, традиционная борьба, традиционные игры, ханты и манси, этноспорт.

A.V. Kylasov, A.S. Tedoradze

Problems of preservation and development of nul-tahli traditional wrestling

Summary. Nul-takhli traditional wrestling underwent oblivion owing to the developed circumstances of a life style modernization of the Khanty and Mansi peoples. Authors of research carried out the analysis of historical sources, polls of carriers of culture, and the comparative analysis concerning other types of traditional wrestling. The rules of nul-takhli wrestling developed by authors as a type of ethnosport and determinants of the cultural inheritance mechanism became result of research.

Keywords: cultural diversity, ethnosport, khanty and mansi, people holidays, traditional games, traditional wrestling.

В игровой культуре народов мира единоборства являются одной из самых ярких доминант, они имеют повсеместное распространение в границах проживания этноса и по праву воспринимаются в качестве этнического знака. Единоборства служат маркером «свой-чужой», который позволяет носителям культурной традиции безошибочно выделяться и противопоставлять себя соседям.

Целый ряд исторических исследований содержит демонстрацию того, как у разных народов мужчины с детства и до самой старости принимали участие в воинских состязаниях, представлявших собой обряды посвящения, а также особые институты обретения практических навыков для участия в боевых действиях на войне. Овладение навыками единоборств как простое подражание, которое было основано на наблюдении и включённости всех членов сообщества в состязательный процесс.

В глобализирующемся мире развитие традиционных единоборств происходит в

рамках процессов самоидентификации народов, предоставляя нашим современникам яркий способ выражения этнического самосознания. В контексте положений теории этноспорта, традиционные единоборства представлены как совокупность сложившихся у разных народов борцовских состязаний, кулачного и палочного боя, смешанных поединков, а также поединков с использованием холодного оружия [1].

Исторически состязания в единоборствах были постоянной составляющей празднично-обрядовой культуры и проводились в форме традиционных игр на народных гуляниях. Сегодня эта схема вновь становится актуальной усилиями Федерации традиционных игр и этноспорта России, традиционные единоборства снова можно увидеть во время народных праздников. Среди наиболее удачных проектов современной репрезентации можно выделить бурятскую борьбу бухэ-барилдаан на празднике Эрын гурбан наадан, татарскую борьбу корэш на празднике Сабантуй, рус-

скую борьбу за-вороток – на праздниках Масленица, Красная горка и Святки. С учётом опыта последних двух лет, в этот ряд можно поставить и традиционную борьбу нюл-тахли народов хантов и манси, которой посвящена эта статья¹.

Интерпретация результатов исследования

В празднично-обрядовой и досуговой среде хантов и манси ещё остались в памяти живущего поколения конкретно-исторические формы традиционной борьбы, что даёт основания для её корректной ревитализации. Кроме того, наличие сохранившихся механизмов культурного наследования в рамках устной традиции позволяет в перспективе отнести восстановленную борьбу нюл-тахли к объектам нематериального культурного наследия.

Процесс восстановления традиционной борьбы нюл-тахли в рамках современных культурных практик требует междисциплинарного подхода с обращением к различным отраслям гуманитарного знания в исторической науке и этнологии, культурологии, педагогике и социологии. В результате исследования с использованием обширного методологического аппарата были выявлены:

- конкретно-исторические формы борцовских состязаний в традиционной культуре народов ханты и манси;
- празднично-обрядовые мероприятия, в которых борцовские состязания обладают функцией этнического знака;
- признаки общего и единичного в традиционной борьбе нюл-тахли хантов и манси в сравнении с другими финно-угорскими народами;
- в совокупности приёмы и правила состязаний в традиционной борьбе нюл-тахли.

Наряду с кабинетными (невключенными) методами исследования, нами был применён историко-социологический ме-

тод (включённый), который устанавливает условия получения данных средствами полевого интервьюирования с последующей интерпретацией результатов. Метод предусматривал несколько последовательно совершаемых этапов для создания репрезентативного массового устного источника. Благодаря этому методу были получены достоверные массовые данные, которые невозможно получить другим образом. Впервые этот метод был разработан и применён при исследовании русских традиционных единоборств на локальной территории Тамбовщины [2].

Для отработки гипотезы и процедур историко-социологического исследования проведён предварительный, пилотажный опрос 25 чел. в деревне Русскинская, Сургутского района, ХМАО – Югры. Данные ответов во всех анкетах (с вопросами о традиционных правилах борцовских состязаний, местах и времени их проведения) были одинаковы во всех случаях и сопоставимы с материалами других этнографических исследований, что позволило сделать вывод об устойчивом воспроизведении традиций в различных местах расселения обско-угорских народов. Кроме того, была уточнена и расширена карта распространения традиционной борьбы нюл-тахли.

Опора на фольклор позволила свести к минимуму нарратив при составлении правил традиционной борьбы нюл-тахли (приводятся в виде неотъемлемого приложения к данной статье), что особенно важно в контексте неизбежного внесения изменений и неаутентичных терминов, обусловленных современными требованиями и регулируемыми нормами физкультурно-спортивной деятельности².

При разработке правил нами применялся метод педагогического эксперимента, заключающийся в апробации предложенной модели на группе коренных жителей с выявлением стилевых особенностей аутентичных форм этнодвигательности, что

¹ Вариант названия борьбы «нюл-тахли» принят нами по результатам этнографического исследования В.П. Красильникова «Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов» (2002).

² Авторы исследования имеют многолетний опыт руководства в сфере физической культуры и спорта, непосредственно связанный со спортивной борьбой. А.В. Кыласов был одним из инициаторов создания и руководителей Комитета традиционных видов борьбы Международной федерации объединённых стилей борьбы (FILA), удостоен почётной грамоты Министерства спорта Российской Федерации. А.С. Тедорадзе был одним из инициаторов создания и руководителей Федерации традиционного рукопашного боя Тамбовской области, за многолетнюю тренерскую деятельность удостоен почётного звания отличник физической культуры и спорта Российской Федерации.

позволило:

- разработать современные правила традиционной борьбы нюл-тахли для её развития в качестве этноспорта и регионального компонента этнопедагогики;

- проанализировать опыт внедрения традиционной борьбы нюл-тахли в региональной системе физической культуры и спорта;

- выработать рекомендации для дальнейших исследований традиционной борьбы нюл-тахли и других традиционных игр обско-угорских народов.

Историко-этнографическое описание борьбы хантов и манси

Традиционная борьба у народов ханты и манси известна в нескольких вариантах – на-вольную, на-поясах и в-обхват. Борцы подражали технике борьбы медведя, образ которого был тотемом. Некоторые из борцов даже решались на противоборство с медведем. Интересно отметить, что и русская борьба в-обхват называлась медвежьей борьбой.

В борьбе в-обхват борцы предварительно обоюдно схватывались крест-накрест: одну руку – над правым плечом, а другую – под левым плечом соперника (или наоборот). Руки сцепляли на спине, сохраняя захват до конца поединка, время проведения которого не ограничивалось. Такая разновидность борьбы встречается в традиционной культуре всех финно-угорских народов, при этом особую популярность она имела у финнов, эстонцев, удмуртов, коми-пермяков, а также у народов ханты и манси.

Финский исследователь, автор монографии «История борьбы» Х. Лехмусто, приводит примеры финно-угорской борьбы в-обхват в Скандинавии у викингов. В недалёком прошлом такая борьба существовала у финнов под название «сулипайнин» [3]. Исследования распространения борьбы в-обхват у русского народа, демонстрируют наличие этого вида состязаний преимущественно в контактной зоне с финно-угорскими народами, что так же может служить дополнительным аргументом в пользу родословной этой борьбы.

Одно из первых упоминаний существования борцовской традиции состязаний у народов хантов и манси в конце XIX

в. оставил С. Патканов, который писал: «Если время не благоприятствовало охоте, они устраивали состязания и военные игры на особых чистых площадках около города, на так называемых «*жантта-хар*», «*жакта-хар*», что в переводе значит «площадь для игр» и «площадь для танцев». На эти игры сходились только князья-богатыри, простой же народ, которому не приличествовало вступать в поединки со знатью, только созерцали потехи своих князей. Иногда кроме своих князей, в происходивших тут состязаниях принимали участие и соседние и даже чужеземные богатыри, пришедшие сюда ради приобретения жены или просто желая помериться силою с тем или другим славным богатырём» [4]. По мнению некоторых исследователей, память об этих состязаниях знати сохранилась до сих пор в одном из названий борьбы у хантов – *хон* (князь, царь) [5].

У хантов и манси соревнования борцов устраивались во время различных обрядов и праздников, а иногда и просто на отдыхе. Они были неотъемлемой частью медвежьего праздника, который у хантов носил название вой як, а у манси янихйикв [6]. В работах В.П. Красильникова описаны состязания борцов на медвежьих играх сургутских хантов [7]. Это наиболее полное этнографическое описание всего процесса традиционной борьбы, подлинность которого подтверждается свидетельствами из других мест. Исследования В.П. Красильникова стали основой описания стилевого направления традиционной борьбы народов ханты и манси под общим названием нюл-тахли.

Существовало несколько видов проведения борцовских состязаний. На медвежьих играх выбирали пять лучших борцов – *лэкл-анки* (самый сильный борец) [7]. Число пять скорее всего связано с представлениями о числе ипостасей души у человека и медведя (четыре – у медведицы, пять – у медведя) [6]. С этими пятью борцами боролись по очереди все участники медвежьего праздника. В случае поражения борец из пятёрки выбывал из борьбы. Целью этого состязания было победить хотя бы одного из *лэкл-анки*, а в идеале – победителя предыдущего турнира. В этом случае состязание прекращалось.

В другом виде противоборствующими партиями выступали фратрии (объединения родов). У северных хантов и манси существовало две группы: Пор и Мось. Члены одной фратрии считались кровными родственниками и вели свое происхождение от одного мифологического предка: у Пор предком считался медведь, у Мось – женщина Калтась, которую представляли в виде зайца или гусыни. У восточных хантов было три рода, которые назывались Лосем, Бобром и Медведем. При этом борцы одной партии встречались с борцами другой. Состязания начинали младшие, а затем в борьбу вступали зрелые борцы. Состязание завершалось борьбой самых ловких и сильных борцов. Побеждала та фратрия, борцы которой одержали больше побед. Отголоски этого древнего обычая сохранились в состязаниях двух групп борцов, известных под названием хон (князь, царь) и хон-ики (царь-мужчина) у шурышкарских и обских хантов.

Наряду с групповой борьбой существовали состязания, в которой могли принимать участие представители разных фратрий. Но в любом случае победа отдельного борца воспринималась как победа всей партии, всего сообщества.

Массовые состязания проводились по традиционной системе на вызов. При такой модели любой член сообщества мог вызвать на поединок любого борца. Победитель получал право бороться со следующим претендентом.

Состязания в борьбе проводились на особых площадках, расположенных в сакральных местах. Есть сведения, что в борьбе непосредственно возле идолов и священного лабаза принимали участие только женщины и девочки, поскольку мужчины не имели права приходить к женским сакральным местам [8].

Данные факты свидетельствуют о явно выраженном ритуальном характере борьбы у хантов и манси и её глубокой связи с мифологическими представлениями.

Борьба в-обхват известна у хантов и манси в нескольких вариантах, определяемых территориальными особенностями. Различия определялись главным образом в форме проведения самого состязания и в определении победителя.

Например, в одних местах борцы активно использовали подножки и зацепы ногами, в частности так боролись обские ханты. В других местах борьба была чисто силовой, без использования приёмов с воздействиями на ноги соперника. Такая борьба зафиксирована у шурышкарских и сургутских хантов [9]. Во-втором варианте борьбы большое значение имела физическая сила, ловкость же стояла на втором месте.

Для того чтобы стать победителем, достаточно было повалить соперника на землю и оказаться сверху. Нередко соперника нужно было удерживать некоторое время под собой.

Состязания в этой борьбе проводились по правилу «до трёх раз» – победитель определялся по результатам трёх схваток, или по правилу «до одного раза» – упавший или сбитый с ног борец сразу проигрывал схватку.

Опыт спортизации борьбы нюл-тахли

Спортивное руководство СССР, реализовавшее гомогенный проект «борьба народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», было заинтересовано в продвижении спортивной (вольной) борьбы, разновидность которой и представлял собой этот симбиоз: схватки проводились с ограничением времени, на выбывание по так называемой «олимпийской системе», присуждались очки и распределялись места, – что в совокупности полностью противоречило традиции и потому не выдержало проверки временем.

После краха советской системы, начался хаотичный процесс восстановления традиционных единоборств, который во многом носил стихийный характер. Создаваемые образцы зачастую были далеки от конкретно-исторических форм состязаний и противоречили обычаям традиционной культуры. При адаптации единоборств в большинстве случаев наблюдается излишняя спортизация, которая характеризуется внедрением построений перед началом и восхождением на пьедестал в конце мероприятий, присуждением очков и «олимпийской системой» проведения соревнований. Авторы делали то, что им хорошо знакомо – спортивные дисциплины, ничего другого они попросту не знали и не умели. Тем самым, попытки спортивной унификации

традиционных единоборств создавали поле активного разрушения этнической самобытности.

Следует сказать и ещё об одной проблеме, которая связана со спортизацией. Часто некомпетентные в вопросах этнографии спортивные деятели конструировали новодел, выдавая его за оксюморон вновь открытых забытых традиций. Их фальсификации, не имеющие под собой доказательной источниковой базы и описанной методологии исследований, дискредитируют саму идею изучения и возрождения традиционных единоборств, которые усилиями этих деятелей предстают причудливой дикостью.

В этой связи особое значение приобретает корректное восстановление традиционных единоборств с использованием междисциплинарного подхода и широкого спектра исследований, которое, с одной стороны, служит технологией сохранения культурной идентичности, а с другой стороны, создаёт реальное противодействие всякого рода фальсификациям. Руководствуясь изложенным, были проведены исследования и предпринята научно обоснованная спортизация традиционной борьбы хантов и манси. Под эгидой Федерации традиционных игр и этноспорта России работа была осуществлена в два этапа:

1. Теоретический этап позволил осуществить широкий анализ исторических и этнографических источников. Предметом изучения стали традиции проведения состязаний в борьбе у хантов и манси в сравнении с другими финно-угорскими народами. Предложена рабочая гипотеза, на основе которой составлена анкета для проведения историко-социологического исследования. На этом этапе проведено пилотажное историко-социологическое исследование в д. Русскинская, Сургутского района, ХМАО – Югры, а также разработаны правила проведения соревнований по традиционной борьбе нюл-тахли народов ханты и манси.

2. Практический этап включил в себя подбор экспериментальной группы из числа коренных жителей Югры, которые приняли участие в соревнованиях по разработанным правилам. Совместно с Федерацией этноспорта ХМАО – Югры разработаны

положения в рамках межведомственного взаимодействия Департамента физической культуры и спорта ХМАО – Югры и Департамента культуры ХМАО – Югры по проведению традиционных игр в рамках народных праздников ханты и манси; проведены традиционные игры в рамках традиционных праздников Ворна хатл, Вит хон хатл и Медвежих игрищ.

Главным результатом первого этапа стало составление правил проведения соревнований по традиционной борьбе нюл-тахли (в-обхват). Правила состоят из пяти глав, в которых подробно разработаны порядок проведения соревнований, описаны общие условия и ход поединков.

Основная задача в процессе разработки правил – создание условий для сохранения этнокультурной самобытности традиционной борьбы хантов и манси. Этого удалось достичь, прежде всего, за счёт введения традиционных систем проведения соревнований: «на вызов» и «в честь медвежьего праздника». Важнейшим элементом правил стала традиционная система выявления победителей. В схватке побеждает тот, кто первым заставит принять соперника положение сидя, лёжа на боку или на спине, а сам окажется сверху. При этом в схватке невозможно победить по предупреждениям, вынесенным сопернику, как нередко бывает в спортивной борьбе.

Согласно правилам борьба проходит в традиционной одежде. Борцы могут выходить на схватку с голым торсом, в рубахе или малице, подпоясанных поясом. На ногах борцов традиционные штаны пать и сапоги с высоким голенищем кисы из камусов (лап) оленей с аппликацией орнаментов из полосок меха.

Соревнования могут проводиться на естественных травяных или заснеженных площадках, допускается проведение соревнований в помещениях на искусственном покрытии, отвечающем требованиям безопасности.

Результаты исследований были сообщены в виде докладов на следующих мероприятиях:

«Этнология в зеркале традиционных игр» на III Межрегиональном спортивном форуме «Развитие спорта Сибири и на Дальнем Востоке» в Доме Правительства,

Улан-Удэ, 5 октября 2013 г.;

«Культурный феномен смешанных боевых единоборств» на круглом столе «Основные аспекты научно-методической деятельности в смешанном боевом единоборстве (ММА) и перспективы развития студенческого движения» в РГУФКСМиТ, Москва, 13 декабря 2013 г.;

«Межведомственное взаимодействие в организации культурно-массовых мероприятий» на круглом столе «Спорт в России и в мире» в МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 6 марта 2014 г.;

«Физическая культура в межведомственном взаимодействии» на совместной коллегии Департамента физической культуры и спорта ХМАО – Югры и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры, Югорск, 17 марта 2013 г.;

«Формирование ментальности в традиционных играх» на Совещании «Традиционные игры в Чеченской Республике: состояние, проблемы и перспективы развития» в Парламенте ЧР, Грозный, 23 апреля 2014 г.

«Фольклор в традиционных играх» на Совещании региональных координаторов Международного совета Северных территорий «Северный форум», Акюрейри (Исландия), 5 ноября 2014 г.

На втором этапе проведён научный (практический) эксперимент: первые пробные соревнования, которые состоялись в деревне Русскинская Сургутского района ХМАО – Югра. В них приняло участие более пятидесяти коренных жителей. Соревнования проводились в зале с мягким покрытием. По результатам соревнований было проведено анкетирование участников и выработаны рекомендации по корректировке правил соревнований. Результаты педагогического эксперимента показали

добротность правил и концептуальную верность подхода, а также, что весьма важно, лояльность к правилам коренных жителей, которые признали борьбу своей. Особый интерес вызвали воспоминания старожилов, присутствовавших на турнире.

Первые соревнования проводились с запретом атакующих действий ногами, в соответствии с традицией сургутских хантов. Однако в дальнейшем от этого правила пришлось отказаться в связи с тем, что представители подавляющего большинства других локальных территорий традиционно боролись с использованием атакующих действий ногами. Именно в таком варианте борьба нюл-тахли была представлена в окончательном варианте правил.

Заключение

Впервые возрождённый вид традиционной борьбы нюл-тахли был представлен широкой научной и спортивной общественности на Фестивале традиционных единоборств, который состоялся 21 октября 2013 г. в Санкт-Петербурге, в рамках культурной программы II Всемирных игр боевых искусств Спорт-Аккорд.

13 декабря 2013 г. борьба нюл-тахли была представлена на VIII Всероссийском фестивале традиционных видов борьбы народов России.

23 марта 2014 года проведен окружной турнир по борьбе нюл-тахли, который состоялся в рамках окружного слёта оленеводов и рыболовов. В этот раз соревнования впервые прошли на естественной заснеженной площадке.

Самым массовым стал турнир на традиционных играх в рамках праздник Вит хон хатл в Нефтеюганском районе ХМАО – Югры.

Литература

1. Кыласов А.В. Традиционные игры и этносport: общая классификация // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 8 (25). – С. 43.
2. Тедоразе А.С. Русские рукопашные состязания как явление социальной истории аграрного общества. Тамбовская губерния, вторая половина XIX – первая половина XX в. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2002. С. 27-32.
3. Lehmusto H. Painin historia. Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1939. 487 p.
4. Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. Гл. IV // Живая Старина. СПб., 1891. Вып. IV.

5. Мандзяк А.С., Артеменко О.Л. Энциклопедия традиционных видов борьбы народов мира. Минск, 2010. С. 484.
6. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. – 2002. – №1. – С. 41-62.
7. Красильников В.П. Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. Екатеринбург, 2002.
8. Соколова З.П. Страна Югория, 1977. С. 119.
9. Список информаторов: Покачев Иван Борисович (1986 г.р., Сургутский район, д. Русскинская, 32 родовое угодье); Рынков Владимир Григорьевич (1954 г.р., Сургутский район, д. Русскинская, 32 родовое угодье).

References

1. Kylassov A.V. Traditsionnye igry i etnosport: obshchaya klassifikatsiya // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2014. – №8 (25). – S. 43.
2. Tedoradze A.S. Russkie rukopashnye sostyazaniya kak yavlenie sotsial'noy istorii agrarnogo obshchestva. Tambovskaya guberniya, vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Tambov, 2002. S. 27–32.
3. Lehmusto H. Paininistoria. Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1939. 487 p.
4. Patkanov S. Starodavnnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam. Gl. IV // Zhivaya Starina. SPb., 1891. Вып. IV.
5. Mandzyak A.S., Artemenko O.L. Entsiklopediya traditsionnykh vidov bor'by narodov mira. Minsk, 2010. S. 484.
6. Sokolova Z.P. Kul't medvedya i medvezhiy prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri // Etnograficheskoe obozrenie. – 2002. – №1. – S. 41-62.
7. Krasil'nikov V.P. Igy i sostyazaniya v traditsionnom fizicheskom vospitanii khantov. Ekaterinburg, 2002.
8. Sokolova Z.P. Strana Yugoriya, 1977. S. 119.
9. Spisok informatorov: Pokachev Ivan Borisovich (1986 g.r., Surgutskiy rayon, d. Russkinskaya, 32 rodovoe ugod'e); Rynkov Vladimir Grigor'evich (1954 g.r., Surgutskiy rayon, d. Russkinskaya, 32 rodovoe ugod'e).

Приложение

ТРАДИЦИОННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ХАНТЫ И МАНСИ НЮЛ-ТАХЛИ ПРАВИЛА СОРЕВНОВАНИЙ

Настоящие правила утверждены Бюро исполкома Федерации традиционных игр и этноспорта России 11 февраля 2014 года.

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Основные положения
- Статья 1. Термины и определения
- Статья 2. Предмет, принцип и основные задачи Правил
- Статья 3. Толкование Правил
- Статья 4. Действие Правил
- Глава 2. Соревнования и программы
- Статья 5. Характер и виды соревнований
- Статья 6. Система проведения соревнований на выбывание
- Статья 7. Система проведения соревнований на вызов
- Статья 8. Система проведения командных соревнований
- Статья 9. Система проведения соревнований в честь медвежьего праздника
- Глава 3. Участники и организация соревнований
- Статья 10. Деление участников соревнований по возрасту и весу
- Статья 11. Допуск участников к соревнованиям
- Статья 12. Регистрация и взвешивание
- Статья 13. Выбывание из соревнований
- Статья 14. Обязанности и права участников

- Статья 15. Руководитель команды и представитель участника
Статья 16. Врач соревнований
Статья 17. Ответственный за проведение соревнований
Статья 18. Одежда борцов
Статья 19. Оборудование места проведения соревнований
Глава 4. Совет старейшин
Статья 20. Состав совета старейшин
Статья 21. Одежда старейшин
Статья 22. Председатель совета старейшин
Статья 23. Главный секретарь-информатор
Статья 24. Секретарь-информатор
Статья 25. Старейшина в поле
Статья 26. Заявление о несогласии с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки
Глава 5. Порядок проведения схваток
Статья 27. Содержание схватки
Статья 28. Вызов борцов на схватку
Статья 29. Начало схватки
Статья 30. Прерывание схватки
Статья 31. Конец схватки
Статья 32. Результат и оценка схватки
Статья 33. Досрочное прекращение схватки
Статья 34. Выход за границы поля
Статья 35. Запрещённые действия
Статья 36. Замечания
Статья 37. Снятие борца за уклонение от ведения честной борьбы
Глава 6. Приложения (не публикуются, поскольку не имеют культурно-исторической составляющей).
Приложение 1. Протокол хода соревнований на выбывание
Приложение 2. Протокол хода соревнований на вызов
Приложение 3. Протокол хода командных соревнований
Приложение 4. Протоколы хода соревнований в честь медвежьего праздника
Приложение 5. Положение о мероприятии
Приложение 6. Заявка команды на участие в соревнованиях (подростки, юноши)
Приложение 7. Заявка-заявление на участие в соревнованиях (мужчины, ветераны)
Приложение 8. Список руководителей команд
Приложение 9. Рапорт и отчёта врача
Приложение 10. Акт приёмки места проведения соревнований
Приложение 11. Список совета старейшин
Приложение 12. Схема отчёта председателя совета старейшин
Приложение 13. Протокол регистрации участников соревнований

Глава 1. Основные положения

Статья 1. Термины и определения

В настоящих Правилах применяются следующие термины и определения:

1. Традиционная борьба – вид этноспорта, представляющий собой совокупность сложившихся в традиционной культуре народов мира, спортизированных и неспортизированных состязаний в борьбе. Является частью традиционных единоборств различных народов.

2. Борьба нюл-тахли – исторически сложившаяся форма проведения состязаний по традиционной борьбе у народов ханты и манси. Характеризуется проведением схватки в стойке с захватом в обхват крест-накрест и целью сбивания противника с ног, и переводом его из положения стоя к положению сидя, лёжа на боку или лёжа на спине посредством бросков и сваливаний из стойки с использованием действий ногами.

3. Общие определения:

Объективный критерий победы – очевидное состояние побеждённого, характерное для конкретного вида традиционных состязаний, при котором не подлежит сомнению его поражение. Происходит от смысла слова «победа» – беда для побеждённого. Сотносится с народной традицией, в которой не оценивались технические действия, а состязания выигрывались при наступлении определённых минимально-достаточных признаков поражения соперника.

Травмоопасное действие – целенаправленное техническое действие, запрещённое народной традицией и правилами, при проведении которого высока вероятность травмы.

Целенаправленное травмирование – воздействие борца на соперника, изначально имеющее характер травмоопасного действия, в результате которого происходит травмирование последнего, из-за чего он не может продолжить участие в соревнованиях.

Примечание: В народной традиции ввиду бытования объективного критерия победы применение травмоопасных действий и целенаправленное травмирование расценивалось как проигрыш того, кто применял такие действия с соответствующим наказанием применившего их.

Схватка – противоборство двух соперников в борьбе.

Круг – этап проведения соревнований по системе на выбывание или по традиционной системе на вызов.

Круг – место для проведения рукопашных состязаний. Круг может представлять собой травяную или покрытую снегом площадку, а также площадку, имеющую специальное покрытие, мягкую набивку и обозначение границ поля.

Поле – площадка, в границах которой разрешается проведение схватки.

На вызов – традиционная система проведения соревнований в рукопашных состязаниях у разных народов.

Борец – участник состязаний в борьбе.

Любитель – борец, принимающий участие в соревнованиях начального уровня.

Лучший борец (лэкл-анки) – борец, победитель соревнований.

Любительская борьба – соревнования на-

чального уровня.

Борьба лучших (борьба лэкл-анки) – соревнования лучших борцов.

Старейшина – уважаемый человек, осуществляющий общий ход и контроль за проведением соревнований. В настоящих правилах тождественно принятому в спорте понятию судья.

Зачинщик – борец, начинающий соревнования на вызов, и выбирающий себе соперника.

Безнравственное поведение – поведение, нарушающее общепринятые нравственные нормы и принципы настоящих правил.

5. Основные положения борцов – определённые положения, применяемые борцами в процессе схватки.

Положение стоя – положение борца, при котором он касается поверхности поля только стопами.

Положение на коленях, на одном колене – положение борца, находящегося на одном или двух коленях.

Положение лёжа – положение борца с касанием поверхности поля туловищем. Различают положение на спине, ничком и на боку.

Положение сидя – положение борца с касанием поверхности поля ногами и ягодицами, при котором туловище борца оторвано от поверхности поля.

Положение верхнего – положение борца внизу, при котором он находится сверху своего противника.

4. Техника борьбы нюл-тахли – совокупность рациональных, разрешённых правилами действий борца (приёмов, защит и контрприёмов), применяемых для достижения победного положения.

Бросок – действие при котором атакуемый борец переводится из положения стоя в положение на четвереньках, сидя или лёжа, посредством выведения из равновесия и отрыва от поверхности поля. Различают бросок стоя, с колен и с падением.

Сваливание – действие, при котором атакуемый борец переводится из положения стоя, на коленях (одном колене) в положение на четвереньках, сидя или лёжа, посредством выведения из равновесия. Различают сваливание стоя, с колен и с падением.

Бросок (сваливание) стоя – действие, по-

сле выполнения которого, атакующий борец остаётся в положении стоя.

Бросок (сваливание) с колен – действие, в результате которого атакующий борец переходит в положение на коленях или одном колене.

Бросок (сваливание) с падением – действие, после выполнения которого, атакующий борец переходит в положение на четвереньках, сидя или лёжа.

Статья 2. Предмет, принцип и основные задачи правил

1. Настоящие правила регулируют порядок проведения соревнований по традиционной борьбе народов ханты и манси нюл-тахли.

2. Основная идея и принципы соревнований не должны выходить за рамки народной традиции.

3. Задача правил состоит в корректной спортизации конкретно-исторической формы исконной борьбы народов ханты и манси в-обхват.

4. Основным принципом оценки состоит в традиционном выявлении победы, которая определяется объективным и очевидным для окружающих состоянием побеждённого как принужденного и поверженного.

5. Принципы соревнований:

- мерилом всех правил является победа, очевидная для окружающих и свидетельствующая о поражении соперника;

- правила или их применение не должны лишать борца возможности объективной и честной победы над соперником;

- правила или их применение не должны лишать старейшин возможности установить объективную победу;

- победа объективна и действительна только тогда, когда она не связана с глумлением, издевательствами или каким-либо унижением личности, умышленным нанесением вреда, действительный победитель не имеет необходимости причинять вред сопернику на соревнованиях;

- ограничения должны быть минимальны и не создавать ситуации, в которой борца можно лишить его победы;

- правила и нравственные нормы должны быть построены таким образом, чтобы схватки проводились без цели покалечить или унизить соперника;

- лучшие борцы могут определяться только на основе соревновательного, конкурсного отбора по объективным, естественным показателям победы;

- старейшины не могут руководствоваться субъективными оценками, субъективные оценки для определения лучшего борца запрещены;

- на соревнованиях предполагается добросовестность всех участников, которая может быть оспорена только на основании правил и общепринятых норм закона, народных традиций, обычаев;

- отношения между всеми участниками соревнований должны строиться только на принятии всех точек зрения, объективной оценке, взаимном человеческом уважении друг к другу и особом уважении к тем, кто добился больших достижений.

Статья 3. Толкование правил

1. Настоящие правила замещают все предшествующие издания правил по борьбе народов ханты и манси.

2. В случае разногласий касательно толкования положений какой-либо статьи настоящих правил, право толкования имеют исключительно члены научно-методического совета Федерации традиционных игр и этноспорта России.

Статья 4. Действие правил

1. Применение этих правил на всех мероприятиях, проводимых Общероссийской общественной организацией «Федерация традиционных игр и этноспорта России», является обязательным.

Глава 2. Соревнования и программы

Статья 5. Характер и виды соревнований

1. По характеру соревнования по борьбе хантов и манси нюл-тахли подразделяются на командные, личные и лично-командные:

а) командные соревнования проводятся для определения лучшей команды;

б) личные соревнования проводятся для определения лучших борцов в одном весе и возрасте;

в) лично-командные соревнования проводятся для определения лучших борцов в одном возрасте и весе и определения лучших команд в одном или нескольких возрастах и весах.

2. Состязания борцов проводятся в рамках отдельных соревнований, фестивалей по традиционным видам единоборств, народных гуляний и традиционных игр.

3. Личные и лично-командные соревнования проводятся на выбывание или на вызов.

4. Состязания борцов могут проводиться среди любителей – любительская борьба, и среди лучших борцов – борьба лучших (борьба лэкл-анки). Также в честь медвежьего праздника проводятся соревнования лэкл-анки со всеми желающими.

5. В рамках одних соревнований могут проводиться состязания в любительской борьбе и борьбе лучших. При этом победители любительской борьбы могут быть допущены к борьбе лучших.

6. На соревнованиях схватки проводятся последовательно, начиная с наименьшего возраста и веса.

7. Одновременно схватки могут проводиться на одном, двух или четырёх полях. На медвежьем празднике соревнования проводятся на пяти полях.

Статья 6. Система проведения соревнований на выбывание

1. Борцы в пределах одного возраста и одного веса делятся на две группы. Первая группа всегда включает чётное количество участников.

2. Порядковый номер участника определяется жеребьёвкой.

3. Пары определяются в порядке очередности.

4. Если в каком-либо весе имеется всего лишь один борец, первенство в данном весе считается не разыгранным.

5. Борец, проигравший схватку, выбывает.

6. Борцы, занявшие в группах первые места, соревнуются за звание лучшего.

7. В случае целенаправленного травмирования выбывают оба борца: травмированный и нанёсший травму.

8. Если из-за целенаправленного травмирования, дисквалификации, не целенаправленного травмирования или снятия одного из борцов была нарушена турнирная таблица, то борцы, занимающие следующие позиции, переходят вверх по турнирной таблице.

9. В случае целенаправленного травмирования, в итоговой схватке за звание лучшего, борец, нанёсший травму, дисквалифицируется, а травмированный борец занимает первое место.

10. Результаты соревнований на выбывание по каждому весу и возрасту отражаются в протоколе хода соревнований (приложение 1).

Статья 7. Система проведения соревнований на вызов

1. Соревнования на вызов проводятся кругами.

2. Победители одной, двух или трёх схваток (количество побед определяется организаторами соревнований и указывается в положении) подряд проходят в следующий круг.

3. В итоговом круге за звание лучшего борца могут соревноваться от двух до четырёх борцов.

4. Порядок проведения личных и лично-командных соревнований на вызов:

а) перед началом схваток все участники соревнований в одной возрастной и весовой категории выходят на поле;

б) перед началом каждого круга проводится открытая жеребьёвка для определения зачинщиков;

в) число зачинщиков определяется количеством полей, на которых одновременно будут проводиться схватки;

г) участники тянут по очереди жребий из шапки, которую держит старейшина в поле;

д) зачинщиком может стать любой участник соревнований по собственному желанию, в этом случае жеребьёвка не проводится;

е) каждый зачинщик выбирает для проведения первой схватки любого из участников, не являющегося зачинщиком;

ж) победитель первой схватки выбирает соперника на вторую схватку из числа участников круга, оставшихся в поле;

з) победитель второй схватки проходит в следующий круг;

и) если в круге никто из участников не одержал двух побед подряд, то в следующий круг проходят борцы, одержавшие по одной победе;

к) если в кругу две победы подряд одер-

жал только один борец, то он признаётся лучшим и соревнования в этом возрасте и весе прекращаются;

л) если в любой из схваток выбыли оба борца, то из числа оставшихся участников жеребьёвкой выбирается новый зачинщик и схватки продолжаются по общему принципу, изложенному в настоящей статье;

м) если борцу в круге не досталось соперника или он победил всего в одной схватке и на вторую ему не досталось соперника, то он проходит в следующий круг;

н) если в итоговом круге встречаются два борца, то они борются между собой, победитель признаётся лучшим;

о) если в итоговом круге встречаются три борца, то среди них по жребию или желанию выбирается зачинщик, который выбирает одного из борцов на схватку. Победитель схватки встречается со следующим борцом. Победитель второй схватки становится лучшим;

п) если в итоговом круге встречаются четыре участника, то среди них по жребию или желанию выбираются два зачинщика. Зачинщики выбирают на схватку борцов. Победители схваток встречаются в следующей схватке. Победитель последней схватки становится лучшим борцом.

5. Для определения лучшей команды в лично-командных соревнованиях учитываются три лучших результата в личном первенстве.

6. Результаты соревнований на вызов по каждому весу и возрасту отражаются в протоколе хода соревнований (приложение 2).

Статья 8. Система проведения командных соревнований

1. Командные соревнования проводятся без учёта веса среди юношей и мужчин.

2. От каждой команды выставляется равное количество участников, оговорённое положением о соревнованиях.

3. Каждый борец команды проводит по одной схватке.

4. В состязаниях побеждает команда – борцы которой одержали больше побед.

5. В командных соревнованиях может принимать участие несколько команд. Порядок встреч между командами определя-

ется по общим правилам системы проведения соревнований на выбывание.

6. Порядок проведения командных соревнований:

а) для состязания борцы команд выходят на круг и становятся друг против друга;

б) по жребию определяется команда, которая начинает состязание;

в) зачинщик команды, начинающей состязание, выбирает любого борца на схватку из команды соперников;

г) право выбора соперника на следующую схватку получает команда, борец которой победил в предыдущей схватке.

7. Результаты командных соревнований по каждому возрасту отражаются в протоколе хода соревнований (приложение 3).

Статья 9. Система проведения соревнований в честь медвежьего праздника

1. Состязания на медвежий праздник проводятся без учёта весовых категорий среди юношей и мужчин.

2. По итогам соревнований года отбираются пять сильнейших борцов лэкл-анки, с которыми поочередно могут состязаться все желающие.

3. Состязания проводятся на пяти полях одновременно.

4. Участвующие в соревнованиях борцы борются с каждым лэкл-анки по одному разу.

5. Проигравший схватку лэкл-анки выбывает, а его победитель объявляется лучшим борцом медвежьего праздника.

6. Цель соревнований победить всех лэкл-анки.

7. Соревнования прекращаются, когда все лэкл-анки будут побеждены или все борцы примут участие в соревнованиях.

8. Результаты соревнований соревнований в честь медвежьего праздника отражаются в протоколе хода соревнований (приложение 4).

Глава 3. Участники и организация соревнований

Статья 10. Деление участников соревнований по возрасту и весу

1. Деление участников соревнований по возрасту и весу в борьбе народов ханты и манси:

а) подростки (12-14 лет):	б) юноши (15-17 лет):	в) мужчины (18-35 лет):	г) ветераны (старше 35 лет):
до 48 кг.	до 56 кг.	до 72 кг.	до 72 кг.
до 56 кг.	до 64 кг.	до 112 кг.	до 112 кг.
до 64 кг.	64-88 кг.	без деления по весам	без деления по весам.
64-80 кг.			

2. Деление участников по весу, установленное настоящими правилами, может изменяться организаторами соревнований в связи с необходимостью, вызванной условиями проведения соревнований.

3. Борец в каждом виде состязаний допускается к участию в соревнованиях только в одном возрасте и в одном весе, который соответствует его весу во время официального взвешивания, а также в соревнованиях без деления по весам.

Статья 11. Допуск участников к соревнованиям

1. Условия допуска участников к соревнованиям, их общественная принадлежность, квалификация и возрастные группы, перечень предоставляемых документов оговариваются настоящими правилами и положением о мероприятии (приложение 5).

2. Заявка команды на участие её борцов в соревнованиях среди подростков и юношей оформляется по установленной форме (приложение 6) с обязательным наличием заверенных печатями подписей: руководителя организации, тренера и врача; удостоверяющих готовность участников.

3. Мужчины и ветераны допускаются к участию в соревнованиях на основании паспорта и заявки-заявления (приложение 7). В заявке-заявлении участники собственноручно подтверждают организаторам соревнований, что не имеют медицинских противопоказаний для участия в соревнованиях и не будут иметь претензий в случаях получения травм.

4. Допуск участников осуществляет председатель совета старейшин, который проверяет заявки и документы участников на соответствие требованиям положения.

5. На регистрации участник должен предоставить документы, удостоверяющие личность:

а) свидетельство о рождении и справку из учебного заведения с фотографией, если борцу не исполнилось 14 лет;

б) паспорт, если борцу исполнилось 14 лет.

6. Ответственность за допуск участников в спорных случаях несёт руководитель команды.

Статья 12. Регистрация и взвешивание

1. Регистрация и взвешивание участников соревнований производится в день соревнований, не менее чем за один час до начала соревнований.

2. Регистрация и взвешивание участников осуществляется председателем совета старейшин и главным секретарём-информатором. Председатель совета старейшин может в рабочем порядке назначить трёх старейшин, ответственных за взвешивание.

3. Непосредственно перед регистрацией и взвешиванием руководители команд или борцы лично должны представить в совет старейшин заявку на участие в соревнованиях.

4. Непосредственно перед регистрацией и взвешиванием участники проходят медицинский осмотр.

5. Борцы на регистрацию и взвешивание представляют свидетельство о рождении и справку из учебного заведения с фотографией или паспорт.

6. Взвешивание проводится в трусах или шортах без обуви.

Статья 13. Выбывание из соревнований

1. Борец, проигравший схватку, отказавшийся от очередной схватки, получивший травму, выполнивший целенаправленное травмирование, выбывает из соревнований.

2. Борец может отказаться от участия в соревнованиях и сняться в любой момент соревнований.

3. Борец, уклоняющийся от ведения честной борьбы, снимается с соревнований.

Статья 14. Обязанности и права участников

1. Участник обязан:

а) строго соблюдать правила, положения, программу соревнований, установленные ритуалы и церемонии, традиции и обычаи;

б) выполнять требования старейшин;

в) быть корректным по отношению ко всем участникам и лицам, проводящим и обслуживающим соревнования, зрителям;

г) выступать в опрятной одежде.

2. Участник имеет право:

а) обращаться к старейшинам через представителя команды;

б) отказаться от дальнейшего участия в соревнованиях;

в) своевременно получать необходимую информацию о ходе соревнований, изменениях в программе и т.д.

3. Каждый борец, принимающий участие в соревнованиях, автоматически даёт согласие на распространение своего изображения в печатных и видеоматериалах рекламного характера и на обработку персональных данных организаторами соревнований.

Статья 15. Руководитель команды и представитель борца

1. Посредником между старейшинами и участниками является руководитель команды, который выставляет участника (участников). Он регистрируется секретарём-информатором (приложение 8).

2. Руководитель команды несёт ответственность за поведение участников команды и обеспечивает своевременную явку их на соревнования.

3. Руководитель команды участвует в совещании совета старейшин, если оно проводится совместно с представителями.

4. Руководителю команды запрещается вмешиваться в распоряжения старейшин и лиц, проводящих соревнования.

5. Руководитель команды может выразить несогласие с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки.

6. Руководитель команды не может быть одновременно старейшиной соревнований.

7. Допускается регистрация от одной команды только одного руководителя.

Статья 16. Врач соревнований

1. Для участия в соревнованиях каждый борец в возрасте до 18 лет должен пройти

медицинское обследование по месту жительства, что подтверждается заявкой, заверенной врачом и медицинским учреждением.

2. Организатор соревнований обязан обеспечить медицинский осмотр перед соревнованиями и оказание медицинской помощи в ходе схваток. Медицинский персонал работает на протяжении всего времени соревнований.

3. Медицинское обслуживание соревнований осуществляется местными органами здравоохранения.

4. Обязанности врача:

а) проверка заявок участников на данные медицинского обследования;

б) осмотр участников до начала соревнований;

в) организация и оказание медицинской помощи;

г) контроль соблюдения санитарно-гигиенических условий и норм проведения соревнований;

д) заполнение рапорта и отчёта (приложение 9).

Статья 17. Ответственный за проведение соревнований

1. Ответственный за проведение соревнований руководит своевременной подготовкой и художественным оформлением места соревнований. Он отвечает за безопасность, размещение и обслуживание участников и зрителей, радиофикацию помещения, поддержание порядка во время соревнований, а также обеспечивает все необходимые мероприятия по указаниям председателя совета старейшин и представителя организации, проводящей соревнования.

Статья 18. Одежда борцов

1. Борцы участвуют в состязаниях с голым торсом или в традиционной одежде: рубахе или малице, подвязанным матерчатым поясом. У одного борца пояс красного, а у другого синего цвета. На ногах штаны пать и кисы с высоким голенищем из камусов (лап) оленей с аппликацией орнаментов из полосок меха.

2. Запрещается выходить на схватку с предметами, которые могут стать причиной травмы: кольца, браслеты, цепочки и т.п.

Статья 19. Оборудование места проведения соревнований

1. Для проведения соревнований используется мягкое покрытие размером 12X12 метров, которое должно иметь обозначение поля, диаметром 9 метров, в границах которого проводится схватка. На поле обозначен центр, куда перед началом схватки вызываются борцы. За границей поля установлена зона безопасности шириной не менее одного метра.

2. Покрытие должно иметь равномерную и плотную набивку от 120 до 200 кг/м³ из прессованного поролона или пенополиэтилена.

3. При проведении соревнований на одном поле с мягким покрытием могут проводиться две схватки одновременно.

4. При проведении состязаний по борьбе народов ханты и манси во время народных гуляний и традиционных игр возможно проведение соревнований на травяной или покрытой снегом площадке. Площадка для борьбы должна иметь размер в диаметре не менее 9 метров. Одновременно на этом поле проводится не более двух схваток.

5. Перед началом соревнований Председателем совета старейшин совместно с врачом и представителем организации, проводящей соревнования, составляется Акт приёмки места соревнований, подтверждающий соответствие места проведения соревнований настоящим Правилам (приложение 10).

Глава 4. Совет старейшин

Статья 20. Состав совета старейшин

1. Состав совета старейшин определяется организаторами соревнований (приложение 11).

2. В состав совета старейшин входят: председатель совета старейшин, главный секретарь-информатор, секретарь-информатор (один на два поля), старейшина в поле (по два на каждое поле).

Статья 21. Одежда старейшин

1. Старейшины имеют специальную форму, утверждённую научно-методическим советом Общероссийской общественной организации «Федерации традиционных игр и этноспорта России».

2. Членам совета старейшин не разре-

шается иметь на одежде и обуви логотипы коммерческих предприятий или партнёров.

Статья 22. Председатель совета старейшин

1. Председатель совета старейшин руководит соревнованиями и отвечает за их проведение в соответствии с настоящими Правилами и положением.

2. Председатель совета старейшин обязан:

а) проверить готовность к соревнованиям площадки, помещения, оборудования, инвентаря, соответствие их требованиям настоящих Правил, а также убедиться в наличии необходимой документации;

б) вместе с главным секретарём-информатором организовать и провести взвешивание участников, которое должно быть закончено не позднее, чем за один час до начала соревнований;

в) принять меры к своевременному исправлению ошибок, в случае если они допущены старейшинами;

г) вынести решения по заявлениям о несогласии с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки, поступившим от руководителей команд;

д) провести заседание совета старейшин перед началом соревнований;

е) дать оценку работы каждого старейшины;

ж) в течение двух дней сдать отчет и протоколы соревнований в Общероссийскую общественную организацию «Федерацию традиционных игр и этноспорта России» (приложение 12).

3. Председатель совета старейшин имеет право:

а) отменить соревнования в случае несоответствия помещения, оборудования, инвентаря настоящим Правилам;

б) внести изменения в программу в случае крайней необходимости;

в) делать предупреждения и отстранять представителей, старейшин, обслуживающий персонал - в случае неисполнения возложенных обязанностей;

г) снять команду за безнравственное поведение его членов: руководителя, тренера, представителей, в том числе, в случае систе-

матического нарушения настоящих Правил.

Статья 23. Главный секретарь-информатор

1. Главный секретарь-информатор обязан:

а) вести протоколы заседаний совета старейшин;

б) вместе с председателем совета старейшин определить порядок встреч;

в) оформлять распоряжения и решения председателя совета старейшин;

г) вести документацию соревнований;

д) руководить работой секретарей-информаторов;

е) участвовать в совещаниях совета старейшин и руководителей команд;

ж) давать информацию руководителям команд и представителям СМИ;

з) провести регистрацию и взвешивание участников не позднее, чем за один час до начала соревнований на основании заявок и устных подтверждений руководителями команд (приложение 13);

и) внести в квалификационные книжки борцов информацию об участии в соревнованиях, выдавать представителям заверенные справки и выписки из протоколов об участии в соревнованиях.

Статья 24. Секретарь-информатор

1. Секретарь-информатор подчинён главному секретарю-информатору.

2. Обязанности секретаря-информатора на своих полях:

а) объявлять результаты схваток;

б) объявлять участников или состав команд;

в) вести установленную программу соревнований;

г) вести протоколы соревнований и протокол схваток и сообщать необходимую информацию председателю совета старейшин.

Статья 25. Старейшина в поле

1. Один из двух старейшин в рабочем порядке назначается старейшиной, работающим в поле.

4. Старейшина в поле:

а) участвует в представлении борцов;

б) командой «бой» объявляет начало схватки;

в) делает устные замечания борцам по ходу схватки;

г) останавливает и прерывает схватку командой «стой»;

д) при остановках схватки указывает борца, выполнившего результативное действие;

е) снимает борца за уклонение от ведения честной борьбы;

ж) указывает победителя во время объявления последнего;

з) свои решения разъясняет борцам устно.

5. Свою оценку промежуточных результатов схватки старейшина в поле даёт на основе позиции второго старейшины в поле.

6. Позиция старейшины в поле по спорным моментам является решающей.

7. Вмешательство в деятельность старейшины в поле не допускается. Их решение по схватке может быть изменено только председателем совета старейшин в порядке исправления ошибок. Изменение решения старейшины в поле возможно только до начала следующей схватки.

Статья 26. Заявление о несогласии с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки

1. Руководитель общества может выразить несогласие с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки. При этом, заявление о несогласии подаётся председателю совета старейшин сразу по завершению схватки. Заявление должно быть обосновано ссылкой на пункт настоящих Правил или традиционные нормы. Заявление о несогласии с действиями старейшин в поле и объявленным результатом отдельной схватки должно быть подано в письменной форме в течение 15 минут после подачи устного заявления. Необоснованные заявления не принимаются.

2. Председатель совета старейшин должен вынести решение по спорному случаю до начала следующей схватки.

3. Для принятия решения по заявлению председатель совета старейшин может просмотреть видеозапись совместно со старейшиной в поле и руководителем общества.

4. В случае несогласия с решением пред-

седателя совета старейшин по заявлению, руководитель общества может обжаловать его в научно-методический совет Общероссийской общественной организации «Федерация традиционных игр и этноспорта России».

Глава 5. Порядок проведения схваток

Статья 27. Содержание схватки

1. Традиционная борьба народов ханты и манси нюл-тахли - борьба в стойке в-обхват. Разрешены атакующие действия ногами.

2. Задачей борцов является перевод соперника из положения стоя или на коленях в положение сидя, лёжа на боку или лёжа на спине посредством бросков и сваливаний.

3. Перед началом схватки борцы производят обоюдный захват, схватываясь крест-накрест: одна рука – над правым плечом, а другая – под левым плечом соперника (или наоборот). Пальцы рук сцепляются на спине соперника в замок или одной рукой захватывается кисть другой руки.

4. Установленный захват удерживается в течение всей схватки. Запрещается расцеплять или перехватывать захват. Захват разрешается расцеплять только в последней стадии броска или сваливания для осуществления самостраховки и страховки соперника при падениях.

5. Борец, которому предоставляется право первым сформировать захват, определяется перед началом схватки по жребью - подбрасыванием монеты.

6. Время схватки не ограничено.

Статья 28. Вызов борцов на схватку

1. При проведении соревнований секретарь-информатор объявляет борцов на поле и готовящиеся пары в порядке очередности.

2. Секретарь-информатор объявляет борцов, указывая их фамилию, имя и принадлежность к команде, а также титулы и звания.

Статья 29. Начало схватки

1. По команде старейшины в поле борцы становятся в центре поля на расстоянии 1,5 метра друг от друга.

2. Старейшина в поле осматривает оде-

жду участников на соответствие настоящим правилам.

3. По команде старейшины в поле борцы приветствуют друг друга традиционным образом.

4. Старейшина в поле подбрасыванием монеты определяет борца, который первым производит захват.

5. По команде старейшины в поле борцы производят захват.

6. По команде «бой» борцы начинают схватку.

Статья 30. Прерывание схватки

1. Старейшина в поле прерывает схватку командой «стой» в следующих случаях:

а) если один из борцов расцепил или перехватил захват;

б) если один или оба борца приблизились или вышли за границу поля (в этом случае схватка останавливается, и борцы вызываются на центр поля);

в) для вынесения устного замечания одному из борцов, если это замечание невозможно вынести без остановки схватки;

г) если оба борца оказались на земле, но при этом затруднительно определить борца, оказавшегося в положении сидя или лёжа первым;

д) если один из борцов совершил результативное действие и перевёл соперника в положение сидя, лёжа на боку или лёжа на спине.

2. После каждого прерывания схватки, старейшина в поле разъясняет борцам причину остановки.

3. Результативное действия обозначаются указательным жестом в сторону борца, выполнившего действие.

4. Схватка останавливается в случае отказа одного из борцов от продолжения схватки.

Статья 31. Конец схватки

1. После окончания схватки борцы приветствуют друг друга. Старейшина в поле поднимает руку победителя и проводит его по кругу.

Статья 32. Результат и оценка схватки

1. Результатом схватки является победа одного из борцов и поражение другого.

2. В традиционной борьбе оценивается

итоговое положение.

3. Схватку выигрывает борец в том случае, если его соперник оказался в положении сидя, лёжа на боку или лёжа на спине. Если борец расцепил захват и оказался в положении на четвереньках, лёжа ничком или в упоре лёжа, то он также проигрывает схватку.

Примечание:

1. Для определения победителя не имеет значения, кто из борцов выполнял атакующее действие. Даже если борец случайно принял положение сидя, лёжа на боку или лёжа на спине - он считается проигравшим.

2. Броски или сваливания, которые изначально осуществляются за счёт перехода в положение сидя или лёжа засчитываются как однозначное поражение, выполнившему их борцу (например, броски седом).

4. В случае, если борцы одновременно принимают положение сидя, лёжа на боку или лёжа на спине, при этом ни один из борцов в этот момент не находится в положении верхнего, и старейшины не могут однозначно оценить положение борцов, то действие не засчитывается. Борцы поднимаются в стойку, и борьба возобновляется по общим правилам.

5. Борец признаётся победителем в случае снятия старейшиной в поле его соперника, а также если соперник не может продолжать схватку ввиду травмы или отказа от ведения схватки, за исключением целенаправленного травмирования.

Статья 33. Досрочное прекращение схватки

1. Схватка прекращается старейшиной в поле в следующих случаях:

а) если один из борцов отказывается от дальнейшего ведения схватки;

б) если одному из борцов требуется медицинская помощь.

2. В случае если борцу требуется медицинская помощь, схватка может быть прервана по просьбе борца, решению старейшины в поле, по требованию врача или представителя борца.

Статья 34. Выход за границы поля

1. Выходом за границы поля признаётся касание обеими ногами поверхности за по-

лем в положении стоя.

2. В случае выхода борцов за границу поля старейшина в поле останавливает схватку и вызывает борцов на исходную позицию.

3. Результативное действие, начатое в поле и завершённое за границей поля, подлежит оценке.

4. В случае подхода борцов к границе поля старейшина в поле громким голосом предупреждает борцов об этом (произносится «граница») и может направить борцов к центру упором рук.

Статья 35. Запрещённые действия

1. Запрещены целенаправленное травмирование соперника и травмоопасные действия в виде бросков на голову; ударов руками, головой, коленями в корпус; болевых и удушающих приёмов.

Статья 36. Замечания

1. Замечания выносятся за уклонение от честной борьбы и игнорирование традиционных нравственных норм.

2. Замечания выносятся старейшиной в поле с остановкой и без остановки схватки.

3. При вынесении замечаний старейшина в поле не останавливает схватку в следующих случаях:

а) если один из борцов выполняет действия, направленные на уход от захвата или на срыв захвата соперника (произносится «захват не срывать»);

б) если один из борцов выполняет грубые или травмоопасные действия (произносится «не травмировать», при этом судья имеет право дать краткие дополнительные пояснения).

4. При вынесении устных замечаний старейшина в поле останавливает схватку в следующих случаях:

а) если один из борцов расцепил или перехватил захват;

б) если борец вынудил соперника расцепить захват или, если он выполнил уход от захвата нырком;

в) если один из борцов повторно выполняет травмоопасные или запрещённые действия и не реагирует на замечания;

г) если один из борцов продолжил схватку после команды «стой».

Примечание. Если один из борцов рас-

цепил захват в момент выполнения атакующего действия соперником, то старейшина даёт возможность завершить результативное действие и не останавливает схватку.

5. После устранения причин остановки схватки старейшина в поле возобновляет её.

6. В случае остановки схватки в результате вынесения устного замечания одному из борцов, при возобновлении схватки его сопернику предоставляется право первым сформировать захват.

Статья 37. Снятие борца за уклонение от ведения честной борьбы

1. Уклонением от ведения честной борьбы считается:

а) выполнение травмоопасных и запрещённых действий;

б) неоднократное игнорирование замечаний старейшины в поле;

в) безнравственное поведение.

2. В случае снятия за уклонение от ведения честной борьбы, борец отстраняется от дальнейшего участия в соревнованиях.

С.А. Мызников

**Вселенская неутолимость познания.
А.А. Бурькину 60 лет**

S.A. Myznikov

**The Universal thirst for knowledge A.A.
Burykin's 60th birthday**

1 ноября 2014 году исполнилось 60 лет со дня рождения Алексея Алексеевича Бурькина – выдающегося отечественного лингвиста.

А.А. Бурькин родился в Ленинграде, в 1977 году закончил филологический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова по специальности «Русский язык и литература». Он слушал лекции таких выдающихся учёных как Ю.С. Маслов, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Н.А. Мещерский, В.В. Колесов, В.Ф. Иванова, В.Е. Холшевников. Уже во время учебы в университете А.А. Бурькин проявил интерес к исследовательской работе, был руководителем кружка СНО при кафедре русского языка.

После окончания в 1977 году филологического факультета он по распределению был принят стажером-исследователем, а в ноябре 1979 г. зачислен в очную аспирантуру сектора алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР по специальности «Языки народов СССР (эвенский язык)».

За время стажировки и обучения в аспирантуре А.А. Бурькин успешно занимался изучением эвенского языка, для чего 4 раза выезжал в длительные научные экспедиции к эвенкам Магаданской и Камчатской областей, где собрал ценный лингвистический и фольклорный материал. В 1984 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Категория переходности-непереходности глагола в эвенском языке».

В 2001 году им была защищена докторская диссертация «Язык малочисленного народа в его письменной форме: на материале эвенского языка». Данная работа посвящена анализу проблем функционирования языков малочисленных народов России в их письменной форме, ее основным предметом является язык эвенов – одного из

малочисленных народов Северо-Востока России – в аспекте социолингвистического (функционального) и собственно лингвистического соотношения между устной формой языка, традиционно используемой для внутриэтнической и частично для межэтнической коммуникации, и письменной формой языка, представлявшей объект внешнего воздействия на духовную культуру этноса и языковой политики, которое началось с середины XIX века и приняло особенно интенсивный характер с конца 20-х-начала 30-х годов XX века. В диссертации описывается языковая ситуация у малочисленных народов Севера с вниманием к характеру двуязычия, сферам и средам использования родного языка, профессиональным типам пользования родным языком, зависимости пользования родным языком и языком межэтнического общения от социальных факторов и культурных стереотипов полиэтнического социума, факторам, определяющим динамику языковой и социокультурной ситуации. Применительно к изучению эвенского языка одним из результатов работы является уточненная и дополненная классификация диалектов эвенского языка, отмечено соотношение диалекта, лежащего в основе письменного языка, и письменного языка как функциональной разновидности эвенского языка на грамматическом и лексическом уровне. В работе впервые прослеживаются и описываются особенности существующих функциональных разновидностей устной формы эвенского языка (язык повествовательных и афористических жанров фольклора, язык обрядовых текстов), а также некоторые особенности жанров и стилей письменного эвенского языка в разные периоды их существования.

Отличает А.А. Бурыкина то, что он сам собирает языковые материалы, вот например, перечень его экспедиций в 80-е, 90-е годы: 1981 г. – Среднеканский район Магаданской области (тундра, рассохинские эвены) и Северо-Эвенский район; 1982 г. – Северо-Эвенский район; 1984 г. – Анадырский район Чукотки и Северо-Эвенский район; 1987 г. – Охотский район Хабаровского края и Северо-Эвенский район; 1988 г. – Билибинский район Чукотки (пос. Омолон) и Северо-Эвенский район; ноябрь 1989 г. – февраль 1990 г. – Северо-Эвенский район и Верхнеколымский район Якутии; 1991 г., экспедиция Магаданского музея, – Ольский и Северо-Эвенский районы Магаданской области.

Результатом таких поездок стала, в частности, книга «Малые жанры эвенского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы» (СПб., 2001), которая представляет собой первое в отечественной фольклористике двуязычное издание всех известных образцов малых жанров эвенского фольклора. Издание содержит более тысячи текстов, из которых примерно четверть является полевыми записями А.А. Бурыкина.

В 2012 году А.А. Бурыкину была присуждена степень доктора исторических наук по результатам защиты диссертации «Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник». В данной работе представлен изменённый подход к лингвистическому ономастическому материалу как к интердисциплинарному источнику: расширены представления о языковой основе и значении имен собственных с учетом историко-этнографических и археологических данных, с исторической характеристикой имен собственных и иных иноязычных элементов русскоязычных источников, с учетом разных форм билингвизма и практики межэтнического общения на изучаемых и описываемых территориях, в уточнении языковой отнесенности имен и названий, позволяющей вскрывать ситуации этнокультурных контактов при освоении и дальнейшем изучении региона, в

разработке методов истолкования исходно двуязычных и разноязычных материалов устных сообщений в документальной записи. Конкретными результатами работы, полученными с применением перечисленных методов и приемов, являются отыскание и уточнение языковой, принадлежности и установление этимологий около 100 топонимов и около 70 этнонимов, представленных на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Весьма разнообразны сферы научных занятий и интересов А.А. Бурыкина: эвенский язык, фольклор и этнография эвенов, тунгусо-маньчжурские языки и языки алтайской семьи (монгольские, тюркские, корейский), фольклор и этнография народов Сибири, топонимика, история русского языка и памятники древнерусской литературы, поэтика, стилистика и стихосложение, из общелингвистических дисциплин – фонетика, теория письма, морфология, сравнительно-историческое языкознание, семиотика, социолингвистика.

Вызывает профессиональный интерес у А.А. Бурыкина и национальная и региональная художественная литература Сибири. Пристрастие в смежных областях науки – история географических открытий и путешествий, прежде всего арктических, история авиации и флота.

Хотя основное направление научных исследований А.А. Бурыкина связано с лингвистическим исследованием Севера и Северо-Востока России, в перечень его трудов, вышедших в свет в последнее время входят работы по терминам родства (на материале различных языков), по шаманизму, ономастике. Например, в книге «Слово о полку Игореве: современные проблемы филологического изучения» (Олядыкова Л. Б., Бурыкин А.А. Элиста, 2012), которая посвящена актуальным проблемам филологического (лингвистического и литературоведческого в сравнительном плане) изучения «Слова о полку Игореве», рассматриваются восточные заимствования в языке памятника, лексический состав и антропонимика, отдельные аспекты истории изучения «Слова», проблемы его авторства и даты создания. Во второй части книги публикуются реконструкция древнерусского текста «Слова» Н.А. Мещерского и А.А.

Бурыкина, составленные ими комментарии к древнерусскому тексту «Слова» и научный перевод памятника на современный русский язык.

Кроме того, являясь в настоящее время сотрудником Словарного отдела ИЛИ РАН, он много времени и сил отдаёт созданию грандиозного проекта «Библиотека лексикографа», которое является собранием русских текстов для лексикологических исследований и лексикографической практики. В настоящее время «Библиотека лексикографа» включает более 42 тыс. текстов разных жанров и различной тематики. Суммарный объем ресурса – около 1,7

млрд. словоформ.

Все перечисленное дает лишь самое беглое представление о результатах и масштабах научной деятельности А.А. Бурыкина – строгого, целеустремленного и неутомимого исследователя, автора многочисленных научных трудов, количество которых поражает воображение. Научные и человеческие качества юбиляра обеспечили ему большой авторитет в отечественных и в зарубежных научных кругах.

Можно только пожелать Алексею Алексеевичу Бурыкину успешного продолжения плодотворной работы в науке и осуществления всех намеченных им планов.

**ЭКСПЕДИЦИИ,
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**EXPEDITIONS,
RESEARCHES MATERIALS**

УДК 811.511.142;81'374

А.А. Шиянова

**Корпус парных слов хантыйского языка шурышкарского диалекта
(материалы экспедиции при грантовой поддержке Фонда Михаила
Прохорова «Академическая мобильность» (договор № АМ-6/11))**

Аннотация. Впервые собран в единый словник слой своеобразной лексики хантыйского языка. В научный оборот вводятся новые материалы по лексике хантыйского языка. Мы выявили список парных слов на материале шурышкарского диалекта, он насчитывает 366 единиц. Парные слова занимают определенное и весьма своеобразное место в лексической системе языка, с одной стороны, а с другой стороны, это и особый способ словообразования – образование новых слов путем сложения двух слов, сохраняющих самостоятельность. Кроме того, это яркое выразительное средство, используемое для создания художественной образности, обладающее мощным экспрессивным потенциалом; большая часть парных слов экспрессивно окрашена.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалект, парные слова, части речи, процентное соотношение.

А.А. Shiyanova

**The corpus of paired words in the Shuryshkarsky dialect of the Khanty language
(materials of the expedition with the grant support of Mikhail Prokhorov
Foundation “Academic mobility” (contract No. AM 6/11))**

Summary. For the first time the layer of peculiar Khanty vocabulary is collected into unique list of words. New materials of the Khanty vocabulary are introduced into scientific use. We have identified a list of paired words on the material of the Shuryshkarsky dialect. It is included 366 words. On one hand, paired words take some peculiar place in the lexical system of language; on the other hand, it is a special way of word formation – the formation of new words by combining two words, preserving independence. In addition, this is a bright expressive means used to create artistic imagery with powerful expressive potential.

Keywords: the Khanty language, dialect, paired words, parts of speech, percentage.

Парных слов в хантыйском языке большое количество, их общий состав окончательно еще не выявлен. Это один из способов пополнения словарного состава языка; важное стилистическое средство создания образности. Наличие парных слов связано с особенностями организации структуры простого и сложного предложений, т. е. парные слова являются средством организации всех уровней языка. Они характерны для многих языков мира, именно поэтому особенности их функционирования в малоизученных языках представляют научный интерес.

Хантыйский язык находится под угрозой исчезновения: количество носителей данного языка, в полной мере владеющих его

лексическими и грамматическими ресурсами, неуклонно сокращается. В связи с этим одной из неотложных задач лингвистики является документация данного языка, создание подробных лексикографических и грамматических описаний.

Под *парным словом* мы понимаем сочетание двух антонимичных по семантике или же относящихся к одному и тому же кругу понятий, близких по значению лексем, которые обозначают близкое или отличное от семантики обоих компонентов новое понятие, например: *aŋkeŋən-ašeŋən* или *ašeŋən-aŋkeŋən* ‘родители (букв.: мать-отец или отец-мать)’; *još-kür* или *kür-još* ‘конечности (букв.: руки-ноги или ноги-руки)’; *tašəŋ-ušəŋ* ‘богатый (букв.: со стадом-нерестом)’;

lowəŋ-sotəŋ ‘рослый, крепкий (букв.: широкой кости-чешуйчатый)’.

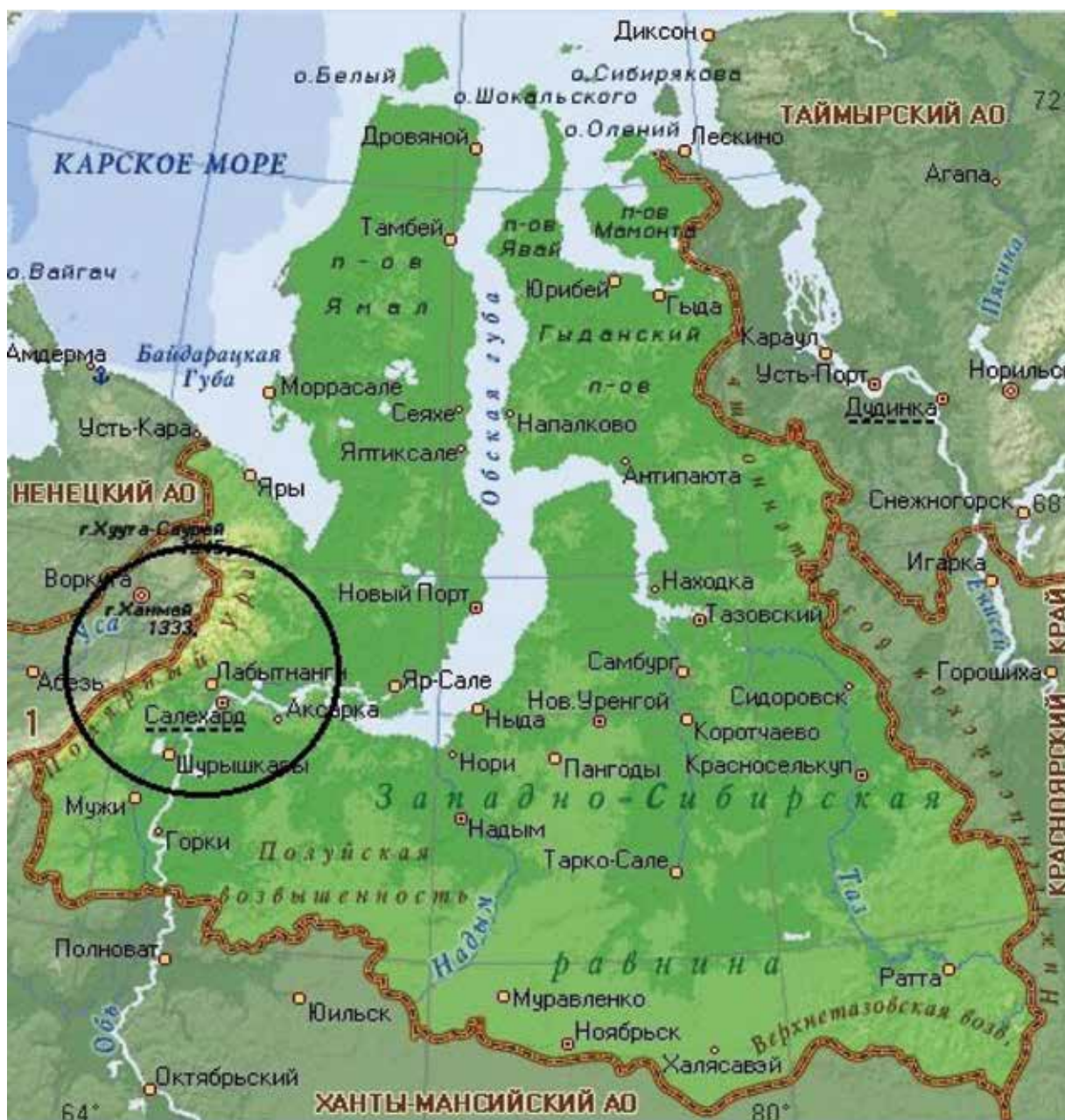

Рис. 1. Карта территории проведения экспедиции [1].

Данный материал собирался автором, прежде всего, из фольклорных текстов и образцов разговорной речи, записанной у информантов во время экспедиции по Шурышкарскому району Ямало-Ненецкого автономного округа, на стойбище оленеводов (Полярный Урал, Республика Коми) (рис. 1.). Кроме того использовался фактический материал, собранный нами из одноязычных и двуязычных словарей, учебных и научных изданий; при отборе материала помогала также собственная языковая компетенция. Таким образом, нами зафиксировано 366

парных слов в хантыйском языке на материале шурышкарского диалекта, из них парные имена существительные составляют – 118 слов, парные имена прилагательные – 80 слов, парные глаголы – 62, парные наречия – 63, парные имена числительные – 15, парные местоимения – 9, парные междометия – 19.

Итак, абсолютное большинство парных слов в хантыйском языке представляют парные имена существительные, которые составили 32,2 % от общего числа парных слов; парные имена прилагательные –

21,9 %; парные глаголы – 16,9 %; парные наречия – 17,3 %; парные имена числительные – 4 %; парные местоимения – 2,5 %; парные междометия – 5,2 % от общего количества парных слов.

Список парных слов шурышкарского диалекта хантыйского языка

Парные имена существительные

aj-kel ‘новость’ (букв.: новость-веревка)
aki-untəp ‘дядя-свекровь’
amp-woj ‘собака-животное’
an-pūt ‘посуда (букв.: чашка-котел)’
an-sun ‘посуда (букв.: чашка-берестяная четырехугольная посуда)’
aŋkili-āsili ‘сирота (букв.: без матери-без отца)’
aŋki-aši ‘мама-папа’
aŋkeŋan-ašeŋan ‘родители (букв.: мамы=две-папы=два)’
ar-jōnt ‘песня-игра’
ar-mońś ‘песня-сказка’
aši-aŋki ‘папа-мама’
ašeŋan-aŋkeŋan ‘родители (букв.: папы=два-мамы=две)’
at-χātəl ‘сутки (букв.: ночь-день)’
ataŋ-χātəl ‘сутки (букв.: ночь-день)’
atəl-χātəl ‘сутки (букв.: ночь-день)’
el-sem ‘тело-глаз’
ewi-poχ ‘дети (букв.: дочь-сын)’
iki-imi ‘мужчина-женщина’
ikeŋan-imeŋan ‘муж и жена’
imi-iki ‘женщина-мужчина’
imeŋan-ikeŋan ‘жена и мужем’
inštot-letot ‘еда (букв.: питье-еда)’
jiŋk-miŋw ‘земля, местность (букв.: вода-земля)’
jiŋk-wot ‘вода-ветер’
jiŋk-χūt ‘рыба (букв.: водяная рыба)’
jiwli-āsli ‘сирота (букв.: без роду-без племени)’
jiwəl-aki ‘родной дядя’
jur-śom ‘сила-мощь’
jiŋ-jiŋk ‘растительный мир (букв.: дерево-вода)’
jiŋ-lipət ‘природа (букв.: деревья-цветы)’
jajŋan-apšeŋan ‘старший брат и младший брат или младшая сестра’
jajŋan-oreŋan ‘старший брат-старшая сестра’
jaj-apši ‘старший брат и младший брат или младшая сестра’

jajŋan-aken ‘старший брат-дядя по отцовской линии старший брат отца’
jak-ar ‘танец-песня’
jasəŋ-polŋaŋ ‘насмарку (букв.: слово-слюна)’
jasəŋ-potər ‘слово-рассказ’
jasəŋ-riχ ‘слово-ягода’
još-kūr ‘конечности (букв.: рука-нога)’
joχət-neŋət ‘парни-девушки’
kul-wal ‘злой дух’
kūr-još ‘конечности (букв.: нога-рука)’
kūt-mār ‘промежуток’
keši-lajəm ‘нож-топор’
liŋ-pan ‘большой палец’
liŋ-tāl ‘год’ (букв.: зима-лето)
luχəs-poχleŋki ‘друг-мальчик’
lapka-kater ‘плав-магазин (букв.: магазин-катер)’
lońś-jeŋk ‘снег-лед’
lońś-wiśali ‘мокрый снег (букв.: снег-сырость)’
low-mus ‘домашние животные (букв.: лошадь-корова)’
low-som ‘кость-чешуя’
miŋw-jiŋk ‘земля, местность (букв.: земля-вода)’
mewəl-lōw ‘грудная клетка-кость’
mońś-potər ‘сказка-рассказ’
mońś-ar ‘сказка-песня’
moχət-sām ‘внутренности (букв.: печень-сердце)’
nālteŋan-toreŋan ‘мальки-плавники’
nār-wurt ‘повод’
nāχ-kaš ‘смех-удовлетворение’
naiŋ-sol ‘хлеб-соль’
neŋŋan-χijiŋan ‘женщина с мужчиной’
nol-juχəl ‘стрела-лук’
nol-sem ‘черты лица (букв.: нос-глаз)’
noti-sujəw ‘маленький теленок’
ōtiji-nōluwiji ‘эта маленькая важеночка’
oprašət-śaśet ‘предки’
oreŋan-jajŋan ‘старшая сестра-старший брат’
ow-išni ‘дверь-окно’
ow-χun ‘дверь-верхнее отверстие в чуме’
oχ-sem ‘голова-глаз’
potər-jasəŋ ‘рассказ-слово’
poχŋan-χileŋan ‘сын-внук’
poχ-ewi ‘дети (букв.: сын-дочь)’
rutət-siŋət ‘родственники (букв.: род-порода)’
sām-moχət ‘внутренности (букв.: сердце-печень)’

sām-nomās ‘сердце-мысль’
šānš-χon ‘спина-живот’
sāχ-waj ‘одежда (букв.: ягушка-кисы)’
sīw-soηχep ‘лыжная палка (букв.: хо-
 рей-лопатка из дерева)’
sīwasηan-kurəkən ‘орел-тетерев’
sōχ-nīr ‘одежда (букв.: одежда-обувь)’
sul-moχəl ‘кишки-печень’
šūñəl-χuləl ‘счастье’
saw-χuləχ ‘хищник (букв.: сорока-ворон)’
sem-pāl ‘глаз-ухо’
śom-jur ‘мощь-сила’
som-moχəl ‘чешуя-печень’
sorñi-naj ‘золото солнце’
tāl-lūη ‘год (букв.: зима-лето)’
tāl-sūs ‘зима-осень’
tāla-lūηan ‘год (букв.: зима-лето)’
tupərηan-wajηan ‘тоборы-кисы’
Tutpar-Xišpar ‘Тутпар-Хишпар’
taś-wunš ‘богатство (букв.: стадо-нель-
 ма)’
torən-līpət ‘зелень (букв.: трава-листья)’
towi-lūη ‘весна-лето’
un aηki-un asi ‘бабушка-дедушка (букв.:
 большая мама-большой папа)’
unt-jīηk ‘лес-вода’
untərηan-upηan ‘свекровь со свекром
 (букв.: свекрови=две-свекра=два)’
wūr-lant ‘кровь-плоть’
wūr-sem ‘кровь-глаз’
wuśa-pawka ‘здравствуй’
wasī-hunt ‘перелетные птицы (букв.: ут-
 ка-гусь)’
woj-kul ‘животное-злой дух или перенос-
 ное волк’
woj-χul ‘животные-рыбы’
wośət-kurtət ‘города-деревни’
χārχe-sāχ ‘ягушка из плохой шкуры’
χātəl-naj ‘день-солнце’
χātəl-χul ‘день, светлое время суток
 (букв.: день-свет)’
χīš-nampər ‘песок-мусор’
χīš-pusəη ‘песок-дым’
χul-woj ‘животные-рыбы’
χop-lup ‘лодка-весло’
χop-woj ‘самец-животное’
ewēηan-puχηan ‘девушка с парнем, сын и
 дочь’
ewi-weη ‘дочь-зять’
ñāχ-junt ‘смех-игра’

Парные имена прилагательные

ajəl-unəl ‘молодой-старый’

ajəm-kitəm ‘кое-какой’
aktəm-ultəm ‘собранный из кусочков
 (букв.: собранный присоединенный)’
añlī-wūrlī ‘безвкусный’ (букв.: без поль-
 зы-без крови)
aηkili-asi ‘без матери-без отца’
arəη-moñsəη ‘с песней-со сказкой’
arəη-potrəη ‘с песней-с рассказом’
asiñlī-aηkili ‘без отца, без матери’
iški-iški ‘холодный-холодный’
jām-atəm ‘хороший-плохой’
jintpəη-lujəη или
jisəη-nuptəη ‘древний’ (букв.: старин-
 ный-вековой)
jiwli-āsli ‘безродный (букв.: без отца, без
 матери)’
jiwlap-āsləp ‘без роду, без племени (букв.:
 без отца, без матери)’
jasəηli-lawətli ‘без слов-без ругани’
jem-pāsī ‘священный-запретный’
jertəη-wotəη ‘ненастный (букв.: дождли-
 вый-ветренный)’
jošli-kūrlī ‘без рук, без ног’
kulī-mori ‘толстый (букв.: толстый, бу-
 гристый)’
kūl-waś ‘широкий, узкий или толстый,
 тонкий’
kunī-manī ‘бойкий’
kašli-pušli ‘унылый, скучный’
kawrəm-kawrəm ‘горячий-горячий’
lijəm-lijəm ‘гнилой-гнилой’
lujəη-jintpəη ‘умелая мастерица (букв.: с
 иголкой, с наперстком)’
lupli-χopli ‘без весла, без лодки’
laləη-χopəη ‘военное время’
lankrəη-kunšəη ‘плечистый-когтистый’
lelli-jinšli ‘голодный (букв.: без еды-без
 воды)’
losi-χuli ‘безалаберный’
loti-pajəη ‘неровный’ (букв.: с ямка-
 ми-кочками)
lowəη-soməη ‘рослый, крепкий (букв.: с
 костями-с чешуей)’
mušəη-kāšəη ‘имеющий болезни (букв.:
 большой, болеющий)’
mīwəη-jīηkəη ‘земляной-водяной’
ñāχəη-potrəη ‘со смехом-с разговором’
najəη-χātłəη ‘солнечный’ (букв.: солнеч-
 ный-дневной)
ñaləη-seməη ‘с носом-с глазами’
nawi-nawi ‘белый-белый’
nawi-χānšəη ‘светло-пестрый’
netəη-sījəη ‘известный (букв.: имени-

тый, звонкий)’
hollí-pallí ‘без нюха, без слуха’
hoxajəŋ-lantəŋ ‘упитанный’
ojlí-jislí ‘несчастный (букв.: без везения-без судьбы)’
ojəŋ-pisəŋ ‘удачливый (букв.: удачливый, с возможностями)’
olí-molí ‘недалекого ума’
oşlí-semlí ‘глупый, слепой (букв.: без ума, без глаз)’
oşlí-ulí ‘неизвестный (букв.: непонятный, незнакомый)’
oşəŋ-saşəŋ ‘понятливый, понимающий (букв.: с умом, с пониманием)’
oşlí-semlí ‘действовать необдуманно (букв.: без головы-без глаз)’
pirlí-woşlí ‘одинокий, не имеющий близких родственников’
pisəŋ-ojəŋ ‘удачливый (букв.: удачливый с возможностями)’
piti-piti ‘черный-черный’
piti-würtí ‘темно-красный или темно-рыжий’
piti-ħänşəŋ ‘темно-пестрый’
peŋklí-kunşlí ‘беспомощный’
rűwəŋ-rűwəŋ ‘жаркий-жаркий’
şák-pák ‘аккуратный’
sámli-moħəllí ‘жестокий, бессердечный (букв.: без сердца, без печени)’
sír-sír ‘разный-разный’
şuŋəŋ-ħuləŋ ‘счастливый-богатый’
sawər-wawər ‘шустрый’
semli-pállí ‘слепой-глухой’
tílsəŋ-ħətləŋ ‘лунный-солнечный’
tuslí-kuslí ‘без напряжения (букв.: без мастерства)’
taki-sarí ‘сильный, выносливый (букв.: крепкий, выносливый)’
taklí-puklí ‘свалявшийся-бесформенный’
tasəŋ-uşəŋ ‘богатый (букв.: со стадом, с нельмой)’
unəł-ajəł ‘стар и млад’ (букв.: большой-маленький)
űŋləŋ-ħəlməŋ ‘разговорчивый (букв.: рот имеющий, язык имеющий)’
würtí-würtí ‘красный-красный или рыжий-рыжий’
wurəŋ-lantəŋ ‘здоровый’
wusí-karí ‘с болячками-с коростой’
wojəŋ-ħuləŋ ‘промысловый’
wostí-wostí ‘синий-синий или зеленый-зеленый’
wotəŋ-jertəŋ ‘ненастный (букв.: ветре-

ный-дождливый)’
ħişem-pärem ‘плесневелый-сыпучий’
ħəllí-sorəmlí ‘бессмертный’
ħarəħ-morəħ ‘равнодушный’
joşlí-lonlí ‘ленивый (букв.: без рук-без жил)’
ňəħəŋ-jəntəŋ ‘улыбчивый-игривый’

Парные глаголы

arítí-jaktí ‘петь-танцевать’
arítí-moňstí ‘петь-рассказывать сказки’
əktəştí-punanítí ‘собираться-надеть головной убор’
əpəltantítí-moştantítí ‘обниматься-целоваться’
əpəltí-moşttəti ‘обнять-целовать’
əpəltí-şal’ittí ‘обнимать-жалеть’
əpəltí-woşħití ‘обнимать-гладить’
enməltí-təjtí ‘растить-держат’
ewəmləti-moşttəti ‘поцеловать’
jirestí-porílití ‘приносить жертву-отмечать’
jítí-jítí ‘идти-идти’
jaktí-arítí ‘танцевать-петь’
janħtí-janħtí ‘ходить-ходить’
janħtí-məntí ‘ездить-идти’
jonttí-wertí ‘шить-делать’
jontəstí-weranttí ‘шить-мастерить’
jowərtí-jaşaştí ‘придираться-силами меряться’
kəňştí-kəňştí ‘искать-искать’
kunştí-şunħtí ‘царапать-пинать’
kunşanttí-şunħattí ‘царапать-пинаться’
kuştí-űwtí ‘свистеть-кричать’
kanştí-ħänştí ‘искать-писать’
lapəttí-jinştəti ‘кормить-поить’
letí-jinştí ‘есть-пить’
letí-orttí ‘есть-делить’
məntí-janħtí ‘идти-ездить’
məntí-məntí ‘уходить-уходить’
məntí-əktəştí ‘идти-собираться’
moşttəti-ewəmləti ‘поцеловать’
ňəħtí-jənttí ‘смеяться-играть’
ňəħtí-űwtí ‘смеяться-кричать’
ňəħtí-arítí ‘смеяться-петь’
nawərməti-purteməti ‘прыгнуть-наступить’
ňoħəmtí-janħtí ‘шевелиться-ходить’
ňoħəmtítí-janħtí ‘шевелиться-ходить’
oltí-ħoltí ‘спать-ночевать’
örítí-keŋití ‘рычать-грозить’
partí-uştí ‘стать дряхлым-исчезнуть’
şunķití-puħəltí ‘тыкать-толкать’

sutsatī-χolti ‘отдыхать-ночевать’
seŋkti-iwtī ‘бить-кричать’
sewərtī-ewəttī ‘рубить-резать’
tīnestī-lutəstī ‘продавать-покупать’
təŋremətī-pašremətī ‘смять-сжать’
təŋərtī-pašərtī ‘мять-жать, давить’
ullitī-likašitī ‘быть-обижаться’
ultī-ultī ‘жить-жить’
ultī-χolti ‘жить-ночевать’
wantī-wantī ‘смотреть-смотреть’
wantī-χuləntī ‘смотреть-слушать’
χəltī-pərtī ‘умереть-стать дряхлым’
χəltī-sortī ‘умереть-высохнуть’
χənštī-lūŋəttī ‘писать-читать’
χuləntī-χuləntī ‘слушать-слушать’
χuštī-leltī ‘завязать-погрузить’
χušəstī-leltəstī ‘завязать-погрузить’
χollətī-irŋəttī ‘плакать-рыдать’
χollətī-jeslətī ‘плакать-выть’
lumətlətī-punantī ‘одеться-надеть голов-
ной убор’
ettī-məntī ‘выйти-идти’
kət-kəš ‘быть не в духе (букв.: два желания)’
puntī-lesəttī ‘положить-приготовить’

Парные наречия

ajna-ajna ‘постепенно, потихоньку
(букв.: помаленьку-помаленьку)’
aləŋ-aləŋ ‘рано-рано’
ata-χətlə ‘постоянно (букв.: ночью-днем)’
ewlə-jola ‘точно, упрямо’
il-noχ ‘вниз-вверх’
jəta-atma ‘хорошо-плохо’
jisəŋa-nuptəŋa ‘долго’
jasəŋli-lawətlī ‘без слов-без ругани’
jel-joχī ‘вперед-назад’
jeməŋa-pəšəŋa ‘священно’
jerta-wota ‘дождю-воде’
ješa-ješa ‘чуть-чуть’
jošəŋ-kürəŋ ‘рукой-ногой’
joχli-ješəlt ‘назад-навстречу’
kim-joχī ‘наружу-внутри’
kūla-waša ‘широко-узко’
kütəŋ-kütəŋ ‘изредка, иногда (букв.: про-
межутком-промежутком)’
katəŋ-jöləŋ ‘снаружи-внутри’
kašli-pušli ‘без дела, без полезно’
kerəttəŋ-larəttəŋ ‘вокруг’
lila-mara ‘быстро’
mūwa-jiŋka ‘земле-воде’
nəχ-kašəŋ ‘смехом-развлечением’
oŋəŋa-pišəŋa ‘счастливы-удачливо’
owa-χona ‘к двери-к косякам (букв.: к

двери-животу)’
sijli-kasli ‘беззвучно-бесшумно, ти-
хо-спокойно’
šiməs-taməs ‘такой-сякой’
širli-ošli ‘беспорядочно’
šir-šir ‘разный’
šir-šira ‘правильно’
šira-wūra ‘как положено (букв.: к сторо-
не-краю)’
ši-ši ‘вот-вот, скоро’
šiti-šiti ‘так и так’
šunman-χolman ‘счастливы-отдыхая’
šunəŋ-χulelən ‘счастьем-богатством’
šupa-šupa ‘половина на половину’
sa-sa ‘сейчас’
šəŋk-šəŋk ‘очень-очень’
sora-sora ‘быстро-быстро’
təltə-tulta ‘отсюда-оттуда’
təta-tuta ‘здесь-там’
tijel-toχel ‘сюда-туда’
ti-toχī ‘сюда-туда’
tulta-təltə ‘оттуда-отсюда’
tup-tup ‘только-только’
tupan-tupan ‘еле-еле’
tašəŋa-wušəŋa ‘богато’
ul-ul ‘время от времени (букв.: живет-жи-
вет)’
umša-kamša ‘хорошо’
ušəŋ-surəŋ ‘взаимообратно’
wūrajəŋ-wūrajəŋ ‘с трудом’
wanəl-χiwəl ‘коротко ли долго ли (букв.:
коротко-долго)’
χuntsi-jisəŋ ‘когда-нибудь’
χusli-sijli ‘молча-беззвучно’
χiw-wan ‘долго-коротко’
χiwəl-wanəl ‘долго ли коротко ли’
χiwəŋ-wanəŋ ‘неизвестно-давно (букв.:
давно-недавно)’
χələwət-pa χətəl ‘завтра-послезавтра
(букв.: завтра-в другой день)’
χotī-siti ‘как так’
χotī-χotī ‘как-как’
kurta-woša ‘в деревню-в город’
kütəŋ-kütəŋ ‘местами’
ajel-unel ‘от мала до велика’

Парные имена числительные

arəŋ-arəŋ ‘много-много’
i-kət ‘один-два’
jaŋ-χus ‘десять-двадцать’
jaŋəŋ-jaŋəŋ ‘по десять’
kət-χulətt ‘два-три’
kətəŋ-kətəŋ ‘по два’

ńal-wet ‘четыре-пять’
ńalən-ńalən ‘по четыре’
šiməl-šiməl ‘мало-мало’
wet-χut kem ‘около пяти-шести’
wetən-wetən ‘пять’
χut-lapət ‘шесть-семь’
χut-wet ‘шесть-пять’
χutən-χutən ‘по шесть’
χolʹmaŋ-ńaljaŋ kem ‘около тридцати-сорока’

Парные местоимения

lʹin-lʹin ‘они-они’
min-min ‘мы-мы’
tuj-tuj ‘что-что’
šikem-tamkem ‘такой-этакий’
šiməs-šiməs ‘такой-такой’
šiməs-taməs ‘такой-сякой’
ši-ši ‘то-то’
tumi-tumi ‘тот-тот’
χoj-χoj ‘кто-кто’

Парные междометия

an-na-na! ‘выражают испуг, боль и стра-

дание’
ja-χα ‘выражают радость’
je-ej ‘выражает удивление’
kās-kās ‘оклик собаки’
kiš-kiš ‘для выражения страха, испуга’
kuk-kuk ‘кукушка’
pīr-uš ‘выражает побуждение собак к преследованию’
pīr-l’a ‘выражает побуждение собак к преследованию’
pul-pul ‘буль-буль’
pen-pen ‘звук, когда точат нож’
šari-kari ‘звук сверла’
sa-sa ‘выражают значение подожди’
šew-šew ‘камышевка’
t’oj-t’oj, rāps-rāps ‘звук, когда качают люльку’
t’ow-t’ow ‘вид кулика’
warəχ-warəχ ‘кар-кар’
wow-wow ‘гав-гав’
lati-pati ‘звук, когда щелкают копыта оленя’
χār-χār ‘звук, когда шаркается засохший подол ягушки’

Литература

1. Карта Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://100maps.ru/jamalo-nenetskiĵ-ao/images/karta-jamalo-nenetskiego-ao.jpg> (дата обращения 5.11.14).

References

1. Karta Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: URL: <http://100maps.ru/jamalo-nenetskiĵ-ao/images/karta-jamalo-nenetskiego-ao.jpg> (data obrashcheniya 5.11.14).

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Андреева Людмила Анатольевна

Кандидат филологических наук
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
churajevo@list.ru

Andreyeva Lyudmila Anatolyevna

Candidate of philological sciences
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
churajevo@list.ru

Бакшеева Марина Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
Baksheeva.Marina@yandex.ru

Baksheeva Marina Gennadyevna

Candidate of philological sciences, assistant professor
Ugra state university,
Khanty-Mansiysk, Russia
Baksheeva.Marina@yandex.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич

Доктор филологических наук,
доктор исторических наук
Институт лингвистических
исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
albury@rambler.ru

Burykin Aleksey Alekseevich

Doctor of philological sciences,
Doctor of historical sciences
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russia
albury@rambler.ru

Волдина Татьяна Владимировна

Кандидат исторических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
tvoldina@rambler.ru

Voldina Tatyana Vladimirovna

Candidate of historical sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches
and Development
Khanty-Mansiysk, Russia
tvoldina@rambler.ru

Гребенюк Виталий Николаевич

Аспирант
Ханты-Мансийская государственная медицинская
академия,
Ханты-Мансийск, Россия
t.korchina@mail.ru

Grebenyuk Vitaliy Nikolayevich

Postgraduate student
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia
t.korchina@mail.ru

Гришин Дмитрий Алексеевич

Аспирант
Мордовский государственный педагогический
институт имени М.Е. Евсевьева
Саранск, Россия
bratosm@rambler.ru

Grishin Dmitry Alekseyevich

Postgraduate student
M.E. Evseyev Mordovian State
Pedagogical Institute
Saransk, Russia
bratosm@rambler.ru

Динисламова Светлана Силиверстовна

Кандидат филологических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
Dinislamovass@mail.ru

Dinislamova Svetlana Siliverstovna

Candidate of philological sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
Dinislamovass@mail.ru

Еремеева Людмила Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
L_Eremeeva@ugrasu.ru

Yeremeyeva Lyudmila Ivanovna

Candidate of pedagogical sciences, associate professor
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
L_Eremeeva@ugrasu.ru

Ершов Михаил Федорович

Кандидат исторических наук, доцент
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
asb-bsa@mail.ru

Ershov Mikhail Fedorovich

Candidate of historical sciences
associate professor
Ob-Ugric Institute of Applied Researches
and Development,
Khanty-Mansiysk, Russia
asb-bsa@mail.ru

Исламова Юлия Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент
Обско-угорского института прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
islyv@rambler.ru

Ковешников Алексей Александрович

аспирант,
Ханты-Мансийский клинический
психоневрологический диспансер
Ханты-Мансийск, Россия
psykoveshnikov@gmail.com

Козырева Татьяна Викторовна

Кандидат социологических наук,
доцент
Югорского государственного университета
Ханты-Мансийск, Россия
Kozireva_T@mail.ru

Корчина Татьяна Яковлевна

Доктор медицинских наук, профессор
Ханты-Мансийская государственная медицинская
академия
Ханты-Мансийск, Россия
t.korchina@mail.ru

Кыласов Алексей Валерьевич

кандидат культурологии
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия
kylasov@yandex.ru

Кузьменко Анастасия Петровна

Аспирант
Ханты-Мансийская государственная медицинская
академия
Ханты-Мансийск, Россия
t.korchina@mail.ru

Лобова Вера Александровна

Кандидат психологических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
va-lobova@yandex.ru

Логинов Сергей Иванович

Доктор биологических наук, профессор
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Молданова Татьяна Александровна

Кандидат исторических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
moldanowatatjana@yandex.ru

Islamova Yulia Valeryevna

Candidate of philological sciences, associate professor
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
islyv@rambler.ru

Koveshnikov Aleksey Alekseyevich

Postgraduate student
Khanty-Mansiysk clinical psychoneurological
hospital
Khanty-Mansiysk, Russia
psykoveshnikov@gmail.com

Kozyreva Tatyana Victorovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
Kozireva_T@mail.ru

Korchina Tatyana Yakovlevna

Doctor of medical sciences,
professor
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia
t.korchina@mail.ru

Kylasov Alexey Valerjevich

PhD in Cultural Anthropology
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
kylasov@yandex.ru

Kuzmenko Anastasiya Petrovna

Postgraduate student
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia
t.korchina@mail.ru

Lobova Vera Aleksandrovna

Candidate of psychological sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
va-lobova@yandex.ru

Loginov Sergey Ivanovich

Doctor of biological sciences,
professor
Surgut State University
Surgut, Russia
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Moldanova Tatyana Aleksandrovna

Candidate of historical sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
moldanowatatjana@yandex.ru

Москина Светлана Ивановна

Кандидат филологических наук,
доцент
Негосударственное образовательное учреждение
Учебный центр «МОСДОР»
Москва, Россия
swetlana.moskina@yandex.ru

Moskina Svetlana Ivanovna

Candidate of philological sciences,
associate professor
Non-state Educational Institution, Training Center
“MOSDOR”
Moscow, Russia
swetlana.moskina@yandex.ru

Мызников Сергей Алексеевич

Доктор филологических наук,
профессор
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
myznikovs@rambler.ru

Myznikov Sergey Alekseyevich

Doctor of philological sciences,
professor
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russia
myznikovs@rambler.ru

Рябов Иван Николаевич

Кандидат филологических наук
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия
Ryabov.74@bk.ru

Ryabov Ivan Nikolayevich

Candidate of philological sciences
Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
Ryabov.74@bk.ru

Сподина Виктория Ивановна

Кандидат исторических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
ouipiir@mail.ru

Spodina Viktoria Ivanovna

Candidate of historical sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
ouipiir@mail.ru

Тедорадзе Анатолий Северьянович

кандидат исторических наук
Государственная академия славянской культуры
Москва, Россия
tedvlasov@gmail.com

Tedoradze Anatoly Severjanovich

PhD in History
State Academy of Slavic Culture
Moscow, Russia
tedvlasov@gmail.com

Шиянова Анастасия Антоновна

Кандидат филологических наук
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
SyaziA@mail.ru

Shyanova Anastasia Antonovna

Candidate of philological sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and
Development
Khanty-Mansiysk, Russia
SyaziA@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в научно-теоретическом и методическом журнале «Вестник угроведения»

Журнал принимает материалы по следующим направлениям:

- Филология
- Педагогика и психология
- Философия, социология и политология
- История, этнография и археология
- История науки
- Материалы исследований, экспедиций
- Рецензии, библиографические обзоры

Журнал выходит 4 раза в год. Публикация в журнале бесплатная.

Порядок предоставления в редакцию материалов.

Подготовленные с учетом всех требований материалы научной статьи (рукопись статьи и сопроводительные документы к ней) должны быть запечатаны в конверт формата А 4, на котором указывается адрес редакции: Россия, 628011, Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 305.

Электронная версия рукописи и сопроводительные документы к ней представляются по электронной почте издателя: Vestnikugr@yandex.ru

К статье должны обязательно прилагаться:

1. сведения об авторе (отдельный файл)
2. рецензия на статью (отдельный файл)
3. отзыв научного руководителя (для аспирантов, соискателей)
4. авторский договор.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Оформление текста статьи.

* объем рукописи не менее 0,5 п.л. (20 тысяч печатных знаков), не более 1 п.л. (40 тысяч печатных знаков).

* Поля: слева и справа - по 2 см., снизу и сверху – по 2 см.

* основной текст статьи набирается в редакторе Word.

* Шрифт основного текста – TimesNewRoman.

* текст набирается 14 кеглем, междустрочный интервал – 1,5 (полуторный).

* для однородности стиля не используются шрифтовые выделения (курсив, подчеркивание и проч.).

* Отступ первой строки абзаца – 1 см.

* Сложные формулы выполняются при помощи встроенного редактора WinWord редактора формул MSequation 3.0

* Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках размещается в колонке (странице) с выключкой вправо. Единственная в статье формула не нумеруется. Сверху и снизу формулы не отделяются от текста дополнительным интервалом.

* Для ссылок на формулы в тексте используются круглые скобки – (1), на литературные источники – квадратные скобки [1].

* Библиографический список приводится 12 кеглем в конце статьи строго по порядку упоминания в тексте после слова «Литература».

* Ссылка на библиографический источник состоит из двух цифр, заключенный в квадратные скобки, первая из которых – это порядковый номер в библиографическом списке статьи, вторая – это номер страницы в источнике.

Цифры разделяются между собой запятой. Например, [1, 48].

* Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw 11.0.

* Графики, рисунки и фотографии вставляются в текст после первого упоминания о них в удобном для автора виде.

Подрисуночные подписи (12 кегль, обычный) даются под иллюстрациями по центру после слова «Рис.», с порядковым номером; под таблицей с выключкой вправо после слова «Таблица» с порядковым номером. Единственный рисунок, таблица в тексте не нумеруется.

* Для набора текстов на финно-угорских языках используется шрифт PT Serif.

* статья должна содержать:

- код УДК,
  - сведения об авторе на русском и английском языках: ФИО автора (полностью).
  - название статьи на русском и английском языках;
  - аннотацию статьи (не менее 500 печатных знаков, но не более 800 печатных знаков) на русском и английском языках;
  - ключевые слова (не более 12 слов) на русском и английском языках.
  - список литературы на русском языке, и его транслитерацию (<http://translit.ru>)
- В конце статья подписывается автором после слов «Публикуется впервые».

Пример оформления статьи
УДК

Автор: Фамилия, имя, отчество в именительном падеже (на русском языке)

Заглавие (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова (на русском языке)

Фамилия, имя, отчество в именительном падеже (на английском языке)

Заглавие (на английском языке)

Summary (аннотация на английском языке)

Keywords (ключевые слова на английском языке)

Текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи...

Литература (на русском языке)

1. (12 кегль)
2. (12 кегль) ...

References(транслитерация)

1. (12 кегль)
2. (12 кегль) ...

Публикуется впервые _____ (подпись автора)

Дата

Пример оформления библиографических ссылок

1. Описание книги одного автора.

Для книг необходимо указать следующие данные: автор (авторы), название, город и название издательства, год издания, количество страниц. Описание книги начинается с фамилии автора, если книга имеет не более 3-х авторов. Перед заглавием пишется только первый автор. Например, Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. 544 с.

2. Описание книги 4-х и более авторов.

Описание книги начинается с заглавия, если она написана четырьмя и более авторами. Все авторы пишутся только в сведениях об ответственности. При необходимости их количество сокращается. Так же дается описание коллективных монографий, сборников статей. Например, Обские Угры: научные исследования и практические разработки: Матер. Всерос. НПК. Ханты-Мансийск, 29.11-2.12.2006 г. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 512 с.

3. Описание статьи из журнала

Для статьи из журнала нужно указать авторов статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Например, Лагунова О.К. Истинная цена воли (О романе Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах) / О.К. Лагунова // Врата Сибири. – 2006. – № 1(18). – С. 202-215.

4. Описание статьи из многотомного издания

Например, Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель: соч. в 4-х т. М., 1975. – Т. 1. – С. 5-50.

5. Описание диссертаций

Например, Лагутов В.Б. Жанр исторической баллады в русской поэзии 1790-1830 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1971. 179 с.

6. Описание авторефератов диссертаций

Например, Абашева Д.В. Братья Языковы в истории русской литературы и фольклористики: автореф. дисс... докт. филол. наук. Чебоксары, 2000. 52 с.

7. Описание электронных научных изданий

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [Электронный ресурс]. Например, Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. научн. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

На русском языке

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и тел.	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Position	
Organization	
Country	
City	
E-mail:	
Title of the article	
Abstract	
Keywords	
References	

Dear colleagues!

We invite you to take part in the scientific-theoretical and methodological journal «Bulletin of Ugric studies».

The journal publishes materials on the following areas:

- Philology
- Pedagogy and Psychology
- Philosophy, Sociology and Political science
- History, Ethnography and Archaeology
- History of science
- Materials of researches, expeditions
- Book reviews, bibliographic reviews

The journal is published 4 times a year. Publication in the journal is free.

The procedure for provision the materials to the editorial staff.

The prepared materials of a scientific article taking into account all the requirements (manuscript of the article and accompanying documents to it) must be sealed in an envelope of A4 format, on which must be the address of the editorial office: Russia, 628011, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk, Mira str., 14 A, office. 305.

The electronic version of the article and its accompanying documents must be submitted to the e-mail address of the publisher: Vestnikugr@yandex.ru; ouipiir@mail.ru (marked «B» Bulletin of Ugric studies»).

The article must be supplemented by:

1. information about the author (separate file);
2. review of the article (separate file);
3. review of the scientific adviser (for graduate students, applicants);
4. author's contract.

THE RULES OF THE PAPER WORK

Style of the article text.

* The size of the article is not less than 0.5 p.s. (20,000 printed characters), not more than 1 p.s. (40,000 printed characters).

* Margins: left and right - 2 cm, top and bottom - 2 cm

* The main text of the article is typed in the text editing program Word.

* The main text print - Times New Roman.

* The text should be typed with size 14, line spacing - 1.5 (one-and-a-half).

* For uniformity of style do not use marking-out (italic type, underline, etc.).

* Indentation of the first line of the paragraph- 1 cm.

* Complicated formulas are performed using the integrated editor, WinWord formula editor MS Equation 3.0

* The formulas are located on the center of the column full-out, their sequence number is indicated in parentheses, placed in the column (page) with the justification to the right. The only formula in the article is not numbered. On the top and at the bottom the formulas are not separated from the text with additional interval.

* For references to the formulas parentheses are used in the text - (1), for the literary sources - the square brackets [1].

* Bibliographic list should be typed with size 12 at the end of the article strictly in order of mention in the text after the word «Literature.»

* The reference to a bibliographic source consists of two figures, enclosed in square brackets, the first of which is the sequence number in the bibliographic list of the article, the second is the number of the page in the source. The numbers are separated by a comma. For example, [1, 48].

* The illustrations are executed in vector format in the graphics editor Corel Draw 11.0.

* Diagrams, drawings and photographs are put into the text after the first mention about them in a convenient form for the author.

Figure captions (size 12, normal) are given under the illustrations in the center after the word «Figure, with the serial number; under the table with the justification to the right after the word «Table» with a serial number. The only figure, table in the text are not numbered.

* For a typing of the texts in Finno-Ugric languages print PT Serif is used.

* The article must contain:

- UDC code,
- Information about the author in Russian and English languages: the author's full name (fully).
- Title of the article in Russian and English languages;
- Summary of the article (not less than 500 printed characters, but not more than 800 printed characters) in Russian and English languages;
- Keywords (no more than 12 words) Russian and English languages;
- References in Russian, and its transliteration (<http://translit.ru>).

At the end the article is signed by the author after the words «published for the first time.»

An example of an article

UDC

Author: Last name, first name, patronymic (name) - in the nominative case (in Russian)

Title (in Russian)

Summary (in Russian)

Keywords (in Russian)

Last name, first name, patronymic (name)- in the nominative case (in English)

Title (in English)

Summary (summary in English)

Keywords (Keywords in English)

Text of the article, text of the article, text of the article, text of the article, text of the article, text of the article, text of the article, text of the article...

References (in Russian)

(size 12)

(size 12) ...

References (transliteration)

(size 12)

(size 12) ...

First published _____ (signature of the author)

Date

An example of bibliographic references

1. Description of the book by one author.

For books, you must specify the following information: author (authors), title, city and name of publisher, year of publication, number of pages. Description of the book begins with the name of the author if the book has no more than 3 authors. Before the title only the first author is written. For example, Zverev, V.P. Fedor Glinka - Russian spiritual writer. M.:Pashkov House, 2002. 544 p.

2. Description of the book by 4 or more authors.

Description of the book begins with the title, if it was written by four or more authors. All authors are written only in the information about the responsibility. If necessary, their number is decreasing. The description of the joint monographs, collections of articles are also given. For example, Ob Ugrians: scientific researches and practical developments: Mater. All-Russian. NPK.Khanty-Mansiysk, 29.11-2.12.2006Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2008. 512 p.

3. Description of the articles from the journal.

For the article from the journal it is necessary to specify the authors of the article, title, journal title, year, issue number and pages of beginning and end of the article. For example, Lagunova O.K. The real price of the will (about the novel of E.D. Aipin «God's mother in the bloody snow) / O.K. Lagunova // Gates of Siberia. - 2006. - № 1 (18). - S. 202-215.

4. Description of the article from a multivolume edition.

For example, Asmus V. Aristotle's Metaphysics // Aristotle: comp. in 4 volumes, M., 1975. - V. 1, pp. 5-50.

5. Description of the theses.

For example, Lagutov V.B. Genre of historical ballad in Russian poetry 1790-1830 yy.: thesis ... candidate of philology: 10.01.01. M., 1971.179 p.

6. Description of the abstracts of the theses.

For example, Abasheva D.V. YazykovBrothers in the history of Russian literature and study of folklore: abstract of the thesis... Doctor of Philology.Cheboksary, 2000.52 p.

7. Description of the electronic scientific publications.

For the electronic sources it is necessary to specify practically the same data as for the journals: author, title, name of the site (or section of the site) and URL address. There surely must be the text in the note [Electronic resource]. For example, Loginova, L.G. The essence of the result of additional education for children // Education: researched in the world: internat.scien. ped. online- journal. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (date of treatment: 17.04.07).

DATA ON THE AUTHOR

In Russian:

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и тел.	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

In English:

Author 1 (completely)	
Position	
Organization	
Country	
City	
E-mail:	
Title of the article	
Abstract	
Keywords	
References	

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» приглашает Вас принять участие в работе Всероссийской научно-практической конференции XIII Югорские чтения

«КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»

Конференция состоится **20 декабря 2014 г.** и пройдет в заочном формате с последующим изданием сборника конференции.

Направления работы конференции:

- Филологические исследования: язык, литература, фольклор коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Этнотуризм в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Проблемы сохранения историко-культурного наследия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Духовная и материальная культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока во временном диапазоне от древности до современности.
- Историко-археологические исследования на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Проблемы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Экология и традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера.
- Пути использования народно-педагогического наследия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях современной системы образования.
- Этнокультурологический контекст преподавания родных языков в школе.
- Актуальные направления в исследовании психологии представителей коренных народов Севера, Сибири Дальнего Востока.

Регистрационная форма участника (Приложение 1) и текст статьи принимаются до **19 декабря 2014** года по электронной почте e-mail: ugrchtenija@mail.ru, ouipiir@mail.ru.

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником с присвоением международного кода ISBN, шифров УДК и ББК. Плата за публикацию не взимается.

Требования к оформлению материалов:

- Объем рукописи, включая иллюстрации и список литературы не более 1 п.л. (40 тысяч знаков).
- Текстовый редактор Win Word, шрифт основного текста – Times New Roman, для текстов на финно-угорских языках используется шрифт PT Serif.
- Текст статьи должен содержать ФИО автора, его ученую степень и звание, город (по центру); название статьи (прописными буквами, по центру); аннотацию (не более 500

печатных знаков) и ключевые слова (5-7 слов) на русском языке.

– Поля со всех сторон по 2 см, 14 кегль, междустрочный интервал – полуторный; абзацный отступ 1 см, выравнивание по ширине.

– Библиографический список приводится 12 кеглем в конце статьи строго по порядку упоминания в тексте после слова «Литература». Ссылка на библиографический источник состоит из двух цифр, заключенных в квадратные скобки, первая из которых – это порядковый номер в библиографическом списке статьи, вторая – это номер страницы в источнике. Цифры разделяются между собой запятой. Например, [1, 46].

Материалы принимаются по электронной почте в виде прикрепленного файла, в строке «Тема» указать «Югорские чтения». При пересылке прикрепленные к письму файлы называют по фамилии первого автора с добавлением -статья, -сведения об авторе (например: Иванов-статья, Иванов-сведения об авторе).

Основные даты проведения конференции:

- прием заявок и текстов статей – до **19 декабря 2014 г.** включительно
- проведение конференции – **20 декабря 2014 г.**
- издание сборника – **2015 год.**

Адрес оргкомитета: 628011, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А, БУ-ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», тел., факс: 8(3467) 33-54-35, e-mail: ouipiir@mail.ru

Контактные лица:

Пономарева Оксана Викторовна – 8(3467) 33-54-35, ouipiir@mail.ru

Герасимова Светлана Алексеевна – 8(3467) 33-54-37, ugrchtenija@mail.ru, geras_sa78@mail.ru.

Просим сообщить информацию о конференции Вашим коллегам.

Приложение 1

Регистрационная форма участника конференции
(электронный вариант можно взять на сайте ОУИПИИР.РФ)

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Учёная степень, учёное звание	
Должность	
Название организации (полное)	
Город	
Страна	
Е-mail (обязательно)	
Почтовый адрес (с указанием индекса) для рассылки сборника, телефон	
Тема выступления	
Аннотация	

Научно-теоретический и методический журнал

ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ

VESTNIK UGROVEDENIA

№ 4 (19) 2014

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание статей несут авторы публикаций.

Адрес редакции журнала: 628011. Тюменская область, г. Ханты-Мансийск,
ул. Мира, д. 14 А, каб. 311. Тел./факс 8 (3467) 33-54-35

E-mail: Vestnikugr@yandex.ru

Электронную версию журнала и информацию
для авторов можно найти на сайте: <http://ОУИПИИР.РФ>

Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Times New Roman Суг.
Тираж 1000 экз. Заказ № 131.

**Отпечатано в типографии ООО «Центр Печати»,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 27 «А», тел.: 307-123,
e-mail: on.print@mail.ru**